

ЭПОХА РЕАЛИЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЭПОХА РЕАЛИЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЭПОХА РЕАЛИЗМА

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1 9 8 2

Ответственный редактор

академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

Рецензенты:

Б. Л. БЕССОНОВ, Б. Ф. ЕГОРОВ

Предисловие

Настоящий сборник является шестым в неперIODической серии «Из истории международных связей русской литературы», выпускаемой Сектором взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Инициатором серии и постоянным редактором ее был основатель сектора и его бессменный руководитель на протяжении четверти века — академик Михаил Павлович Алексеев (1896—1981). Первоначально ученый замыслил создание полного и систематического свода данных о распространении в русской литературе XVIII—XIX вв. важнейших произведений западноевропейских писателей. В основе этой идеи лежало одушевлявшее научную деятельность М. П. Алексеева патриотическое стремление представить отечественную литературу как органическую часть мирового литературного процесса. Однако недостаточная разработанность темы побудила М. П. Алексеева перенести осуществление широкого замысла на будущее и направить усилия сотрудников сектора на исследование более частных вопросов. Так возникли сборники статей, освещающих отдельные (но при этом весьма существенные) эпизоды восприятия в нашей стране литератур Западной Европы и сгруппированных по периодам развития русской литературы: «Эпоха Просвещения» (1967), «От классицизма к романтизму» (1970), «Ранние романтические веяния» (1972), «Эпоха романтизма» (1975), «От романтизма к реализму» (1978).

Предлагаемый читателю сборник содержит статьи, исследующие некоторые неизученные вопросы международных связей русской литературы в эпоху, когда господствующим направлением в ней был реализм. Усвоению в России творчества немецких писателей-реалистов середины XIX в. посвящена статья Р. Ю. Данилевского. Деятельность переводчика-демократа И. И. Введенского, пропагандиста великих английских романистов Диккенса и Теккерея, изучена в статье Ю. Д. Левина. Р. Ю. Данилевский и Г. А. Тиме прослеживают судьбу в нашей стране швейцарского исторического романиста и поэта К. Ф. Мейера. В отличие от большинства представленных в сборнике статей, где международные связи русской литературы рассматриваются в синхронном срезе, в статье В. Е. Багно анализируется восприятие в России

иноязычного автора отдаленной эпохи — в работе сделана попытка определить то значение, которое имел «Дон Кихот» Сервантеса для русской реалистической прозы. П. Р. Заборов выявляет основные факты распространения в России сочинений крупнейшего французского литературного и художественного критика второй половины XIX в., одного из основоположников культурно-исторической школы — Ипполита Тэна. Большую роль в развитии литературы изучаемого периода играла периодическая печать; «славянский вопрос» в «Русской беседе» (1856—1860) — такова тема статьи Л. И. Ровняковой.

Сборник был подготовлен под руководством М. П. Алексеева. Светлой памяти этого замечательного ученого и человека посвящают участники сборника свой скромный труд.

В. Е. Багно

«Дон Кихот» Сервантеса и русская реалистическая проза

Русская реалистическая проза, становление которой связано с социальной и культурной обстановкой в России 30—40-х гг., в то же время формируется не изолированно, а вписывается в определенный европейский историко-литературный ряд. Развиваясь в теснейшей связи с современной ей западноевропейской прозой, она вместе с тем впитывает ее богатейший многовековой опыт. В этом последнем, диахронном восприятии одной из чрезвычайно важных является проблема воздействия на русских писателей романа Сервантеса «Дон Кихот», который от Пушкина¹ до Горького² воспринимался как школа писательского мастерства.

1

С удивительным единодушием испанские литераторы и литературоведы отмечали и продолжают отмечать, что именно в России (и в этом смысле только Англия может составить ей конкуренцию) «Дон Кихот» нашел своих наиболее горячих почитателей, наиболее глубоких истолкователей, наиболее пришелся «ко двору». По словам Мигеля де Унамуно, «бедный ламанчский рыцарь, восстав из гроба, в который его положил Сервантес, обошел весь мир, будучи радостно встречен и понят во многих его уголках, прежде всего в Англии и России <...>»¹ «Не нужно быть знатоком русской литературы, — утверждает современный исследователь, — чтобы без труда заметить, насколько сильна в русском народе тяга к мифу о Дон Кихоте и к роману, его по-

---

¹ Пушкин советовал учиться у Сервантеса Гоголю (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М.—Л., 1952, т. VIII, с. 439. — Подробнее см. в разделе о Гоголе).

² В письме от 9 марта 1900 г. Горький рекомендует Л. Андрееву, наряду с Библией, Шекспиром и Гейне, читать Сервантеса (см.: *Летопись жизни и творчества А. М. Горького.* М., 1958, вып. 2, с. 592).

¹ *Unamuno M. de.* Ensayos. Madrid, 1945, т. 1, p. 660.

родившему».² Ему вторит другой его соотечественник и коллега: «Знакомясь с русской литературой и, прежде всего, с грандиозным русским романом XIX века, трудно уклониться от вопроса о влиянии, которое имел на нее величайший из испанских романистов».³ Были попытки раскрыть причины особой популярности «Дон Кихота» в России,⁴ а также охарактеризовать национальное своеобразие этого восприятия.⁵

Между тем конкретная история творческого усвоения русскими писателями наследия Сервантеса изучена еще явно недостаточно, хотя в этом отношении уже были как намечены общие контуры решения проблемы, так и исследованы отдельные эпизоды истории.⁶

В центре нашего внимания будет один — возможно, самый интересный — период богатой истории восприятия романа испанского писателя в России, позволяющий определить значение «Дон Кихота» для русской реалистической прозы. Поскольку даже на столь относительно ограниченном отрезке времени предмет этот необъятен, анализу будет подвергнуто несколько принципиально важных эпизодов, произведения писателей, в творчестве которых знакомство с «Дон Кихотом» оставило особенно заметный след.

Традиционно и в значительной мере оправданно имя Сервантеса ассоциируется прежде всего с его романом «Дон Кихот», сам же роман — с образом его центрального персонажа. Тема

---

² *Real de la Riva C.* Historia de la crítica e interpretación de la obra de Cervantes. — Revista de Filología Española, Madrid, 1948, t. XXXII, p. 138.

³ *Pujals E.* Proyección de Cervantes en la literatura rusa. — Revista Nacional de Educación. «Madrid», 1951, N 11, p. 22.

⁴ С точки зрения, например, А. Кармоны, основная среди них — несомненная близость, существующая между русским и испанским национальными характерами, такие черты, общие для обоих, как поиск Абсолюта — и в порывах духа, и в привязанности к земле, осознание своей мессианской роли в Европе и т. д. (см.: *Carmona A.* Rusia y el alma del Quijote. — La jirafa, año 2, Barcelona, 1957, N 9, p. 14).

⁵ По мнению Франсиско де Икасы, высказанному еще в 1918 г., восприятие «Дон Кихота» в России — это «синтез аскетизма и страсти», роман Сервантеса стал в этой столь отдаленной от Испании стране трагическим символом, как нельзя лучше выражающим современную эпоху (см.: *Icaza Fr. A. de.* El «Quijote» durante los siglos. Madrid, 1918, p. 146, 155).

⁶ См., например: *Шепелевич Л. Ю.* Русская литература о «Дон Кихоте». — Журн. Мин. Нар. Просв. СПб., 1902, июль, ч. 332, с. 200—213; *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964, с. 62—78 (очерк, в котором рассмотрена ранняя (XVIII—начало XIX в.) история восприятия творчества Сервантеса в России, впервые был напечатан в сб.: Культура Испании. «М.», 1940, с. 353—425); *Плавский З. И.* Сервантес в России. — В кн.: Мигель де Сервантес Сааведра. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1763—1957. М., 1959, с. 9—37; раздел «Сервантес в веках», написанный З. И. Плавским по материалам, собранным в основном К. Н. Державиным в кн.: *Державин К. Н.* Сервантес. М., 1958. Из исследований зарубежных ученых, как первая работа монографического характера (хотя и страдающая неполнотой, так как автору остались неизвестны многие исследования советских литературоведов), большой интерес представляет кн.: *Turkevich L. B.* Cervantes in Russia. Princeton, 1950.

«Сервантес в мировой литературе», как правило, почти синонимична теме «Интерпретация образа Дон Кихота в мировой литературе». Поэтому мы сразу же должны уточнить, что нас будет интересовать роман *в целом*, во всех разнообразных аспектах его проблематики, его поэтики, его стилистики, с точки зрения его воздействия на русских писателей, история восприятия, в которой проблема интерпретации образа Дон Кихота (к ней в основном сводится выявленный до сих пор материал, относящийся к судьбе литературного наследия Сервантеса в России) занимает чрезвычайно важное, но никак не единственное место.

2

У И. С. Тургенева в 1860 г. были все основания утверждать, что в распоряжении русского читателя нет хорошего перевода «Дон Кихота».¹ Хотя первая русская версия появилась в 1769 г.,² все они вплоть до перевода К. П. Масальского 1838 г.³ осуществлялись с французских переложений, перестраивавших художественную систему подлинника в соответствии с эстетическими представлениями, господствовавшими во Франции XVIII столетия. Кроме того, все эти издания были сокращенными и не отличались, за исключением версии, выполненной Жуковским,⁴ особыми достоинствами с точки зрения мастерства перевода. Тем не менее какое-то представление о романе Сервантеса русский читатель по ним все же мог получить, и не следует забывать, что именно в переводах Н. Осипова,⁵ В. Жуковского и С. де Шаплета,⁶ а также в переделке для детей А. Н. Греча⁷ «Дон Кихот» был впервые прочитан в детстве многими деятелями русской культуры второй половины XIX в.⁸ И все-таки, как писал Пушкин,

¹ См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. М., 1980. Письма, т. V, с. 330.

² См.: *Умицкий А. Д.* Ранние русские переводы Сервантеса (1763—1831). Библиографические заметки. — В кн.: *Сервантес. Статьи и материалы.* Л., 1948, с. 214—239.

³ *Дон Кихот Ламанский.* Сочинение Мигеля Сервантеса Саведры. СПб., т. I, 1838.

⁴ *Дон Кихот Ла Манхский.* Сочинение Серванта. М., 1804—1806, т. 1—6. — Перевод был переиздан в 1815 г.

⁵ *Неслыханный чудодей, или необычайные и удивительнейшие подвиги и приключения храброго и знаменитого странствующего рыцаря Дон Кихота.* Сочинение славного Михаила Серванта Сааведры. СПб., 1791, ч. 1—2. — Перевод был переиздан в 1812 г.

⁶ *Дон Кихот Ла Манхский.* СПб., 1831, ч. I—VI. — По всей вероятности, именно в этом переводе читал «Дон Кихота» в детстве Ф. М. Достоевский. Поводом для такого предположения служит необычное написание имени Санчо Пансы как Санхо во всех упоминаниях о нем русского писателя. Из всех переводов, которыми Достоевский предположительно мог пользоваться, герой Сервантеса в подобной транскрипции выступает только в этом переводе.

⁷ *Дон Кихот Ламанский.* Рассказ для детей. СПб., 1846, ч. 1—2. — Перевод неоднократно переиздавался (в 1860, 1868, 1880, 1889, 1902 и 1913 гг.).

⁸ Любопытно, что, хотя к 60-м гг. XIX столетия «двойная жизнь» (для взрослого и для детского читателя) «Дон Кихота» была уже, казалось бы,

уже его современники от переводчиков стали требовать «более верности и менее щекотливости и усердия к публике — пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде».⁹

Первым из русских литераторов к испанскому оригиналу обратился Константин Петрович Масальский, прозаик, поэт и переводчик, весьма заметная фигура в русской литературе 30—40-х годов. Овладев испанским языком, он уже в 20-е гг. — одним из первых в России — переводил испанскую лирику.¹⁰ В 1838 г. вышел из печати его перевод первых 27 глав «Дон Кихота», о котором Белинский, не слишком жаловавший Масальского как писателя,¹¹ отзывался весьма благосклонно.¹² Среди других откликов глубиной анализа и интересными соображениями о проблеме перевода выделяется большая редакционная рецензия, появившаяся в «Отечественных записках». Учитывая тот факт, что перевод Масальского, старавшегося переводить «как можно ближе к тексту», в качестве перевода буквального противопоставлен вольным пересказам, существовавшим до 1838 г., и сочувственно его оценивая, «Отечественные записки» ратовали за третий тип перевода, сочетающий точность передачи с «гибким и богатым русским языком»,¹³ за переводческие принципы, следование которым даст возможность передать «и верность, и плавность подлинника».¹⁴ Рецензия Ф. В. Булгарина любопытна в том отношении, что раскрывает его точку зрения на «Дон Кихота», воспринимавшегося им, несомненно, как плутовской роман. Исходя

фактом несомненным, знаменитая речь Тургенева о Гамлете и Дон Кихоте, о которой речь пойдет ниже, могла, вероятно, заставить кое-кого в этом усомниться. Ф. Толль писал, например, что роман Сервантеса «по содержанию и основной идее своей вовсе и не годится для переделки в детскую книгу, если бы даже талантливый детский писатель взялся за эту цель» (рецензия на 2-е издание перевода А. Н. Греча: Русское слово, СПб., 1860, № 3, с. 149). А. Ф. Писемский вспоминал в «Автобиографии», что «Дон Кихота» он прочел в русском переводе до 14-летнего возраста, причем считая его взрослой книгой (*Писемский А. Ф.* Полн. собр. соч. СПб., 1910, т. I, с. 5).

⁹ *Пушкин А. С.* О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая». — Полн. собр. соч., т. XII, с. 137.

¹⁰ В книге К. Масальского (Сочинения, переводы и подражания в стихах. СПб., 1831) были собраны его переводы из Лопе де Веги, Эстебана Мануэля де Вильегаса и Томаса де Ирнарте, печатавшиеся в русской периодике конца 20-х гг.

¹¹ Однако идейные разногласия и различие эстетических программ не помешали Белинскому дать высокую оценку повести Масальского «Дон Кихот XIX века» (1834), которая, несомненно, привлекла его своей направленностью против немецкой идеалистической философии (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953, т. I, с. 204).

¹² См.: *Мордовченко Н. И.* «Дон Кихот» в оценке Белинского. (С приложением неизвестной заметки Белинского о «Дон Кихоте»). — В кн.: Сервантес. Статьи и материалы, с. 39—43.

¹³ Отечественные записки, 1839, т. II, отд. VI, с. 69.

¹⁴ Там же, с. 70. — Подробнее см.: *Будагов Р. А.* О первом русском переводе «Дон Кихота» с испанского языка. — В кн.: Сервантес. Статьи и материалы, с. 201—204.

из своего понимания романа Булгарин слегка упрекает переводчика (впрочем, не без оснований) в том, что в русской версии нет «благородной простоты тона, той легкости и той иронии, которая даже обыкновенное приветствие превращает в эпиграмму в устах Сервантеса».¹⁵ Что касается остальных рецензий, то они также в целом приветствуют появление перевода.¹⁶

Следствием консервативной недемократической установки переводчика на «объективное» формальное воссоздание на родном языке произведения (при достаточно внимательном отношении к тексту) явилось довольно холодное отношение к его работе читательской публики. После появления в 1866 г. перевода В. Карелина, во многих отношениях ему уступавшего, но автор которого откровенно следовал принципам приспособления перевода к потребностям текущего дня,¹⁷ перевод Масальского больше не переиздавался.¹⁸ Наиболее отчетливо все сильные и слабые стороны перевода Масальского выступают при сопоставлении его с переводом Карелина, выполненным в новую литературную эпоху и отразившим иные представления об этой специфической отрасли литературного труда. Поэтому предпочтительным нам представляется сравнительный анализ этих двух наиболее значительных переводов, выполненных в интересующую нас эпоху. О В. А. Карелине известно лишь, что он был сотрудником «Русского инвалида». Его перевод «Дон Кихота» выдержал шесть изданий (1866, 1873, 1881, 1892, 1901, 1910), причем последние вышли после появления нескольких новых версий — А. Г. Кольчугина (1895), Н. М. Тимофеева (1895), Л. А. Мурахиной (1899), М. Басанина (1903), под ред. Н. В. Тулупова (1904) и М. В. Ватсон (1907).¹⁹ На первое издание откликнулся только «Голос» редкой по откровенной тенденциозности рецензией.²⁰

¹⁵ Северная пчела, 1838, ч. 248, с. 990—991.

¹⁶ Плетнев П. А. — Современник, 1838, т. 13, с. 78—79; Сын отчества, 1838, т. IV, с. 149 (Критика); т. V, с. 64—66 (Критика).

¹⁷ О демократизме русской переводческой мысли (прежде всего революционных демократов) см.: Федоров А. В. Русские писатели и проблемы перевода. — В кн.: Русские писатели о переводе. XVIII—XX вв. Л., 1960, с. 20—21.

¹⁸ Прекращение переизданий, конечно, в немалой степени было вызвано и тем, что перевод Масальского в отличие от перевода Карелина был неполным.

¹⁹ В 80-е гг. над переводом «Дон Кихота» активно работал И. Я. Павловский (1852—1924), русский эмигрант, знакомый Тургенева, живший в ту пору в Париже и активно сотрудничавший в различных русских и зарубежных изданиях. В литературно-критической и переводческой деятельности Павловского важное место занимают испанская и каталонская литературы. В 1889 г. под псевдонимом И. Яковлев он издал книгу «Очерки современной Испании 1884—1885 гг.». В письме от 25 июля 1889 г. к В. И. Немировичу-Данченко он предлагал писателю, зная его интерес к испанской культуре, перевести стихи для «своей версии „Дон Кихота“» (ЦГАЛИ, ф. 355, оп. 1, е/х 57, л. 12). Перевод, неполный и явно еще не предназначенный к печати (по обилию в нем следов предварительной работы с текстом), сохранился в личном архиве И. Я. Павловского (там же, ф. 2520, оп. 1, е/х 52).

²⁰ См.: Голос, 1866, № 55, с. 2.

Охарактеризовав вскользь перевод Масальского, тяготевший к буквализму, как неудовлетворительный «по тяжелому складу языка», рецензент «Голоса» рассматривает перевод Карелина как в высшей степени своевременный. Доказательству этого тезиса и посвящена, собственно говоря, вся рецензия. По мнению ее автора, такие «капитальные» произведения, как «Дон Кихот», которые «вечно-живыми и неувядаемо-прекрасными идеалами действуют обличительно против всего ложного, фальшивого, эксцентричного», особенно необходимы в эпохи, когда оригинальная литература того или иного народа падает или принимает ложное направление. Под «ложным направлением» понималась деятельность революционных демократов, «партия, проповедующая под видом либеральных и туманных доктрин самый узкий материализм, самое тупое отречение от всего прекрасного и от его лучших представителей». Далее следует прямое и поэтому никак не мотивированное предшествующим ходом рассуждений уподобление их Дон Кихоту: «Отуманенные поверхностным чтением Прудона и Фурье, при полном незнании русской действительности и современных потребностей общества, они пустились на своем Росинанте в бесполовую защиту женщин и всех притесненных и гонимых <...>»

Обстоятельной критике перевод был подвергнут много лет спустя в статье Л. Ю. Шепелевича «Русская литература о Сервантесе».²¹ Автором было выявлено большое число разного рода неточностей и ошибок в понимании испанского текста. Однако не они представляют, на наш взгляд, главный интерес, а те отступления от подлинника, которые были продиктованы особенностями переводческой программы Карелина. В «Дон Кихоте», с его точки зрения, немало грубых промахов, и он как переводчик считал своим долгом «несколько сгладить их».²² Прежде всего за ненадобностью был опущен пролог, в котором Сервантес излагает свои взгляды на искусство. По той же причине, как не представляющие интереса для современного читателя, не переводятся и пояснения содержания к каждой главе.²³ Замечательно, что в переводе Масальского, неполном, пролог тем не менее сохранен, ибо в эпоху становления метода критического реализма в России у него могли найтись внимательные читатели. Существенной трансформации в соответствии со взглядами Карелина на донкихотство как философско-психологический феномен и общественное явление²⁴ был подвергнут образ Дон Кихота. Можно сказать, что Карелин в своем переводе сознательно

²¹ См.: ЖМНП, 1902, июль, ч. СССХХХХII, с. 203—225.

²² См.: Карелин В. Дон-кихотизм и демонизм. СПб., 1866, с. 53.

²³ Характерно, что, несмотря на явно отрицательное отношение к вставным новеллам и эпизодам, переводчик тем не менее сохраняет их, чувствуя, что изъятие может нарушить структуру романа как повествовательного жанра.

²⁴ См. об этом ниже, в разделе, посвященном анализу этюда В. Карелина «Дон-кихотизм и демонизм».

воспользовался тем преимуществом, которое имеется у любого читателя романа Сервантеса, обращающегося к нему второй раз, перед автором, а именно изначальным представлением о Дон Кихоте второй части, — преимуществом, которое приводит читателя, коль скоро он переводчик, к известному искажению авторского замысла. У Карелина это прежде всего сказалось в том, что в переводе сделано все возможное, чтобы Дон Кихот был как можно менее смешон.

Как в переводе Масальского, так и в переводе Карелина опущены все места, которые показались их авторам непристойными. Иногда в результате этих купюр, вызванных одновременной ориентацией на взрослого и детского читателя, а также (в случае Карелина) стремлением «очистить» образ Дон Кихота, страдает не только комическая сторона романа, но и смысл. Вот, например, как звучит весьма своеобразно аргументированная просьба Санчо освободить на время его хозяина из клетки в современном переводе Н. Любимова: «<...> попросил священника позволить его господину выйти на минуточку из клетки: если его-де не выпустят, то в тюрьме будет не столь опрятно, как того требует присутствие такого рыцаря, каков его господин».²⁵ Масальский не дошел в своем переводе до этого эпизода, Карелиным уловка Санчо опущена: «Санчо попросил священника позволить рыцарю выйти из клетки».²⁶ Масальскому в аналогичных ситуациях удается достигнуть комического эффекта за счет полного неправдоподобия повествования. Эпизод из XVI главы первой части, в котором Мариторнес, служанка на постоялом дворе, обещала погонщику прийти к нему ночью, «дабы утолить его страсть и исполнить все, что только он от нее ни потребует» (Любимов, 1, 170), претерпел в русских переводах следующие изменения:

«Погонщик и Астурийка сговорились провести эту ночь в разговорах. Она обещалась явиться к нему на беседу <...>»²⁷

«Теперь необходимо сказать, что Мариторна обещала прийти в эту ночь на свидание к погонщику <...>» (Карелин, I, 113).

Комическая тональность романа, значительно ослабленная Масальским, однако воспринимавшаяся им, несомненно, как аспект значимый, существенный структурообразующий элемент романа, почти совершенно утрачена в переводе Карелина. Будучи

---

²⁵ *Сервантес Сааведра М. де. Дон Кихот Ламанчский*/ Пер. Н. Любимова/ — Собр. соч. в 5-ти т. М., 1961, т. I, с. 543. — Ссылки на это издание в дальнейшем даются в тексте, с указанием в скобках переводчика, номера тома и страницы.

²⁶ *Сервантес Сааведра М. де. Дон-Кихот Ламанчский*/ Пер. В. Карелина/ СПб., 1881, т. 1, с. 496. — Ссылки на это издание в дальнейшем даются в тексте, с указанием в скобках переводчика, номера тома и страницы.

²⁷ *Сервантес Сааведра М. Дон Кихот Ламанчский*/ Пер. К. Масальского/ СПб., 1838, т. 1, с. 164. — Ссылки на это издание в дальнейшем даются в тексте, с указанием в скобках переводчика и страницы.

противником гоголевского направления,²⁸ Масальский тем не менее невольно перенял отдельные стороны эстетической программы как Гоголя, так и писателей натуральной школы. Это дало ему возможность передать некоторые элементы писательской манеры Сервантеса, не замеченные или сознательно опущенные Карелиным, исходившим из задач, стоявших перед русской литературой 60-х годов. Это отразилось, в частности, в переводе многих «непристойных» сцен, представляющих блестящие образцы сервантесовского стиля, способности писателя достигать комического эффекта сложной комбинацией стилистических средств, в том числе широким использованием эвфемизмов.²⁹ Таким образом, не только «Дон Кихот» в переводе Масальского оказался включенным в литературный процесс в России конца 30—40-х гг., но и гоголевская школа оказала воздействие на перевод.

Ни в переводе Масальского, ни в переводе Карелина не была удовлетворительно решена сложнейшая задача адекватной передачи испанских поговорок и пословиц — важнейшего элемента речевой характеристики Санчо Пансы. В романе Сервантеса эта языковая стихия в конце концов перерастает в средство, помогающее раскрыть образ человека из народа, у которого «есть душа и сердце, есть желанья и страсти, есть любовь и ненависть, словом — есть жизнь».³⁰ Для примера можно привести несколько пословиц из XVIII главы 1-й части:

«<...> nos han de traer a tantas desventuras, que no sepamos cuál es nuestro pie derecho»;

«<...> dejándonos de andar de ceca en meca y de zoca en colodra...»;

«<...> y a los escuderos, que se los papen duelos».

У Масальского в первых двух случаях — стремление к дословному переводу, в третьем смысл передан при полной утрате

---

²⁸ Характерной в этом смысле является рецензия Масальского, «литературного старовера» (Виноградов) на «Мертвые души», в которых он осуждает приемы «низкого, балаганного комизма», сетует на то, что Гоголь для возбуждения смеха обмакивает свою художественную кисть в грязные, непристойные краски (Сын отечества, 1842, ч. III, № 6, с. 19). См. также главу «Пародия на „Мертвые души“ К. Масальского» в работе В. В. Виноградова «Этюды о стиле Гоголя» (Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976, с. 294—344).

²⁹ «Тут он с необычайной быстротою снял штаны и, оставшись в одной сорочке, нимало не медля дважды перекувырнулся в воздухе — вниз головой и вверх ногами, выставив при этом на показ такие вещи, что Санчо, дабы не уличезреть их вторично <...> дернул поводья» (Любимов, I, 282). Ср. «Сняв поспешно штаны, он остался в одной рубашке и без дальнего сделал два прыжка, хлопая себя ладонью по подошве, потом два кувырка, опустив вниз голову и подняв ноги вверх. Санчо, не желая смотреть два раза на эту позитуру, повернул Росинанта и поехал...» (Масальский, с. 323—324); «В ту же минуту, поспешно раздевшись и оставшись в одной рубахе, он умудрился сам себе дать подзатыльника, сделал два прыжка в воздухе и два раза перекувырнулся, стоя вверх ногами. Штуки эти вполне удовлетворили Санчо, который повернул коня <...>» (Карелин, I, 229).

³⁰ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954, т. V, с. 303.

фольклорной образности: «... доведут нас наконец до таких бед, что мы не узнаем с вами, которая у нас правая нога» (184); «Полю нам шататься, как говорят, от Зекки до Мекки, надевши не башмаки, а подошники» (184);³¹ «... а оруженосцам приключились бы от него одни беды» (185). В переводе Карелина сделан в этом отношении шаг вперед. В нем наряду с дословным переводом — уже более гибкая тенденция, сочетающая замену испанских выражений русскими с попыткой создать в образном и стилистическом отношении убедительные русские варианты испанских поговорок и пословиц: «... лишит нас навсегда возможности различить нашу правую ногу от левой» (I, 131); «... чем шататься по белому свету, попадая каждый день из огня в полымя» (I, 131); «... буду по-прежнему расплачиваться за все собственной спиной» (I, 132).³²

Строение фраз, выбор стилистических средств и лексических эквивалентов не оставляют сомнения в том, что оба переводчика, особенно Карелин,³³ активно пользовались французской версией Л. Виардо, прибегая к его помощи во всех затруднительных случаях, переводя при этом в целом, по нашему убеждению, с испанского подлинника. Хотя оба перевода в основном отвечали требованиям, предъявлявшимся во время их создания к художественному переводу, и, без сомнения, свое назначение выполнили, приходится сожалеть, что эту миссию не взял на себя Тургенев, неоднократно намеревавшийся приняться за перевод «Дон Кихота»,³⁴ Островский, прекрасно воссоздавший на русской почве интермедии испанского писателя³⁵ и мечтавший перевести некоторые главы из «Дон Кихота»,³⁶ или Достоевский, перу которого принадлежит созданная им «сцена из „Дон Кихота“», блестяще воспроизводящая писательскую манеру Сервантеса.³⁷

³¹ Приведа перевод этой пословицы в качестве примера, Масальский с очевидной гордостью писал: «Вообще старались мы передавать испанские пословицы и поговорки, которыми наполнен Дон Кихот, как можно ближе» (*Сервантес Саведра М. Дон Кихот Ламанчский*, с. LXXII).

³² Новейший перевод Н. Любимова предлагает следующие русские эквиваленты: «... приведут нас к таким злоключениям, что мы своих не узнаем» (I, 185); «... что называется, кидается из огня да в полымя» (I, 185); «... оруженосцам же, видно, на роду написано похмелье в чужом пиру» (I, 186).

³³ *Смирнов А. А.* О переводах «Дон Кихота». — В кн.: *Сервантес Саведра М. де.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. М.—Л., 1935, т. I, с. LXXXIV.

³⁴ Об этом он писал в 1853 г. П. В. Анненкову, а также в 1877 г. Я. П. Полонскому (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми тт. М.; Л., 1961. Письма, т. II, с. 172; т. XII, с. 101).

³⁵ См. об этом: *Плавский З. И.* А. Н. Островский — переводчик Сервантеса. — В кн.: *Сервантес и всемирная литература*. М., 1969, с. 197—213.

³⁶ Об этом он говорил Н. Н. Луженевскому (см.: *Библиотека А. Н. Островского.* (Описание). Л., 1963, с. 15).

³⁷ См.: *Багно В. Е.* Достоевский о «Дон-Кихоте» Сервантеса. — В кн.: *Достоевский. Материалы и исследования*. Л., 1978, вып. 3, с. 126—135.

Следует отметить, что определенную роль, несмотря на не-
лестное мнение Ф. Бидерманна, приведенное в «Московском на-
блюдателе»,³⁸ для русского читателя сыграл перевод, выполненный
Л. Виардо, у которого были такие почитатели, как Белин-
ский,³⁹ Достоевский⁴⁰ и особенно Тургенев. Наконец, кое-кому
«Дон Кихот» был доступен и в подлиннике, в том числе Турге-
неву, Островскому, Боборыкину.⁴¹

3

Характер усвоения «Дон Кихота» русской литературой вто-
рой половины XIX в. был во многом определен В. Г. Белинским.
Гениальным произведением он назвал роман Сервантеса еще
в 1837 г. в письме к Бакунину.¹ Насколько высоко он оценивал
гений испанского писателя, можно судить хотя бы по тому, что
из прозаиков Запада только с Сервантесом он находил возмож-
ным сравнивать своего любимого писателя — Гоголя.

Интерес к «Дон Кихоту» в XIX столетии, как правило, сви-
дился к философским, морально-этическим и психологическим
рассуждениям. Те удивительно редкие мысли о природе романа
Сервантеса, которые иногда проскальзывали, помимо своей уни-
кальности, характерны еще и тем, что почти всегда они прохо-
дили незамеченными. Тем более знаменательно, что в России
громдную роль сыграли высказывания Белинского, заострившего
внимание как раз на сущности творческого метода испанского
романиста. В ходе борьбы с романтической эстетикой Белинский
дал яркое и глубокое реалистическое истолкование романа. Как
и в случае с Шекспиром,² именно он в своих критических статьях
открыл новый, реалистический этап осмысления творчества Сер-
вантеса. Противопоставив свою точку зрения взглядам немецких
романтиков, видя в Сервантесе своего предшественника, Белин-
ский уже в 1838 г. в заметке по поводу выхода в свет перевода,
выполненного Масальским, секрет бессмертия романа связал

---

³⁸ Новый перевод «Дон Кихота» на французский язык. — Московский
наблюдатель, 1839, ч. I, Смесь, с. 7—8.

³⁹ Вне всякого сомнения, именно перевод Виардо, прочитанный Белин-
ским в 1837 г., дал ему возможность назвать «Дон Кихота» «гениальным
произведением» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 137).

⁴⁰ Перевод Л. Виардо имелся в библиотеке Достоевского (см.: Гросс-
ман Л. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919, с. 139). Русский писатель
не только читал его, но и находил превосходным (см.: Достоевский Ф. М.
Полн. собр. худ. произв. Л., 1929, т. XI, с. 70).

⁴¹ Боборыкин писал в своих воспоминаниях, что, ознакомившись с ис-
панским языком, он стал читать в подлиннике многое из того, что ранее
было ему известно лишь в переводах, и прежде всего, конечно, «Дон
Кихота» (Боборыкин П. Д. Воспоминания в двух т. М., 1965, т. 2, с. 55).
Впервые же роман Сервантеса он прочел еще в юные годы (см.: там же,
т. 1, с. 163).

¹ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 137.

² См.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 318—340 (автор
раздела о Белинском — Ю. Д. Левин).

с его реалистичностью: «Великое создание Сервантеса вполне достойно своей великой славы. „Дон Кихотом“ началась новая эра искусства нашего, новейшего искусства. Он нанес решительный удар идеальному направлению романа и обратил его к действительности. Это сделано Сервантесом не только сатирическим тоном его произведения, но и высоким художественным его достоинством: все лица его романа — лица конкретные и типические. Он более живописал действительность, нежели пародировал устарелую манеру писания романов, может быть, вопреки самому себе, своему намерению и цели».³

Тот же плодотворный подход позволил русскому критику сказать новое слово и об образе Дон Кихота, и хотя концепция Белинского, в соответствии с изменениями в его духовном и социальном опыте, менялась, инвариант в ней, однако, вполне определим:

«Дон Кихот — благородный и умный человек, который весь, со всем жаром энергической души, предался любимой идее; комическая же сторона в характере Дон Кихота состоит в противоположности его любимой идеи с требованием времени, с тем, что она не может быть осуществлена в действии, приложена к делу».⁴

«Каждый человек есть немножко Дон Кихот; но более всего бывают Дон Кихотами люди с пламенным воображением, любящею душою, благородным сердцем, даже с сильною волею и с умом, но без рассудка и такта действительности».⁵

«Если б эта храбрость, это великодушие, эта преданность, если б все эти прекрасные, высокие и благородные качества были употреблены на дело, во-время и кстати, — Дон Кихот был бы истинно великим человеком».⁶

Те или иные стороны этой концепции были подхвачены впоследствии русской критикой, подчас с полемической целью, нашли свое отражение и дальнейшую жизнь в тех или иных художественных образах, порожденных уже русской действительностью.

«Сервантес со злой иронией объявляет миру бессилие и несвоевременность его»,⁷ — в этом высказывании А. И. Герцена особенно отчетливо выступает тенденция в русской литературе о Сервантесе 40—80-х годов, дающая возможность охарактеризовать ее как «актуальную» критику, для которой «Дон Кихот» был произведением злободневным. Испанский писатель эпохи Возрождения был увиден сквозь призму русской реалистической прозы, воспринят с учетом конкретных задач ее становления и развития, ее специфических особенностей. Соотнося оба истори-

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 424.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 34.

⁵ Там же, т. VI, с. 34.

⁶ Там же, т. IX, с. 80.

⁷ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954, т. III, с. 36.

ко-литературных явления, русский критик в конце века имел все основания писать: «Цветущий в наши дни демократический роман был впервые намечен Сервантесом».⁸

Много внимания испанскому писателю уделено в диссертации известного впоследствии филолога О. Ф. Миллера «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных». Работа, пропитанная дидактической тенденцией, проникнутая идеями аскетического самоотвержения, вызвала резкую отповедь Добролюбова.⁹ Однако эта критика касалась прежде всего оценки Миллером дохристианской литературы, обвиненной им в безнравственности и наиболее пострадавшей от антиисторического и морализирующего подхода автора. Что же касается раздела, посвященного «Дон Кихоту», то многие из суждений Миллера могли заинтересовать русского читателя злободневным звучанием и дать ему во многих отношениях верное представление о гении Сервантеса. Откровенная соотнесенность с современностью заметна уже в общей характеристике не только творчества автора «Дон Кихота», но и всей испанской литературы Золотого века: «Испанская поэзия стала выставлять на вид те нравственные язвы, которые зарождаются в низших слоях общества под гнетом нищеты, — и сердце человеческое должно было облиться кровью при виде этих грустно-сатирических картин, и сквозь смех должны были политься из глаз человека слезы — чудное смешение смеха и плача, свойственное только любви — обильному сатиризму новой поэзии!»¹⁰

По мнению Миллера, Дон Кихот как тип возможен всегда и везде, поскольку основу его составляет превазирование в человеческой душе воображения «над прочими силами». Чрезвычайно плодотворной для осмысления русской литературой творчества Сервантеса оказалась мысль автора о том, что народное вполне соединимо с общечеловеческим, а общечеловеческое вполне не исключает народного.

В том же 1858 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» была напечатана статья В. И. Водовозова, на этот раз специально посвященная роману Сервантеса. Известный педагог, знаток древних языков и переводчик древнегреческих и римских авторов, Водовозов в своих работах по истории русской и всемирной литературы главное внимание уделял нравственному смыслу произведения и его общественному звучанию. Русским литераторам из статьи Водовозова было небезынтересно узнать, что в романе Сервантеса, особенно во второй его части, «имеются такие суждения об обязанностях писателя и о кри-

---

⁸ Гилларов А. Н. Старые поэты в новых русских переводах. Дант, Боккаччо, Ариост, Сервантес, Байрон. — Киевские университетские известия, Киев, 1894, т. XXXIV, № 11, с. 390.

⁹ Современник, 1858, кн. X, с. 155—166.

¹⁰ Миллер О. О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных. СПб., 1858, с. 237.

тике, что и в наше время могут служить правилами». ¹¹ Задав-шись вопросом: «Что же и в наше время заставляет видеть в нем (Дон Кихоте, — В. Б.) героя со знакомою, близкою нам физиономией?», — автор находит причину живого интереса его современников к сервантесовскому образу в его человечности, в воплощении которой «ни одной черты не было забыто по-этом». ¹²

Отношение к «Дон Кихоту» как к живому литературному явлению, динамичному фактору культурной жизни особенно явно проявилось в почти одновременно возникших, перекрещивающихся и взаимодополняющих друг друга философско-психологической и публицистической традициях интерпретации образов Дон Кихота и Санчо Пансы. Они откровенно нацелены на современника и, при всем различии целей и принципов, призваны были помогать ему ориентироваться в сложных проблемах, выдвигаемых русской действительностью. В таких романах, как «Дон Кихот», образ, по определению М. М. Бахтина, «становится открытым, живым взаимодействием миров, точек зрения, акцентов. Отсюда — возможность переакцентуации такого образа, возможность разных отношений к заложенному внутри образа спору, разных позиций в этом споре и, следовательно, разных истолкований самого образа. Образ становится многозначным, как символ». ¹³

Одной из самых ярких и плодотворных для развития русской литературы оказалась интерпретация сервантесовского образа, предложенная И. С. Тургеневым. Замысел статьи на тему «Гамлет и Дон Кихот» возник у писателя еще в 40-е гг., во время французской революции, в связи с его размышлениями о необходимости «сознательно-героических натур». ¹⁴ Однако напечатана статья была лишь в январском номере «Современника» в 1860 г. Тогда же она была прочитана автором во время публичного чтения, организованного Обществом для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым, в Петербурге, в зале Пассажа.

Истории создания статьи и ее анализу посвящено немало работ как у нас, так и за рубежом. ¹⁵ В этой связи хотелось бы

---

¹¹ Водовозов В. И. О Дон Кихоте Сервантеса и в особенности о второй части его романа. ЖМНП, 1858, № 9, с. 15.

¹² Там же, с. 3.

¹³ Бахтин М. М. Слово в романе. — В кн.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 220—221.

¹⁴ См.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, т. III, с. 368.

¹⁵ См., например: Оксман Ю. Г. Тургенев и Герцен в полемике о политической сущности образов Гамлета и Дон-Кихота. — В кн.: Научный ежегодник на 1955 год Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Филолог. факультет. 1958, отд. III, с. 26—28; Левин Ю. Д. Гамлет и Дон-Кихот. План-конспект и наброски текста. — Тургеневский сборник. М.—Л., 1966, вып. II, с. 75—82; Звигильский А. «Гамлет и Дон Кихот». О некоторых возможных источниках речи Тургенева. — Тургеневский сборник. Л., 1969, вып. V, с. 228—245; Любимова Е. Н. Сервантес и Тургенев. — В кн.: Сервантес и всемирная литература, с. 181—196; Опришко Е. Я. Преломле-

обратить внимание на одну параллель, до сих пор не замеченную критикой и имеющую прямое отношение к нашей теме. В вышеупомянутой работе В. И. Водовозова имеется следующее суждение, наводящее на мысль о причинно-следственной связи, существующей между двумя статьями: «Не выступи он (Дон Кихот, — В. Б.) в свет, не будь он ничтожного происхождения, он мог бы сделаться Гамлетом: в обоих отразился век с его резкими противоречиями высоких идей и грубой, пошлой действительности, с его стремлением к деятельности и отрицанием прежних, самодовольных мечтаний. Но Гамлет герой, страдающий от недостатка воли, которой сила ознаменовала тот век; он, как питомец Севера, глубоко сосредоточен в самом себе и осознает свою неспособность или невозможность действовать; напротив, пламенная, рыцарская Испания могла произвести только героя, в высшей степени сообщительного, светского и любезного, который, наперекор всему, хочет по своим идеям преобразовать общество».¹⁶ Речь, однако, по всей видимости, должна идти об общей тенденции, об общих законах осмысления мировых образов в России. В то же время статья русского автора о Сервантесе вполне могла заинтересовать Тургенева, размышлявшего об образе Дон Кихота, и в этом случае нет ничего удивительного в том, что мысль Водовозова о близости типов могла окончательно убедить Тургенева в их решительном антагонизме и заставить в полемических целях подчеркнуть его еще более отчетливо.

Интерпретация Тургеневым образа Дон Кихота была противопоставлена традиционному в русской литературе и публицистике взгляду на героя Сервантеса как на архаиста, консерватора, не желающего считаться с требованием времени. Для Тургенева Дон Кихот — положительный герой, борец, революционер, носитель новой идеологии. Собирательный образ, раскрываемый русским писателем в этой статье и обозначенный именем сервантесовского героя, выражает, по словам Тургенева, «веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся *вне* отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, но доступную постоянству служения и силе жертвы».¹⁷ Доминантами его натуры могут быть признаны самопожертвование и деятельность: «Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для

ние взглядов И. С. Тургенева на тип «лишнего человека» в статье «Гамлет и Дон-Кихот». — В кн.: Русская литература XIX—XX вв. и вопросы ее типологии. Днепропетровск, 1975, с. 7—18; Левин Ю. Д. Русский гамлетизм. — В кн.: От романтизма к реализму. Л., 1978, с. 228—234; комментарий к статье «Гамлет и Дон-Кихот» в Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева в 30-ти т. (М., 1980. Соч., т. 5, с. 506—524) (автор — Ю. Д. Левин); Zviguilsky A. Turguénov et l'Espagne. — In: Revue de littérature comparée. Paris, 1959, janvier—mars, p. 50—70.

¹⁶ Водовозов В. И. О Дон-Кихоте Сервантеса и в особенности о второй части его романа, с. 10—11.

¹⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 5, с. 332.

других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам — волшебникам, великанам, т. е. притеснителям».¹⁸ Тургенев вовсе не отрицает способности Дон Кихота заблуждаться («... главное дело в искренности и силе самого убежденья... а результат — в руке судеб. Они одни могут показать нам, с призраками ли мы боролись, с действительными ли врагами, и каким оружием покрыли мы наши головы...»),¹⁹ он лишь снимает этот вопрос с повестки дня, считая неизмеримо более важной способность «вооружаться и бороться», идти «неуклонно вперед, вперив духовный взор в ими только видимую цель».²⁰

Интересно, что первоначально концепция Тургенева, при значительно меньшей разработанности и глубине, была несколько более гибкой и многогранной. В набросках к статье мы находим следующую запись, уточняющую соответствующее место в окончательном тексте: «Но смерть Д<он>Кихота потрясает. — В это мгновение весь его великий смысл становится доступным. „*Alonso el Bueno*“. Это прозвище удивительно. Главное основание всякого величия и гения — доброта и нравственность».²¹ Таким образом, этот аспект образа Дон Кихота, столь обостренно воспринятый впоследствии Достоевским, входил первоначально и в тургеневскую концепцию, но был вытеснен на последних стадиях работы стремлением до предела сконцентрировать внимание читателя на основном различии двух мировых типов.²² Исследователями неоднократно подчеркивалось и было замечено еще современниками, что Тургенев, хотя и опирался на тексты «Гамлета» и «Дон Кихота», нередко допускал значительные и, надо думать, подчас сознательные отступления от них, когда того требовала логика развития его замысла. Тургенев не только с самого начала оговаривает, что он дает *интерпретацию* образов Гамлета и Дон Кихота, а не анализирует их, но особо отмечает, что это будет точка зрения *русского человека*, то отношение к героям Сервантеса и Шекспира, которое, по его мнению, присуще русскому человеку: «Но, к сожалению, мы, русские, не имеем хорошего перевода „Дон-Кихота“; большая часть из нас сохранила о нем довольно неопределенные воспоминания; под словом „Дон-Кихот“ мы часто подразумеваем просто шута, — слово „донкихотство“ у нас равносильно с словом: нелепость, — между тем как в донкихотстве нам (разрядка моя, — В. Б.)

¹⁸ Там же, с. 332.

¹⁹ Там же, с. 336.

²⁰ Там же, с. 337.

²¹ См.: *Левин Ю. Д.* «Гамлет и Дон-Кихот». План-конспект и наброски текста, с. 77.

²² Знаменательно, что в первоначальных набросках Дон Кихот прямо, в духе Достоевского, соотносился с Христом: «Попирание свиными ногами встречается всегда в жизни Д<он>К<ихот>ов, именно на конце. — Пощечина фарисея Христу» (см.: *Левин Ю. Д.* «Гамлет и Дон-Кихот». План-конспект и наброски текста, с. 78).

следовало бы признать высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны». ²³

Статья не только имела шумный успех, вызвала самые разноречивые отклики, ²⁴ но и явилась немаловажным фактором в культурной жизни России. Обозреватель «Нашего времени» писал: «Средства, употребленные для распространения этой речи, так могущественны, что едва ли есть теперь на всем пространстве нашего обширного отечества грамотный человек, не прочитавший ее или не прослушавший из уст самого автора». ²⁵ На статью или на речь так или иначе откликнулись А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, П. В. Анненков, И. И. Панаев, А. А. Григорьев, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, Н. В. Шелгунов, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин и многие другие. Можно не сомневаться, что объяснение этому надо искать не в средствах, употребленных на распространение речи.

Наиболее пространный отзыв принадлежал перу некоего А. Львова, брошюра которого, выпущенная в 1862 г., носит аналогичное со статьей Тургенева название. Одна из основных задач, поставленных перед собой автором, — выявить все отступления от текстов Шекспира и Сервантеса — достаточно бессмысленна, если принять во внимание, что Тургенев вовсе не ставил перед собой историко-литературных целей. ²⁶ Однако не учет этих отступлений составляет главный пафос сочинения Львова. Оно направлено, по сути дела, против всяких философско-психологических истолкований образов, против «актуализации» произведений Шекспира и Сервантеса. При этом основная посылка в отношении «Дон Кихота», казалось бы, достаточно убедительна: «сумасшедший не может иметь никакого нравственного характера». ²⁷ Поэтому ход рассуждений автора свелся к доказательству тезиса, что Дон Кихот был всего лишь сумасшедшим. Сервантес, по мнению А. Львова, «не заставляет его совершать ни одного подвига и постоянно доказывает, что мы должны обращать внимание на сумасшествие Дон-Кихота, что и составляет главную задачу произведения Сервантеса (разрядка моя, — В. Б.)». ²⁸

Тенденциозность замысла наряду с отсутствием элементарной этической чуткости приводит к следующим высказываниям:

²³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 5, с. 330.

²⁴ См.: там же, с. 509—510, 517—523.

²⁵ Дорган М. И. Накануне. (Повесть г. Тургенева). — Наше время, 1860, № 9, с. 133.

²⁶ Той же целью занялся современный испанский исследователь Монтеро Диас, автор книги «Сервантес, вечный спутник» (Cervantes, compañero eterno». Madrid, 1957). Первая глава книги, в которой речь идет об интерпретации творчества Сервантеса Тургеневым и Достоевским, первоначально была напечатана в журнале «Revista de estudios políticos» (Madrid, 1946, N 27—28, p. 111—142).

²⁷ См.: Львов А. Гамлет и Дон-Кихот и мнение о них И. С. Тургенева. СПб., 1862, с. 32.

²⁸ Там же, с. 22.

«...г. Тургенев старается возбудить в нас сочувствие к Дон-Кихоту, не обращая внимания, что цель всякого комического произведения заключается в представлении героя в таком виде чтобы он не мог возбудить в нас сочувствия, иначе самое произведение грешит...»²⁹ Завершает брошюру пожелание, совет, которому Тургенев, движимый, впрочем, внутренними побуждениями, внутренними потребностями, по сути дела, в своем творчестве и последовал: «Может быть автор вполне и ясно сознавал те два человеческие типа, которые желал представить, но признавал их как поэт, и если бы избрал не философскую и критическую форму, а более свойственную своему таланту, например повесть или рассказ, вышло бы совсем другое — и, что всегда важнее, автор не ввел бы тогда в соблазн многих неопытных читателей своими парадоксами и превратным толкованием двух гениальных мировых произведений».³⁰

Однако «парадоксы» Тургенева ввели в соблазн не только неопытных читателей, хотя новое понимание образа Дон Кихота, по всей вероятности, первое время вызывало некоторые опасения.³¹ При этом был осознан тот факт, что Дон Кихот Сервантеса и интерпретация этого образа Тургеневым — не одно и то же,³² и в этом смысле замысел писателя был понят верно, хотя далеко не всегда безоговорочно принимались те или иные характеристики. А. Я. Пятковский, редактор-издатель «Наблюдателя», помещавший статьи в «Современнике», «Деле», «Отечественных записках», сочувственно отозвавшись о брошюре Львова, добавляет все же в оправдание Тургенева, что последний «действовал в своей статье не как записной критик, обязанный входить во все тонкости художественного произведения, но как публицист, заботящийся только о том, чтобы провести в общество известную идею».³³ В соответствии с этим автор считает не только целесообразным, но и единственно возможным анализировать предмет, исходя из одного соображения: хорошо ли, полезен ли для общества тот взгляд, который Тургенев проводит путем своего критического разбора. Далее, руководствуясь в ка-

²⁹ Там же, с. 8.

³⁰ Там же, с. 170.

³¹ Характерно, например, свидетельство П. Л. Лаврова: «Его <Тургенева> возвышение Дон-Кихота — я это очень хорошо помню — показалось натянутым для публики и было большею частью отнесено к чему-то вроде литературного каприза» (Вестник Народной воли, 1884, № 2, с. 89). Весьма красноречиво также недоумение рецензента «Санкт-Петербургских ведомостей» (1860, № 60, 17 марта, с. 290): «...мы гораздо более сочувствуем Гамлету и не смеем сравнивать с ним Дон-Кихота».

³² Доказательством тому может, например, служить письмо А. П. Чехова 1879 г. к М. П. Чехову, в котором он, советуя всем братьям прочесть «Дон Кихота» Сервантеса, дифференцирует совет относительно статьи Тургенева: «Советую братьям прочесть, если они еще не читали, „Дон-Кихот и Гамлет“ Тургенева. Ты, брате, не поймешь» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. М., 1974. Письма, т. 1, с. 29).

³³ Пятковский А. Гамлеты и Дон-Кихоты. — Русь, СПб., 1864, № 18, с. 228.

кой-то мере тургеневским описанием, но отнюдь не тургеневской «шкалой ценностей», он приходит к прямо противоположным выводам. Последовательно защищая тип Гамлета, Пятковский утверждает, что исчезновение Дон-Кихотов с лица земли «будет минутой окончательного торжества человеческого ума».³⁴

Возможность подобного рода трансформаций тургеневской точки зрения была тонко подмечена Н. К. Михайловским, писавшим: «Было бы, например, большою ошибкою сказать, что вообще деятельный, решительный, смело берущий на себя ответственность тип (каков Дон Кихот) дороже и ближе Тургеневу, чем тип колеблющийся, рефлектирующий, не смеющий сделать то, что, по совести, обязан сделать (каков Гамлет). Совсем не эти стороны того и другого были важны для Тургенева, не их он имел в виду, когда проводил свою параллель между Гамлетом и Дон-Кихотом <...> В Дон-Кихоте же его прельщала отнюдь не цельная твердость характера и готовность действовать на свой страх, а поэтический порыв, стремление куда-то к свету и беззаветная любовь к людям».³⁵ Пожалуй, наиболее крайняя точка зрения была высказана Л. Н. Толстым, который, вообще оставив в стороне образы Гамлета и Дон Кихота, увидел в статье, о которой отозвался с симпатией, «указание пути спастись от сознания пустоты».³⁶

Необходимо отметить, что статья Тургенева породила несколько родственных по типу, однако достаточно близких по реализации заложенной в них идеи, сочинений, например «Фауст и Дон-Кихот» М. В. Карнеева³⁷ и «Вечный скиталец Дон-Кихот и Амадей Гальский, Дон-Кихот и Фурье, Дон-Кихот и Гамлет, Дон-Кихот и Пер-Гюнт» В. Л. Львова-Рогачевского.³⁸ Однако главный интерес представляют не они, а та традиция «актуализации» образа Дон Кихота, которая ведет свое начало в какой-то мере со статей Белинского, но существование которой стало особенно заметно для культурной жизни России лишь после появления статьи Тургенева. В этих чрезвычайно разнообразных высказываниях деятелей русской культуры с Дон Кихотом соотносятся славянофилы и революционеры, либералы и консерваторы. Сервантесовский герой, по словам А. Л. Григорьева, «словно зажил новой жизнью, стал широко применяться как средство образного обобщения в идейных столкновениях представителей русского общества, в социально-политической борьбе».³⁹ Появление этой традиции было не только возможно, но и вполне естественно, ибо в романе Сервантеса были поставлены «вопросы, которые еще подлежали решению истории».⁴⁰

³⁴ Там же, с. 230.

³⁵ Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957, с. 273.

³⁶ Литературное наследство. М., т. 37—38, с. 450.

³⁷ Театр и жизнь. М., 1894, 24/X, с. 2—3.

³⁸ Образование. СПб., 1905, № 5, с. 261—287.

³⁹ Григорьев А. Л. Дон Кихот в русской литературно-публицистической традиции. — В кн.: Сервантес. Статьи и материалы, с. 13.

⁴⁰ См.: Державин К. Н. Сервантес. Жизнь и творчество, с. 162.

Знаменательно, что эта тенденция в наименьшей мере проявилась у писателей западной ориентации. С другой стороны, как справедливо отмечает современный американский исследователь, при анализе упоминаний Дон Кихота западниками необходимо учитывать, что он у них подчас лишен индивидуального лица и фигурирует лишь как представитель испанской ветви общеевропейской культуры.⁴¹

С тургеневским истолкованием образа Дон Кихота не согласился Н. А. Добролюбов, назвавший в статье «Когда же придет настоящий день?» «смешными Дон-Кихотами» либералов, которые, сочувствуя угнетенным, пытаются изменить существующее положение вещей, искореняя отдельные злоупотребления. Читатели «Современника» получили достаточно подробное представление об отношении критика к «русским Дон Кихотам»: «Внешней борьбы нам не нужно, но необходима усиленная, непрерывная, самоотверженная борьба с внутренним врагом — с общественным злом и неправдой. Враг этот среди нас, часто в нас самих. Восставая против общественных пороков, развращения, произвола, апатии и находя в них корень всех наших зол, мы нередко вдруг замечаем, что сами не менее других виновны — и в произволе, и в апатии, и в разврате и пр. Есть ли возможность сохранить при этом полную силу героизма? Поневоле многие начинают накидываться на мелочи, воображая, что в них-то и есть все дело, или сражаться с призраками и, таким образом, в практической деятельности являются обыкновенно забавно-жалкими Дон-Кихотами <...>».⁴² Поэтому Дон Кихот, в старом или новом своем обличье, отличительная черта которого, по мнению Добролюбова, «непонимание ни того, за что он борется, ни того, что выйдет из его усилий»,⁴³ не имеет с подлинными революционерами ничего общего.

В борьбе со славянофилами образ Дон Кихота первым использовал Белинский в статье о «Тарантасе» В. А. Соллогуба. Вслед за ним в аналогичных целях к сервантесовскому герою обратился Писарев, заявивший: «Славянофильство есть русское донкихотство», «всегда искреннее, часто трогательное, большею частью неостоятельное».⁴⁴

К Белинскому же восходит та линия публицистического истолкования образа Дон Кихота, которая усматривала в нем реакционера и консерватора.⁴⁵ О Дон Кихотах реакции пишет

---

⁴¹ См.: *Malkiel Y. Cervantes in nineteenth-century Russia. — Comparative Literature. Eugene, 1951, t. III, N 4, p. 324.*

⁴² *Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т. М.; Л., 1963, т. VI, с. 500.*

⁴³ Там же, с. 125.

⁴⁴ См. статью Д. И. Писарева «Русский Дон-Кихот» (1862) об И. В. Киреевском (*Писарев Д. И. Собр. соч. в 4-х т. М., 1955, т. I, с. 337*).

⁴⁵ «Разве изувер по убеждению в наше время не Дон-Кихот?», — писал Белинский в той же статье о «Тарантасе», имея в виду в данном случае не только и не столько славянофилов (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. IX, с. 81*).

в «Былом и думах» Герцен,⁴⁶ Дон Кихотами консерватизма имеет своих идейных противников Салтыков-Щедрин.⁴⁷ Возникает даже совершенно, казалось бы, невозможный образ «коронованного Дон Кихота». Дон Кихотом «системы, созданной Петром I и Екатериной II», был, в понимании Герцена, Павел I.⁴⁸

Наконец, понимание многими русскими литераторами образа Дон Кихота было близко к тургеневскому. Однако даже в случае несомненной связи оно далеко не всегда было ему созвучно. А. А. Григорьев, например, в стихотворных «Монологам Гамлета Щигровского уезда», намекая на литераторов демократического лагеря, создает образ «мещанского Дон-Кихота», «бойца многоглаголивого и вздорного», требующего «срезать все на нет».⁴⁹ Оценка Герценом «Дон Кихота революции» с годами менялась. Если в «Письмах из Франции и Италии» (1855) он видится Герцену как «практически смешной и щемящий сердце образ»,⁵⁰ то в «Концах и началах» (1862), признав этот образ героическим, Герцен называет Гарибальди и Мандзони «великими безумцами, святыми Дон-Кихотами». Эта эволюция в значительной степени объясняется прямым воздействием тургеневской концепции. Как пророка социального переустройства общества трактовал образ Дон Кихота молодой Д. С. Мережковский, близкий в ту пору к народникам.⁵¹

4

Параллельно с философско-публицистической традицией истолкования образа Дон Кихота в России продолжалась традиция историко-литературного осмысления романа Сервантеса в целом. Новая заслуживающая внимания попытка была сделана переводчиком «Дон Кихота» на русский язык — В. А. Карелиным, перу которого принадлежит сочинение «Дон-Кихотизм и демонизм» (1866),¹ печатавшееся впоследствии в виде приложения к переизданиям его перевода «Дон Кихота».

В. Г. Короленко, прочитавший этюд Карелина в 1890 г. и искавший в нем, несомненно, прежде всего очередной версии философско-психологического истолкования образа Дон Кихота,

⁴⁶ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1956, т. X, с. 190.

⁴⁷ См.: Наша общественная жизнь (1864) (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. Т. 6, с. 318), а также его письмо от 11 (23) мая 1876 г. к Н. А. Некрасову (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 18, кн. 2, с. 292).

⁴⁸ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XVI, с. 150.

⁴⁹ См.: Оса. СПб., 1864, № 2, с. 13.

⁵⁰ См.: Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. V, с. 206.

⁵¹ См. стихотворение Мережковского «Дон Кихот» (Северный вестник, 1887, сент., с. 44—46).

¹ Впрочем, в этой хаотичной, эклектичной и достаточно противоречивой работе нашлось место и сопоставлению Дон Кихота с героем «Потерянного рая», и рассуждениям о славянофилах, искавших в допетровской Руси хрустальные замки и несравненную Дульсьинею, и сведениям о положении пролетариата в Турции и о материальном благосостоянии народа в Сербии.

записал в дневнике: «Что за наивная попытка — измерить гигантские общечеловеческие типы аршином маленькой современной минутки. Не менее яркое доказательство, что наука даже и „современная“ имеет своих Санчо-Пансо и что филистерство и педантизм так же вечны, как и донкихотизм, столь глубокомысленно комментируемый г. Карелиным».² Видимо, в 60-е гг. работа Карелина воспринималась несколько иначе. Н. К. Михайловский, например, выявив много противоречий в положениях автора, нашел ее во многих отношениях интересной.³

Как было отмечено К. Н. Державиным, Карелин первым увидел в донкихотизме не только психологические особенности, присущие отдельной личности, но и социальное явление.⁴ По мнению Карелина, ум Дон Кихота поразило неестественное положение общества, следовательно, с ума он сошел от окружающих его несправедливостей, ибо не выносил «зрелища гонимых и гонителей».⁵ Автор особо отмечает демократизм Сервантеса, столь плодотворное для литературы нового времени стремление выбирать своими героями людей неприметных и давать их глазами верную картину «правов, обычаев, верований, государственной, частной и общественной жизни целой эпохи».⁶ Однако не меньшую заслугу Сервантеса, согласно Карелину, составляет гуманистический элемент, который он ввел в новую литературу. «Любовь к человечеству, этот благородный принцип, двигавший Дон-Кихотом, был выработан им в здоровом состоянии и оставался единственным двигателем его и тогда, как ум его помутился...»,⁷ — это наблюдение Карелина, возможно, прямо связано с рассуждением А. Львова о том, что, коль скоро Дон Кихот является сумасшедшим, вопрос о нравственности или безнравственности его поведения оказывается снятым. Злободневное звучание, по-видимому, имели некоторые замечания автора о структуре романа Сервантеса, например мнение Карелина о вставных новеллах, которые не только не растягивают чрезмерно романа, не являются ненужным балластом, но необходимы для полноты нарисованной в нем картины. Подобная точка зрения о необходимости в романе «объемного» изображения, при

² Короленко В. Дневник (1881—1893 гг.). Полтава, 1925, т. 1, с. 190.

³ См.: Книжный вестник на 1866 г. СПб., № 11/12, с. 238—240.

⁴ См.: *Derjavin C. Critica cervantina en Rusia.* — *Bulletin de la Academia Española, Madrid, 1929, t. XCIV* (цит. по: *Turkevich L. B. Cervantes in Russia.* Princeton, 1950, p. 85).

⁵ Карелин В. Дон-Кихотизм и демонизм. СПб., 1866, с. 15, 59.

⁶ Примером антидемократического толкования, неприкрытого в своей тенденциозности, приводящего к вопиющему искажению замысла Сервантеса, более чем отчетливо выраженного в рассказе о губернаторстве Санчо Пансы, может служить предисловие неизвестного автора к изданию «Приключения Санчо-Панса во время его губернаторства на острове Баратория». Как ни простодушен и доверчив был Санчо, утверждает автор, «сделавшись губернатором и вскоре почувствовав, что он, как ворона, залетел не в свои хоромы, не постыдился всенародно сознать свои недостатки и добровольно сложить с себя звание не по силам» (СПб., 1871, с. 1).

⁷ Карелин В. Дон-Кихотизм и демонизм, с. 12.

вкраплении элементов, несущих «высокий», «идеальный» план, несомненно могла найти в России заинтересованного читателя.

Как справедливо отметила Л. Туркевич,⁸ первым русским автором, сместившим акцент с этического значения образов, созданных творческой фантазией Сервантеса, на эстетическое, был В. Г. Авсеенко, известный в свое время беллетрист и критик. Его наблюдения над творческим методом испанского писателя содержатся в большой статье «Происхождение романа, литературно-исторические оценки», напечатанной в «Русском вестнике» в 1877 г. По мнению Авсеенко, выраженному весьма категорично, в лице Сервантеса роман сделал настолько большой шаг вперед, что с его появлением развитие формы, собственно говоря, кончается. Дальнейшая ее история вносила в жанр, раскрывшийся в «Дон Кихоте» всесторонне, лишь новый материал и совершенствовала отдельные элементы техники.⁹ Вместе с тем уникальность произведения испанского писателя состоит в «художественности тона». Как бы примиряя все существующие характеристики, интерпретации и оценки, находя им оправдание в многогранности и неисчерпаемости романа, горизонты которого бесконечно раздвигаются и будут раздвигаться с приходом новых поколений, Авсеенко пишет: «Правы те, которые вместе с самим автором видят в нем прежде всего пародию на рыцарские романы. Правы также те, которые утверждают, что Сервантес хотел осмеять самомнение, самообольщение, тщеславие и фанфаронство, свойственное испанскому характеру. Правы также те, которые видят в Дон-Кихоте борьбу идеализма, отрешившегося от действительных условий жизни, с трезвой практичностью, здравым смыслом и заботой о материальном благе. Правы также видящие в этом романе олицетворение противоположных сословных типов надменного, мечтательного, фантазирующего дворянского характера и трезвого крестьянского „себе на уме“. Правы также те, которые хотят видеть в Дон-Кихоте воплощение начала *веры*, воплощение вечного общечеловеческого типа, противоположного типу сомневающегося, анализирующего Гамлета. Наконец, правы и те, которые видят в Дон-Кихоте социальную и политическую сатиру на Испанию в первый период ее упадка <...>»¹⁰

В последние десятилетия XIX века возникло русское сервантесоведение. На уровне западноевропейской науки стоят труды Н. И. Стороженко и Л. Ю. Шепелевича. В работах о Сервантесе, вышедших в конце 70-х—90-е гг., представляющих собой, как правило, издание лекций университетских профессоров, творчество испанского писателя рассматривается, в основном, в тесной связи с испанской действительностью. Все они заострены

⁸ *Turkevich L. B. Cervantes in Russia. Princeton, 1950, p. 92—93.*

⁹ *Авсеенко В. Г. Происхождение романа, литературно-исторические очерки. — Русский вестник, 1877, т. 132, № 12, с. 462.*

¹⁰ *Авсеенко В. Г. Происхождение романа, литературно-исторические очерки, с. 454.*

против внеисторического подхода к «Дон Кихоту», против попыток вырвать роман из определяющих его пространственно-временных координат. Вполне естественно, что в них при этом заметно слабеют нити, связывающие интерес к испанскому романисту с конкретной литературной ситуацией в России XIX столетия. Справедливы, например, с историко-литературной точки зрения упреки Н. И. Стороженко в адрес сторонников философского переосмысления романа, увидевших в произведении Сервантеса аллегория, а в созданных им типах символы борьбы идеального с реальным, поэзии с прозой и т. д. «Нет, не энтузиазм к добру и правде осмеян автором в „Дон Кихоте“, — пишет Стороженко, — а нелепая форма проявления этого энтузиазма, его карикатура, навеянная рыцарскими романами и не соответствующая духу времени».¹¹

Однако интересы русской литературы, полемика вокруг тех или иных проблем развития русского реализма то и дело давали о себе знать в этих претендующих на академическую беспристрастность работах. В статье А. Селина, профессора русской словесности киевского университета, не чуждого в то же время и сочинительства, можно без труда обнаружить «рецептуру» умеренной сатиры: «сатира без желчи и гнева», «сатира, невидимо вонзающая свое целительное жало в больное место общества», «добрый смех, не оскорбляющий ни правил, ни законов, ни религии».¹² Вопрос о праве сугубо национальных форм, национальной тематики проявляться в произведениях, претендующих на общечеловеческое значение, был затронут знаменитым русским филологом Ф. И. Буслаевым. Чем сильнее отпечатывались в таких произведениях, как «Дон Кихот», местные особенности, утверждал он в работе «Русский богатырский эпос», тем большие права заявляла национальность на свое всемирное значение.¹³

Одной из характерных особенностей русских работ о Сервантесе, написанных как учеными-филологами, так и литераторами, является мысль об Алонсо Кихано Добром, как о подлинном Дон Кихоте.¹⁴ Наиболее отчетливо она была сформулирована П. И. Житетским. По его мнению, рыцарские книги лишь вывели Дон Кихота из созерцательного бездействия, однако его мироощущение, его идеалы, которые он приписывает влиянию рыцарской литературы, были сформированы до того, как он, погрузившись в нее, сошел с ума. В рыцарских книгах Дон Кихот нашел лишь готовую программу действий, которая соответствовала его нрав-

¹¹ Стороженко Н. И. Философия Дон-Кихота. — Вестник Европы, 1885, т. 5, с. 310—311.

¹² А. Селин. Мигуэль Сервантес де Сааведра. — Историческая библиотека, СПб., 1880, № 1, с. 20.

¹³ Сборник отделения русского языка и словесности. СПб., 1887, т. 41, с. 3.

¹⁴ Русская критика, таким образом, затронула вопрос, до сих пор привлекающий внимание исследователей. См., например: Varo C. Génesis y evolución del «Quijote». Madrid, 1968, p. 406.

ственной сущности. Естественно, продолжает Житецкий, что гуманизм создателя Дон Кихота, героя, ринувшегося с этой прекрасной программой в жизнь, не нуждавшуюся в его услугах, был куда более глубоким и плодотворным: «Вот эта вера в человека, каковы бы ни были его ошибки и заблуждения, вера в нравственные силы его и составляет настроение самого поэта, более возвышенное и широкое, чем причудливый идеализм Дон-Кихота или же наивно грубый материализм оруженосца его. В этом настроении великого поэта заложена тайна влияния его на современников и на потомков».¹⁵

Немаловажную роль, по всей вероятности, играли и переводы работ зарубежных авторов (а в какой-то мере и на иностранных языках, прежде всего на французском и немецком), посвященных Сервантесу. Согласно Дж. Тикнору, мысли которого об испанской литературе, в том числе и о Сервантесе, изложил в 1852 г. в «Отечественных записках» П. А. Кулиш,¹⁶ «Дон Кихот» представляет собой «старинный классический образец романического вымысла». При этом роман имеет лишь национальное значение и равным счетом никакого общечеловеческого. Небезынтересным для русских писателей 50-х гг., открывавших новые горизонты реализма, могло быть соображение Тикнора об отличии второй части романа от первой: «Каждое место во второй части, и в особенности общие черты ее и тон показывают, что время и некоторые успехи, дотоле незнакомые Сервантесу, укрепили его могущественный дух, придали более самоуверенности его взгляду на вещи и помогли ему глубже прежнего проникнуть в человеческую натуру, которой тайна открывалась ему до сих пор только в горьких опытах и страданиях разного рода».¹⁷

Не прошло незамеченным, видимо, и принадлежащее перу Г. Гейне блестящее предисловие к немецкому изданию «Дон Кихота», перевод которого был опубликован в «Библиотеке для чтения» в 1860 г. У этой работы, например, был такой внимательный читатель, как Ф. М. Достоевский.¹⁸ Гейне принадлежит

---

¹⁵ Очерки по истории поэзии (гл. IX, «Дон-Кихот Ламанчский, роман Сервантеса»). Киев, 1900, с. 146.

¹⁶ Позднее статьи были изданы отдельной книгой: История испанской литературы по Тикнору. Составил П. Кулиш. СПб., 1861.

¹⁷ История испанской литературы (из сочинения Дж. Тикнора). Статья вторая. — Отечественные записки, 1852, т. LXXXI, с. 44.

¹⁸ «Кто это, Гейне, что ли, рассказывал, — пишет Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г., — как он, ребенком, плакал, обливаясь слезами, когда, читая „Дон-Кихота“, дошел до того места, как победил его презренный и здравомыслящий цирюльник Самсон Карраско» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. худ. произв. М.; Л., 1929, т. XI, с. 235). Как известно, Самсон Карраско был не цирюльником, а бакалавром, между тем «рассказал» о своем детском впечатлении, действительно, Гейне, сделал при этом ту же ошибку. Однако она не имеет сколько-нибудь принципиального значения. Более того, как заметил по этому поводу В. Шкловский, функционально, в своих отношениях к Дон Кихоту, цирюльник Николас и Самсон Карраско сходны, что и объясняет их слияние при сокращении и

одна из самых ярких философско-психологических интерпретаций образа Дон Кихота. Однако для русского читателя его предисловие, появившееся в один год со статьей Тургенева о Гамлете и Дон Кихоте, в этом смысле много потеряло, в то время как характеристики иного плана выступили более рельефно. Немецкий поэт призывает почитать в Сервантесе не только основателя нового романа, но и создателя лучшего образца этого жанра. С точки зрения Гейне, испанский романист добился этого, «введя в рыцарский роман вернейшее изображение жизни классов, подмешав в его содержание жизнь народа».¹⁹ Именно это умершее вместе с Сервантесом «прекрасное равновесие» аристократического и народного элементов (поскольку в новейшей литературе превалирует демократический элемент), взаимообогащающих друг друга, и делает «Дон Кихот» непревзойденным образцом.

К сожалению, не было опубликовано предисловие Л. Виардо к его версии «Дон Кихота», переведенное Тургеневым, охарактеризованное им как «вещь классическая» и предложенное в 1879 г. для публикации в «Вестнике Европы».²⁰ При этом не следует забывать, что многие идеи этой талантливой работы были заимствованы Масальским и Карелиным для их предисловий к собственным переводам.

В заключение необходимо сказать, что при всем значении существовавшей на русском языке критики о «Дон Кихоте» она весьма слабо отвечала как возросшему интересу к Сервантесу со стороны всей образованной России, так и вниманию, которое уделяли роману испанского писателя русские авторы.

5

В поисках наиболее адекватно отражающего действительность реалистического метода, в размышлениях о его особенностях, границах и возможностях многие писатели Европы и Америки

путаницу в статьях (см.: *Шкловский В.* Художественная проза. М., 1961, с. 231). В тексте главы из «Дневника писателя» имеются не только косвенные следы знакомства Достоевского со взглядами Г. Гейне на «Дон Кихота», но и непосредственные от них впечатления. Ощущение несправедливости, царящей в окружающем мире, которое вынес мальчик Гейне от прочтения им в раннем детстве этой книги, не могло не привлечь внимания русского писателя: «...это зрелище напрасной гибели столь великих и благороднейших сил — может довести действительно до отчаяния иного друга человечества, возбудить в нем уже не смех, а горькие слезы и навсегда озлобить сомнением дотоле чистое и верующее сердце его...» — пишет он, имея в виду, без сомнения, Гейне (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худ. произв., т. XII, с. 256).

¹⁹ См.: *Гейне Г.* Предисловие к великолепному изданию Дон Кихота. — Библиотека для чтения, СПб., 1860, ноябрь, т. 162, с. 10.

²⁰ См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, т. XII, кн. 2, с. 79. — В русском переводе сочинение Виардо вышло лишь в конце века: *Виардо Л.* Жизнь и произведения Сервантеса (пер. с франц.). — В кн.: *Сервантес.* Славный рыцарь Дон-Кихот Ламанчский. М., 1895, т. 2, с. 1—XL (отд. пагинация).

обращались к опыту Сервантеса. О многих из них можно было бы сказать, что они отстаивали свои взгляды на искусство, захваченные «мощной реалистической стихией»¹ произведений испанского романиста. Велико было значение Сервантеса для Диккенса, Марка Твена, Переса Гальдоса, Флобера.² Восхищаясь поразившим его сочетанием фантастического и реального, комического и поэтического, Флобер, например, писал: «Какими карликами кажутся в сравнении с Сервантесом другие! Господи, каким чувствуешь себя маленьким!»³

На авторитет Сервантеса опирался Гончаров в борьбе с формализмом и натурализмом, затрагивая важнейшие проблемы типичности, фантазии, языка. Сервантес оказывался союзником в защите русским писателем реалистических принципов изображения действительности, в его литературной полемике с теми, кто «отрицают в художественных поисках правды такие пособия, как типичность, юмор, отрицают всякие идеалы, не признают нужную фантазию и т. д.»⁴

Излагая свои представления о подлинном романе, на опыт Сервантеса ссылался в разговоре с Л. Ф. Пантелеевым Салтыков-Щедрин: «У нас <...> установилось такое понятие о романе, что он без любовной завязки быть не может; собственно, это идет со времени Бальзака; ранее любовная завязка не составляла необходимого условия романа, например „Дон-Кихота“. Я считаю мои „Современная идиллия“, „Головлевы“, „Дневник провинциала“ и другие настоящими романами».⁵ Ссылками на «Дон Кихота» Сервантеса и «Записки Пиквикского клуба» Диккенса Салтыков-Щедрин защищал свое право на нетрадиционное на фоне современной ему русской литературы построение романов, производящее, при поверхностном подходе, впечатление бессвязности, на введение фантастического элемента, который вызывает незаслуженные «упреки в фельетонности и водевильности».⁶ В рецензии «Сюпы. Стихи и проза Я. П. Полонского. СПб., 1871» талант Сервантеса повернулся для русского сатирика новой гранью: «...мы утверждаем, что неясность миросозерцания есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю. В этом нас убеждают примеры таких великих и общепризнанных художников, как Сервантес, Гете, Шил-

¹ См.: Михайлов А. Д. Сервантес и Мериме. — В кн.: Сервантес и всемирная литература. М., 1969, с. 150—180.

² См., например, многочисленные материалы, почерпнутые из различных литератур, в кн.: Сервантес и всемирная литература; Cervantes Across the Centuries. New York, 1947.

³ Флобер Г. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1937, т. VII, с. 417—418. — О творческом восприятии Флобером романа Сервантеса см.: Bardon M. Don Quichotte et le roman réaliste français. — Revue de littérature comparée. Paris, 1936, t. 16, p. 63—81; см. также: Hatzfeld H. «El Quijote» como obra de arte del lenguaje. Madrid, 1966, p. 340—362.

⁴ См.: Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1955, т. 8, с. 106.

⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 10, с. 685.

⁶ Письмо от 1 ноября 1883 г. к А. Н. Кони (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 19, кн. 2, с. 246).

лер, Байрон и др., которые всегда полагали в основу своих произведений действительные стремления и нужды человечества и, сверх того, умели с полною ясностью определить свои отношения к этим стремлениям и нуждам. Если произведения этих писателей имели в свое время громадное воспитательное значение, если это значение и поныне не утратило своей силы, то объяснения этого факта следует искать именно в их тенденциозности, в том, что они беседовали с читателями не о сновидениях, а раскрывали перед ними ту жизненную разрозненность и смуту, под гнетом которых страдало и страдает человечество».⁷

Совсем иначе, а именно как способность волновать умы, избегая прямых поучений и откровенной дидактики, была воспринята эта сторона творческого метода испанского писателя Писемским. «... Сервантес, — писал он в 1877 г., — вряд ли думавший кого-либо поучать своим Дон-Кихотом, явил только картину умирающего рыцарства, и она помнится всем читающим миром».⁸ По воспоминаниям А. Ф. Кони, во время «застольных и вечерних бесед» у Писемского особенно интересными были разговоры о задачах искусства, в центре которых оказывались рассуждения о творчестве Шекспира и Сервантеса.⁹

Знакомом и ценителем испанской драматургии Золотого века, в том числе интермедий Сервантеса, был у нас А. Н. Островский. В испанском писателе он почувствовал родственную себе творческую индивидуальность. Как «умнейший человек своего века, отлично знающий Испанию во всех отношениях, и как истинный реалист» Сервантес противопоставляется Лопе де Веге в примечании к переводу одной из интермедий, блестяще осуществленному Островским.¹⁰ В статье «Лучший алькальд — король» (1877) Островский, критикуя Лопе де Вегу, который, в его представлении, показал нам, «какими желали быть испанцы», находит своего единомышленника в Сервантесе, утверждая, что зрителю (или читателю) «интересно, каковы люди вообще».¹¹ Чрезвычайно показательна характеристика, данная им интермедиям Сервантеса, в которых важнейшие особенности писательской манеры автора «Дон Кихота» проявились столь же ярко, как и в его знаменитом романе: «Я думаю, довольно будет сказать, что эти небольшие произведения представляют истинные перлы искусства по неподражаемому юмору и по яркости и силе изображения самой обыденной жизни. Вот настоящие образцы того, что в живописи называется жанром! Вот настоящее высокое реальное искусство!»¹² В одной из его статей непосредственно к размышлениям о «Дон Кихоте» примыкает чрезвычайно характерное для русского драматурга рассуждение о морально преобразующем значении лите-

⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 9, с. 397.

⁸ Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. СПб., 1910, т. 1, с. 33.

⁹ См.: Кони А. Ф. А. Н. Островский (отрывочные воспоминания). — В кн.: Островский 1823—1923. К столетию со дня рождения. М., 1923, с. 22.

¹⁰ Островский А. Н. Полн. собр. соч. М., 1952, т. XI, с. 381.

¹¹ Там же, т. XIII, с. 163.

¹² Там же, т. XVI, с. 90—91.

ратуры: «Публика ждет от искусства облечения в живую, изящную форму своего суда над жизнью, ждет соединения в полные образы подмеченных у века современных пороков и недостатков <...> И художество дает публике такие образы и этим самым поддерживает в ней отвращение от всего резко определившегося, не позволяет ей воротиться к старым, уже осужденным формам, и заставляет <...> быть нравственнее».¹³

Л. Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?» готов был с точки зрения «внутреннего содержания» отнести к произведениям «хорошего всемирного житейского искусства» любимый им¹⁴ роман Сервантеса.¹⁵ В вариантах содержится существенное уточнение данной оценки: он причисляет Дон Кихота — наряду со стихотворениями Шиллера, Гюго, Ламартина, романами Диккенса и Достоевского — к произведениям, передающим «самые высокие чувства, до которых дошли люди известного времени, но доступные только малому количеству людей».¹⁶

Еще более разнообразными, чем высказывания русских авторов о романе испанского писателя, были формы творческого усвоения русской литературой опыта Сервантеса. Далекое не случайно Дон Кихот испанского романиста был понят русскими писателями значительно глубже, чем критиками (за исключением Белинского). Предпосылкой проникновения в самую суть сервантесовского творчества было глубокое понимание русской действительности.

Сервантес в «Дон Кихоте» открыл перед прозой широчайшие перспективы, выдвинул поразительное по глубине, намного опережающее свое время понимание задач романа и его возможностей: «Писатель может рассказать здесь попеременно то какое-нибудь трагическое происшествие, то веселое и неожиданное; в одном месте он может оплакать благородную, умную, красивую женщину, в другом мужественного и благородного христианина, противопоставляя ему какого-нибудь невежду фанфарона; в третьем — изобразить храброго и сострадательного принца, щедрость великодушных властителей и верность преданных им вассалов. В подобном сочинении писатель может попеременно выказываться астрономом, географом, музыкантом, государственным человеком, даже волшебником, если захочет и ему представится удобный случай к тому <...> И если подобное сочинение будет умно задумано, написано чистым, приятным слогом и приблизится, насколько это возможно, к истине, тогда данная автору канва украсится разнородными и драгоценными узорами, и сочинение его представит столько красот, что оно достигнет высочайшей степени совершенства, до которой может возвыситься поэтическое произведение, предназначенное, улаждая, — поучать чи-

¹³ Там же, т. XIII, с. 141.

¹⁴ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1951, т. 30, с. 366.

¹⁵ См.: там же, с. 161.

¹⁶ К этому же мыслям писатель возвращался еще несколько раз в ходе своей работы над трактатом (см. также с. 409, 411, 414).

тателя. Свобода, предоставляемая писателю в создании и развитии подобного рода произведений, дает возможность ему непременно являться в них лириком, эпиком, трагиком, комиком, соединяя в себе все красоты приятной и сладкой науки поэзии и красноречия, потому что эпопея может быть написана прозой так же удобно, как и стихами».¹⁷

Вопрос о творческом восприятии русскими авторами второй половины XIX в. произведения испанской литературы Золотого века оказывается чрезвычайно сложным. Очевиден явный интерес писателей России к Сервантесу. Однако между русским реализмом и «Дон Кихотом» было немало промежуточных звеньев. Творчество Сервантеса при непосредственном усвоении вместе с тем преломлялось для тех или иных русских авторов через разнохарактерные и разноязычные опосредованные звенья, нередко взаимоисключающие явления культурной жизни Европы XVII—XIX столетий, сквозь призму творчества многих французских, английских и немецких писателей, развивавших отдельные тенденции, заложенные в «Дон Кихоте». Проследить эту преемственность можно лишь в самых общих чертах,¹⁸ и в выводах необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность, поскольку в большинстве случаев черты близости могут быть объяснены причинами иного свойства. Пользуясь словами Бахтина, можно сказать, что до русских писателей-реалистов особенности романа Сервантеса доносила подчас не их субъективная память, а «объективная память самого жанра».¹⁹

6

Долгую историю имеют сопоставления с «Дон Кихотом» «Мертвых душ» Гоголя. Параллели между романами проводили В. И. Водовозов,¹ Алексей Веселовский,² французские, испанские, английские критики конца XIX—начала XX в.³ В последние десятилетия эту проблему под разным углом зрения затрагивали многие советские литературоведы, однако до сих пор, на наш взгляд, эта тема не получила удовлетворительного решения.

Как известно, советуя Гоголю приняться за большое сочинение, подарив ему сюжет «Мертвых душ», Пушкин привел «в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень заме-

¹⁷ *Сервантес Сааведра М.* Дон-Кихот Ламанчский. СПб., 1881, т. I, с. 483—484. — Цитируем по переводу В. Карелина, благодаря которому взгляды Сервантеса на роман были известны подавляющему большинству русских читателей интересующей нас поры.

¹⁸ См.: *Бушмин А. С.* Проблемы литературной преемственности. — Русская литература, 1961, № 3, с. 25.

¹⁹ См.: *Бахтин М. М.* Поэтика Достоевского. М., 1979, с. 140.

¹ *Водовозов В. И.* О Дон-Кихоте Сервантеса и в особенности о второй части его романа, с. 5.

² *Веселовский Алексей.* Этюды и характеристики. М., 1894, с. 567—568.

³ См., напр.: *Vogüé E. M. de.* Le Roman Russe. Paris, 1886, p. 123; *Pardo Bazán E.* La Revolución y la novela en Rusia. Madrid, 1887, p. 287; *Graham S.* Introduction. — In: Nicolai Gogol. Dead Souls. London, 1915, p. 5.

чательных и хороших повестей, но если бы не принялся за Дон-Кихота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями <...>»⁴ Тот факт, что, работая над «поэмой», Гоголь ориентировался в какой-то мере на роман Сервантеса, не подлежит сомнению. Одно из доказательств тому мы находим в письме Гоголя к Жуковскому от 10 января 1848 г.: «Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья*, в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней *свойство* нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог передо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий, и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера».⁵ Остается добавить, что в первоначальной редакции названы имена других литературных учителей: Шекспира, Ариосто, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина,⁶ писателей, «отразивших природу таковую, как она была, а не каковую угодно некоторым, чтобы была».⁷

При анализе данной литературной связи следует учитывать, что близость между романами в значительной мере могла быть вызвана тем, что между творческими индивидуальностями русского и испанского писателей, которых разделяло несколько столетий, было много общего.⁸ С другой стороны, нельзя забывать и о литературной традиции в развитии европейской прозы, благодаря которой воздействие Сервантеса на Гоголя преломлялось через произведения Фильдинга, Стерна, Гофмана и др. Какую же роль сыграл «Дон Кихот» в формировании замысла «Мертвых душ»? Ответ на этот вопрос непременно должен опираться на *гоголевское* понимание романа Сервантеса. В «Учебной книге словесности для русского юношества» Гоголь дает следующее определение вводимого им понятия «малого рода эпопеи»: «В новые веки произошел род повествовательных сочинений, составляющих как бы средину между романом и эпопеей, героем которой бывает хотя частное и невидное лицо, но однако же значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой. Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен, дабы представить с тем вместе вживе верную картину всего значительного в чертах и нравах взятого им времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков

⁴ См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952, т. VIII, с. 439—440.

⁵ Там же, т. XIV, с. 35.

⁶ См.: Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. М., 1931, с. 373.

⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VI, с. 644.

⁸ Любопытно, например, что на это обратил внимание один из первых популяризаторов творчества Гоголя в Испании, Хулиан Худериас-и-Лойот, в своих статьях о русском писателе, напечатанных в 1902, 1903 и 1909 гг. в журнале «La Lectura». См. также: Malkiel Y. Cervantes in Nineteenth Century Russia, p. 321.

и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом, прошедшем живых уроков для настоящего. Такие явления от времени до времени появлялись у многих народов. Многие из них хотя писаны и в прозе, но тем не менее могут быть причислены к созданиям поэтическим <...> Так Ариост изобразил почти сказочную страсть к приключениям и к чудесному, которым была завята на время вся эпоха, а Сервантес посмеялся над охотой к приключениям, оставшимся, после рококо, в некоторых людях, в то время, когда уже самый век вокруг их переменился, тот и другой сжились с взятою ими мыслью. Она наполняла неотлучно ум их и потому приобрела обдуманную, строгую значительность, сквозит повсюду и дает их сочинениям малый вид эпопей, несмотря на шуточный тон, на легкость и даже на то, что одна из них писана в прозе».⁹

Как известно, Гоголь раскрывал понятие «малого рода эпопей» прежде всего на основе «Мертвых душ». Назвав их поэмой, он, несомненно, опирался на свое представление о «Дон Кихоте», на свою концепцию романа Сервантеса. Именно «Дон Кихот» как отдаленный образец учитывался Гоголем при работе над эпическим произведением в прозе, написанным в шуточном тоне, дающем, по словам Пушкина, «полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».¹⁰ Определенное значение для русского писателя могли иметь и эстетические взгляды Сервантеса. Напомним, например, что в том или ином переводе Гоголь, несомненно, знал приведенную выше сервантесовскую теорию романа, в которой, в частности, отстаивается мысль, что «можно быть эпическим поэтом и в прозе».¹¹

Таким образом, имеются известные основания считать «Мертвые души» романом сервантесовского типа, однако не только лишь в смысле традиций так называемого романа «большой дороги», к которым никак не сводимы творения русского и испанского писателей. Сближает с «Дон Кихотом» «Мертвые души» и та роль, которую гоголевская поэма сыграла в современной ей русской литературе. По словам М. М. Бахтина, «все важнейшие романские образцы и разновидности были созданы в процессе пародийного разрушения предшествующих романских миров».¹² Несомненно, к этому ряду, открывающемуся с сервантесовского романа, примыкают и «Мертвые души». В переходную эпоху от романтизма к реализму «Дон Кихот» нередко воспринимался как произведение остро злободневное, ибо усматривалась аналогия между борьбой Сервантеса с рыцарской литературой и неприя-

⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 478—479.

¹⁰ См.: там же, с. 440.

¹¹ Цитирую по переводу В. Жуковского: Дон Кихот Ла Манхский. Сочинение Серванта. М., 1815, т. III, с. 220.

¹² Бахтин М. М. Слово в романе. — В кн.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики, с. 122.

тием романтической эстетики.¹³ Небезынтересно сопоставить два высказывания Белинского о значении произведений испанского и русского писателей, сыгравших, по его мнению, громадную роль в борьбе с отжившими свой век литературными направлениями:

«Сервантес убил своим несравненным „Дон-Кихотом“ ложно-идеальное направление поэзии...»¹⁴

«Гоголь убил два ложные направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, подобно разруганному актеру, и потом — сатирический дидактизм».¹⁵

ПЕРЕФРАЗИРОВАВ слова Р. Менендеса Пидалья, можно сказать, что Гоголь создал современный роман, подвергнув реалистической переоценке все фантастические вымыслы эпохи романтизма.¹⁶

Вряд ли целесообразно соотносить «Мертвые души» с «Дон Кихотом» на том основании, что их авторы по своему творческому методу являются представителями «ренессансного реализма», как это делает В. В. Кожин, ¹⁷ хотя для этого, несомненно, имеются некоторые основания, например единая природа сервантесовского и гоголевского комизма. Типологически смех Сервантеса и смех Гоголя — стихии, безусловно, родственные. Широко известны слова Белинского, который возражал Аксакову, считавшему юмор Гоголя уникальным: «...например, в романе Сервантеса Дон Кихот и Санчо Пансо несколько не искажены: это лица живые, действительные, по боже мой! сколько юмору, и веселого и грустного, и спокойного и едкого, в изображении этих лиц!»¹⁸

Как и «Дон Кихот», «Мертвые души» были первоначально задуманы как произведение по преимуществу комическое и лишь постепенно, по мере углубления замысла, превратились в широчайшую картину России, в произведение, в котором, как и в «Дон Кихоте», «налицо слияние серьезного и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в ней великого и прекрасного». Комизм предстает неразрывно связанным с трагизмом, все проявления его, от социальной сатиры и до иронии,¹⁹ при-

¹³ Эту же параллель проводил, например, в борьбе против романтической школы М. Твен. Выступая против «ядовитого» воздействия книг английских и американских романтиков, писатель усматривал в них рыцарские романы в новом обличье (см.: *Николаюки А. Н. Сервантес в американской литературе.* — В кн.: *Сервантес и всемирная литература*, с. 148).

¹⁴ *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.*, т. I, М., 1953, с. 266.

¹⁵ Там же, т. VIII, с. 81.

¹⁶ «Сервантес создал современный роман, подвергнув реалистической переоценке все фантастические вымыслы рыцарских романов» (*Менендес Пидаль Р. Избранные произведения.* М., 1961, с. 54).

¹⁷ См.: *Кожин В. К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века).* — Вопросы литературы, 1968, № 5, с. 77.

¹⁸ *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.*, т. VI, с. 429.

¹⁹ Помимо обличительной сатиры, М. М. Бахтиным в смехе Гоголя был выявлен амбивалентный карнавалный смех (Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура. — В кн.: *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики*, с. 484—495), а Ю. М. Лотманом — неотделимый

званы быть сопутствием трагизма (как и всегда в пародии),²⁰ подчеркивают противоречие, существующее между пошлостью, царящей в действительности, и высокими, хотя и во многом различными идеалами, которыми вдохновлялись оба писателя.

Неоднократно отмечалась генетическая связь (на первый взгляд производящая впечатление парадокса) между образами Чичикова и Дон Кихота. На этом настаивал еще Алексей Веселовский: «Дон-Кихот покидает свое мирное дедовское гнездо ради осуществления рыцарского идеала, всеми забытого и попорченного, для защиты угнетенных и слабых. Нашему времени уже непонятна эта фаустастическая погоня за радужными химерами, и Дон-Кихоту наших дней приличнее другой паряд и другие цели.²¹ Что если бы изобразить в виде полной противоположности ламацкому рыцарю рыцаря наживы, стремящегося не освободить гонимых, а самому угнетать и разорять, и если бы так же заставить его вечно переезжать с места на место, ища не столько приключений, сколько возможности совершать, как Топтыгин у Щедрина, „крупные, средние и малые злодейства“? Мысль о подобном переложении фабулы Сервантеса на русские нравы николаевских времен легко могла прийти на ум Пушкину и прежде всего должна была решить вопрос о самой форме романа, место действия которого будет столько же на большой дороге и проселочных путях, сколько в четырех стенах помещичьего жилья».²² И далее: «Если не в Пушкине, то во всяком случае в Гоголе должно было возбудить сочувствие это зрелище искупления былых излишеств и заблуждений, и в числе причин, определивших искупительное значение второго и третьего томов „Мертвых душ“ во внутренней истории Чичикова, думается нам, следует включить и влияние „Дон-Кихота“».²³ Преемственность подмечена верно, однако «деятельность» как Дон Кихота, так и Чичикова увидена в ложной перспективе. Не случайно и противоречие в двух вышеприведенных цитатах: то, что Дон Кихот покидает дедовское гнездо для защиты угнетенных и слабых, вряд ли может быть истолковано как «излишества и заблуждения». При подобной интерпретации образа Дон Кихота ситуативной анало-

---

от ужаса смех ряженных и масок, смех, связанный с миром дьявольской мороки (Гоголь и соотносение смеховой культуры с комическим и серьезным в русской национальной традиции. — В кн.: Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974, вып. 1 (5), с. 131—133).

²⁰ См.: *Фрейдберг О. М.* Происхождение пародии. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1973, вып. VI, с. 496 (публикация Ю. М. Лотмана).

²¹ Ср.: «Бескорыстная деятельность сделалась невероятною: она принимает такое же значение в мире современном, какое во времена Сервантеса получила деятельность рыцарская» (*Киреевский И. В.* О необходимости и возможности новых начал для философии (1856). — В кн.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979, с. 315).

²² *Веселовский Алексей.* «Мертвые души». Глава из этюда о Гоголе. — В кн.: *Веселовский А.* Этюды и характеристики. М., 1894, с. 567.

²³ Там же, с. 568.

гии не возникает. Герой Гоголя должен соотноситься с Дон Кихотом *непосредственно, прямо*. Для русского писателя афера Чичикова — не симптом грядущего будущего, а заблуждение, ослепление. Что же касается сервантесовского образа, то Гоголь воспринимал его в просветительской традиции. Дон Кихот для него — антигерой, донкихотство — явление отрицательное. Костанжогло, персонаж, выражающий во многом мысли автора, называет Дон Кихотом просвещения помещика, который «заведет такие школы, что дураку в ум не войдет», и Дон Кихотом человеколюбия помещика, который «настроит на миллион рублей bestолковейших больниц да заведений с колоннами, разорится, да и пусти́т всех по миру».²⁴ Отметим здесь, что явной переключкой (хотя и в новом виде и на новом этапе) со словами Муразова, обращенными к Чичикову, — «Я думаю о том, какой бы из вас был человек, если бы так же, с силою и терпеньем, да подвизались бы на добрый труд, имея лучшую цель! Боже мой, сколько бы вы наделали добра! Если бы хоть кто-нибудь из тех людей, которые любят добро, да употребили бы столько усилий для него, как вы для добыванья своей копейки, да сумели бы так пожертвовать для добра и собственным самолюбием и честолюбием <...> боже мой, как процветала <бы> наша земля!»²⁵ — звучат высказанные позднее известные взгляды Белинского на сервантесовский образ.

У Гоголя сумасшествие выступает в форме стяжательства. Сама по себе замена сумасшедшего на жулика не должна удивлять. С эпохи Возрождения функции образов плута и чудака были весьма схожи. Их назначением было вскрытие реального положения вещей, оба они были более зрячими, чем их окружение, и в этом смысле «взаимозаменяемы». Однако хотя Чичиков, подобно Дон Кихоту, активно вторгается в действительность и действия их одинаково отличаются от обычного нормального поведения, различие между ними состоит уже хотя бы в том, что Гоголь, вероятно, пародирует энтузиазм Дон Кихота энтузиазмом своего героя, придав ему, в противоположность первому, практический смысл, приведя при этом так же к полному краху.

Можно отметить также, что характеристика одного из второстепенных персонажей второй части романа, а именно Хлобуева, непосредственно восходит к «Дон Кихоту», к тому впечатлению, которое неизменно производил Рыцарь Печального Образа на людей, видевших и слышавших его впервые: «В речах его обнаружилось столько познания людей и света! Так хорошо и верно видел он многие вещи! Так метко и ловко очерчивал немногими словами соседей-помещиков, так видел ясно недостатки и ошибки всех <...> что они оба были совершенно обворожены его речами и готовы были признать его за умнейшего человека. „Мне удивительно“, сказал Чичиков: „как вы, при таком уме, не найдете

²⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VII, с. 68.

²⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VII, с. 112.

средств и оборотов?“ — „Средства-то есть“, сказал Хлобуев, и тут выгрузил им целую кучу прожектов. Все они были до того нелепы, так странны, так мало истекали из познания людей и света, что оставалось пожимать только плечами <...>»²⁶

Многие особенности определенным образом организованного романного слова, почти уникальное сочетание некоторых черт реалистического метода, впервые воплощенное в «Дон Кихоте», на новом этапе развития литературы и на новой почве проявляются в творчестве Гоголя. Например, к Сервантесу, в конечном счете, восходит такая важная особенность стиля русского писателя, как частые переключения с одного языкового регистра на другой, расшатывающие стабильные жанровые подразделения.²⁷ Роднит Гоголя с Сервантесом присущее им обоим величавое и вместе с тем вязкое словесное изобилие, усиливаемое протяженностью периодов.

Сходным образом Сервантес и Гоголь используют эфемизмы. Как правило, они связаны с «низовыми», натуралистическими, непристойными или игривыми выражениями или описаниями. Они играют важную структурообразующую роль, так как дают право на существование в пределах романа низкой культуре (хотя и в несколько трансформированном виде).²⁸

Гоголь принадлежал к той линии развития европейского романа, восходящей к Сервантесу, которая вступала с читателем в прямой разговор о секретах своего писательского ремесла.²⁹

При построении романа «большого дыхания» Гоголя мог заинтересовать такой характерный прием Сервантеса, как введение в основной текст вставных новелл. В «Дон Кихоте» они призваны раскрывать светлые, высокие стороны жизни, завершают картину мира. В архитектонике «Мертвых душ» функция внесюжетных эпизодов несколько иная. Ими «создается социальный фон, жизненное окружение героев, помогающее раскрыть сущность их пошлости». ³⁰ Эта новая функция, возможно, в какой-то мере была вызвана и тем, что писатель предполагал в дальнейшем дать иде-

²⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VII, с. 86—87.

²⁷ См.: Степанов Г. В. Дон Кихот, персонаж и личность. — Известия ОЛЯ АН СССР, т. 38. М., 1979, № 6, с. 517; Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя. — В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976, с. 313.

²⁸ Однако даже они, как у Сервантеса, так и у Гоголя, вызывали серьезные возражения. В русских переводах «Дон Кихота» они подчас «снимались», в «Мертвых душах» встретили отпор со стороны пуритской критики. Далеко не случайно имя испанского писателя прозвучало в отзыве Сенковского: в «Мертвых душах», по его мнению, «есть страницы, где этот талант сильно похож на талант знаменитого английского юмориста Диккенса». «Насчет грязи, — продолжает критик, — наш Гомер может дружески пожать руку английскому Сервантесу» (Библиотека для чтения, 1843, т. 57, март, отдел «Литературная летопись», с. 24—25).

²⁹ См.: Елистратова А. А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972, с. 111.

³⁰ См.: Бочарова А. К. Вставные эпизоды в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». — Учен. зап. Пензенского гос. пед. ин-та им. В. Г. Белинского. Пенза, 1956, вып. 3, с. 279.

альный образ России, более соответствующий его представлениям о красоте, истине, добре.

Что касается оригинальности замысла «Мертвых душ», на которой мы не имеем возможности останавливаться, то она общеизвестна. Достаточно сказать, например, что важнейшим отличием гоголевской «поэмы» от романа Сервантеса является присутствие в ней лирического образа народа, играющего столь существенную роль в структуре «Мертвых душ».³¹

7

«Сервантес стал для меня тем, чем, вероятно, стал для Вас Пушкин»,¹ — писал Тургенев Аппенкову. В этих словах, видимо, не было особого преувеличения. В Сервантесе он, несомненно, видел художника, близкого себе по творческим устремлениям и по способу отражения действительности. Это явствуется хотя бы из той характеристики, которую он дает творчеству испанского писателя. Поэзия Сервантеса, с его точки зрения, «глубокая река, спокойно текущая между разнообразными берегами; и понемногу увлеченный, охваченный со всех сторон ее прозрачными волнами, читатель радостно отдается истинно эпической тишине и плавности ее течения».² Эти слова вполне могли быть автохарактеристикой.³

Еще современниками было подмечено, что тургеневская интерпретация образа Дон Кихота была широко реализована в его художественных произведениях — и не могла не быть реализована, так как ему, по словам Л. Н. Толстого, была присуща «не сформулированная двигавшая им и в жизни, и в писаниях, вера в добро — любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных, и ярче и прелестнее всего в Дон-Кихоте, где парадоксальность и особенность формы освободила его от стыдливости перед ролью проповедника добра».⁴ По словам П. А. Кропоткина, учитывавшего прежде всего реальное существование типов, описанных Тургеневым, в русской действительности, Тургенев любил Гамлета и восторгался Дон-Кихотом.⁵

В статье «Гамлет и Дон-Кихот» получили философское обоснование все те вопросы, которые волновали его как художника и к которым он неизменно возвращался на каждом новом этапе

³¹ См.: История русского романа. М.—Л., 1962, т. 1, с. 335. — Автор раздела о Гоголе — Д. Е. Тамарченко.

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, т. 2, с. 172.

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 5, с. 343.

³ Любопытно, что с Сервантесом Тургенева сравнивал Г. Флобер, прекрасно знавший творчество обоих писателей (см.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969, т. 2, с. 514).

⁴ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.—Л., 1934, т. 63, с. 150.

⁵ См.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969, т. I. — Ср. несколько иную мысль в воспоминаниях С. Н. Кривенко: «Тургенев сам отдавал предпочтение людям действия, но любил не Дон-Кихотов, а Гамлетов» (И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. I, с. 448).

своей творческой биографии: о разнообразии форм взаимоотношений личности с обществом, о необходимости для человека рано или поздно попытаться осмыслить свое существование, о возможности деятельного, активного добра.⁶ Вполне закономерно поэтому, что многие любимые герои писателя наделены в той или иной степени чертами Дон Кихота, подчас в сложном сочетании с гамлетовскими.⁷ Тургенев не случайно настаивал в своей речи на том, что очерченные им образы — мыслительные абстракции, а в жизни реальные человеческие типы располагаются на огромном пространстве между этими двумя полюсами.⁸

Исследователями отмечалось, что одним из первых тургеневских донкихотских персонажей был Яков Пасынков.⁹ С Дон Кихотом явно соотнесен Рудин. Эта соотнесенность, фактически незаметная в начале романа, «сигнализирует» о себе при отъезде Рудина из имения Ласунской, когда он в разговоре с Басистовым проводит параллель между собой и Дон Кихотом, покидающим герцогский дворец. По-донкихотовски смешны все последующие попытки Рудина «принести существенную пользу» — и в хозяйстве богатого помещика посредством «разных усовершенствований и нововведений», и в деле преобразования несудоходной реки в судоходную, и в поисках путей коренного переустройства преподавания в гимназиях. И наконец, концовкой романа Тургенев, по словам современного исследователя, стремится доказать, что Рудин, изображенный в начале «с резко выраженными чертами Гамлета (в его тургеневском понимании), может стать своего рода Дон-Кихотом, способным на героический, хотя и бесцельный поступок».¹⁰ Это «напряжение» между гамлетовскими и донкихотовскими чертами в образе Рудина было отмечено еще «провинциалом» в открытом письме к Тургеневу, напечатанном в «Отечественных записках»: «Уже в Рудине было видно подобное стремление собрать нескольких представителей и поставить их всех в более или менее враждебное столкновение с человеком, Гамлетом в частной жизни и Дон-Кихотом в общественной, с че-

⁶ Этой теме посвящено немало работ. См., например: *Винникова И. А.* Статья «Гамлет и Дон-Кихот» и демократический герой в романе «Накануне». — В кн.: *Винникова И. А.* И. С. Тургенев в шестидесятые годы. Саратов, 1965, с. 6—30; *Буданова Н. Ф.* Роман «Новь» в свете тургеневской концепции Гамлета и Дон-Кихота. — Русская литература, 1969, № 2, с. 180—190; *Прокин В. Г.* Концепция человека в статье «Гамлет и Дон-Кихот» и ее развитие в художественном творчестве И. С. Тургенева. — В кн.: Трудности и новаторство. Уфа, 1975, вып. 3, с. 166—181.

⁷ О различных вариантах сочетания (от «чередования» до «слияния») черт гамлетизма и донкихотства в героях Тургенева см. в кн. «Шекспир и русская культура» в разделе о Тургеневе, написанном Ю. Д. Левиным (с. 465—467).

⁸ См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 5, с. 346.

⁹ См., например, примечания к этому рассказу Тургенева в издании: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 5, с. 405 (автор примечаний — Е. И. Кийко).

¹⁰ См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 5, с. 484.

ловеком, у которого все социальное неудачно и бессознательное великолепно...».¹¹

Пожалуй, наиболее завершенным художественным воплощением тургеневской концепции Дон Кихота, почти совсем лишенным гамлетовских черт, является Инсаров из романа «Накануне». Со времени появления первых рецензий на роман сложилась устойчивая традиция видеть в понимании русским писателем образа Дон Кихота ключ, автокомментарий к роману и его центральному персонажу. Инсаров, по словам П. Е. Басистова, это «отвлеченная идея донкихотства, в благороднейшем смысле этого слова, окрещенная славянской фамилией, но, при всем том, оставшаяся отвлеченной, как создание мышления, а не фантазии».¹² В отличие от Басистова, Н. Н. Булич благодарит Тургенева за обращение к «живому (разрядка моя, — В. Б.) человеку, составленному из жертвы, веры, сознательной деятельности, которых ждет наша жизнь, как поле дождя».¹³ Рецензент справедливо напоминает критике, что коль скоро она признает мысль речи и мысль романа одной и той же, то необходимо учитывать, что в Дон Кихоте для Тургенева важны были не безрассудные поступки, а «сердце его, непреклонная воля, нравственность, а главное вера, теплая вера в успех своего дела, служение идее, неразрывно слившейся с жизнью, со всем существом человека».¹⁴

При сопоставлении образов Дон Кихота и Инсарова особенно знаменательным представляется нам тот факт, что нередко другие персонажи романа говорят об Инсарове то же, что сам Тургенев говорил о герое Сервантеса. Особенно характерны некоторые записи в дневнике Елены и ее письмо к Инсарову. «Ты веришь, а тот нет, потому что только в самого себя верить нельзя»,¹⁵ — так Елена определяет разницу между Инсаровым и Курнатовским. На той же основе противопоставляет Тургенев Дон Кихота Гамлету. Дон Кихот, по его мнению, «верит, верит крепко и без оглядки», в Гамлете же — «эгоизм, а потому безверье. Он весь живет для самого себя, он эгоист; но верить в себя даже эгоист не может; верить можно только в то, что вне нас и над нами».¹⁶ Характеры совпадают вплоть до некоторых частных штрихов ких портретам. Если в Дон Кихоте, с точки зрения Тургенева, отсутствует чувство изящного, то в Инсарове «поэзии нема», как ут-

¹¹ Письмо провинциала к г. Тургеневу (по поводу романа «Накануне»). — Отечественные записки, СПб., 1860, май, т. СХХХ, с. 22 (автор письма — К. Н. Леонтьев).

¹² См.: Басистов П. Е. Толки о том, что нового в новом романе г. Тургенева. «Накануне» И. С. Тургенева. Москва, 1860. — Отечественные записки, 1860, май, т. СХХХ, с. 9 (раздел «Русская литература»).

¹³ См.: Булич Н. Н. Две повести г. Тургенева: «Накануне» и «Первая любовь» (Русский вестник, январская и Библиотека для Чтения — мартовская книжки). — Русское слово, 1860, № 5, с. 17 (раздел «Критика»).

¹⁴ Булич Н. Н. Две повести г. Тургенева, с. 26.

¹⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 6, с. 249.

¹⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 5, с. 332, 333.

верждает Шубин. Его оценка — первоначально содержавшая следующее важное уточнение: «ограниченность и потому сила»,¹⁷ полностью соответствует мнению Тургенева, что истоки воли Дон Кихота, его уверенности в победе коренятся в его ограниченности, в том, что он «едва знает грамоте».¹⁸

Менее правомерно подключение к этому ряду образа Базарова, хотя эту близость усматривали как современники Тургенева,¹⁹ так и исследователи в XX в.,²⁰ основываясь на отличных от тургеневской концепциях образа Дон Кихота. Наконец, с точки зрения русского писателя, своеобразными донкихотами были народники.²¹ Наибольший интерес в этом отношении представляет «взгляд изнутри», например мнение П. Л. Лаврова: «Здесь, при оценке того комического элемента, который внес Тургенев в фигуры „опростившихся“, следует взять в соображение слова его по поводу подобного же элемента в Дон-Кихоте, сказанные за семнадцать лет ранее (...). Бесспорно, что бойцы за лучшее будущее русского народа, выставленные автором в „Нови“, были для него сродни Дон-Кихоту, но следует не забывать, что для него донкихоты были „служителями идей и обвеяны ее сиянием“ (I, 337), что „попирание“ их „свинными ногами“ есть „последняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманию“ и что тем самым „они завоевали себе

¹⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч., т. 8, с. 426.

¹⁸ Другие цитаты, подтверждающие эту близость, см. в статье Н. Л. Бродского «И. С. Тургенев в работе над романом „Накануне“» (Свиток. М., 1922, вып. 2, с. 80—85).

¹⁹ Весьма красноречиво, например, сопоставление Дон Кихота с Базаровым в брошюре В. Карелина «Дон-Кихотизм и демопизм»: «... мы спросим: не видим ли мы возле нас — вознесшегося над обыкновенным уровнем, исполненного самых благородных намерений, ума и таланта, который принял на наших глазах ветряную мельницу за великана, провозгласив поклонение новому Анису — распластанной лягушке, отвергнув во имя ее если не все великое, то столько прекрасного и возглашая, что человек на высшей ступени своего духовного развития может просить только хлеба и лягушек» (с. 43). Показательно при этом, что Карелин видел в Дон Кихоте «проявление инициативы и силы, принявшей ложное направление», ориентируясь в этом отношении, несомненно, на известное понимание сорвантесовского образа Беллинским.

²⁰ Так, Б. М. Энгельгардт назвал Базарова «Дон Кихотом позитивизма, который принимал великанов за мельницы, волшебные замки за грязные харчевни, который видел в любимой женщине (Прекрасной Даме) — роскошное тело для анатомического театра» (Энгельгардт Б. В пути погибший. — В кн.: Об Александре Блоке. Пг., 1921, с. 14).

²¹ То, что Нежданов из тургеневской «Нови» — это Гамлет, играющий роль Дон Кихота, было отмечено еще А. Ярмолинским (Yarmolinsky A. Turgenev. The man—his art—and his age. London, 1926, p. 302). Любопытно, что эту аналогию усмотрели и западные (в частности, испанские) наблюдатели. Эту параллель, например, проводит Э. Пардо Басан (возможно, без помощи тургеневской «Нови»), всю жизнь интересовавшаяся русской жизнью и литературой, в книге «Революция и роман в России» (Pardo Bazán E. La Revolución y la novela en Rusia. Madrid, 1887). Русский народ, по ее мнению, так же не понял своих «фанатичных обожателей», как грубая поселянка не поняла возвышенных речей «ослепленного ее красотой» Дон Кихота (с. 182—183).

бессмертие“ (I, 351). Конечно, Добролюбовы и их законные наследники в деле революционной мысли не хотели признать в своих рядах людей типа Дон-Кихота <...>, но партии, совершающие и особенно начинающие великое историческое дело, составляют не по собственным идеалам, а по тому фатальному процессу, которому прошедшее подчинило эволюцию вырабатывающего их общества».²²

8

Поэтика Ф. М. Достоевского, по словам Л. П. Гроссмана, «уходила корнями в литературную почву нескольких столетий и охватывала эволюцию романа от Ренессанса до конца XIX века».¹ Что касается литературы Возрождения, то особенно значительным было воздействие Шекспира и Сервантеса.

Интерес Достоевского к «Дон Кихоту» коренился прежде всего в нравственных проблемах, которые были затронуты в романе Сервантеса, проблемах, имеющих «общечеловеческое» значение. В «Дневнике писателя» за 1877 год он называет «Дон Кихота» «великим произведением всемирной литературы», принадлежащим к числу книг, которые «посылаются человечеству по одной в несколько сот лет».² Там же Достоевский высказывает пожелание, чтобы с произведением Сервантеса основательно знакоилось юношество: «...знакомство с этой величайшей и самой грустной книгой из всех созданных гением человека, несомненно возвысило бы душу юношества великою мыслью, заронило бы в сердце его великие вопросы и способствовало бы отвлечь его ум от поклонения вечному и глупому идолу середины, вседозвольному самомнению и пошлomu благоразумию».³ И наконец: «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и, если бы кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: „Что вы, поняли ли вы вашу жизнь на земле и что об ней заключили“ — то человек мог бы молча подать Дон Кихота: „Вот мое заключение о жизни и — можете ли вы за него осудить меня?“».⁴ С точки зрения русского писателя, «Дон Кихот» — это «заключение о жизни». Как «заключение о жизни» он рассматривал и собственное творчество.

Первое упоминание «Дон Кихота» мы находим в «Романе в девяти письмах» 1847 г.⁵ Однако начало творческого восприя-

²² См. в кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1, с. 396—397.

¹ См.: Гроссман Л. П. Достоевский-художник. — В кн.: Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959, с. 338.

² См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. худ. произв., т. XII, с. 255.

³ Там же, с. 255.

⁴ Там же, т. XI, с. 235.

⁵ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., т. 1, 1972, с. 238.

тия Достоевским романа Сервантеса приходится на 60-е гг.⁶ Основное внимание ученые справедливо сосредоточивали на образе князя Мышкина, на выявлении тех черт, которые роднят его с Рыцарем Печального Образа. К сожалению, данная тема привлекалась, в основном, для решения более широких задач и редко стояла в центре внимания исследователей. Кроме того, критики в большинстве своем недооценили ту трансформацию, которую претерпел в сознании Достоевского образ Дон Кихота и которая нашла наиболее полное выражение в главе «Ложь ложью спасается» из «Дневника писателя» за 1877 г. Между тем очевидно, что при анализе данной литературной связи надо исходить не столько из образа, созданного фантазией испанского писателя, сколько из концепции этого образа у Достоевского.

Сцена между Дон Кихотом и его оруженосцем — основа этой главы — является совершенно самостоятельным произведением русского писателя, столь же самостоятельным, как, например, «Сцена из Фауста» Пушкина. Эпизод, сочиненный Достоевским, представляет для исследователя первостепенный интерес уже хотя бы потому, что образ Дон Кихота в отличие от многих других образов, вошедших в золотой фонд мировой литературы, таких, как Фауст или Дон Жуан, гораздо реже воссоздавался во всей полноте реалий, со всеми своими сюжетными, пространственно-временными и бытовыми, а не только мировоззренческими, атрибутами.⁷

Главой «Ложь ложью спасается» Достоевский лишний раз доказал, что он был блестящим мастером в воссоздании чужой литературной манеры. Что касается стиля романа Сервантеса, его синтаксиса, его лексических особенностей, подробностей повествования, описаний, то они воспроизведены Достоевским с удивительной точностью. В результате сочетание местного колорита, деталей сюжета, проникновения русского писателя в сущность

---

⁶ В. Джусто, автор статьи «О донкихотизме некоторых персонажей Достоевского», утверждает, что русский писатель еще в начале своей литературной карьеры создал два «донкихотовских» характера, Девушкина и Голядкина. Хотя между образами Девушкина и Голядкина, с одной стороны, и Дон Кихота — с другой, имеется ряд аналогий (например, итальянский исследователь обращает внимание на то, что все они считают своим долгом защищать девушек, нуждающихся, по их мнению, в их заступничестве), это, на наш взгляд, не дает оснований связывать их с образом Дон Кихота (см.: *Giusti W. Sul donchisciottismo di alcuni personaggi del Dostojewskij. — La Cultura. Roma—Ginebra, 1931, t. 10, p. 171—179.*)

⁷ На этом основании Л. Е. Пинский предлагает для образов Дон Кихота и Гамлета ввести, на наш взгляд, не совсем удачный термин «сюжет-ситуация» (см.: *Пинский Л. Сюжет «Дон Кихота» и новый европейский роман. — Вопросы литературы, 1960, № 4, с. 168—181.*) — Действительно, в произведениях, написанных после «Гамлета» и «Дон Кихота» на те же темы, значительно чаще, чем в случае с «Фаустом» и «Дон Жуаном», действие переносилось в другие страны и новые эпохи, а сюжетной канве первоисточника уделялось при этом гораздо меньше внимания. Однако воссоздаваемые в этих произведениях *ситуации* не только отличались друг от друга в каждом конкретном случае, но и могли быть подчас решительно враждебны друг другу.

сервантесовского образа и тонкой стилизации литературной манеры оказалось настолько цельным и убедительным, что принадлежность этой сцены Сервантесу долгое время не вызывала никакого сомнения. Первым на отсутствие этого эпизода в романе Сервантеса обратил внимание испанский литературовед Мальдонадо де Гевара, предпославший переводу его на испанский язык в специальном периодическом издании, посвященном Сервантесу, небольшую статью.⁸

Замысел эпизода возник в сознании писателя, по-видимому, за год до написания. В записной тетради 1875—1876 гг. имеется характерная запись: «Дон Кихот, люди из киселя».⁹ Эта фраза послужила толчком для создания всей сцены разговора Дон Кихота с Санчо, которая представляет собой начало сравнительно небольшой по объему первой подглавки второй главы сентябрьского номера «Дневника писателя» за 1877 г. Завершают подглавку размышления Достоевского как по поводу романа Сервантеса, так и по поводу сочиненного им эпизода. Примечательно, что в этой сцене Достоевским не выдуманы, а взяты непосредственно из текста «Дон Кихота» многие конкретные детали его художественного мира. Сюда относится сама ситуация разговора Дон Кихота с оруженосцем во время их скитаний, содержание их разговора, обилие повествовательных реалий: упоминание Амадиса Гальского, злых волшебников, прекрасных дам и т. д. Особо хотелось бы отметить отступление о продаже Дон Кихотом нескольких акров своего поместья для приобретения книг, так как оно значительно расширяет временные рамки данного эпизода. Однако весь этот материал переосмыслен Достоевским совершенно по-новому.

На наш взгляд, глава «Ложь ложью спасается» — пастиш, поскольку русский писатель, несомненно, стремился «уяснить и воспроизвести стилистическую манеру»¹⁰ Сервантеса во всех ее индивидуальных особенностях, и в то же время произведение, написанное «по мотивам» «Дон Кихота».

Особенность трактовки Достоевским сервантесовского образа в том, что он — сознательно или бессознательно — смешивает свои собственные сомнения, борьбу веры и неверия с внешними потрясениями, которые испытывает вера Дон Кихота. В конечном счете герой Сервантеса оказывается наделенным сомнениями героев Достоевского. Так, характеризуя своего Дон Кихота, Достоевский пишет: «Самый фантастический из людей, до помешательства уверовавший в самую фантастическую мечту, какую

---

⁸ *Maldonado de Guevara F. Dostoevski y el Quijote. — Anales Cervantinos. Madrid, 1953, v. 3, p. 367—375.* — В нашей печати на сам факт отсутствия этой сцены в «Дон Кихоте» указал С. Г. Бочаров в статье «О композиции „Дон Кихота“» (в кн.: Сервантес и всемирная литература, с. 103).

⁹ Лит. наследство. М., 1971, т. 83, с. 404.

¹⁰ См. тезисы доклада М. П. Алексеева в сборнике: О принципах определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы. Л., 1960, с. 15.

лишь можно вообразить, вдруг впадает в сомнение и недоумение, почти поколебавшее всю его веру».¹¹ Нет ничего удивительного, что образ князя Мышкина связан именно с Дон Кихотом Достоевского, Дон Кихотом сомневающимся, наделенным «двойными мыслями», которые он, однако, вынужден по возможности преодолевать.¹²

Над романом «Идиот» Достоевский работал за границей, с осени 1867 г. по январь 1869 г. В письме к А. Н. Майкову от 12 января 1868 г. он делится своими соображениями о характере главного героя романа, над которым работает, и о своей главной идее — изобразить «вполне прекрасного человека». В письме к С. А. Ивановой от 13 января Достоевский уточняет свою мысль: «Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон-Кихот».¹³ Наряду с Христом Дон Кихот, несомненно, был одним из главных прототипов его героя.¹⁴

Авторы работ на тему «Достоевский и Сервантес»,¹⁵ в которых проводится ряд параллелей между двумя романами, основывались обычно на окончательном тексте «Идиота». Между тем черновики Достоевского к этому роману представляют для нашей темы не меньший интерес. Из подготовительных материалов к роману для анализа данной литературной связи привлекалась лишь запись, свидетельствующая о большом интересе русского писателя к речи Дон Кихота, посвященной Золотому веку:

— Согласны вы, Князь?

— Нет, не согласен.

Всякая травка, всякий шаг, Христос. Вдохновенная речь Князя. (Дон-Кихот и желудь). «За здоровье солнца».¹⁶

---

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. худ. произв., т. XII, с. 256. — Подробнее об эпизоде, сочиненном Достоевским, см. в нашей статье: Достоевский о «Дон-Кихоте» Сервантеса. — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978, вып. 3, с. 126—135.

¹² Любопытно, что в сатире «Послание Белинского к Достоевскому» (начало января 1846 г.) И. С. Тургенев называет самого Достоевского Витязем Горестной фигуры (см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч., т. 1, с. 332). В этой связи можно вспомнить, что образ князя Мышкина носит в значительной мере автобиографический характер. Возможно, во время работы над романом Достоевский учитывал в какой-то мере тот факт, что в начале литературной деятельности его личность ассоциировалась у современников с образом Рыцаря Печального Образа.

¹³ Достоевский Ф. М. Письма. М.—Л., 1930, т. 2, с. 71.

¹⁴ По другому принципу сопоставлены образы Дон Кихота и Христа в известной книге Мигеля де Унамуно «Жизнь Дон Кихота и Санчо» (1905). По мнению испанского мыслителя, совпадают многие эпизоды легендарной биографии Христа и литературной биографии Дон Кихота (попятой Мигелем де Унамуно по большей части метафорически).

¹⁵ Giusti W. Sul donchisciottismo di alcuni personaggi del Dostojevskij; Turkevich L. B. Cervantes in Russia, p. 115—130; многие разделы книги: Serrano-Plaia A. Realismo mágico de Cervantes (Madrid, 1967).

¹⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 9, с. 277.

Таким образом, Достоевский связывал монолог князя «За здоровье солнца» с речью Дон Кихота о Золотом веке, поводом для которой, как известно, послужили его размышления о желуде.

В окончательном тексте «Идиота» автор несколько раз подводит читателя к мысли, что Мышкин — это новый Дон Кихот. Как известно, Достоевский любил давать литературный или, шире, культурно-исторический «ключ» к своим произведениям.¹⁷ Литературные ассоциации, по его мнению, должны были дополнять и обогащать образы героев целыми комплексами общечеловеческих черт, связанных с тем или иным мировым образом.¹⁸ В частности, писатель мимоходом отмечать книги, которые читают его герои. Характерный пример этого литературного приема имеется в «Идиоте». Полученную от князя записку Аглая сначала кладет на свой столик, а затем в какую-то толстую книгу. «И уж только чрез неделю случилось ей разглядеть, какая была это книга. Это был „Дон-Кихот Ламанчский“. Аглая ужасно расхохоталась — неизвестно чему».¹⁹ В комплекс литературных ассоциаций (столь важных для каждого из героев Достоевского) входит также пушкинский «Рыцарь Бедный». Этот образ как промежуточное звено между двумя интересующими нас героями заслуживает особого внимания. Своеобразная «родословная» князя Мышкина, до поры до времени скрытая, становится очевидной во время чтения Аглаей пушкинской «Легенды». По ее словам, Рыцарь Бедный, а следовательно, и князь, «тот же Дон-Кихот, но только серьезный, а не комический».²⁰ В другом месте, говоря о герое баллады Пушкина, она характеризует его следующим образом: «... в стихах этих прямо изображен человек, способный иметь идеал, во-вторых, раз поставив себе идеал, поверить ему, а поверив, слепо отдать ему всю свою жизнь». Не важно, в чем, собственно, состоит этот идеал, важно лишь, чтобы «это был какой-то светлый образ».²¹ Расширяя границы пушкинского героя, Достоевский тем самым приближает его к образу Дон Кихота. В черновиках к «Идиоту» имеется чрезвычайно важное уточнение этого идеала применительно к Мышкину, которое, бесспорно, отдаляет его от пушкинского образа и приближает к странствующему рыцарю Сервантеса: «Да, он был „полон чистою любовью“, он был „верен сладостной мечте“ — восстановить и воскресить человека!»²²

Известную близость обнаруживают оба писателя в оценке смертной казни и каторги. По мнению Мышкина, убийство по

¹⁷ См.: Гроссман Л. П. Достоевский-художник. — В кн.: Творчество Ф. М. Достоевского, с. 351—352.

¹⁸ Достаточно вспомнить Митю Карамазова, в связи с которым всплывают имена Отелло, Франца Моора, Улисса и Гамлета.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 8, с. 157.

²⁰ Там же, т. 8, с. 207.

²¹ Там же, т. 8, с. 207.

²² Там же, т. 9, с. 264.

приговору того, кто убил, «несравненно ужаснее, чем убийство разбойничье».²³ Рассуждение Дон Кихота о каторжниках и его дальнейшее поведение является как бы предваряющим мысль князя активным ответом на нее и активной ее проекцией. Узнав, что «эти люди идут на галеры по принуждению, а не по доброй воле», Дон Кихот освобождает их. Единственный его аргумент — то, что природа создала их свободными.²⁴ В обоих случаях писатели противопоставляют официальным законам и справедливости, на них построенной, справедливость, основывающуюся на более высоком законе — любви и милосердии. Достоевский не мог не обратить внимания на столь близкий ему мотив в «Дон Кихоте». Он даже намеревался ввести аналогичную сцену в текст своего романа. В черновиках есть такая запись: «Князь выпустил убийцу <...> Я его выпустил, а он зажег все село (крестьяне взяли с меня)».²⁵ Аналогия между двумя эпизодами очевидна, тем более что предполагались также плачевные последствия события.

В начале работы над романом Достоевский наметил определенный путь создания положительного героя. С. А. Ивановой он писал, что Дон Кихот прекрасен единственно потому, что в то же время смешон.²⁶ Юмор, по его убеждению, открывает прекрасное в комическом. Он, видимо, предполагал в какой-то мере сочетать обе эти черты в князе Мышкине. Обращает на себя внимание следующая запись в черновиках: «Несколько ошибок и комических черт Князя».²⁷ Однако почти в то же время появляется запись прямо противоположного характера: «Смешон. Как он отклоняет смех».²⁸ Если в начале работы над романом Достоевский предполагал соединить в Мышкине обе черты, способные, по его мнению, пробуждать симпатию в читателе, — наивность и комизм, то впоследствии писатель так охарактеризовал своего героя: «Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он! невинен!»²⁹ Таким образом, Достоевский отступил от им же самим открытого закона.

Тот факт, что образ, созданный фантазией русского писателя, лишен воинственности своего предшественника, в значительной мере обусловлен тем, что, по замыслу Достоевского, Мышкин должен был быть паделен некоторыми чертами Христа.³⁰ Вместе с тем следует отметить, что образ самого Дон Кихота, как любой из мировых образов, многогранен. Дон Кихоту *всегда* сопутство-

²³ Там же, т. 8, с. 20.

²⁴ *Сервантес Сааведра М. де.* Собр. соч. в 5-ти т., т. 1, с. 230.

²⁵ Там же, т. 9, с. 269.

²⁶ См.: *Достоевский Ф. М.* Письма, т. 2, с. 71.

²⁷ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 9, с. 242.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 239.

³⁰ Например, самый «антидонкихотовский» эпизод в романе — сцена, в которой Ганя дает пощечину князю Мышкину, — восходит, несомненно, к образу Христа.

вал Алонсо Кихано Добрый. Ошибочно полагать, что в романе на последних страницах происходит превращение одного в другого: «...я уже не Дон Кихот Ламанчский, а Алонсо Кихано, за свой нрав и обычай (разрядка моя, — В. Б.) прозванный Добрым».³¹ Трансформация, которой русский писатель подверг роман Сервантеса, коснулась и этого аспекта: переставив акценты, он именно Алонсо Кихано Доброго сделал героем «Дон Кихота».

В заключение следует подчеркнуть, что князь Мышкин — образ, несомненно, оригинальный, подсказанный Достоевскому русской действительностью, что прекрасно доказывается во многих работах, посвященных «Идиоту».³² Не случайно большинство из сделанных нами наблюдений относится к черновым материалам.³³ Особой близости между образом Мышкина и его отдаленным литературным прототипом быть не могло, ибо этому препятствовало существенное различие как в методах художественного постижения и воплощения действительности, так и в авторском отношении к герою.

Помимо романа «Идиот» других прямых доказательств творческого осмысления русским писателем «Дон Кихота» немного. Между тем в целом они свидетельствуют, что в соответствии с конкретными писательскими задачами сопоставления его героев с Дон Кихотом возникают в разных параметрах, при этом в многогранном сервантесовском образе на первый план выступает та или иная его черта: отсутствие «такта действительности», беззаветное служение женщине и т. д.³⁴ Особый интерес представляет для нас образ Аркадия из романа «Подросток», так как в нем, в плане литературных ассоциаций, должны были, по мысли автора, сочетаться отдельные черты одновременно Дон Кихота и Санчо Пансы. Предполагалось сложное единство нравственной чистоты («Вообще же весь роман через лицо подростка, ищущего правды жизненной (Жиль-Блаз и Дон-Кихот), может быть очень симпатичен»³⁵) и «здорового смысла, благоразумия, хитрости, золотой середины» («Когда он ночью у Васина, то излагает ему часть сущности идеи (Санхо-Пан-

³¹ *Сервантес Сааведра М. де.* Собр. соч. в 5-ти т., т. 2, с. 595.

³² См., например, статью Г. М. Фридляндера «Роман Ф. М. Достоевского „Идиот“» (в кн.: Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959, с. 173—214).

³³ Ряд иных деталей и уточнений, существенных для понимания как процесса формирования образа князя Мышкина, так и нетрадиционной оценки русским писателем образа Дон Кихота см. в нашей статье «Достоевский и писатели Испании» (в кн.: *Iberica*. Л., 1982 (в печати)).

³⁴ См., например, следующую запись в подготовительных материалах к роману «Бесы»: «Социалистов и нигилистов даже Он бесспорно как идеал, кроме самых глупеньких. — И вот этот идеал, веривший в свое воскресение и в божество, как в дважды два, умирает, конечно, разумеемся, без воскресения. — Это сильнее всего, искусство последним словом в этой мысли дало только Дон-Кихота» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 11, с. 306).

³⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 16, с. 63.

са)»;³⁶ «Разговор о бароне-горбуне и острове на Балтийском море»³⁷).

На протяжении всей творческой деятельности Достоевского привлекала речь Дон Кихота о Золотом веке. Ее мотивы оригинально преломились в рассказе «Сон смешного человека». Моплот Дон Кихота был, вне всякого сомнения, лишь очень отдаленным источником концепции Золотого века, вложенной Достоевским в уста своего героя, однако некоторые детали представлений о нем у обоих героев совпадают.³⁸

Интерес Достоевского к «Дон Кихоту» был также вызван его размышлениями о связи фантастического и реального в искусстве, о проникновении фантастического в реальность и наоборот, — интересом, который был свойствен русскому писателю на протяжении всей его жизни. В романе Сервантеса его привлекала та особенность, о которой он — применительно к рассказам Э. По — писал: «Эдгар Поэ только допускает внешнюю возможность неестественного события (доказывая, впрочем, его возможность и иногда даже чрезвычайно хитро) и, допустив это событие, во всем остальном совершенно верен действительности».³⁹ Одна из характерных особенностей героя Сервантеса и состоит как раз в способности, допуская возможность неестественного события, во всем остальном быть совершенно верным действительности. Достоевский одним из первых в «Дон Кихоте» отметил то, что является одним из его излюбленных собственных приемов.⁴⁰

³⁶ Там же, с. 221.

³⁷ Там же, с. 34. — Об «идеи острова» см. также с. 37, 76, 93, 97. Как неоднократно подчеркивалось исследователями (первым на это обратил внимание А. С. Долинин), мечта Аркадия стать «независимым королем острова» связана с аналогичным стремлением Санчо Пансы.

³⁸ Среди совпадающих пунктов можно выделить следующие. 1) Люди любили окружающий мир, но плохо его знали. Они не мучили природу орудиями труда; та все давала им сама. 2) Люди были правдивы, естественны и дружелюбны. 3) Отсутствие сладострастия: «У них была любовь и рождались дети, но никогда я не замечал в них порывов того жестокого сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. худ. произв., т. XII, с. 117). Ср.: «Девушки, как я уже сказал, всюду ходили об руку с невинностью, без всякого присмотра и надзора, не боясь, что чья-нибудь распущенность, сладострастием распаляемая, их оскорбит, а если они и теряли невинность, то по своей доброй воле и хотению. Ныне же, в наше подлое время, все они беззащитны, хотя бы их спрятали и заперли в каком-нибудь лабиринте наподобие критского, ибо любовная зараза носится в воздухе...» (Сервантес Сааведра М. де. Собр. соч. в 5-ти т., т. 1, с. 129). Совпадение в этом пункте имеет для нашей темы особое значение. Как известно, в представлении Достоевского сладострастие было одним из самых тяжких грехов. Не случайно те немногие из его героев, которым было отказано во всем человеческом, были, как правило, «сладострастниками».

³⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. худ. произв., т. XIII, с. 523.

⁴⁰ «В методе Достоевского, — по мнению Д. С. Лихачева. — есть нечто общее с методом агнографа, пишущего о чуде и заинтересованного в том, чтобы убедить читателя в действительности происшедшего с помощью натуралистических и „точных“ топографических указаний, выражающего

Реализм Сервантеса — это именно тот реализм, право на который Достоевский отстаивал как в своей публицистике, так и в литературной практике: реализм «в высшем смысле».

Стремлением к «жанровой энциклопедичности» Достоевский также, скорее всего, обязан Сервантесу. В композиции у обоих художников это стремление проявляется в форме «контрапункта».⁴¹ Композиционное единство в «Дон Кихоте» и в романах Достоевского достигается путем умелого сочетания динамичных, стремительных, «событийных» сцен действия, сцен «диспутов», «полемики», фактически останавливающих основной сюжет, и «вставных» повелл, в структурном отношении чрезвычайно важных. Можно отметить такую особенность романов Достоевского, также, возможно, восходящую к «Дон Кихоту», как неожиданные и не всегда оправданные встречи всех главных героев в одном месте, «сгустки» сюжетных линий, которые, как правило, завершаются «скандалами», непременно вскрывающими важные элементы писательского замысла. Заслуживает внимания также наблюдение М. М. Бахтина о наличии во многих произведениях Достоевского, особенно в «Идиоте», «карнавалльно-фантастической» атмосферы, которую он связывает с воздействием романа Сервантеса.⁴²

9

Одним из самых ярких воплощений идеи о русских Дон Кихотах являются многие из любимых героев Н. С. Лескова.¹ Роман Сервантеса был прочитан им еще в детстве, в Орле, когда он, посещая дом А. Н. Зиновьевой, пользовался хранившейся в нем библиотекой К. П. Масальского. Впоследствии встречающиеся ему типы русских людей он подчас соотносил с любимым ему сервантесовским героем. Однако его представления об образе Дон Кихота, вероятно, окончательно оформились лишь под впечатлением речи Тургенева. Перу Лескова принадлежит один из немногих благожелательных отзывов о ней, в котором, впрочем, содержится не совпадающая с тургеневской интерпретация образа Дон Кихота.² Лесков всецело принял пафос

„удивление“ перед невероятностью случившегося» (В поисках выражения реального. — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974, вып. 1, с. 10).

⁴¹ О «контрапункте» у Сервантеса см.: *Бочаров С. Г.* О композиции «Дон-Кихота», с. 110—111. — О «контрапункте» у Достоевского см.: *Гроссман Л. П.* Достоевский-художник, с. 341—342. — Оба автора приводят цитаты, из которых явствует, что как Сервантес, так и Достоевский признавали эту особенность своей творческой манеры.

⁴² См.: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979, с. 202.

¹ В монографии Туркевич, во многих отношениях весьма полезной, имеются очевидные пробелы — в частности, Лесков представлен в ней лишь одним глухим упоминанием.

² Этот отзыв сохранился в газетном обозрении «Биржевых ведомостей» (1869, № 307, «Наша провинциальная жизнь»). См. о нем: *Столярова И. В.* «Гамлет и Дон-Кихот». Об отклике Н. С. Лескова на речь Тургенева. — Тургеневский сборник. Л., вып. 3, 1967, с. 120—123.

речи, возвеличивающий донкихотов, поборников добра, однако для него они, с одной стороны, народные заступники, вожди крестьянских восстаний, а с другой — «праведники», посетители евангельской правды. Любовь к простому люду и желание помочь ему всегда, по мнению русского писателя, зажигали и будут зажигать в крови народных донкихотов «пламень ревности за правду по закону святу, иже принесоша отцы».

Теме русских донкихотов в художественном творчестве Лескова посвящена специальная работа И. В. Столяровой. На основе анализа только тех романов и повестей писателя, герои которых самим автором ассоциируются (как правило, в характеристиках, данных им другими персонажами) с сервантесовским образом, она пришла к следующему выводу: «Все любимые герои Лескова, милые его сердцу праведники, в той или иной степени несут на себе отсвет трагикомической личности Дон-Кихота».³ И это не случайно, ибо «в одушевлявших русских донкихотов стремлениях к высшей справедливости, в их нравственной бескомпромиссности, в самоотверженном служении идеалу Лесков увидел наиболее яркое воплощение особенностей национального духа, характера русского человека».⁴

Чертами донкихотовской самоотверженности отмечены герои таких романов и рассказов русского писателя, как «Овцебык», «Однодум», «Некуда», «Захудалый род», «Инженеры-бессеребренники». Сервантесовский образ поворачивается в них разными гранями, различные черты его облика, особенности его мироощущения и отношения к людям всплывают и напоминают о себе в облике, тех или иных словах, поступках и судьбе персонажей Лескова.

Герой рассказа «Овцебык», Василий Петрович Богословский, унаследовал от Рыцаря Печального Образа, помимо лихорадочного стремления переустроить общество на началах высшей справедливости, непоседливость и высочайший идеал женщины. В отличие от героя Сервантеса, он с самого начала осознает несбыточность своих надежд, драматизм своего положения, с механической неуклонностью приводящей его к самоубийству. Причиной, определившей жизненный путь «однодума», поставившей его, подобно Дон Кихоту, в оппозиционное положение по отношению к его окружению, послужило неукоснительное следование евангельской морали. Как и герой Сервантеса, жизненная программа которого оформилась при чтении рыцарских книг, он, читая одну только Библию, «дождался духа, давшего ему мысль самому сделаться крепким, дабы устыдить крепчайших», «стал умствовать и прилагать к делу свои библейские воззрения».⁵

³ Столярова И. В. Русские донкихоты в творчестве Н. С. Лескова. — В сб.: Русская литература XIX—XX веков. Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова. Сер. филолог. наук. Л., 1971, вып. 76, с. 78.

⁴ Там же, с. 77.

⁵ Лесков Н. С. Собр. соч. М., 1957, т. 6, с. 214, 216.

Многими нитями связан с героем Сервантеса один из центральных персонажей «Захудалого рода», любимой книги Лескова, — «преоригинальный, бедный, рыжий и тощий дворянин Дормидонт Рогожин, имя которого было переделано бабушкой в Дон-Кихот Рогожин». ⁶ Первым сигналом, призванным ориентировать читателя на образ Дон Кихота, служит костюм Рогожина: «верхнее короткое платье вроде камзола или куртки, похожей на бедный колет рыцаря Ламанча». ⁷ В этом наряде он с кучером Зинкой, его Санчо Пансой, разъезжал по всей округе и «водил во все стороны носом по воздуху, чтобы почуять: не несет ли откуда-нибудь обиду, за которую ему с кем-нибудь надо перевестаться». ⁸

Основой донкихотовской морали Дормидонта Рогожина послужили, с одной стороны, либеральные идеи, которыми он питался, попав в Отечественную войну 1812 года во Францию, а с другой — стремление дворянский «дух благородства поддерживать от захудания». Единство переплетенных между собой *слова*, почерпнутого из дворянских родословных, и *дела*, призванного восстановить справедливость на земле, несет отпечаток глубокого проникновения писателя в сущность донкихотовской ситуации: «Приезжал ли он избитый и израненный, что с ним случалось нередко, он все равно нimalo не изменялся и точно так же читал на память повесть чьего-нибудь славного дворянского рода и пугал других захуданием или декламировал что-нибудь из рыцарских баллад, которых много знал на память». ⁹

В замысле Лескова очевиден несомненный полемический заряд. Можно отметить, например, что его попыткам восстановить справедливость подчас сопутствовал успех: «*... там офицера на ярмарке проучил; там жадного попа прибил; тут злую помещицу в мешке в поле вывез*». ¹⁰ Пожалуй, самым в этом смысле характерным примером является поведение отпущенных им на волю крестьян: «*... они взялись ему убирать огород и луг для его коровы и пары кляч и перекрыли ему соломой горенку*». ¹¹

Характерно, что Рогожин сам соотносил себя с образом Дон Кихота. Когда Варвара Никапоровна Протазанова сравнила его с сервантесовским героем, он ответил: «Я бы счастлив был, но только не в том месте родился». ¹² Тем более знаменательно, что в черновом варианте рукописи был следующий любопытный эпизод: «*... откуда, соскучась, бежал в Испанию, ходил там с погонщиками мулов и все отыскивал следы ног Дон-Кихота, похождениями которого начитался с детства и принимал всю его*

⁶ Там же, т. 5, с. 59.

⁷ Там же, с. 78.

⁸ Там же, с. 102.

⁹ Там же, с. 100.

¹⁰ Там же, с. 98—99.

¹¹ Там же, с. 79.

¹² Там же, с. 98.

историю не за вымысел Сервантеса, а за действительность; высоко уважал благородного рыцаря Ламанчского. Над ним, вероятно, в Испании смеялись, но он, конечно, не достаивал этих насмешек никакого внимания: он, пожалуй, был готов согласиться, что, может быть, не было никогда рыцаря, который принимал баранов за войска и дрался с ветряными мельницами, но ни за что в мире не согласился бы, что не было совсем Дон-Кихота, который один хотел стать за всех угнетенных и обиженных. Точно так же, как Дон-Кихот, он не раз дрался в Испании с грубыми людьми, обижавшими людей слабых, и, наконец, напал на сторожей роскошного сада за то, что они привязали к дереву маленького воришку; он был страшно исколечен палками и потерял свободное владение левою рукою и правый глаз, вспомнил, что у него есть родина и на ней ему принадлежавшие три крестьянские двора, и поплелся домой».¹³

Защищаясь от обвинений в искусственности образа Рогожина, Лесков писал И. С. Аксакову, что подобные чудные люди на каждом шагу встречались во всех известных ему мелкопоместных губерниях.¹⁴

Интересно решен и образ спутника Дон Кихота Рогожина, мужика Зинки, который считал своего хозяина «дурачком», или по крайней мере «божьим человеком».¹⁵ По-своему к нему привязавшись, находя вкус в бродячей жизни, он не забывал пользоваться тем, что Рогожин прослыл во всей округе чудачком, и «очень долго показывал его желающим на постоянных дворах за пироги и за мелкие деньги».¹⁶

Сумасшедшим был признан Николай Федорович Фермор, главный герой «Инженеров-бессеребренников», который «хоть и блажил, но все понимал». Страстно стремившийся к праведности, он в отличие от немногих своих единомышленников «не хотел бежать от жизни в свете, а, напротив, хотел борьбы со злом — он хотел внести посильную долю правды и света в жизнь».¹⁷ В этом произведении, достаточно суровом по замыслу, Лесков показывает, как донкихотство переходит в трагизм, и герой его, «переведавшись со злом» и проиграв, «сам похоронил себя в бездне моря».¹⁸

На наш взгляд, одним из самых глубоких у Лескова (и, возможно, во всей русской литературе) воплощений идеи донкихотства является образ Савелия Туберозова из «Соборян». Хотя сам автор в тексте на этот раз героя Дон Кихотом не называет, однако неоднократно читателя к этой мысли подводит. Можно привести, например, следующий, чрезвычайно знаменательный диалог между Туберозовым и Тугановым:

¹³ Там же, с. 585—586.

¹⁴ Там же, с. 579—580.

¹⁵ Там же, с. 80.

¹⁶ Там же, с. 81.

¹⁷ Там же, т. 8, с. 253.

¹⁸ Там же, с. 290.

(Туганов) «...» ты маньяк «...»

Протопоп остано­вился и с обидою в го­лосе спросил:

— За что же я маньяк?

— Да что же ты ко всем лезешь, ко всем пристаешь: «идеал, вера»? Нечего, брат, делать, когда это всему, видно, время вышло.

Туберозов улыбулся и, вздохнув кротко, ответил, что прошло не время веры и идеалов, а прошло *время слов*.

— Совершай, брат, *дела*.

— Дел теперь тоже мало.

— Что же нужно?

— Подвиги.

— Совершай подвиги. В каком только духе?

— В духе крепком, в дыхании бурном... Чтобы сами гасильники загорались!¹⁹

В Савелии Туберозове больше общего с его прототипом, сервантесовским героем, из всех вышеперечисленных персонажей Лескова — прежде всего потому, что среди всех героев, отмеченных печатью донкихотства, он, отстаивая во многом авторскую точку зрения на мир, являясь в то же время воплощением сомнений автора в способности таких людей, как его протопоп, изменить мир к лучшему, живет наиболее напряженной духовной жизнью. При этом он нисколько не перестает быть натурой активной, готовой к подвигу во имя утверждения своих идеалов.

К числу мотивов, восходящих к впечатлениям от чтения «Дон Кихота» Сервантеса, следует отнести центральный узел романа. Дон Кихоту было 50 лет, когда он, начитавшись рыцарских книг, увидел свое назначение в том, чтобы искоренять всякого рода несправедливость. Савелий Туберозов «прозрел» еще в более преклонном возрасте. После грозы, которая застала его в поле, для него началась новая жизнь, наполнившаяся истинной верой и надеждой, жизнь, в которой он, по его убеждению, должен был успеть сказать правду. Пове­дение Савелия Туберозова, как и подвиги Дон Кихота, со временем стали приобретать все более героический и в то же время трагический характер. Герои продолжают действовать, хотя явственно видят, что идеалам их не осуществиться и что им не приходится рассчитывать на благодарность. Подобно Дон Кихоту, герой Лескова мог бы сказать, что враги вольны обречь его на неудачи, но сломить его упорство и мужество они не властны. Высказанная во время проповеди правда явилась подвигом протопопа, за который он был наказан и лишен права на борьбу, «права голоса». Запрет, наказание, наложенное на Савелия Туберозова, лишившее его возможности активно воздействовать на души прихожан, несет ту же функцию, что и слово, данное Дон Кихотом Самсону Карраско после поражения в поединке. Лишенные возможности выполнять свое назначение на земле, они умирают. «... хилый и разбитый событиями старик Туберозов был уже не от мира сего. Он простудился, считая ночью поклоны, которые клал по его приказанию

¹⁹ Там же, т. 4, с. 183.

дьякон, и заболел — заболел не тяжело, но так основательно, что сразу стал на край домовины. Чувствуя, что смерть принимает его в свои объятия, протопоп сетовал об одном, что срок запрещения его еще не миновал. Ахилла понимал это и разумел, в чем здесь главная скорбь». ²⁰ Для сравнения можно привести описание последних дней жизни Дон Кихота: «<...> может статься, он сильно затосковал после своего поражения, или уж так предуготовало и распорядилось небо, но только он заболел горячкой, продержавшей его шесть дней в постели <...> Друзья, полагая, что так на него подействовало горестное сознание своего поражения и своего бессилия освободить и расколдовать Дульсинею, всячески старались развеселить Дон Кихота <...> Лекарь высказался в том смысле, что Дон Кихота губят тоска и уныние». ²¹ Последним штрихом к характеристике героя служит сходная с завершающей образ Дон Кихота нота примирения. В конечном счете, Савелий Туберозов тоже избавился перед смертью от «заблуждений»: простил тем, кто, «букву мертвую блюды», «божье живое дело губят».

Таким образом, в образе протопоба Савелия Туберозова, в его «подвиге» просматривается сложная система мотивов и черт, роднящих его с героем Сервантеса, а также другими персонажами Лескова, проникнутыми идеей донкихотства: он борец за истину, за человеческие души, за свои идеалы, которым не место в окружающей его действительности; в своей непреклонности он непоколебим, подчас смешон.

«Оруженосцем» Савелия Туберозова является дьякон Ахилла, на близость образа которого образу Санчо Пансы еще в 1923 г. обратил внимание А. И. Белецкий. ²² Ахилла так же не подходит для роли дьякона, как Санчо для роли оруженосца. Им одинаково недоступны идеи, движущие поступками людей, к которым они привязаны, однако именно они глубже других вживаются в их души. Как и в «Дон Кихоте», герои «Соборян», испытывая друг к другу симпатию, оказавшись в тесном общении, постепенно «раскрывают» друг друга. Образ дьякона выполняет в романе несколько функций, во многом совпадающих с функциями образа Санчо Пансы в «Дон Кихоте». ²³ В какой-то мере он представитель, квинтэссенция и даже защитник интересов реального мира, он антипод Савелия Туберозова, его противоположность (хотя и не полная), ²⁴ он собеседник протопоба (хотя и не единственный)

²⁰ Там же, с. 282.

²¹ *Сервантес Сааведра М. де.* Собр. соч. в 5-ти т., т. 2, с. 593—594.

²² См.: *Габель М. О.* Академик А. И. Белецкий — исследователь Н. С. Лескова. — В кн.: *Литературное наследие*, т. 87. (Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890 гг.). М., 1977, с. 647—648.

²³ О «Дон Кихоте» см., например: *Varo C. Génesis y evolución del «Quijote»*, p. 153—166.

²⁴ В современном сервантесоведении этот тезис является общепризнанным. См., например: *Willis R. S. Sancho Panza and the Modern Novel.* — *Hispanic Review*. Philadelphia, 1969, t. XXXVII, N 1, p. 213.

и, наконец, он главный комический персонаж. Возможно, «Дон Кихотом» навеяно описание горя Ахиллы при последних часах жизни протопопа: «Через несколько дней Ахилла, рыдая в углу спальни больного, смотрел, как отец Захария, склонясь к изголовью Туберозова, принимал на ухо его последнее предсмертное покаяние». «Ахилла, дрожа, ринулся к нему с воплем и, рыдая, упал на его грудь». «Смерть Савелия произвела ужасающее впечатление на Ахиллу. Он рыдал и плакал не как мужчина, а как нервная женщина оплакивает потерю, перенесение которой казалось ей невозможным».²⁵

В интересующем нас плане чрезвычайно интересны последние главы романа, в которых Ахилла после смерти протопопа продолжает (весьма, впрочем, своеобразно) «дело» Туберозова. В свое время протопоп, подобно Дон Кихоту, освободившему каторжников, отпустил мещанина Данилку, приведенного к нему за ухо Ахиллой за то, что тот всенародно «еретичествовал». Поймав вторично Данилку, который пугал ночами народ и «таскал, что откуда попало», Ахилла на этот раз сам отпустил его, совершив при этом противозаконный поступок, памятуя о том, что тот грабил от голода, и руководствуясь усвоенными от Туберозова соображениями высшей справедливости. Не случайно, наконец, Данилка ограбил на кладбище и могилу Туберозова, отплатив ему, таким образом, неблагодарностью за благодеяние. Этот сюжетный ход, возможно, также был подсказан Лескову эпизодом с каторжниками в «Дон Кихоте».

Языковая стихия как «Соборян», так и других произведений русского писателя также дает повод считать его одним из самых талантливых и последовательных представителей той линии развития романа, которая была начата «Дон Кихотом», с исключительной широтой и глубиной реализовавшим «все художественные возможности разноречивого и внутренне диалогизированного романного слова».²⁶ Особенно знаменательна роль высокого слога в устах священнослужителей, функционально — в целом — соответствующего высокому стилю «рыцарских» монологов героя Сервантеса. Очевидно при этом, что отношение Лескова к этому «облагороженному» слову сложнее, чем авторское отношение к аналогичному слою лексики в «Дон Кихоте».

Продолжая, условно говоря, «общественно-моральную» линию развития сервантесовского образа,²⁷ Лесков, в отличие от Достоевского, воспринял самую суть донкихотовской ситуации, увидел в герое Сервантеса активную натуру, протестующую против условий жизни, не соответствующих его высоким о ней представ-

²⁵ Лесков Н. С. Собр. соч., т. 4, с. 284—285.

²⁶ См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики, с. 137.

²⁷ См.: Державин К. Н. Сервантес. Жизнь и творчество. М., 1958, с. 200. — Вторая линия, по терминологии Державина, является «маникально-фантастической».

лениям.²⁸ Поворачиваясь разными гранями, выступая в ипостасях чудака, мечтателя или бунтаря, он проходит через все творчество русского писателя, каждый раз отражая новые представления автора о донкихотовской натуре, человеческих качествах, вызывающих его симпатию, и о способности русских Дон Кихотов изменить судьбу России.

10

Тема «„Дон Кихот“ и русская реалистическая проза» — огромна, поэтому мы наметили лишь важнейшие вехи в истории восприятия русскими писателями романа Сервантеса. Ими явилось творчество Гоголя, Тургенева, Достоевского и Лескова. Однако необходимо хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать процесс усвоения «Дон Кихота» русской прозой в целом.

На разных этапах русского литературного процесса функции «Дон Кихота» были различны. Это и не удивительно. Роман Сервантеса, по справедливому мнению С. Г. Бочарова, как «первый» роман и при этом роман гениальный, «как бы „больше“ („шире“) следующих за ним более „типичных“ романов».¹ В нем заложена вся дальнейшая история жанра. Именно поэтому различные по своим творческим устремлениям русские писатели могли одновременно, но разному учиться у Сервантеса.

Не последнюю роль, по-видимому, сыграл «Дон Кихот» в России в переходный период от романтизма к реализму. Писатели натуральной школы находили в романе Сервантеса широкое бытовое полотно, обостренный интерес к повседневной жизни, к земным потребностям маленького человека, не без пользы для собственного творчества обнаруживали в «Дон Кихоте» элементы вытесненной в XVIII—начале XIX в. из большой литературы «низовой» культуры. Последняя особенность, по-видимому, не утратила своей актуальности даже для современников Чернышевского. «Но фарсом, — писал он в 1854 г., — не пренебрегают и великие писатели: у Рабле он решительно господствует; чрезвычайно часто попадает он и у Сервантеса. Фарс должен ограничиваться внешними приключениями и внешним безобразием; потому чаще всего он нарушает приличия, самое внешнее в человеческом обществе, и в этом случае обращается он в цинизм. У Гоголя находят много цинизмов; но цинизмы его еще очень благо-

---

²⁸ Подробнее о существовании донкихотовской ситуации см. в ст. Л. Пинского «Сюжет „Дон Кихота“ и новый европейский роман» (Вопросы литературы, 1960, № 4, с. 177).

¹ См.: Бочаров С. Г. О композиции «Дон Кихота», с. 111. — Поэтому нам представляются бесперспективными попытки определить или, точнее, «очертить» «тип» сервантесовского романа (см., например: Соколянский М. Г. О сервантесовском типе романа (К проблеме типологии жанра). — В кн.: Проблемы жанра в англо-американской литературе. Свердловск, 1976, с. 28—39), хотя сами по себе попытки определить, на какой основе создается структурное единство романа как художественного целого, заслуживают всяческого одобрения.

пристойны в сравнении с тем, что находим у Рабля, Сервантеса, Шекспира и даже у Вольтера».²

С другой стороны, в «Дон Кихоте» видели блестящий образец критики устаревших идей, бичующей «современное рыцарство и нелепое рыцарство будущих поколений, которое, хотя и не называется рыцарством по своей форме, тем не менее похоже на него по своей сущности».³ Опыт Сервантеса, несомненно, в какой-то мере учитывался при создании произведений сатирической направленности, пародий на эпигонскую романтическую литературу, либерализм, идеалистические течения общественной мысли. Так, в статье 1861 года Писарев, характеризуя романы Писемского, Тургенева и Гончарова, в которых остро ставились вопросы современности, писал, что тип красивого фразера, увлекающегося потоком своего красноречия, тип человека, для которого слово заменяет дело и который, живя одним воображением, «прозябает в действительной жизни», развенчать было так же необходимо, «как необходимо было Сервантесу похоронить своим Дон-Кихотом рыцарские романы как одно из последних наследий средневековой жизни».⁴

Небезынтересными для современников Гоголя могли быть напутствия Сервантеса писателям, переведенные Масальским и опущенные Карелиным, «работавшим» на русский реализм нового этапа: «Старайся также, чтобы, читая твое повествование, меланхолик почувствовал охоту к смеху, весельчак стал хохотать более обыкновенного, простой человек не соскучился, знаток удивился изобретательности, степенный не презирал и умный похвалил твою историю».⁵

Испанский писатель был одним из первых, в чьих произведениях нашел воплощение закон искусства, суть которого вкратце заключается в следующем: чем необычнее рассказанная история, тем правдоподобнее должно быть повествование. В. Г. Авсеенко в своей статье «Происхождение романа», выступая в данном случае, несомненно, не только и не столько как критик, сколько как писатель, приводит слова Сервантеса, в высшей степени сочувственно о них отзываясь: «... вымысел тем прекраснее, чем менее кажется он вымышленным, тем более нравится, чем он правдоподобнее. Он должен шевелить мысль читателя, должен быть воспроизведен таким образом, чтобы, делая невозможное вероятным, сглаживая уродливости и неровности, он заставлял читателя верить себе, удивляя и услаждая его. Ничего подобного нельзя видеть в сочинении автора, с умыслом уклоняющегося от природы и правды, то есть от того, что составляет главную силу художественного произведения».⁶

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1949, т. 2, с. 187—188.

³ См.: Львов А. Гамлет и Дон-Кихот и мнение о них И. С. Тургенева, с. 67.

⁴ См.: Писарев Д. И. Собр. соч. в 4-х т. М., 1955, т. 1, с. 214.

⁵ Сервантес Саведра М. Дон Кихот Ламанчский. СПб., 1838, т. I, с. XI.

⁶ См.: Авсеенко В. Г. Происхождение романа, с. 458.

Именно в «Дон Кихоте» русские писатели могли найти столь созвучный им и столь редко встречающийся в литературе своеобразный трагический юмор, известный у нас как «смех сквозь слезы». Произведение Сервантеса — роман «синтеза» «высокой» и «плутовской» традиций жанра⁷ — могло послужить примером для крупнейших русских романистов в их отказе от однолинейности в изображении жизни, современного им общества. В ткани повествования «Дон Кихота» без труда различимы фрагменты самых разнообразных жанров, типов романа. И эта особенность романа могла послужить образцом для многих русских писателей, возможно, начиная с Пушкина. По наблюдению М. М. Бахтина, «роль ричардсоновского языка в разноречивой оркестровке „Евгения Онегина“ (старуха Ларина и деревенская Татьяна) аналогична роли „облагороженного“ слова „Амадиса“ в ситуациях и диалогах „Дон Кихота“».⁸

Громадную, до сих пор достаточно не оцененную роль сыграл «Дон Кихот» в центральном для русской литературы XIX в. самобытнейшем и мучительном поиске положительного героя, героя-современника. Русские писатели исходили из убеждения, что образ, созданный фантазией Сервантеса, — «вечный тип, никогда и ни при каких условиях не умирающий».⁹ Особенно четко позиция писателя, основывающегося на этом мнении, сформулирована И. А. Гончаровым. По его мнению, все человеческие образы, созданные великими художниками прошлого, принадлежат к вечным творениям человеческого ума и «останутся навсегда». Но живая литература не выполняет своего долга, если не проследивает дальнейшего развития художественных типов, созданных предшествующими литературами, и не отражает в новых произведениях новый период истории. Писатели новых поколений должны обновлять в своих творениях эти вечные типы, воссоздавать в новых образцах «основные черты нравов и вообще людской природы, облекая их в новую плоть и кровь в духе своего времени».¹⁰

Подобное мнение, видимо, разделяли многие его современники. По сути дела, именно к этому выводу могла привести речь Тургенева о Гамлете и Дон Кихоте. Не случайно именно в этом смысле она вызвала ряд возражений. Так, М. Ф. Де-Пуле, сотрудник «Времени» — журнала, издававшегося братьями До-

⁷ «Для „Дон Кихота“, — по словам Бахтина, — характерно пародийное пересечение хронотопа „чужого чудесного мира“ рыцарских романов с „большой дорогой по родному миру“ плутовского романа» (Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики, с. 314). «... именно взаимопроникающая цельность героики и прозы, возвышенного и низкого, трагичности и комизма, их неожиданная „взаимооборачиваемость“ составляют внутреннюю природу романа, вытекающую из природы самой человеческой действительности эпохи его становления и развития» — так характеризует роман Сервантеса В. В. Кожин (Кожин В. В. Происхождение романа. М., 1963, с. 181).

⁸ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики, с. 209.

⁹ См.: Короленко В. Дневник (1881—1893 гг.). Полтава, 1925, т. 1, с. 191.

¹⁰ См.: Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1955, т. 8, с. 11.

стоевскими, писал: «В состоянии ли наша жизнь выставить Дон-Кихотов не по натуре только, а de facto — это еще вопрос, в положительном решении которого мы крепко сомневаемся».¹¹ В статье «Схоластика XIX века» (1961) Д. И. Писарев утверждал, что русским людям образ Гамлета более близок, чем образ Дон Кихота, и что им мало понятны «энтузиазм и мистицизм страстного адепта».¹² «Что же будут делать Дон-Кихоты, со своими историческими идеалами, на поприще реальной действительной жизни?»¹³ — вопрошал А. Пятковский, убежденный в том, что исчезновение подобных людей с лица земли будет минутой окончательного торжества человеческого ума.

Герои романов Тургенева, Достоевского и Лескова — достаточно сильный аргумент против этих и подобных им скептических рассуждений. Заслуживает внимания также наблюдение Л. М. Лотман о соотносительности с образом Дон Кихота героев романа Чернышевского «Что делать?». По мнению исследовательницы, нравственная характеристика, которую автор дает здесь революционерам, «весьма близка к тому комплексу черт, которые Тургенев считал принадлежностью Дон Кихота».¹⁴ Особенно примечателен, с ее точки зрения, юмористический элемент в изображении автором героических натур, их взаимоотношений, а также очевидный оттенок трагикомичности в показе столкновений «новых людей» с обывателями. Явной переключкой с тургеневской мыслью о попирании донкихотов «свинными копытами» как о неприменном завершающем аккорде их биографий являются размышления Чернышевского об исторической судьбе «новых людей»: «... под шумом шиканья, под громом проклятий они сойдут со сцены, гордые и скромные, суровые и добрые, как были».¹⁵ Знаменательно, что Чернышевский, таким образом, на русском материале осуществил замысел Герцена о произведении, посвященном «Дон Кихоту революции».¹⁶

Тургенев, по справедливому мнению Л. М. Лотман, подсказал в высшей степени продуктивный для многих творческих индивидуальностей путь — от осмысления традиционных, открытых задолго до них человеческих типов к новым и смелым творческим созданиям, открытиям в области характеров. «Таким образом, — продолжает она, — давая свою классификацию типов и свое оригинальное толкование „основополагающих“ образов, выража-

¹¹ М. Ф. Де-Пуле. Нечто о литературных мошках. По поводу героев г. Тургенева. — *Время*, 1861, № 2, отд. III, с. 130.

¹² См.: Писарев Д. И. Собр. соч. в 4-х т., т. 1, с. 118.

¹³ Пятковский А. Гамлеты и Дон-Кихоты, с. 230.

¹⁴ Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX в. Л., 1974, с. 95.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. в 15-ти т. М., 1939, т. XI, с. 145.

¹⁶ Утверждая, что Дон Кихот революционных кругов ждет своего Сервантеса (Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XXIV, с. 199), Герцен внес свою лепту в это дело, написав повесть «Доктор, умирающие и мертвые» (1869). Однако «рассказ доктора о гражданине Ральер» построен на фактах французской истории.

ющих эти типы, Тургенев делал нужную для литераторов, открывающую им дополнительные творческие возможности, чрезвычайно полезную в отношении „технологии“ их творческого труда работу. Многие писатели воспользовались предложенными им эталонами типов и шли в своем творчестве по пути конкретизации сверхтипов, полемического их переосмысления». ¹⁷

Большой интерес представляет в этом отношении роман Гончарова «Обрыв», особенно в связи с тем, что, как мы видели, писатель считал «конкретизацию сверхтипов» в творчестве современного автора более чем желательной. Любопытные признания, проясняющие кое в чем замысел романа, содержатся в его письме к С. А. Никитенко: «... с той самой минуты, когда я начал писать для печати (мне уже было за 30 и были опыты), у меня был один артистический идеал: это — изображение честной, доброй, симпатичной природы, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, обманывающегося и, наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой природы. Та же была идея у меня, когда я задумывал Райского...» ¹⁸ Однако, по словам писателя, осуществить свое намерение он так и не сумел, поддавшись исключительно «отрицательному направлению в литературе». «Один Шекспир, — продолжает Гончаров, — создал Гамлета, да Сервантес — Дон-Кихота, и эти два таланта поглотили в себе почти все, что есть комического и трагического в человеческой природе». ¹⁹ Здесь же он отмечает в Сервантесе его стремление предостерегать против ложной идеализации и показывать «заносчивую гордость людей в настоящем свете».

Что касается соотношения героя со сверхтипами, то читатель «Обрыва» приходит к убеждению, что Райский — это Дон Кихот, Дон Жуан и Гамлет одновременно. Отличие героя романа Гончарова от других персонажей русских романов, посетителей идеи донкихотства, в том, что акцент в нем сделан на его «литературности», на его стремлении смотреть на жизнь глазами литературы. Чрезвычайно напоминает «Дон Кихота» описание увлечения Райского «Освобожденным Иерусалимом» и вообще книжный характер его идеалов и симпатий, его восторгов и негодований: «Он содрогался от желания посидеть на камнях пустыни, разрубить сарацина, томиться жаждой и умереть без нужды, для того только, чтоб видели, что он умеет умирать. Он не спал ночей, читая об Армиде, как она увлекла рыцарей и самого Ринальда <...> Он сжимался в комок и читал жадно, почти не переводя духа, но внутренне разрываясь от волнения, и вдруг в неистовстве бросал книгу и бегал, как потерянный, когда храбрый Ринальд или, в романе мадам Коттен, Малек-Адель изнывали у ног волшебницы <...> И все это, не похожее на текущую

¹⁷ Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX в., с. 100.

¹⁸ Гончаров П. А. Собр. соч. М., 1955, т. 8, с. 367.

¹⁹ Там же.

жизнь около него, захватывало его в свою чудесную сферу, от которой он отрезвлялся, как от хмеля. После долго ходил он бледен и скучен, пока опять чужая жизнь и чужие радости не вспырнут его, как живой водой».²⁰

Дон Кихот упоминается на протяжении романа несколько раз, однако наиболее характерным является разговор между Райским и Аяновым в начале романа: «А ты был и Дон-Жуан и Дон-Кихот вместе. Вот умудрился! Я не удивлюсь, если ты наденешь рясу и начнешь вдруг проповедовать... И я не удивлюсь, — сказал Райский, — хоть рясы и не надену, а проповедовать могу — и искренне, всюду, где замечу ложь, притворство, злость — словом, отсутствие красоты, нужды нет, что сам бываю безобразен...»²¹ Ближе к тургеневской интерпретации слова Райского о Марке Волохове, однако в прямо противоположном освещении: «Есть и дон-кихоты между ними: они хватаются за какую-нибудь невозможную идею, преследуют ее иногда искренно, вообразят себя пророками и апостольствуют в кружках слабых голов, по трактирам. Это легче, чем работать. Проврутся что-нибудь дерзко про власть, их переводят, пересылают с места на место».²²

Не только тургеневская концепция, но и взгляды Белинского на сервантесовского героя могли иметь решающее значение в обращении русских писателей к донкихотовскому характеру. С рассуждениями Белинского связан, видимо, замысел Салтыкова-Щедрина, от которого сохранился набросок «Будь добронравен». Юный Мичулин, «пашпигованный идеями долга, чести и нравственности, проникнутый духом презрения к грубой и похотливой плоти...»,²³ был, по-видимому, с точки зрения автора, характером типическим, так как он писал: «Одним словом, такого года, числа и месяца Петербург мог считать в стенах своих одним Дон-Кихотом больше... а их много, очень много, читатель, и когда-нибудь на досуге расскажу вам об них довольно курьезную повесть...»²⁴ Однако намерения своего писатель не осуществил, если не считать ранней повести «Противоречия» и отрывка «Дворянские мелодии», в которых ассоциации с образом Дон Кихота не несут сколько-нибудь значительной нагрузки.

Ждет своего исследователя история творческого восприятия русскими писателями образа Санчо Пансы. Русская литература, в которой начиная с 40-х гг. образ человека из народа занял одно из центральных мест, творила его прежде всего из живого интереса к реальному русскому крестьянину, и ее поиски мало

²⁰ Гончаров И. А. Собр. соч., т. 5, с. 49.

²¹ Там же, с. 40.

²² Там же, с. 286.

²³ См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 1, с. 369.

²⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 1, с. 370. — Можно отметить также, что в противоположность этому замыслу в центре одного из своих романов писатель собирался поставить Дон Кихота консерватизма. Об этом он писал в 1876 году Н. А. Некрасову (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 18, кн. 2, с. 292).

Ч. III.

Иллюстрация к изданию «Дон Кихот Ла Манхский».
Перевод с французского С. де Шаплета, ч. III. СПб., 1831.
Гравюра С. Ф. Галактионова.

Иллюстрация к изданию «Дон Кихот Ла Манхский».
Перевод с французского С. де Шанлета, ч. V. СПб., 1831.
Гравюра К. Я. Афонасьева.

в чем соприкасались с сервантесовской традицией.²⁵ Однако — особенно в начале этих поисков — опыт испанского писателя мог пригодиться, в частности в преодолении характерного для начального этапа развития «натуральной школы» формального голого комизма диалектальной речи при создании типического народного характера. Белинский писал по этому поводу: «Впрочем, мы далеки от того, чтобы отнимать право у талантливого литератора касаться жизни простого народа; но мы требуем только, чтобы он это делал не по любви к мужицкому жаргону, не по склонности к лохмотьям и грязи, но для какой-нибудь цели, в которой была бы видна человеческая мысль».²⁶

Диапазон стилистических возможностей русских писателей второй половины XIX в. был настолько широк, что они вполне могли средствами русского языка создать *стилистический* эквивалент «Дон Кихота». Помимо эпизода, сочиненного Достоевским, о котором выше уже шла речь, внимания заслуживает также «Недавно найденная глава из Дон Кихота», принадлежащая перу К. К. Случевского. Задача, поставленная перед собой писателем, прекрасно сформулирована им самим, назвавшем цикл рассказов, — в который, кроме «Недавно найденной главы Дон Кихота», входят «Капитан Немо в России (глава из Жюль Верна, никем и никогда не напечатанная)» и «Сказка тысяча второй ночи», — «Подражаниями».²⁷ Таким образом, в его планы не входило давать новое истолкование романа Сервантеса или образа Дон Кихота.

Эпизод, придуманный русским писателем, — скорее новая глава к детской версии «Дон Кихота», веселой и доброй книги, из которой сознательно устранена напряженность столкновения героя-идеалиста с действительностью. Писатель не только находится как бы в стороне от «нового» толкования героя Сервантеса, концепций немецких романтиков, Гейне, Белинского, Тургенева, Достоевского, — создается впечатление, что Случевский уклоняется от какой бы то ни было оценки Дон Кихота.²⁸ Он го-

²⁵ Кстати сказать, далеко не всегда акцент ставился на народном облике героя Сервантеса. Вспомним Аркадия из романа Достоевского «Подросток», Ахиллу из «Соборян» Лескова. С романтическим противопоставлением Санчо Пансы как человека как человека с практической жилкой Дон Кихоту как бескорыстному искателю правды или борцу за нее мог быть связан не только образ Аркадия Долгорукова, но и Штольца из романа Гончарова «Обломов». Эту параллель проводит, например, В. Карелин (Дон-Кихотизм и демонизм, с. 61).

²⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5, с. 304.

²⁷ Этот цикл впервые был напечатан в составе сборника прозаических произведений писателя «Исторические картинки и разные рассказы» в 1894 г.

²⁸ Впрочем, ее можно «реконструировать» по упоминанию имени Дон Кихота в одном из поздних стихотворений поэта:

Порывы глупостей, подряд или вразброд;
В одних я шествовал на подвиг Герострата,
В других примером мне являлся Дон Кихот

(см.: Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1962, с. 221).

раздо больше внимания уделяет стилю, сюжету, подробностям повествования, внешнего облика героев и их речей, чем раскрытию их внутреннего облика. Знаменательно, что, в отличие от образа Дон Кихота, образ Санчо разработан гораздо более полно. Именно он находится в центре повествования. Для его характеристики Случевский нашел гораздо больше живых, оригинальных деталей. По справедливому мнению О. Пржевалинской, причина удачи Случевского в создании этого образа коренится прежде всего в том, что, создавая его, писатель обратился к русскому народному разговорному языку, поразительно похожему по своим возможностям и богатству на испанский. В результате язык его Санчо Пансы производит впечатление значительно более испанского, чем язык Сервантеса из русских переводов XIX века, а Санчо в целом оказался проникнут подлинно сервантесовским мироощущением.²⁹

Что же касается стиля рассказа, то его также следует признать большой удачей писателя. Уже с первой фразы: «Тем временем Санхо, только что проснувшийся, приветствовал восходившее раскаленным шаром солнце почесыванием своего правого бока; он, должно быть, долгое время покоился на нем, избрав кроватью, поневоле, поверхность клочковатого поля, подготовленного к боронению»,³⁰ — слышится интонация, в достаточной степени приближенная к сервантесовской. Замечательны такие, казалось бы, малозначащие детали, как описание длинных волос, «висевших с лутовых косточек всех четырех ног коня», которые, «точно густые султанчики, стали болтаться по воздуху и едва не обматывали собой копыт Россинанты».³¹ Судя по этому небольшому опыту подражания, Случевский действительно был «тонким мастером чужой литературной манеры».³²

11

Роман Сервантеса оказался созвучен русской реалистической прозе второй половины XIX столетия. Именно в ней традиции «Дон Кихота» воплотились наиболее глубинным и оригинальным образом, ибо в том и другом случае это была литература, которая, погружаясь в анализ современного состояния общества, его несуразностей, несоразмерностей и ненормальности, сохраняла высочайшее представление о назначении человека.¹ В результате

²⁹ См.: *Prjevalinskaya Ferrer O. Un Cide Hamede Benengeli ruso.* — In: *Homenaje a Rodríguez Mofino.* — Madrid, 1960, p. 177.

³⁰ *Случевский К. К.* Сочинения. СПб., 1898, т. 6, с. 66.

³¹ Там же, с. 67.

³² См.: *Федоров А. В.* Поэтическое творчество К. К. Случевского. — В кн.: *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы, с. 17.

¹ К Сервантесу, естественно, полностью приложима характеристика, данная Р. Менендесом Пидалем испанскому реализму: «Испанский реализм (...) выражается не в пристрастии к пассивному воспроизведению действительности, в мельчайших подробностях или в переоценке незначи-

«Дон Кихот» предстает как произведение, воздействие которого сказалось разнообразно и в высшей степени плодотворно. В той или иной мере, в тех или иных формах оно проявилось в поисках положительного героя, в отстаивании представлений о реализме, сочетающем веру в идеалы с трезвым анализом действительности, при создании произведений сатирической направленности, при формировании представлений о прозе, совмещающей различные точки зрения, различные в языковом, стилистическом отношении пласты, различные в жанровом отношении фрагменты. Особенно значительной была та роль, которую сыграл в русской литературе образ Дон Кихота. Многие из русских писателей соотносили его с собой, со своими представлениями о добре, истине, красоте, не пытаясь постичь сервантесовский образ в его подлинной сути, но отражая вместе с тем ту или иную его существенную грань. Знаменательно при этом, что в России не привилась традиция «перелицовки» «Дон Кихота».

М. М. Бахтин писал: «Великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания. Пытаясь понять и объяснить произведение только из условий ближайшего времени, мы никогда не проникнем в его смысловые глубины».² История восприятия «Дон Кихота» Сервантеса в России во второй половине XIX в. убедительно показывает, что иноязычное произведение столь далекой эпохи, ознаменовавшее собой важнейший этап развития мировой прозы, активно включилось в русский литературный процесс, способствовало решению задач, стоявших перед русскими писателями.

тельных деталей, а в как можно более тесном, исключительно трезвом сочетании идеала с действительностью (Важнейшие особенности испанской литературы. — В кн.: *Менендес Пидаль Р.* Избранные произведения. М., 1964, с. 50). Замечательное определение своеобразия Сервантеса как художника дал Х. Сехадор-и-Фраука: «Он был божественен благодаря тому, что был человек. Человекен в морали, подобно своему отражению, Дон Кихоту <...> Человекен как писатель; в этом его величие, и это высшая похвала, какая только возможна в мире искусства <...> Ни Гомер, ни Данте, ни Шекспир, никто не равен с ним в этом. Именно этой победой вправе гордиться испанский реализм» (*Cejador y Frauca J.* Miguel de Cervantes Saavedra. Biografía. Bibliografía. Crítica. Madrid, 1916, p. 23. Цит. по: *Varo C.* Génesis y evolución del «Quijote», p. 558).

² *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 331.

Ю. Д. Левин

Иринарх Введенский и его переводческая деятельность

1

В историю русской переводной литературы И. И. Введенский вошел благодаря воссозданию на родном языке творений великих английских романистов XIX в. — Теккерея и особенно Диккенса. Еще биограф Введенского Г. Е. Благодетлов утверждал: «Как переводчику английских романов ему принадлежит неоспоримо первое место в числе прежних и настоящих деятелей. Русская литература в первый раз приняла гениального Диккенса в его настоящем виде из рук Введенского <...>»¹ «Введенский был очень известен и в литературных кругах как замечательный переводчик Диккенса», — свидетельствовал А. Н. Пыпин.² «Введенный в русскую литературу <...> Иринархом Введенским», — заметил о Диккенсе А. В. Амфитеатров.³ Наконец, А. С. Суворин, вспоминая о влиянии английских романистов в русской литературе, счел необходимым «помянуть о человеке, который своими превосходными переводами познакомил нашу публику с Диккенсом и Теккереем и, так сказать, акклиматизировал их на нашей почве», т. е. о Введенском.⁴

Сохранившиеся сведения позволяют составить достаточно полное представление о жизни и деятельности Введенского. Помимо упомянутой биографии, написанной Благодетловым, на которую опирались авторы последующих биографических очерков,⁵ в пе-

¹ *Благодетлов Г. Е.* Иринарх Иванович Введенский. Краткий биографический очерк. СПб., 1857, с. 21 (ниже в ссылках: Благодетлов). Очерк первоначально публиковался в журнале «Общезанимательный вестник» (1857, № 5, с. 177—192; № 6, с. 214—221), а затем был перепечатан в Сочинениях Благодетлова (СПб., 1882, с. 3—34).

² *Пыпин А. Н.* Мои заметки. М., 1910, с. 74.

³ *Амфитеатров А. В.* Литературные впечатления. — Современник, 1911, кн. 7, с. 262.

⁴ *Н. Н. <Суворин А. С.>* Недельные очерки и картинки. — С.-Петербургские ведомости, 1870, 21 июня (3 июля), № 168, с. 2.

⁵ См.: *Хованский Н.* Иринарх Иванович Введенский. (Биографический очерк). — Саратовский листок, 1883, 29 января, № 23, с. 1 (то же в кн.:

чати неоднократно излагались отдельные эпизоды его жизни и публиковались его письма.⁶ Особое внимание уделялось его отношениям с Н. Г. Чернышевским (см. ниже). О Введенском вспоминали в своих мемуарах А. А. Фет, А. Н. Пыпин, А. Д. Галахов, А. П. Милюков, А. А. Чумиков, А. М. Миклашевский. Обсуждение в печати переводческих принципов и практики Введенского началось после опубликования первых его переводов и растянулось чуть не на столетие (ниже мы специально остановимся на этой полемике). Последнее время начали появляться работы, содержащие научную характеристику его переводческой деятельности.⁷ Среди них особо выделяется глава «Иринарх Введенский — переводчик Диккенса» в монографии покойного Игоря Максимилиановича Катарского (1919—1971), посвященной восприятию английского романиста в нашей стране.⁸ Однако авторы

Хованский Н. Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии. Саратов, 1884, вып. 1, с. 99—107); *Штейн С.* Иринарх Введенский. — С.-Петербургские ведомости, 1913, 21 декабря, № 286, с. 1. — Библиографию литературы о Введенском см.: *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1900, т. 1, с. 515; *Соколов С. Д.* Саратовцы писатели и ученые. Материалы для библиографического словаря. Саратов, 1913, с. 55—57.

⁶ См.: *Галахов А.* Мои сношения с Я. И. Ростовцевым. 1850—1858. — Русская старина, 1879, т. 24, № 2, с. 322—325; *Гусев П.* Иринарх Иванович Введенский. Эпизод из его жизни в 1849 г. — Русская старина, 1879, т. 25, № 8, с. 739—744; Из бумаг Ир. И. Введенского. — Колосья, 1884, № 11, с. 252—283; Эпизод из жизни И. И. Введенского. — Исторический вестник, 1888, т. 34, № 10, с. 136—175; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892, кн. 5, с. 21—29; *Святловский В.* Эпизод из жизни И. И. Введенского. — Исторический вестник, 1893, т. 52, № 4, с. 293—294; *В. Я. Б.* «Брюсов В. Я.» И. И. Введенский по его письмам. — Русский архив, 1901, кн. 2, вып. 5, с. 94—128; *Истрин В. М.* Письма к академику П. С. Билярскому, хранящиеся в имп. Новороссийском университете. Одесса, 1906, с. 125—130; *Лебедев А. К.* Биографическому очерку Г. Е. Благосветлова. — Русская старина, 1913, т. 153, кн. 2, с. 366; кн. 3, с. 629—631; *Юдин П. Л.* Из жизни И. И. Введенского в Саратове. По случаю столетия со дня его рождения. Страничка из прошлого Саратовской семинарии. — Русский архив, 1914, кн. 1, № 3, с. 399—422; *Алексеев М. П.* Встреча Диккенса с И. И. Введенским. — В кн.: Чарльз Диккенс. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. М., 1962, с. 239—247.

⁷ См.: *Федоров А. В.* Введение в теорию перевода. М., 1953, с. 42—43; то же, 2-е изд.: М., 1958, с. 59—60; *Азнаурова Э. С.* Становление реалистических традиций русского художественного перевода (по материалам переводов русских писателей XIX—начала XX вв.). АКД. М., 1955, с. 10—11; *Исаева Г. А.* И. Введенский и его место в истории перевода. — В кн.: Материалы XIX научной сессии Черновицкого университета. Секция романо-германской филологии. (Тезисы докладов). Черновцы, 1963, с. 52—53; *Бородянский И. А.* Перевод И. И. Введенским фразеологии в произведениях Диккенса и Теккеря. — В кн.: Тетради переводчика. Ученые записки. М., 1964, № 2, с. 100—108; *Бушканец И. Н.* 1) «Ярмарка тщеславия» В. Теккеря в первых русских переводах. — В кн.: Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та. Казань, 1976, вып. 160, с. 3—14; 2) Английский роман и становление принципов реалистического перевода в России. — Учен. зап. Казанск. гос. пед. ин-та, Казань, 1976, вып. 168, с. 83—108.

⁸ *Катарский И.* Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966, с. 250—274.

этих работ, если они не ограничиваются рассмотрением частных вопросов (как, например, И. А. Бородянский), в основном стремятся дать оценку переводов Введенского — положительную (И. М. Катарский) или отрицательную (Э. С. Азнаурова), — исходя из современных критериев художественного перевода. Нам же представляется более целесообразным исторически объяснить переводческие принципы и метод Введенского, рассмотреть его переводное творчество как составную часть его литературной и общественной деятельности. Это мы и постараемся сделать ниже.

2

Выходец из духовного сословия, Введенский выдвинулся в тот период, когда разночинная интеллигенция, с трудом преодолевая сопротивление дворянства, утверждала свое право на деятельное и руководящее участие в общественной и культурной жизни России, и он в полной мере испытал на себе мучительные тяготы этого процесса, осуществлявшегося в мрачную пору деспотического царствования Николая I. Не случайно Г. Е. Благосветлов открывал биографию Введенского его словами, которые, хотя и были написаны еще 20-летним юношей, служили как бы эпиграфом к последующему жизнеописанию: «Жизнь моя была беспрерывной борьбой с несчастиями, и если радость освещала мой темный путь на одно мгновение, вслед за ней я непременно должен был ожидать новой бури, сокрушающей самые лучшие мои надежды».¹

Иринарх Иванович Введенский родился 21 ноября 1813 г. в семье бедного священника села Жуковки Саратовской губернии. Отец его придерживался особой системы воспитания, по которой в детстве ребенку были запрещены всякие игры. В четыре года Иринарх начал обучаться грамоте, на седьмом году он уже читал церковнославянские книги и по приказанию отца исполнял обязанности дьячка в церкви. Бывая в домах помещиков своего села, Введенский еще в детстве выучился и французскому языку.²

Восьми лет он поступил в Пензенское духовное училище. Позднее Введенский по поручению М. П. Погодина составил специальную статью «Духовные училища в России»,³ в которой живо изобразил изуверскую систему воспитания детей, отданных

---

¹ Благосветлов, с. 3.

² См.: Русская старина, 1913, т. 153, кн. 2, с. 366.

³ ГПБ, F.XVII.61, л. 111—126 (конец рукописи отсутствует). — Благосветлов при написании биографии Введенского располагал этой рукописью, но по цензурным условиям был вынужден ограничиться приведением менее обличительных отрывков, в которых он к тому же старался устранить обобщающий характер (например, выражение «при семинарской методе преподавания» заменялось: «по той методе, которую употреблял наш преподаватель»), а в заключение заверял читателей, что приведенные факты

во власть невежественных монахов. «Нужно ли доказывать, — писал он, — что монах никогда, ни в каком случае не может, не должен быть представителем образования, что существо, отказавшееся от общества, не понимающее стало быть ни значения его, ни сущности, не может готовить членов для общества, не может *воспитывать детей!*»⁴

«Я поступил в школу совершенным ребенком, — рассказывал он, — и почти не помню себя не школьником».⁵ Перечень предметов, преподававшихся в училище, включал в себя русскую и славянскую грамматику, латынь, греческий язык, арифметику, закон божий, священную историю, церковный устав, нотное пение. Все обучение сводилось к механической зубрежке, учителя освобождали себя от труда что-либо разъяснять ученикам, а «попытки самого ученика проникнуть в это таинство поневоле ослабеют под магическим действием *березовой каши*». В итоге, «благодаря уродливой методе, ученики только лишь измучиваются, не выучиваясь почти ничему», — приходил к заключению Введенский и добавлял: «Сколько могу судить теперь, действительно столетия мало, чтобы при семинарской методе преподавания изучить который-нибудь из древних языков».⁶

Благодаря феноменальной памяти и способности к языкам, сам Введенский сумел все-таки овладеть древними языками даже при этой варварской системе обучения. На его духовное развитие огромное влияние оказало чтение Карамзина. «Письма русского путешественника», полученные им в десять лет от отца, были первой книгой, которую он «прочитал с любовью». «Тятинька, — писал он домой, — не посылай мне лепешек, а пришли еще Карамзина; я люблю его, я буду читать его по ночам и за то буду хорошо учиться».⁷ «Письма» раскрывали перед ребенком новый, неведомый мир иноземной природы и иноязычной культуры. «Этому сочинению Карамзина, — вспоминал позднее Введенский, — обязан я и отречением от семинарского закрытого образования, и мыслью о путешествии <...>»⁸ Карамзин побуждал самостоятельно заниматься новыми европейскими языками.

Тем временем священническое образование продолжалось своим чередом. По окончании Пепзенского духовного училища Введенский поступил в Саратовскую духовную семинарию, где основными предметами были словесность, философия и богословие, которые преподавались на латыни. Будучи одним из первых учеников по всем предметам, Введенский деятельно продолжал

представляют собою «исключение из общего правила. Вслед за развитием нашего просвещения духовные заведения постепенно совершенствовались» (Благосветлов, с. 5).

⁴ ГПБ, F.XVII.61, л. 115.

⁵ Там же, л. 112 об.

⁶ Там же, л. 116 об., 118—118 об.

⁷ Благосветлов, с. 6.

⁸ Колосья, 1884. № 11, с. 255 (письмо к О. И. Сенковскому).

заниматься самообразованием; особенно привлекали его исторические науки и языки. Один из его соучеников вспоминал: «Память у мальчика была необыкновенная. Смотрели на него — и семинарское начальство и товарищи, как на явление феноменальное. Он жадно читал все, что мог выскребсти в саратовской умственной тундре 30-х гг. Мало того, при совершенном отсутствии преподавания иностранных языков, Введенский каким-то чудом успел прекрасно усвоить французский и впоследствии английский язык».⁹ Занимался он также немецким языком и древнееврейским.¹⁰

Какой характер носили семинарские занятия, мы узнаем из той же статьи Введенского. Услышав от профессора, что в семинарии будут образовывать высшую способность души — рассудок, он обратился за разъяснением к «старому ретористу», т. е. ученику, оставленному в том же классе за неспособностью. «Экой ты, братец, бестолковая голова, — отвечал мне этот ветеран <...> Образовывать рассудок, — это значит, что тебя будут учить... *сочинять*. — А что такое сочинять? — Ну известно что; вот видишь, тебе — как бы это сказать — тебе дадут три или четыре слова (т. е. тему), а ты должен на них написать 500, 600 или даже 1000 слов; ну понимаешь теперь? <...> А мудрено этак сочинять-то? — Да не легко: иногда голова так трещит, что весь мозг в ней ворочается <...> Я дрожал всем телом — и страх мой был совсем не напрасен. Недели через три действительно нас заставили *сочинять*... *синонимы* (!! из предложения: *нечестивые не могут быть счастливы!* Это же несчастное предложение заставило нас потом проводить через все риторические мытарства. Мы писали на него периоды, хрии, лотом тащили его через тропы и фигуры, доколе наконец не заключили его *речью!* Можете вообразить тираническое положение бедного юноши, который должен вымучивать из себя слова на предмет, совершенно ему чуждый, предмет, не сообразный ни с его возрастом, ни с расположением его души!»¹¹

Но даже из этой уродливой методы талаптливым юноша сумел извлечь для себя пользу. Когда в следующих классах воспитанники должны были писать философские рассуждения на всевозможные абстрактные темы, он смог проявить и оригинальность мнений, и гибкость ума, и знание древних и новых авторов, и выработанность литературного слога. «Диссертации, — признавался он, — были для меня в некотором смысле ареной, на которую я выходил смелым борцом, уверенным в своих силах».¹²

Однако умственное перенапряжение не прошло даром. Когда он писал диссертацию о бессмертии души, его расстроенному воображению представилось, что он живет «в новом мире». Он был

⁹ Цит. по: Хованский Н. Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии. Саратов, 1884, вып. 1, с. 99—100.

¹⁰ См.: Благодетель, с. 7.

¹¹ ГПБ. Ф.XVII.61, л. 121 об.—122 об.

¹² Цит. по: Благодетель, с. 7.

близок к сумасшествию, и только заботливый уход матери вернул ему рассудок.

Летом 1834 г. семинария была окончена. Перед Введенским открывалась возможность стать сельским священником. Но он, желая продолжать образование, отправился в Москву. Его привлекал Московский университет, где он мечтал заняться изучением истории и литературы. Но необеспеченность, отсутствие средств, необходимых для занятий в университете, вынудили его поступить в Московскую духовную академию, хотя, по его собственному признанию, он не имел «ни малейшей склонности к предметам, требующимся для образования русского пастыря церкви».¹³ Уже в феврале 1835 г., проучившись в академии несколько месяцев, он писал в дневнике: «Я мрачен, уныл и до бесконечности печален. Вот что значит — итти наперекор самому себе».¹⁴

Учение в академии, однако, давалось легко. Введенский успевал еще урывками посещать университетские лекции. Кроме того, он самостоятельно занимался языками, в том числе итальянским, и читал интересующие его книги на всех известных ему языках, а также современные русские журналы. Он делал многочисленные выписки из древних и новых историков и мыслителей, которые рассчитывал со времен использовать в своих работах. В академии началась и его переводческая деятельность.

Стремление проникнуть в глубь иноземных культур увлекает Введенского. В одном из писем он красноречиво описал такое увлечение: «Теперь я живу в древнем языческом мире, гуляю по Риму вместе с консулом и оратором (Цицероном), курю фимиам Юпитеру и ругаюсь с Верресом. Славная была жизнь! Сколько деятельности, ума и познаний! Ночью я ухожу в сад и там среди уединения, вздергивая нос кверху, начинаю произносить ораторские речи, подражая Цицерону. Эта потеха обходится недорого для моей слабой груди, «но» выдаются места славные».¹⁵

Упоминание «слабой груди» здесь не случайно. Здоровье Введенского было расстроено. От чрезмерного чтения стали слабеть глаза, пришлось обзавестись очками.

В январе 1838 г., когда Введенский уже был близок к окончанию академии «и без больших усилий со своей стороны мог получить степень магистра богословских наук»,¹⁶ разразился какой-то скандал, связанный с его ухаживанием за дочерью полицмейстера Засецкого.¹⁷ В результате он был уволен из академии и, не вынеся потрясения, слег на полгода в больницу. От

¹³ Письмо к М. П. Погодину. — Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892, кн. 5, с. 23.

¹⁴ Цит. по: Благодетель, с. 8.

¹⁵ Там же, с. 9 (письмо написано по-латински).

¹⁶ Письмо к М. П. Погодину. — Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 5, с. 23.

¹⁷ В бумагах Введенского сохранилась его рукопись «Ответ Катерине Ивановне Засецкой на вопрос ее: может ли студент Д. Академии влюбиться?» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 72—81 об.).

этого удара он уже никогда вполне не оправился. Как он писал, «боль в груди, одышка, шум в ушах остались всегдашними спутниками моей жизни».¹⁸

Выйдя летом 1838 г. из больницы, Введенский оказался в крайне тяжелом положении. Не имея ни средств, ни пристанища, он должен был еще помогать матери, овдовевшей в 1836 г. Один из профессоров Духовной академии рекомендовал его М. П. Погодину, профессору Московского университета. Впрочем, Погодин сам был знаком с Введенским, который еще в 1837 г. выступал посредником между ним и студентами Духовной академии, выполнявшими для Погодина какие-то переводные работы.¹⁹

Погодин помог Введенскому поступить в университет и одновременно, пользуясь бедственным положением молодого человека, принял его к себе в дом в качестве дешевого учителя для своего пансиона (иногда он даже оставлял пансион полностью на попечение Введенского). Одновременно Погодин, затеявший издание «Всеобщей исторической библиотеки», поручал ему делать для нее переводы. За все это Введенский получал ничтожную плату и был вынужден еще брать переводную работу у московских книгопродавцев.

Понятно, что при такой загрузке не могло быть и речи о серьезных занятиях в университете. Лекции он посещал изредка, и только огромная начитанность и предшествующая научная подготовка позволяли ему проходить университетский курс. Но его, по-видимому, продолжали беспокоить какие-то последствия скандала с Засецкими. Все это побудило Введенского весной 1840 г. переехать из Москвы в Петербург. Объясняя Погодину причины своего переезда, Введенский, в частности, писал: «... после Москвы в одном только Петербурге с большою удобностию могу я осуществить свои известные Вам планы. Там легче, чем во всяком другом месте, можно найти средство для содержания себя, там удобнее записаться нужным количеством денег для отъезда в чужие края».²⁰

Сохранилось письмо к Введенскому П. С. Билярского, будущего ученого-филолога, а в прошлом его товарища по Духовной академии, который сменил его на посту учителя в пансионе Погодина. Письмо это позволяет составить более ясное представление о планах Введенского. По-видимому, оба товарища намеревались накопить необходимую сумму денег для поездки в Германию, чтобы завершить там свое образование и подготовиться к последующему магистерскому экзамену на родине.²¹

¹⁸ Колосья, 1884, № 11, с. 253 (письмо к О. И. Сенковскому).

¹⁹ См. письма Введенского к Погодину 1837 г.: ГБЛ, ф. 231 (Пог./II), карт. 6, ед. хр. 48, л. 1—9 об.

²⁰ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 21 об.

²¹ Билярский писал 28 апреля 1842 г.: «Главною целью нашего соединения должно быть приготовление к магистерскому экзамену. В то же время мы должны скопить сумму для прожития по крайней мере двух

Об уровне познаний Введенского в это время некоторое представление дает А. А. Фет, познакомившийся с ним в пансионе Погодина. Фет вспоминал впоследствии: «По-латыни Введенский писал и говорил так же легко, как и по русски, и хотя выговаривал новейшие языки до неузнаваемости, писал по-немецки, по-французски, по-английски и по-итальянски в совершенстве. Генеалогию и хронологию всемирной и русской истории помнил в изумительных подробностях».²²

Однако в Петербурге Введенского ожидали новые трудности. Попасть сразу, как он рассчитывал, в университет на положение казенного (или казеннокоштного, т. е. на казенном содержании) студента ему не удалось, и он оказался в буквальном смысле слова на улице без средств к существованию. Какую-то помощь оказал ему Белинский, к которому он обратился, но этой помощи хватило ненадолго.²³ К лету он оказался в катастрофическом положении и в отчаянии прибегнул к А. В. Никитенко 16 июня 1840 г., ища у него поддержки. «Распродав и прозакладовав почти все, что привез с собой из Москвы, — жаловался Введенский, — я дошел, наконец, до необходимости или умереть голодной смертью на открытом воздухе (с квартиры уже давно выгоняют меня за неплатеж денег), или просить денег у кого бы то ни было. <...> Мученик школы, в которой к несчастью почти уже состарелся, я бы уж давно, кажется, вправе требовать от нее куска хлеба». Введенский перечислял учебные заведения, в которых проучился 18 лет, предметы, которые проходил, языки, которыми овладел, и продолжал: «... всей этой премудрости слишком бы кажется достаточно хоть на право няньки для какого-нибудь возлюбленного дитяти чадолюбивой матушки. Или <...> почему не гождусь в труженики для какого-нибудь книгопродавца: кажется, ведь они всегда рады иметь работника за нищенскую цену, а в таком случае на что бы им лучше меня? Пусть, пожалуй, дадут мне Польдекока (все лучше переводить Польдекока, чем умереть голодною смертью), Картуша или хоть еврейский Талмуд, я за все готов взяться к их услугам и при том за самый нищенский кусок хлеба».²⁴

Никитенко, по-видимому, как-то помог Введенскому, но потребовалось около трех мучительных месяцев («я по-прежнему не имел ни приюта, ни куска хлеба, и нередко проводя ночи на открытом воздухе <...> должен был скорее думать о сохранении жизни, чем о приготовлении к экзамену»),²⁵ прежде чем он был

лет в Берлине. Мне кажется, нам не должно без этого держать экзамена. Современная Германская ученость так обширна, что с ней можно ознакомиться только на месте...» (ИРЛИ, Р. I, оп. 2, № 187).

²² Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893, с. 131.

²³ См. письма Введенского к Белинскому от 13 апреля 1847 г. (В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, с. 40) и к Погодину от 2 марта 1840 г. (Литературное наследство. М., 1950, т. 56, с. 138).

²⁴ Русский фольклор. Материалы и исследования. М.—Л., 1956, с. 156—157.

²⁵ Там же, с. 157 (из письма к А. В. Никитенко от 26 августа 1840 г.).

зачислен казенным студентом на филологическое отделение философского факультета Петербургского университета. В дневниковой записи от 25 августа он называл себя «голодным жителем роскошного города» и сокрушался: «Почти полгода прожил я в Петербурге, преданный всем родам унижения, ужасной нищете, брошенный на произвол судьбы. И вот я именно полуживой, полуразрушившийся над могилой».²⁶

Но, попав в университет, Введенский воспрянул духом. Как и прежде в духовных училищах, он резко выделялся среди своих товарищей (которые, правда, были моложе его). Учившийся вместе с ним А. А. Чумиков позднее писал, что Введенский «удивлял не только студентов, но и профессоров своими громадными знаниями. Из всех студентов его курса лишь он один бегло объяснялся по-латыни с известным профессором Грефе».²⁷ Выступления Введенского с чтением своих сочинений перед студенческой аудиторией пользовались неизменным успехом. Его «диссертация» «О троичности божества» привлекла «студентов всех курсов и факультетов». Но прочесть ее не удалось: профессор П. А. Плетнев, услышав заглавие, прервал оратора, заявив, «что для подобных сочинений место в семинарии, а не в университете».²⁸

По-видимому, уже осенью 1840 г. Введенский познакомился с О. И. Сенковским, и это знакомство во многом определило дальнейшую его судьбу. Предприимчивый редактор «Библиотеки для чтения» быстро оценил таланты и возможности великовозрастного студента. Он поселил его у себя и поначалу поручил переводить статьи из иностранных журналов. Сам Введенский впоследствии, сообщая о своей деятельности в журнале, упоминал переводы и добавлял: «Скоро, однако ж, я начал писать и оригинальные статьи, которые принимались охотно редакцией журнала. Большая часть критик Библиотеки для чтения за 1841, 1842 и 1843 годы принадлежит моему перу».²⁹

Журнальная работа явно пришлась Введенскому по нраву и побудила пересмотреть былые планы. «Сотрудничество в журнале, — пишет он Биярскому 2 февраля 1841 г., — делает совершенно невозможным теперь осуществление моих планов. Не

²⁶ Благовестлов, с. 11.

²⁷ А. За И. И. Введенского. — Русский, 1868, 17 декабря, № 129, с. 3. — На принадлежность статьи ему указал сам Чумиков (см.: Русская старина, 1899, т. 100, № 12, с. 588); раскрытие псевдонима «А» как А. А. Чулков (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956, т. 1, с. 28) является ошибочным. — В письме к М. П. Погодину от 6 апреля 1872 г. Чумиков вспоминал о Введенском в университетские годы: «Видал его в квартире казенных студентов постоянно пишущим» (ГБЛ, ф. 231 (Пог./II), карт. 35, ед. хр. 83, л. 6).

²⁸ А. Ч. <Чумиков А. А.> Петербургский университет полвека назад. Воспоминания бывшего студента. — Русский архив, 1888, кн. 3, № 9, с. 133.

²⁹ Черновое письмо в Совет Петербургского университета, 1851 (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 6).

любя никогда греческой грамоты, я не могу же из-за нее бросить журналы с тем, чтобы исключительно коптеть над каким-нибудь Эсхилом. А только при условии необыкновенно блистательных успехов в греческой словесности могли меня оставить по окончании курса в Петербурге. Теперь напротив почти верно, что меня отправят к чорту на куличики. А каково это! <...> Все лопнуло, если еду в провинцию; все достигнуто, если остаюсь в Петербурге».³⁰

Чтобы избежать отправки в провинцию и остаться в Петербурге, Введенский решает получить казенное место. Он старается завязать какие-то связи, рассчитывая на протекцию.³¹ По видимому, это ему удалось. В конце августа 1842 г. он закончил Петербургский университет со степенью кандидата по философско-факультету.³² А уже 24 сентября он занял должность преподавателя русского языка и словесности в Дворянском полку — учебном заведении, готовившем армейских офицеров.³³ В дальнейшем Введенский преподавал и в других военно-учебных заведениях.

Сохранившиеся воспоминания свидетельствуют, что его лекции становились для его слушателей в буквальном смысле школой литературы и нравственности. «Иринарху Ивановичу Введенскому, — писал один из них, — мы обязаны нашим литературным развитием. Это был человек с огромными научными сведениями, но главное его достоинство и заслуга заключались в том, что он умел увлечь молодежь своим предметом. В его классе все мы были — внимание и слух; тишина была необыкновенная, мы чувствовали и сознавали, что этот человек идет сам и нас ведет по совершенно новому пути <...> Этот преподаватель был наш идеал; мы не только изучали основательно его предмет, но многие старались говорить его языком, перенимали его манеры, употребляли его поговорки, одним словом, сами хотели сделаться Введенскими...»³⁴ По свидетельству А. А. Чумикова, «влияние Введенского на константиновских кадетов³⁵ было огромное, чарующее и в высшей степени благодетельное. Сколько я ни встречал впоследствии воспитанников этого заведения, все единогласно превозносили Введенского как человека, открывшего им их умственные очи...».³⁶ Наконец, выпуск-

³⁰ *Истрин В. М.* Письма к академику П. С. Билярскому, хранящиеся в имп. Новороссийском университете. Одесса, 1906, с. 125.

³¹ В письме П. С. Билярского к Введенскому от 28 апреля 1842 г. говорится: «... ты хочешь взять казенное место, — разумеется, надеясь на протекцию (желал бы знать какую)» (ИРЛИ. Р. I, оп. 2, № 187, л. 1 об.).

³² Степень кандидата (установлена в 1804 г., упразднена в 1884 г.) присваивалась лучшим студентам, окончившим университетский курс и представившим письменную работу на избранную ими тему.

³³ См.: *Русская старина*, 1879, т. 25, № 8, с. 741.

³⁴ *Миклашевский А. М.* Дворянский полк в 1840-х гг. — *Русская старина*, 1891, т. 69, № 1, с. 116—117.

³⁵ Т. е. учащийся Константиновского кадетского корпуса, как был переименован Дворянский полк в 1855 г.

³⁶ *Русский*, 1868, 17 декабря, № 129, с. 4.

ник другого военного заведения, где преподавал Введенский, Артиллерийского училища, вспоминал: «Бывало, когда Введенский на кафедре, мы сдвигали к нему вплотную скамейки, сидели без церемонии на ступеньки кафедры и слушали, слушали с жадностью, с увлечением. Ярый противник крепостничества и рабства, поклонник умственного и нравственного развития, он открывал нам новый неведомый мир мыслей и чувств, издевался над ложью, себялюбием, алчностью и продажностью, под каким бы блестящим нарядом они ни проявлялись, и заставлял любить самопожертвование и добро, в какой бы скромной форме они ни проглядывали».³⁷

Однако деятельность Введенского далеко не ограничивалась преподаванием. Познакомившийся с ним в 1843 г. А. П. Милюков был поражен разнообразием его занятий. Помимо ежедневных уроков он составлял записки по теории словесности и истории русской литературы, готовил магистерскую диссертацию, переводил и писал статьи для журналов и при всем том «успевал следить за всем сколько-нибудь замечательным в русской и иностранных литературах».³⁸ Впрочем, на некоторое время Введенский, видимо, приостановил или ограничил работу для журналов. Во всяком случае в перечне своих трудов, составленном в 1851 г., он не назвал ни одной своей публикации за 1843—1846 гг. Зато в 1847 г. он с новой силой возобновил литературно-критическую деятельность и активно сотрудничал сперва в «Библиотеке для чтения», а затем в «Современнике», «Отечественных записках» и «Северном обозрении». Тогда же, основательно усовершенствовавшись в английском языке, он принялся переводить английские романы.

Перечисляя в конце 1851 г. свои печатные труды, Введенский подводил итог: «Таким образом, в продолжении последних четырех лет переведено мною с английского языка триста двадцать шесть листов или около пяти тысяч двухсот сорока восьми страниц. Если включить сюда еще оригинальные статьи, написанные мною в это же время, то общий итог всего мною напечатанного в четыре года, должен будет перейти далеко за цифру 400 листов». Литературная работа, указывал Введенский, сочеталась у него с учебной («у меня 23 учебных часа в неделю») и составлением программ. «Я сижу за письменным столом, — заключал он, — не менее десяти часов в сутки, и в то же время почти каждый день читаю лекции в Артиллерийском училище и Дворянскому полку».³⁹ Неудивительно, что при такой нагрузке Введенскому через два года отказало зрение.

Упомянутый перечень своих трудов Введенский составил для университета, где в это время открылась вакансия адъюнкт-профессора кафедры русской словесности. Не прерывая работы

³⁷ *Старый артиллерист*. Артиллерийское училище в 1845 г. — Русская старина, 1904, т. 118, № 6, с. 592.

³⁸ Милюков А. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, с. 65.

³⁹ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 7.

в военных училищах и журналах, он начал готовиться к конкурсным испытаниям, желая, как он писал, «исключительно посвятить себя изучению предмета, к которому чувствовал всегда душевное призвание».⁴⁰ Он сдал устный магистерский экзамен, начал готовить магистерскую диссертацию и составил программу университетских лекций. В начале 1852 г. Введенский вместе с другими кандидатами на место читал пробные лекции на тему «О слоге вообще и о русских писателях, образовавших литературные школы в нашей словесности». А. Н. Пыпин позднее свидетельствовал, что «самое сильное впечатление оставила лекция Введенского».⁴¹ Однако демократический дух лекции напугал факультетское начальство. Профессор А. В. Никитенко, чьим адъюнктом должен был стать победитель конкурса, хотя и признавал, что Введенский «выказал достаточно сведений», находил, однако, в его изложении «наезднически-семинарское ухарство». В частности, его покорило утверждение Введенского, что Ломоносов «так много сделал „потому, что был мужик“».⁴² В итоге, несмотря на очевидное превосходство, кандидатура Введенского была отвергнута в пользу М. И. Сухомлинова. «Не наука и не ученость победили меня, — писал он родным, — а интрига, сплетни, клеветы, которыми вооружились против меня злонамеренные люди, враги истинного просвещения. <...> Я не получил места к стыду моему, а к вечному стыду и позору Университета <...>»⁴³

Зато на своем служебном посту Введенский получил значительное повышение. Благоволивший к нему начальник военно-учебных заведений Я. И. Ростовцев выхлопотал назначение его главным наставником-наблюдателем за преподаванием русского языка и словесности в этих заведениях. Одновременно ему было поручено составление учебных программ по этим предметам и руководства по «теории прозы и поэзии».⁴⁴

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910, с. 76.

⁴² Никитенко А. В. Дневник в 3-х т. М.; Л., 1955, т. 1, с. 342 (запись от 16 января 1852 г.).

⁴³ Русский архив, 1901, кн. 2, вып. 5, с. 122 (письмо от 27 сентября 1852 г.). — А. А. Чумиков в письме к М. П. Погодину от 6 апреля 1872 г., вспоминая об этом конкурсе, писал о Введенском: «... по моему убеждению, он по знаниям своим стоял гораздо выше тогдашнего Сухомлинова и самого Никитенки» (ГБЛ, ф. 231 (Пог./II), карт. 35, ед. хр. 83, л. 6 об.).

⁴⁴ В бумагах Введенского сохранились рукописи, связанные с этими работами: «Для доклада его императорскому высочеству»; «Мнение о программах русского языка, составленных г. Галаховым»; «Об исторической грамматике г. Буслаева»; «Мнение Надворного Советника Введенского об Азбуке полковника Меца, назначаемой для руководства в Александровском корпусе»; «Мнение Надворного Советника Введенского о книге под заглавием: „Опыт сравнительной грамматики словенских языков, составленный Владимиром Полевым“»; «Отчет о совещаниях по предмету Русского языка и Словесности, происходивших в Москве между профессором Буслаевым, коллежским советником Галаховым и Главным наблюдателем за преподаванием русского языка и словесности надворным советником Введенским» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 9—11, 43—46, 52—63). См. также опубликованные отчеты Введенского: Колосья, 1884, № 11, с. 263—274.

Летом 1853 г. Введенский смог наконец осуществить давнишнюю свою мечту — путешествие в Западную Европу. Эта мечта, как он сам признавался, «заронилась» в его душу «еще в детстве» под влиянием «Писем русского путешественника» Карамзина. «И теперь, — писал он в 1844 г., — когда исчезли почти все мечты моей молодости, только одна мысль о поездке в чужие края еще ярко горит в душе моей».⁴⁵ Занятия английской литературой и переводами английских романов придали мечте о путешествии новый конкретный смысл. В 1849 г. Введенский отправил Диккенсу свой перевод романа «Домби и сын», вышедший отдельной книгой после публикации в «Современнике», и в сопроводительном письме сообщал о той «громкой известности, какой пользуется имя английского писателя «от берегов Невы до самых отдаленных пределов Сибири», и о своей работе над переводом».⁴⁶ В ответной записке Диккенс выражал желание познакомиться с «талантливым переводчиком».⁴⁷

Это особенно воодушевило Введенского, и в августе 1850 г. он писал сестре: «В будущую весну собираемся в Англию. <...> Путешествие в Англию для меня необходимо потому собственно, что я занимаюсь теперь изучением английского языка и литературы. На меня выпал жребий знакомить русских читателей с этим предметом».⁴⁸

Однако в 1851 г. выезд за границу для русских, состоявших на действительной службе, был запрещен, особенно в Лондон, где открылась тогда всемирная выставка.⁴⁹ Пришлось ждать еще два года.

В заграничную поездку Введенский отправился из Петербурга 30 мая 1853 г.⁵⁰ с очевидным намерением встретиться с Диккенсом. Близкие ему люди были, видимо, осведомлены об этом. Во всяком случае А. Д. Галахов, связанный с Введенским работой по составлению программ русского языка для военных заведений, писал ему из Москвы 23 мая: «Поклонитесь Диккенсу и скажите ему, что есть мол в Москве учитель Галахов, который вместе с женою читает в сладость его романы (в переводах Введенского), и что не у одного мол Галахова, но и у многих других горячо бьются сердца при встрече с созданными им лицами; что все они, любя читать сочинения Диккенса, полюбили самого Диккенса, веруя крепко, что он должен быть пре-

⁴⁵ Колосья, 1884, № 11, с. 255.

⁴⁶ Там же, с. 275—277. — Комментарий к этому письму см.: Алексеев М. П. Встреча Диккенса с И. И. Введенским. — В кн.: Чарльз Диккенс. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. М., 1962, с. 241—244.

⁴⁷ Колосья, 1884, № 11, с. 277.

⁴⁸ Русский архив, 1901, кн. 2, вып. 5, с. 119.

⁴⁹ См.: там же.

⁵⁰ Чернышевский писал отцу 1 июня 1853 г.: «Введенский уехал третьего дня за границу» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1949, т. 14, с. 229).

красный человек, отлично доброго сердца, проповедник истинной филантропии». ⁵¹

Сперва Введенский посетил Германию, но оставался там недолго и через Бельгию 9 июня приехал в Париж, где пробыл около месяца, после чего отправился в Лондон. К ранее публиковавшимся его запискам о путешествии ⁵² можно добавить новое найденное его письмо к А. А. Краевскому из Лондона от 31 июля (12 августа) 1853 г. ⁵³ В нем Введенский жаловался на то, как не хватает времени «джентльмену, для которого открылась возможность пробыть за границей всего только около трех месяцев», и сообщал, что, «прожив в Париже месяц», он «имел честь посещать в College de France лекции некоторых профессоров», в том числе историка литературы и критика Филарета Шалья и латиниста Пьера-Франсуа Тиссо; они, однако, показались ему «шарлатанами», и он противопоставлял им Полена Париса, «который читает превосходно о средневековой эпопее». Далее он рассказывал о визите к Ф. Шалю («Шаль принял меня и целых два часа доказывал мне, что Франция, равно как и вся Европа, гниет и что будущность человечества — в России и северной Америке») и заключал: «... уверяю Вас, что французы — дети, которых по временам непременно нужно сечь розгами. У них всё игрушки, даже в революции они играют. Прогресс, успехи человечества, всеобщие интересы и т. д. — все это вздор, галиматья и всяческая галиматья. Представьте, что площадной шут на Элисейских полях всего более веселит публику тем, что, кривляясь и коверкаясь, произносит нараспев: „Je vous dire, Mesdames et Messieurs, la vérité, la pure vérité, rien que la vérité“». ⁵⁴ Факт мелочный, но, право, многозначительный».

Совершенно иное впечатление произвела на Введенского Англия. «Лондон и Париж — небо и земля, рай и тартар. Вот здесь-то, в столице Великобритании, человек живет и наслаждается в полном смысле слова. Кто не видел Лондона, тот не знает колоссального могущества человеческих идей и всего величия нашей природы. Здесь я вижу чудеса на каждом шагу, здесь я живу и наслаждаюсь. Тут я не слышал профессоров — кавикулы помехой, — но тут я слышал рассказ Альберта Смита о восхождении на Монблан, ⁵⁵ и могу Вас уверить, что никакие профессорские лекции не сравнятся с этим рассказом. Видел я тут многое, что мог видеть в короткое время; но всего более заинтересовал меня Британский Музеум — сокровищница египетских и ассирийских древностей».

⁵¹ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 29, л. 32 об., 34.

⁵² См.: Благосветлов, с. 15; Русский архив, 1901, кн. 2, вып. 5, с. 124—125.

⁵³ ГПБ, ф. 391, ед. хр. 228.

⁵⁴ «Я вам говорю, дамы и господа, правду, чистую правду, ничего кроме правды» (*франц.*).

⁵⁵ Альберт Смит (Smith, 1816—1860) — английский писатель и журналист; в 1851 г. совершил восхождение на Монблан, о котором затем рассказывал в публичных лекциях.

Из этого же письма к Краевскому мы узнаем, что предполагавшаяся встреча с Диккенсом в итоге не состоялась. «Престранная история случилась со мной, — писал Введенский. — Я взял с собой из Петербурга почти все свои английские переводы для представления их в Лондоне, кому следует». Не желая возить повсюду с собой эти книги, Введенский оставил их в Берлине с тем, чтобы их отправили прямым путем в Лондон. Однако они были задержаны на бельгийской таможне, «понеже переплетенные книги — предмет контрабанды». «А я между тем, — сокрушался Введенский, — благодаря этому обстоятельству, лишился возможности познакомиться с здешними литераторами. Впрочем Диккенс в Италии; Теккерей в Америке. Последний ливрезон Диккенсова романа⁵⁶ выйдет (это сказал мне главный сотрудник Диккенса) 1 сентября, значит после уже моего отъезда...». Срок отъезда из Лондона указан в конце письма: «*Maris et terris jactatus*,⁵⁷ выезжаю из Лондона на этих днях и к концу августа буду в Петербурге».

Диккенс действительно находился в это время вне Англии, но не в Италии, а на северном побережье Франции, в Булони, откуда он отправился в Италию только в октябре месяце. Свое пребывание в Булони, расположенной напротив английского побережья, Диккенс старался держать в секрете, чтобы избежать назойливых посетителей⁵⁸ (возможно, поэтому его сотрудник и сказал Введенскому, что он в Италии). В Лондон же Диккенс приезжал «на пару дней» («for a day or two») только около 8 сентября (или 27 августа ст. ст.),⁵⁹ когда Введенский давно уже покинул Англию и если еще не достиг России, то находился на пути к ней.⁶⁰

---

⁵⁶ Имеется в виду «Холодный дом» («Bleak House»), выходявший отдельными выпусками («ливрезнами») с марта 1852 г.

⁵⁷ Покинув моря и земли (*лат.*).

⁵⁸ См. его письмо к миссис Уотсон из Булони от 27 августа 1853 г.: *Dickens Charles. The Letters. London, 1880, vol. 1, p. 309.*

⁵⁹ См. его письмо к У. С. Лендору от 8 сентября 1853 г. (там же, с. 313).

⁶⁰ Впоследствии, однако, распространилось мнение, что встреча Диккенса и Введенского состоялась. М. П. Алексеев, внимательно изучавший эту версию, обнаружил связанные с нею материалы сравнительно позднего происхождения. Показательно, что в биографии, написанной Благосветловым и опубликованной через два только года после смерти Введенского, пресловутая встреча даже не упоминается. Между тем Благосветлов был близок к Введенскому в 50-е гг., посещал его кружок, а после его смерти имел доступ к его бумагам, оставшимся у вдовы. В биографии описано путешествие 1853 г., причем особое внимание уделено пребыванию Введенского в Лондоне (см.: Благосветлов, с. 15). Трудно себе представить, чтобы Благосветлов мог не узнать о встрече с Диккенсом, если таковая действительно состоялась, или умолчать, зная о ней. К этому можно добавить, что А. С. Суворин еще в 1870 г. писал о Введенском: «Когда ему случилось быть в Англии, он, как почитатель Диккенса, посетил автора „*Даида Копперфильда*“. Диккенс был в отъезде, и Введенского принял один из сотрудников хозяина» (*Н. Н. Недельные очерки и картинки. — С.-Петербургские ведомости, 1870, 21 июня (3 июля), № 168. Курсив мой, — Ю. Л.*). Как мы видим, сведения Суворина в этом вопросе

По возвращении на родину Введенский вернулся к своим обычным трудам. Но давно уже слабевшее зрение окончательно ему отказало: он ослеп. Тем не менее он не прекратил работы, продолжал читать лекции, диктовал жене текст подготавливавшегося им руководства для военно-учебных заведений. М. И. Семевский, в то время воспитанник Дворянского полка, вспоминал

соответствовали тому, что сообщал сам Введенский Краевскому. Наиболее раннее из обнаруженных сообщений в печати о будто бы состоявшейся встрече английского романиста и его русского переводчика относится к 1879 г. Сотрудник «Русской старины» П. Гусев в заметке, сопровождавшей публикацию письма Введенского к Д. П. Павловскому, говоря об осторожном поведении Введенского после 1849 г., иллюстрировал это следующим примером: «В 50-х годах, посетив Англию, Иринарх Иванович сделал визит Чарльзу Диккенсу и — не заглянул к эмигрантам» (Русская старина, 1879, т. 25, кн. 8, с. 744). Гусев, таким образом, упоминал этот визит попутно и как известный факт. Примерно так же мимоходом писал об этом спустя пять лет Н. Ф. Хованский, указавший в кратком биографическом очерке, что после провала в университете Введенский «уехал за границу и пробыл там все каникулярное время 1853 г., посетил Германию, Францию, Англию и где, между прочим, имел свидание с Диккенсом, и возвратился в Россию, несколько примиренный с своею судьбой» (*Хованский Н. Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии. Саратов, 1884, с. 107*). Наиболее обстоятельное сообщение появилось в воспоминаниях о Введенском А. П. Милюкова, опубликованных впервые в 1888 г. Ссылаясь на рассказы самого Введенского, Милюков писал, что по приезду в Лондон «посетил он Диккенса и представил ему переводы его произведений». Диккенс «сначала принял его сдержанно, но после довольно продолжительной беседы об английской литературе отнесся к нему с теплым участием», а затем проявил интерес и к русской литературе. По утверждению Милюкова, Введенский потом говорил: «Два часа, проведенные у Диккенса, останутся навсегда мне памятными, как лучшие минуты в моей жизни» (Исторический вестник, 1888, т. 33, № 9, с. 581; то же: *Милюков А. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, с. 76*). После Милюкова свидание писателя и переводчика упоминалось еще в воспоминаниях А. М. Миклашевского (в прошлом ученика Введенского в Дворянском полку), у которого оно приняло весьма преувеличенный вид — в числе участников встречи оказался и Теккерей. Миклашевский считал, что «Диккенс и Теккерей, узнав о переводах столь отличных, пригласили Введенского в Лондон, и желаемое свидание состоялось» (Русская старина, 1891, т. 69, № 1, с. 118). Само возникновение легенды о свидании Введенского с Диккенсом, думается, легко объяснимо. Как мы видели, П. Гусев, которому было важно показать, что осторожничавший Введенский опасался в Лондоне посещать русских эмигрантов, для противопоставления упомянул его визит к Диккенсу, о котором, кстати сказать, уже писал Суворин. Гусев лишь не добавил, что Диккенс отсутствовал и свидание не состоялось: для хода его рассуждений это было несущественно. Но тем самым его слова «сделал визит к Чарльзу Диккенсу» могли быть поняты как утверждение того, что встреча состоялась. Именно так они и были восприняты, и легенда обрела существование. Но как в таком случае объяснить цитированное место из воспоминаний Милюкова, которое, по справедливому заключению М. П. Алексеева, «является единственным источником, сохраняющим признаки достоверности» (*Алексеев М. П. Встреча Диккенса с И. И. Введенским, с. 246*)? Нам это дело представляется таким образом. Когда в конце 1870-х гг. возникла версия о встрече, она дошла и до Милюкова. Сейчас, разумеется, трудно сказать, как воспринял ее престарелый литератор (Милюков родился в 1817 г.), поверил ли он в нее или знал, что она ложная. Но версия имела хождение, и, публикуя воспоминания о Введенском, ее нужно было или при-

Таким образом, Достоевский связывал монолог князя «За здоровье солнца» с речью Дон Кихота о Золотом веке, поводом для которой, как известно, послужили его размышления о желуде.

В окончательном тексте «Идиота» автор несколько раз подводит читателя к мысли, что Мышкин — это новый Дон Кихот. Как известно, Достоевский любил давать литературный или, шире, культурно-исторический «ключ» к своим произведениям.¹⁷ Литературные ассоциации, по его мнению, должны были дополнять и обогащать образы героев целыми комплексами общечеловеческих черт, связанных с тем или иным мировым образом.¹⁸ В частности, писатель мимоходом отмечать книги, которые читают его герои. Характерный пример этого литературного приема имеется в «Идиоте». Полученную от князя записку Аглая сначала кладет на свой столик, а затем в какую-то толстую книгу. «И уж только чрез неделю случилось ей разглядеть, какая была это книга. Это был „Дон-Кихот Ламанчский“. Аглая ужасно расхохоталась — неизвестно чему».¹⁹ В комплекс литературных ассоциаций (столь важных для каждого из героев Достоевского) входит также пушкинский «Рыцарь Бедный». Этот образ как промежуточное звено между двумя интересующими нас героями заслуживает особого внимания. Своеобразная «родословная» князя Мышкина, до поры до времени скрытая, становится очевидной во время чтения Аглаей пушкинской «Легенды». По ее словам, Рыцарь Бедный, а следовательно, и князь, «тот же Дон-Кихот, но только серьезный, а не комический».²⁰ В другом месте, говоря о герое баллады Пушкина, она характеризует его следующим образом: «... в стихах этих прямо изображен человек, способный иметь идеал, во-вторых, раз поставив себе идеал, поверить ему, а поверив, слепо отдать ему всю свою жизнь». Не важно, в чем, собственно, состоит этот идеал, важно лишь, чтобы «это был какой-то светлый образ».²¹ Расширяя границы пушкинского героя, Достоевский тем самым приближает его к образу Дон Кихота. В черновиках к «Идиоту» имеется чрезвычайно важное уточнение этого идеала применительно к Мышкину, которое, бесспорно, отдаляет его от пушкинского образа и приближает к странствующему рыцарю Сервантеса: «Да, он был „полон чистою любовью“, он был „верен сладостной мечте“ — восстановить и воскресить человека!»²²

Известную близость обнаруживают оба писателя в оценке смертной казни и каторги. По мнению Мышкина, убийство по

¹⁷ См.: Гроссман Л. П. Достоевский-художник. — В кн.: Творчество Ф. М. Достоевского, с. 351—352.

¹⁸ Достаточно вспомнить Митю Карамазова, в связи с которым всплывают имена Отелло, Франца Моора, Улисса и Гамлета.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 8, с. 157.

²⁰ Там же, т. 8, с. 207.

²¹ Там же, т. 8, с. 207.

²² Там же, т. 9, с. 264.

приговору того, кто убил, «несравненно ужаснее, чем убийство разбойничье».²³ Рассуждение Дон Кихота о каторжниках и его дальнейшее поведение является как бы предваряющим мысль князя активным ответом на нее и активной ее проекцией. Узнав, что «эти люди идут на галеры по принуждению, а не по доброй воле», Дон Кихот освобождает их. Единственный его аргумент — то, что природа создала их свободными.²⁴ В обоих случаях писатели противопоставляют официальным законам и справедливости, на них построенной, справедливость, основывающуюся на более высоком законе — любви и милосердии. Достоевский не мог не обратить внимания на столь близкий ему мотив в «Дон Кихоте». Он даже намеревался ввести аналогичную сцену в текст своего романа. В черновиках есть такая запись: «Князь выпустил убийцу <...> Я его выпустил, а он зажег все село (крестьяне взяли с меня)».²⁵ Аналогия между двумя эпизодами очевидна, тем более что предполагались также плачевные последствия события.

В начале работы над романом Достоевский наметил определенный путь создания положительного героя. С. А. Ивановой он писал, что Дон Кихот прекрасен единственно потому, что в то же время смешон.²⁶ Юмор, по его убеждению, открывает прекрасное в комическом. Он, видимо, предполагал в какой-то мере сочетать обе эти черты в князе Мышкине. Обращает на себя внимание следующая запись в черновиках: «Несколько ошибок и комических черт Князя».²⁷ Однако почти в то же время появляется запись прямо противоположного характера: «Смешон. Как он отклоняет смех».²⁸ Если в начале работы над романом Достоевский предполагал соединить в Мышкине обе черты, способные, по его мнению, пробуждать симпатию в читателе, — наивность и комизм, то впоследствии писатель так охарактеризовал своего героя: «Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он! невинен!»²⁹ Таким образом, Достоевский отступил от им же самим открытого закона.

Тот факт, что образ, созданный фантазией русского писателя, лишен воинственности своего предшественника, в значительной мере обусловлен тем, что, по замыслу Достоевского, Мышкин должен был быть наделен некоторыми чертами Христа.³⁰ Вместе с тем следует отметить, что образ самого Дон Кихота, как любой из мировых образов, многогранен. Дон Кихоту *всегда* сопутство-

²³ Там же, т. 8, с. 20.

²⁴ *Сервантес Сааведра М. де.* Собр. соч. в 5-ти т., т. 1, с. 230.

²⁵ Там же, т. 9, с. 269.

²⁶ См.: *Достоевский Ф. М.* Письма, т. 2, с. 71.

²⁷ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 9, с. 242.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 239.

³⁰ Например, самый «антидонкихотовский» эпизод в романе — сцена, в которой Ганя дает пощечину князю Мышкину, — восходит, несомненно, к образу Христа.

даже не приходил вопрос, хорошо ли, законно ли его хотенье». ⁶ Конечно, Фет, чья юношеская дружба с Введенским в итоге кончилась разрывом, ⁷ был тенденциозен в этой характеристике, но у нас нет оснований идеализировать Введенского. Стремление выбиться в люди во что бы то ни стало побуждало его подчас поступаться нравственными принципами, самолюбием. Тягостное чувство вызывают некоторые его письма к Погодину, подобострастные, низкопоклоннические. ⁸ Введенский вполне понимал, что Погодин нещадно его эксплуатирует, но он рассчитывал, что тот поможет ему попасть в Петербургский университет и устроиться в Петербурге, и это побуждало его буквально простирались перед своим «благодетелем». ⁹

Оказавшись в Петербурге в тяжелом положении, Введенский, как уже отмечалось выше, безуспешно обращался за помощью к Белинскому. Но это не помешало ему позднее стать деятельным сотрудником Сенковского, о литературной вражде которого с Белинским он не мог не знать. С восторгом сообщал он Билярскому о том, что Сенковский расцеловал его, «как ребенка», за статью, помещенную в «Библиотеке для чтения». ¹⁰

Преподавая в военно-учебных заведениях, Введенский, как свидетельствовали сами ученики, внушал им правила высокой нравственности, социальной справедливости. Один из них, В. П. Попов, в стихотворении «К портрету И. И. Введенского» (1857) писал, что в борьбе со своими противниками и клеветниками

Не пал он могучей душою
И верен остался себе;
Продать не хотел убеждений,
Интригами мест не искал
И ряд молодых поколений
На службу добру воспитал.¹¹

Такое впечатление производил Введенский на своих учеников. Но в письме 1844 г. к Сенковскому он признавался, что играет «роль шарлатана в военных заведениях», где преподают

⁶ Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893, с. 131.

⁷ См.: Блок Г. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924.

⁸ См., например: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892, кн. 5, с. 27.

⁹ В начале 1840 г. Введенский писал из Москвы Погодину, находившемуся тогда в Петербурге: «...как ни совестно, а я все-таки прибегаю к Вам, почтенный мой благодетель. Если бы в продолжении настоящего своего пребывания в Петербурге Вы нашли-таки для меня какое-нибудь место, которое бы доставило мне возможность докончить свое Университетское образование, я уже считал бы себя спасенным и заранее бы приготовился к благоразумнейшему действию на новом поприще, которое Вы для меня устроите. В выборе этого места я совершенно полагаюсь на Ваше усмотрение...» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 21 об.).

¹⁰ Истрин В. М. Письма к академику П. С. Билярскому, хранящиеся в пмп. Новороссийском университете. Одесса, 1906, с. 125.

¹¹ Благоветов, с. 22—23.

«целую стаю химерических наук, выдуманных для подавления мысли». «Вместо удовольствия следить за развитием молодых умов, я обречен на муку видеть каждый день, как сам же я засариваю всякою гадостью их мозг».¹² Чем вызвано такое самобичевание? — или в этом проявилось желание как-то подыграть скептицизму Сенковского?

Впрочем, определенные основания для недовольства своей деятельностью Введенский несомненно имел. Конечно, он не мог быть вполне откровенным перед своей аудиторией, вынужденный уже по самому своему положению провозглашать официозные взгляды.

В 1868 г. М. П. Погодин в статье, направленной против «нигилистов» типа Д. И. Писарева, назвал Введенского «одним из их родоначальников» и утверждал, что он «развел нигилистов по всем корпусам».¹³ Погодину возражал А. А. Чумиков.¹⁴ Вопрос о том, насколько были справедливы их утверждения за и против Введенского, уже неоднократно обсуждался, в частности в работах, посвященных связям Введенского и Чернышевского,¹⁵ а также некоторых других,¹⁶ и в настоящее время может считаться выясненным.

Введенский не был «нигилистом» в том смысле, какой вкладывали в это слово Погодин или Фет, писавший о нем: «Это был тип идеального нигилиста»,¹⁷ т. е. человек без каких-либо нравственных принципов и устоев, отрицатель духовных запросов и интересов. Не принадлежал он, по-видимому, и к числу революционных деятелей, которых впоследствии прозвали «нигилистами» их политические противники. И тем не менее несомненно, что определенный вклад в воспитание революционных демократов «шестидесятников» он внес.

Во второй половине 40-х годов у Введенского образовался кружок близких ему людей, собиравшихся у него на квартире раз в неделю, по средам.¹⁸ В числе посетителей были сотрудники Введенского, педагоги-литераторы А. П. Милюков, В. В. Дерикер, В. Н. Рюмин, Е. Э. Краузольд, подполковник и поэт Д. И. Минаев (отец будущего поэта-сатирика Д. Д. Минаева), упоминавшиеся уже А. А. Чумиков, П. С. Билярский, Г. Е. Бла-

¹² Колосья, 1884, № 11, с. 254.

¹³ Погодин М. Нигилистам. — Русский, 1868, 2 октября, № 63, с. 3—4.

¹⁴ А. За И. И. Введенского. — Там же, 17 декабря, № 129, с. 3—4.

¹⁵ См.: Ляцкий Евг. Н. Г. Чернышевский и И. И. Введенский. Из биографических очерков по неизданным материалам. — Современный мир, 1910, № 6, с. 159—160; Базанов В. Г. И. И. Введенский и Н. Г. Чернышевский. (К истории русской фольклористики). — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования. М.—Л., 1956, с. 155—156; Медведев А. П. Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958, с. 51—57.

¹⁶ См., например: Катарский И. Диккенс в России. М., 1966, с. 255—257.

¹⁷ Фет А. Ранние годы моей жизни, с. 135.

¹⁸ Наиболее обстоятельно этот кружок охарактеризован в упомянутой статье А. П. Медведева «Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского» (см. примеч. 15).

госветлов. Осенью 1849 г. в кружок вошел Н. Г. Чернышевский, знавший Введенского, возможно, еще по Саратову, а позднее и А. Н. Пыпин. Постепенно Чернышевский и Введенский очень сблизились. Во всяком случае в 1851—1852 гг. Введенский сообщал своей саратовской родне, что Чернышевский, переехавший весной 1851 г. в Саратов, «может весьма подробно рассказать о моем житье-бытье и обо всех моих обстоятельствах», что ему «совершенно известно все, что до меня касается».¹⁹ Сам же Чернышевский писал своему другу, писателю М. Л. Михайлову, о Введенском: «... у нас с ним свои счеты, и я вправе ожидать, чтоб он моих друзей считал своими друзьями».²⁰

Кружок Введенского не был политической организацией (в отличие от одновременно существовавшего кружка М. В. Буташевича-Петрашевского), однако бурные современные события глубоко волновали его членов. А. П. Милюков вспоминал впоследствии: «Предметом разговоров были преимущественно литературные новости, но часто затрагивались и вопросы современной политики. В 1847—1848 годах события в Европе сделались даже главной, почти исключительной темой бесед, как и в других кружках тогдашней петербургской молодежи <...> С этим связывались, конечно, и вопросы социальные, и сочинения Прудона, Луи Блана, Пьера Леру нередко вызывали обсуждения и споры». Милюков, правда, тут же добавлял, что «горячих почитателей социализма в этом кружке не было»,²¹ но, думается, больше следует доверять дневниковой записи Чернышевского, который засвидетельствовал объединявшие их с Введенским социалистические убеждения.²²

Какие-то связи между окружением Введенского и Петрашевского все же существовали. В частности, А. П. Милюков регулярно посещал кружок петрашевца С. Ф. Дурова.²³ С другим петрашевцем, А. В. Ханыковым, общался молодой Чернышевский.²⁴ На собраниях у Введенского взволнованно обсуждали «разгром кружка Петрашевского, в котором бывали и люди знакомые».²⁵ Иногда здесь речь заходила даже о возможности убийства царя.²⁶

В итоге слухи о «крамольных» разговорах и связях Введенского вышли за пределы его кружка. 28 апреля 1849 г., через

¹⁹ Русский архив, 1901, кн. 2, вып. 5, с. 121, 122 (письма от 7 декабря 1851 г. и 27 сентября 1852 г.).

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1949, т. 14, с. 212 (письмо от 23 декабря 1850 г.).

²¹ Милюков А. Литературные встречи и знакомства, с. 72.

²² См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 362 (запись от 17 февраля 1850 г.).

²³ См.: Милюков. Литературные встречи и знакомства, с. 174—185.

²⁴ См. записи в его дневнике: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 1 (Ханыков А. В. — по указателю).

²⁵ Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910, с. 75. — См. также дневниковую запись Чернышевского от 28 декабря 1849 г.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 1, с. 346.

²⁶ См.: там же, с. 395 (запись от 15 сентября 1850 г.).

несколько дней после ареста петрашевцев, Ф. Ф. Вигель доложил И. П. Липранди, который вел слежку за кружком Петрашевского, что Введенский, «попович» «с изумительными правилами безнравственности и безбожия и *se qui s'en suit*», есть «задушевный друг Петрушевского» (sic!) и, преподавая в «кадетских корпусах», распространяет «отраву среди возрастающего юношества». ²⁷

Наветы на Введенского, вероятно, распространялись и до этого. Во всяком случае, еще 5 апреля он написал оправдательное письмо, в котором пытался отвести от себя обвинения «в каком-то либерализме или в злонамеренном распространении мнений, противных существующему ходу вещей». ²⁸ Напуганный доносом, он старался убедить начальство, что ведет жизнь «затворника в полном и совершеннейшем смысле этого слова», что для него не существуют «никакие связи, никакие общества и даже почти никакие знакомства». Он всячески заверял в своей лояльности, утверждая, что считает для себя бесчестным «распространять между молодыми людьми такие мнения, которые, в каком бы то ни было отношении, могут противоречить предписаниям высшей власти», что его образ мыслей согласуется «с коренными началами развития жизни русского народа», ибо «тот должен быть глупец или человек злонамеренный, не любящий России, кто желает для своего отечества перемен, подобных тем, которые обуревают в настоящее время Западную Европу», и т. д. ²⁹

Среди рукописей Введенского сохранилась «Речь об основных элементах русской народности, произнесенная перед выпускными воспитанниками Дворянского Полка в заключение учебного курса Истории Русской Литературы». ³⁰ Относящаяся примерно к тому же времени, что и цитированное выше письмо к начальству, речь эта выдержана в духе «официальной народности». «Основными элементами» здесь провозглашены любовь к богу, к царю и отечеству, а революции объявлены следствием полуобразованности и невежества.

Так приходилось Введенскому лавировать. И в то же время лекции его внушали идеи, далекие от официозных. Мы уже приводили свидетельство его слушателя, скрывшегося под псевдонимом «Старого артиллериста», о том, что Введенский выступал с кафедры «ярим противником крепостничества и рабства». Интересное описание его лекторской тактики составил географ М. И. Венюков, первоначально учившийся в Дворянском полку.

²⁷ Русская старина, 1871, т. 4, № 12, с. 697.

²⁸ Колосья, 1884, № 11, с. 260. — Письмо начинается обращением «Ваше превосходительство!», и точный адресат его неизвестен. Экземпляр его, найденный в бумагах инспектора Дворянского полка Д. М. Павловского, опубликован в «Русской старине» (1879, т. 25, № 8, с. 741—744). Черновик, сохранившийся в семье Введенского, был опубликован в «Колосьях» под заглавием: «Письмо к Я. И. Ростовцеву».

²⁹ Колосья, 1884, № 11, с. 260—262.

³⁰ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 14—19 об.

«В официальной программе у Введенского был, например, короткий параграф: „Энциклопедисты XVIII века и их влияние на русскую литературу“. Он из этого параграфа умел сделать несколько лекций большой занимательности и поучительности. Вольтер, Дидро, Даламбер, Руссо, Гельвеций, Гольбах и пр. являлись официально „разрушителями“, как у Смарагдова;³¹ но *privatim*³² разрушительные их теории были изложены так, что было ясно, что они — восстановители человеческих прав, люди, которых чтити сами великие государи, Фридрих II, Екатерина II, а сажали в Бастилию только ничтожности, вроде Людовика XV. Вольтер официально порицался, а Державин, певец Фелицы и славных русских вельмож, был похваем, но так, что всякий чувствовал, что автор Водопада, Видения Мурзы и пр. — карлик по сравнению с автором Философского Словаря и Кандида. Вольтера цари боялись и уважали, а Державина только награждали. Любопытство к изучению Руссо, Вольтера, энциклопедистов было подстрекнуто как нельзя лучше, хотя и не удовлетворено, так как этого не допускала программа».³³

В тяжелую, мучительную пору «мрачного семилетия» Введенский, при всей своей осторожности, тем не менее недвусмысленно являл собою представителя нового поколения, которое постепенно занимало ведущее положение в общественной жизни. Это, в частности, проявлялось при обсуждении учрежденных Ростовцевым пробных лекций кандидатов на учительские должности в военных заведениях. Здесь «Введенский постоянно схватывался с заслуженным преподавателем словесности *Плаксиным*, сторонником риторики и пиитики». И эта их схватка, свидетельствовал А. А. Чумиков, превращалась в «единоборство между представителями старого и нового поколения».³⁴ Не случайно Пыпин, который видел Введенского на кафедре единственный раз во время конкурсной лекции в университете, вспоминал потом: «Это была крепкая, несколько грубоватая фигура, с громким голосом, с ясной, почти резкой манерой говорить и с *довольно определенным общественным взглядом, который можно было бы назвать демократическим или, по позднейшему, народническим*».³⁵ Именно этот демократизм и помешал Введенскому, как мы помним, занять университетскую кафедру.

Заслуживает внимания характеристика общественного и нравственного облика Введенского, данная Г. Е. Благосветловым при посылке М. И. Семевскому, редактору «Русской старины», цитированного выше письма от 5 апреля 1849 г., где Введенский за-

³¹ С. Н. Смарагдов — преподаватель истории и географии в разных петербургских учебных заведениях середины XIX в., автор учебников по истории.

³² частным образом (*лат.*).

³³ Цит. по: *Семевский В. И.* Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях. — Голос минувшего, 1917, № 2, с. 160—161.

³⁴ А. Ч. Петербургский университет полвека назад. Воспоминания бывшего студента. — Русский архив, 1888, кн. 3, № 9, с. 135.

³⁵ *Пыпин А. Н.* Мои заметки, с. 76 (курсив мой, — Ю. Л.).

верял адресата в своей лояльности «властям предержажим».³⁶ Благосветлов замечал о письме: «Нет спору, что оно — его несомненный автограф и принадлежит по всем правам к числу документов, обрисовывающих его нравственную личность... Но и Вам, и мне очень хорошо известно, что не так говорил бы и думал покойный, если б он писал это письмо совершенно свободно, не имея, с одной стороны, шпиона за спиной, а с другой, начальника, в руках которого был его насущный хлеб. Для читателей Вашего журнала это письмо будет мистификацией, бросающей совершенно ложный свет на Введенского. Вы, конечно, знаете, что его последние строки к Ростовцеву (это было за несколько часов до смерти Введенского) были следующие: „Я не хочу, Ваше пр-ство, лгать в последние минуты своей жизни и потому не призываю попа к своему смертному одру. Если только есть бессмертие, то мы еще увидимся“... О какой же официальной религии мог толковать человек, стоявший целой головой выше ее. А политические его убеждения известны всем, кто стоял к нему более или менее близко.

Извините, что я прибавил эту заметку, но она неволью вырвалась у меня, близко знающего, чем был Введенский *у себя*, вне официального мира. Что делать? — Это общее наше несчастье, это вечная Голгофа русского образованного человека: он должен говорить не то, что думает».³⁷

Предшественник демократов-шестидесятников, Иринарх Введенский всей своей деятельностью, своею мученической жизнью пролагал для них путь. И несомненно прав был Аполлон Григорьев, когда назвал шестидесятые годы эпохой, которой «провозвестником явился <...> Введенский и которой полные представители — Добролюбов и Помяловский».³⁸

4

Литературное наследие Введенского разнообразно и до сих пор полностью не выявлено. Основными источниками сведений о его трудах служат два библиографических перечня. Один из них приложен Г. Е. Благосветловым к биографии Введенского и содержит указания на 24 критических статьи, 5 оригинальных статей и 10 переводов.¹ Второй перечень содержится в цитированном выше письме Введенского конца 1851 г., связанном с его

³⁶ Письмо Благосветлова датировано 14 января 1879 г. Письмо Введенского, как уже указывалось (см. примеч. 28), публиковалось в августовском номере «Русской старины» 1879 г. При этом специально было отмечено (возможно, для Благосветлова), что это — публикация П. Гусева, подготовленная еще в феврале 1876 г.

³⁷ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 398, л. 3—4 об. — О том, что Введенский «был атеист, как большая часть семинаристов, хлебнувших университетской» науки, свидетельствовал А. А. Чумиков в письме к М. П. Погодину от 6 апреля 1872 г. (ГБЛ, ф. 231 (Пог./II), карт. 35, ед. хр. 83, л. 6 об.).

³⁸ Григорьев *Ал.* Полн. собр. соч. и писем в 12-ти т., т. 1, с. 27.

¹ Благосветлов, с. 18—19.

попыткой получения университетской кафедры.² Оба перечня в основном совпадают, хотя некоторые расхождения между ними имеются.³ Однако есть основания считать, что далеко не все из написанного Введенским попало в эти списки.⁴ Тем не менее основные его работы они, несомненно, учитывают. Так мы можем установить, что в пору раннего сотрудничества в «Библиотеке для чтения» наиболее значительные его критические статьи были посвящены изданиям исторических памятников вроде записок Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (СПб., 1840), «Сказаний князя Курбского», изданных Н. Г. Устряловым (СПб., 1842), или «Актов исторических, собранных и изданных Археографическою Комиссиею» (т. 1, 2. СПб., 1842).

После возобновления Введенским в 1847 г. журнального сотрудничества тематика его статей становится разнообразнее и в то же время она так или иначе связана с другими сторонами его деятельности — педагогической и переводческой. Он пишет о книгах, посвященных русскому языку и словесности. Две статьи — «Державин» и «Тредьяковский»⁵ — являются прямыми извлечениями из его лекций по истории русской литературы. Особенно много статей посвящает он английской литературе (на них мы специально остановимся ниже).

Для определения общего взгляда Введенского на теорию и историю литературы наибольшее значение имеют его критические разборы «Очерка русской поэзии» А. П. Милюкова (СПб., 1847)⁶ и «Руководства к познанию родов, видов и форм поэзии» М. Тулова (Киев, 1853).⁷ Помимо названных статей, интерес с этой точки зрения представляют литографированные курсы лекций Введенского «История русской литературы» и «Курс словесности», относящиеся, по-видимому, ко второй половине 40-х гг.⁸

² ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 6—7.

³ Перечень Введенского указывает 35 названий, одно из которых не учтено Благосветловым. Перечень Благосветлова содержит 39 названий; из пяти названий, не указанных Введенским, два относятся к 1852—1853 гг. (т. е. не могли быть учтены в списке конца 1851 г.), а к одному (статья «Царь Василий Шуйский») сделана помета: «неизвестно, где напечатана».

⁴ Благосветлов писал по поводу приведенной им библиографии: «Множество переводов с французского и немецкого языка и мелкие рецензии, разбросанные по разным журналам без подписи его имени, не вошли в этот перечень» (Благосветлов, с. 18). Сам Введенский, указав в упомянутом письме, что ему принадлежит «большая часть критик Библиотеки для чтения за 1841, 1842 и 1843 годы», дальше назвал только шесть статей, которые повторил и Благосветлов.

⁵ Северное обозрение, 1849, т. 1, с. 106—148; т. 2, с. 428—452.

⁶ Современник, 1847, т. 5, № 10, отд. III, с. 87—104.

⁷ Отечественные записки, 1853, т. 91, № 12, отд. IV, с. 33—56.

⁸ В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранилось пять экземпляров «Истории русской литературы», но все неполные. Наибольший объем имеют два экземпляра (шифры: 18.250.1.152 и 18.250.1.432), доходящие до Державина. «Курс словесности»

В своих историко-литературных взглядах Введенский опирался на критику и эстетику Белинского. Не случайно, рассматривая «Очерк» Милюкова, он ставил в образец «журнальные статьи г. В. Б-го,⁹ заключающие в себе обзор деятельности многих главнейших представителей русской литературы разных эпох», и в последующем разборе ссылался на «упомянутые выше журнальные статьи, в которых, между прочим, говорилось то же самое, только последовательнее и доказательнее».¹⁰ Заслуживает внимания реплика П. А. Плетнева, занимавшего в критике 40-х гг. консервативную позицию, во многом противоположную Белинскому; ознакомившись летом 1849 г. со статьёй Введенского «Державин», он с явным раздражением писал о ней Я. К. Гроту: «... статья, показывающая, что Белинский еще не умер, и что его глупая и дерзкая метода разбирать автора привилась вполне к юнейшему поколению».¹¹

От Белинского, несомненно, усвоил Введенский идею народности литературы. Уже язык, лежащий в основе всякой литературы, отражает, согласно Введенскому, «жизнь самого народа, который на нем говорит». «Проследите постепенное развитие языка, — говорил он в своих лекциях, — наблюдайте ход его в различные эпохи, изучайте характер письменных памятников, и пред вами разоблачится вся жизнь народа на различных ступенях его развития, вы определите тогда характер этого народа, силу умственных его способностей и их направления в различные эпохи». Соответственно и литература, использующая язык как средство, воплощает в себе «его (народа, — Ю. Л.) мысли, чувствования, желания, т. е. всю его духовную деятельность».¹² Поэтому цель, которую видел Введенский при обращении к литературным памятникам прошлого, состояла в том, чтобы «искать проявления жизни и духа в мертвой букве, следить за видоизменениями мысли и чувства в письменных памятниках, — это, без сомнения, единственно правильная, верная метода, при которой наука, перестав быть сухим сборником школьных тезисов, непосредственно сближается с самой жизнью».¹³

хранится там же под шифром: 18.250.1.371. Характеристика историко-литературных взглядов Введенского содержится в упомянутой статье В. Г. Базанова «И. И. Введенский и Н. Г. Чернышевский» (К истории русской фольклористики) (в кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования. М.—Л., 1956, с. 155—195), однако основное внимание уделяется здесь, соответственно заглавию, осмыслению народного творчества.

⁹ Полностью Введенский не раскрывал фамилию критика, поскольку статья его печаталась в «Современнике», где Белинский возглавлял тогда критический отдел, публикуя свои статьи анонимно или подписываясь инициалами: В. Б. (см.: *Боград В.* Журнал «Современник», 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959, с. 55—56, № 9, с. 58, № 42).

¹⁰ Современник, 1847, т. 5, № 10, отд. III, с. 88, 100—101. Ср.: *Базанов В. Г.* И. И. Введенский и Н. Г. Чернышевский, с. 177.

¹¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. 3, с. 466 (письмо от 27 августа 1849 г.).

¹² История русской литературы. Записки, составленные г. Введенским, с. 5—6.

¹³ Современник, 1847, т. 5, № 10, отд. III, с. 98.

Рассматривая литературу как отражение народной жизни, Введенский настаивает на историческом подходе к ее изучению. Он стремится объяснить каждый этап в ее развитии условиями существования современного ей общества и выступает решительным противником нормативной поэтики классицизма (или, как он говорит, «ложноклассицизма»). В то же время при рассмотрении литературных произведений Введенский явно недооценивал эстетический момент. Он и литературу-то рассматривал как «совокупность *всех письменных памятников*, в которых выражается жизнь и характер народа»,¹⁴ т. е. в сущности сближал историю литературы с историей общественной мысли и историей как таковой. Внимательно следя за успехами естественных и общественных наук первой половины XIX в., когда раскрывались причинно-следственные связи не только в природе, но и в социальной сфере, Введенский шел к установлению принципов, которые в дальнейшем стали достоянием культурно-исторической школы и сравнительного литературоведения. Несомненно также, что определенное влияние оказали на него языковедческие сравнительно-исторические исследования Ф. И. Буслаева, с которым Введенский сотрудничал при выработке программ по русскому языку и словесности в военных учебных заведениях.¹⁵

Свою концепцию истории и теории литературы Введенский в итоге сформулировал в статье о «Руководстве» Тулова. Приведем почти полностью эту замечательную, на наш взгляд, теоретическую декларацию. «Теория словесности, — писал Введенский, — принимает на себя обязанность представить систематическое изложение законов, которым следуют в своем развитии все произведения литературы. Но цель эта не могла и не может быть достигнута путем чистого умозрения, потому что такое умозрение, не основанное на фактах, всегда имеет вид праздно мечтательности, неудобоприлагаемой к явлениям действительной жизни. Для открытия положительных законов, обуславливающих развитие человеческой мысли и чувства, теория литературных произведений нуждается в огромной предварительной работе, которая только что начинается в наше время. Эта работа состоит в критическом исследовании произведений литературы у всех народов вообще и у каждого порознь. Филология указывает верный путь для таких исследований. Разделив человечество на известные племена, существенно отличные одно от другого коренными свойствами языка, сравнительная метода языкознания обуславливает необходимость той же методы как для истории человечества вообще, так и для истории литературы в частности. По племенам в этнографической системе должна быть излагаема всеобщая история, и такому же порядку должна следовать история всеобщей литературы. Пусть будут сличены между собою

---

¹⁴ История русской литературы, с. 5—6 (курсив мой, — Ю. Л.).

¹⁵ См. письма Буслаева к Введенскому 1853—1855 гг. (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 29).

с историко-критической и филологической точки зрения литературные произведения каждого народа порознь: это даст возможность исследовать таким же образом по сравнительной методе литературу целого племени, индоевропейского или семитического, и потом, наконец, из сравнения всех племен в литературном отношении откроется возможность представить в стройном систематическом порядке историю общего человеческого образования, или историю всеобщей литературы — что одно и то же. И когда таким образом историк литературы, опираясь на сравнительно-критическую методу, дойдет последовательным порядком до окончательного решения своей задачи, тогда — но не прежде — наступит время для отвлеченных философических воззрений (потому что тогда будет из чего отвлекать), и эти философические воззрения, приведенные в систему, составят *теорию общей словесности*, где на основании исторических и филологических данных будут изложены всеобщие и положительные законы всех словесных произведений <...> Понятно отсюда, что теория словесности, понимаемая в этом смысле, состоит в теснейшей связи с историей литературы <...> Теория словесности должна иметь дело с фактами, точно так же, как в своей сфере история языка, и характер этой науки должен быть совершенно исторический. Фактов заготовлено и разработано довольно, как историей литературы, так и филологией: пусть же теория словесности, не отступая ни на шаг от сравнительной историко-критической методу, сгруппирует в одну общую систему все эти факты и расположит их по родам и видам в стройном естественном порядке, точно так, как поступает естествоиспытатель, разлагая по родам и видам предметы трех царств природы: тогда теория словесности, отвечая на современные требования науки, с честью выполнит свое дело, единственно возможное для нее в настоящую минуту».¹⁶

Сходство этих воззрений Введенского с последующими концепциями культурно-исторической школы, особенно русской ее ветви, совершенно очевидно. Он так же вводит литературу в общий исторический процесс, оставляя в стороне ее эстетическую природу. Отсюда осмысление литературных памятников как исторических документов и приравнивание всеобщей истории литературы к «истории общего человеческого образования». Характерно требование изучать всю совокупность литературных памятников всех народов, а также проведение аналогий между историком литературы и естествоиспытателем.

Близость к культурно-исторической школе обнаруживается и в лекциях Введенского, где, определяя факторы, обуславливаю-

---

¹⁶ Отечественные записки, 1853, т. 91, № 12, отд. IV, с. 47—48. — Этот теоретический фрагмент был написан Введенским отдельно и затем вставлен как в журнальную рецензию, так и в написанное по служебной линии «Мнение надворного советника Введенского о книге г. Тулова: Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии» (см.: ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 41—41 об.).

щие развитие литературы, он объединял естественные и социально-политические моменты. Такими факторами он считал: «Климат, счастливое отношение народа к соседним государствам, политическую самобытность и гражданское устройство».¹⁷ Можно полагать, что А. Н. Пыпин, один из корифеев русской культурно-исторической школы, получил первые импульсы в этом направлении еще в студенческие годы, когда был постоянным посетителем кружка Введенского.

Наступившие вскоре слепота и смерть не дали Введенскому возможности создать историко-литературное пособие, полностью соответствовавшее его воззрениям, тем не менее он не только соглазовывал с ними свою педагогическую практику, но и построил на их основе новую программу преподавания языка и литературы. Он так и писал в 1853 г.: «Конспект и программы русского языка и словесности, составленные <...> и утвержденные для военно-учебных заведений в нынешнем академическом году, вводят в предмет науки новую историко-филологическую методу, совершенно противоположную прежнему исключительно умозрительному направлению, которое так долго господствовало во всех учебных руководствах и монографиях, посвященных исследованию языка и литературы».¹⁸ Программа эта, как утверждал Благовосветлов, «была вопиющим протестом против празднословных литературных теорий».¹⁹

В своем курсе истории русской литературы Введенский ставил вопрос о самобытности и подражательности в литературе. «Народ имеет литературу самобытную, — говорил он, — если ее памятники представляют копию его умственной, эстетической и политической деятельности. Такая литература не имеет надобности искать для себя вдохновений на чужеземной почве, вовсе ей не свойственной». В то же время «такая только литература, обильная идеями новыми и живыми», помогает «человечеству в беспрестьянном его движении вперед на поприще духовной деятельности». Однако самобытность достигается не за счет изоляции, отгораживания от других народов, других литератур. Напротив, народ, не имеющий «ни политических, ни торговых, ни ученых связей с своими соседями, — считал Введенский, — одинокий народ, обязанный всегда и во всех случаях брать пример лишь с самого себя, будет иметь литературу оригинальную, но бедную, однообразную, бесцветную, лишенную жизни».

Истинная самобытность литературы, по убеждению Введенского, может возникнуть лишь после освоения всех предшествующих духовных достижений человечества. «Первоначально каж-

---

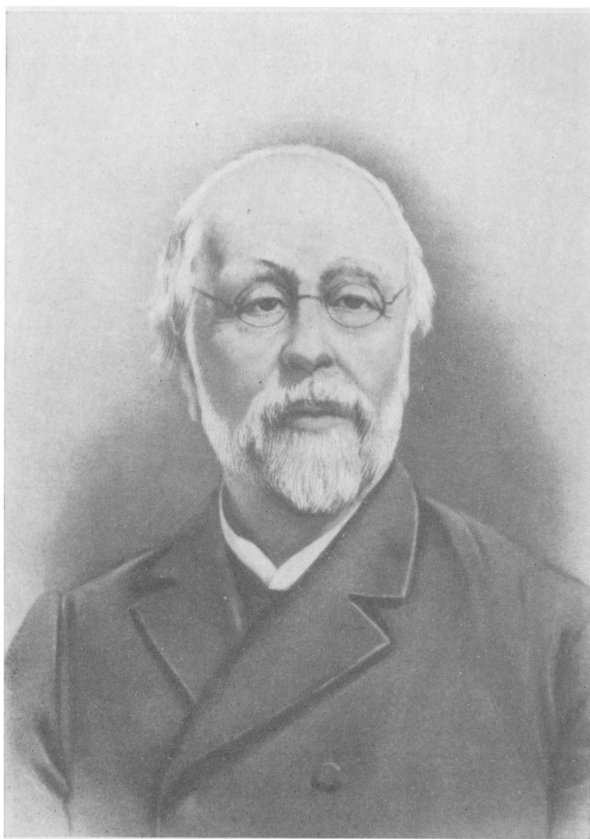
¹⁷ История русской литературы, с. 9.

¹⁸ Отчет о совещаниях по предмету Русского языка и Словесности, происходивших в Москве между профессором Буслаевым, коллежским советником Галаховым и Главным наблюдателем за преподаванием русского языка и словесности надворным советником Введенским (ИРЛИ. ф. 93. оп. 2. № 37, л. 58).

¹⁹ Благовосветлов. с. 14.

И. И. Введенский.
Рисунок И. К. Шванова
(1856).

Ипполит Тэн.
Фотогравюра С. В. Кульженко.
Издание В. П. Водозовой (Киев, 1903).

дый народ должен учиться у других народов, превосходящих его развитием своей жизни. В эту эпоху воспитания деятельность народа есть подражательная, заимствованная им от соседей. Такой же характер необходимо имеет и литература, поставленная в тесной связи с этой деятельностью». Подражательность, таким образом, рассматривается Введенским как необходимый этап в становлении каждой литературы. В свое время, указывая на, «все литературы европейские, новые имели характер исключительно подражательный. Для нас русских это время и теперь еще не совсем прошло».²⁰

В истории русской литературы Введенский намечал два основных отдела: древний — до XVIII в. и новый — от эпохи Петра I до современности. Каждый отдел подразделялся на периоды, причем во втором отделе таких периодов намечено три: от Петровского времени до Ломоносова, от Ломоносова до Карамзина, и наконец, после Карамзина. Литературу XVIII в. Введенский считал в основном подражательной, находившейся под преимущественным «ложно-классическим» французским влиянием, а также немецким. Она «не выражала в XVIII веке жизни собственно народной, и вот почему не имела она вполне благодетельного влияния на общество».²¹ Исключение, считал Введенский, составляли лишь Кантемир, Державин и особенно Фонвизин. Со времени же Карамзина «начинается особый, последний период в русской литературе, продолжающийся до нашего времени. Стремление к самобытности составляет отличительный характер этого периода»,²² — говорил Введенский в своих лекциях.

К сожалению, сохранившееся литографское издание его лекций по истории русской литературы обрывается на Державине. Завершающую, наиболее интересную часть, которая охватывала первую половину XIX в., обнаружить не удалось.

Нас не должно удивлять допущенное Введенским преуменьшение самостоятельности и значения русской литературы XVIII в., преувеличение роли западноевропейских литератур в ее развитии. Такие взгляды были вообще распространены в демократических кругах его времени. Вспомним, что Чернышевский еще в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855) писал: «За периодом чистых подражаний и переделок, какими были почти все произведения нашей литературы до Пушкина, следует эпоха творчества несколько более свободного. Но произведения Пушкина все еще очень близко напоминают или Байрона, или Шекспира, или Вальтера Скотта <...> Не говорим уже о других писателях той эпохи, — их зависимость от того или другого из европейских поэтов слишком ярко бросается в глаза».²³ Не исключено, что такой взгляд Чернышевский усвоил еще в кружке Введенского.

²⁰ История русской литературы, с. 8—10.

²¹ Там же, с. 117—118.

²² Там же, с. 22.

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 3, с. 49.

В то же время следует иметь в виду, что Введенский считал подражательность предшествующей русской литературы явлением преходящим, ибо, говорил он, «провидение одарило нас запасом умственных сил, необходимых для самостоятельного развития»,²⁴ и «стремление к выражению элементов народной жизни составляет теперь отличительный характер русской литературы». ²⁵ А в письме к Н. С. Никитину 1854 г. он предсказывал «ту великолепную будущность, когда русская литература, сбросив с себя чужеземное иго рабской подражательности, делается глубоко национальной и займет достойное себе место в общей истории человеческой образованности». ²⁶

Но, как мы видели, самостоятельность литературы, согласно Введенскому, достигается не за счет национальной обособленности. Необходим предварительный «ученический» период, т. е. освоение того лучшего, что достигнуто иными литературами. И эта идея, несомненно, лежала в основе его переводческой деятельности.

Ведущим жанром современной художественной литературы — или, как он говорил, поэзии ²⁷ — Введенский считал роман, который вытеснил былую эпопею, поскольку стихи народной жизни слишком усложнились и умножились, чтобы их мог воплотить один человек в едином обобщающем творении. Роман же, согласно Введенскому, «есть эпическое произведение, в котором выражается какая-нибудь сторона народной жизни, прошедшей или настоящей». ²⁸

Есть основания полагать, что магистральным путем движения русской литературы Введенский считал развитие романа, причем романа реалистического. Демократ по убеждению, последователь Белинского, требовавший, чтобы литература изображала жизнь народа во всей ее сложности, многообразии и противоречивости, он должен был сочувствовать литературному движению «натуральной школы», утверждавшей в 40-е гг. свои эстетические принципы. В этой связи показательны его полемические замечания в статье о «Руководстве» Тулова по поводу суждений автора, будто бы уродливые явления действительности «могут эстетически нам нравиться в искусстве». «Нет, г. автор, — возражал Введенский, — если ханжа, лицемер, скупец, злодей и т. д. внушают вам отвращение в действительной жизни, то, быть может, еще более это чувство усиливается в вас, как скоро рука художника воспроизведет перед вами эти типические образы со всеми

²⁴ История русской литературы, с. 8.

²⁵ Речь об основных элементах русской народности... (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 14).

²⁶ Цит. по: *Базанов В. Г. И. И. Введенский и Н. Г. Чернышевский*, с. 182.

²⁷ К «прозе» Введенский относил, согласно поэтикам его времени, те литературные жанры, которые воспроизводят мир действительный непосредственно, а именно: историю, дидактические и ораторские сочинения (см.: *Курс словесности*, с. 4—34).

²⁸ Там же, с. 110.

безобразными подробностями, которые так часто в натуре ускользают от глаз поверхностного наблюдателя». Художник, таким образом, выступает обличителем этих носителей социальных пороков, и эстетическую ценность имеет лишь та «творческая сила художника, то необыкновенное искусство, с каким создал он этот тип, поразительно верный природе до самых мелких подробностей, ускользавших от вашего внимания». И потому нравиться может лишь сам «художник», «а не лица, им изображенные; Гоголь, а не Плюшкин, не Собакевич, не Ноздрев и даже не Чичиков — нет нужды, что он отличается такими изящными манерами».²⁹

В «Курсе словесности» Введенский говорил: «Роман правописательный у нас, как и везде, посвящен изображению современной жизни народа, его нравов и обычаев, добродетелей и пороков, заблуждений и предрассудков, господствующих в гражданском и семейном быту». Однако большая часть этих произведений по своим общественным и литературным достоинствам не удовлетворяла Введенского. «Наша литература, — говорил он далее, — чрезвычайно плодотворна правописательными романами, но если исключить Евгения Онегина, Героя нашего времени и Мертвые души, то не найдем в этом роде ничего, что заслуживало бы особенного внимания».³⁰

Упоминание произведений Пушкина, Лермонтова и Гоголя показывает, насколько высок был уровень требований, которые предъявлял Введенский к отечественному роману. Сочинения Булгарина, Полевого или Вельтмана в этом жанре его явно не удовлетворяли. В то же время он считал благотворным освоение лучших западноевропейских образцов, к числу которых относил в первую очередь современный английский роман.

5

В своем прошении 1851 г. в Совет Петербургского университета, характеризуя свои литературные труды, Введенский писал: «... продолжая заниматься исследованием русских литературных памятников XVIII и XIX века, я пришел мало-помалу к заключению, что некоторые из них не могут быть объяснены удовлетворительным образом без предварительного изучения английской литературы, влияние которой на наших писателей становится заметным еще со второй половины XVIII века. Желая точнее определить это влияние, я принялся с 1847 года за изучение английского языка и литературы».¹ Нечто подобное он писал еще в 1849 г. в упоминавшемся уже оправдательном письме к начальству, где еще добавлял: «Под влиянием этой мысли я предложил себе задачу — определить отношение английской литературы

²⁹ Отечественные записки, 1853, т. 91, № 12, отд. IV, с. 52—53. Ср.: *Базанов В. Г.* И. И. Введенский и Н. Г. Чернышевский, с. 190.

³⁰ Курс словесности, с. 113—114.

¹ Колосья, 1884, № 11, с. 258.

к русской и в то же время изучить английских писателей XVIII и XIX века».²

Трудно сказать, насколько основательным было это заявление Введенского. Во всяком случае какие-либо его работы, определяющие «отношение английской литературы к русской», неизвестны. Тем не менее с английской литературой связан ряд его критических статей 1847—1851 гг., представляющих собою отклики на новые издания в России и за границей. Это прежде всего обширный, занявший три статьи разбор «Очерка английской литературы» («*Outlines of the English Literature*», СПб., 1847), написанного Томасом Шоу (Shaw; у Введенского: Ша), профессором английской словесности царскосельского Александровского лицея.³ Две статьи Введенский посвятил Теккерю, писателю, которого он, можно считать, ввел в русскую литературу. Это — «Вильям Теккерей и его романы»⁴ и «Ярмарка тщеславия. Роман Вильяма Теккерей».⁵ Внимание Введенского привлекли и изданные в 1848 г. в Лондоне письма Хореса Уолпола (у Введенского: Вальпола) к графине Оссори.⁶ К этим статьям примыкает рецензия на перевод романа «Два адмирала» Фенимора Купера (СПб., 1848),⁷ которого Введенский, как было принято в его время, относил к числу английских писателей. Писал он не только о художественной литературе; случалось ему разбирать и английские исторические сочинения и описания морских путешествий.⁸

² Там же, с. 261.

³ Библиотека для чтения, 1847, т. 83, № 7, отд. V, с. 1—36; № 8, отд. V, с. 37—58. О Т. Шоу см.: *Ариштейн Л. М.* Томас Шоу — английский переводчик Пушкина. — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Л., 1976, с. 117—124.

⁴ Отечественные записки, 1849, т. 64, № 5, отд. VII, с. 1—30; № 6, отд. VII, с. 31—62. — Под этим заглавием объединены две статьи в «Содержании» тома. В самом журнале статьи озаглавлены названиями рассматриваемых романов: «*Papers by Mr. Yellowplush. London, 1838*»; «*Vanity Fair. A novel without a hero. By William Makepeace Thackeray. London, 1848*».

⁵ Отечественные записки, 1851, т. 77, № 7, отд. VI, с. 32—53. — Эта статья не указана в печатной библиографии трудов Введенского (см.: Благосветлов, с. 18—19). Его авторство было убедительно доказано в заметке Г. А. Исаевой «Об одной неизвестной статье И. И. Введенского. (Из истории русско-английских литературных связей)» (Вопросы литературоведения и языкознания. Сборник аспирантских работ. Черновцы, 1964, с. 253—257). Эта атрибуция подтверждается записью в рукописном перечне Введенского: «Ярмарка Тщеславия, роман Теккерей. В июльской книжке От. Зап. за нынешний 1851» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 6 об.).

⁶ «*Letters addressed to the Countess of Ossory, from the year 1769 to 1797. By Horace Walpole, Lord Oxford...* London, 1848». — Современник, 1849, т. 14, № 4, отд. IV, с. 55—64.

⁷ Отечественные записки, 1848, т. 60, № 9, отд. VI, с. 45—49.

⁸ См. его разборы книг: «*The History of Egypt from the earliest times till the Conquest by the Arabs a. d. 640. By Samuel Sharpe. London, 1846*»; «*Narrative of Events in Borneo and Celebes, down to the Occupation of Labuan; from the Journals of James Brooke esq., Rajah of Sarawak and Governor of Labuan. By Captain Rodney Mundy. London, 1847*»; «*Narrative of the Voyage of H. M. S. Samarang, during years 1843—6, employed surveying the Islands of the Eastern Archipelago; accompanied by*

Этот перечень, однако, не покрывает всего написанного Введенским об английской литературе. В упомянутом прошении он указывал: «Большая часть статей об английской литературе, напечатанных в „От. Записках“ в продолжении 1848 и 1849 г., принадлежат мне»⁹ (не совсем ясно, подразумевал ли он при этом «большую часть» или «большую часть»). Но, по-видимому, те статьи, которые он считал для себя важными, были перечислены им в рукописном списке, использованном нами.

Восторг (иного слова не подберем), который вызвала у Введенского английская литература и — шире — английская культура вообще, наиболее ярко отразился в его статье об «Очерке» Шоу. Первые страницы статьи, предшествующие изложению разбираемой книги, — патетический дифирамб английской духовной жизни. Английская литература в глазах Введенского — «первая литература в мире». «В одной только этой литературе ум человеческий явился в полном величии и блеске <...> по всем отраслям искусства мыслить и писать одна она представляет творения, выше и великолепнее которых ничего не было и нет на земле». «Все великие идеи, все величественные открытия ума, все знаменитые мысли, все плодотворные учения, все неподражаемые образцы вышли из этого околдованного острова, бесспорно самой светлой, самой ярко блестящей точки Земного Шара». Не только в литературе, утверждает Введенский, но и в науках, в политических учениях, в промышленности Англия совершает открытия, производит перевороты, указывает направления дальнейшего развития. «Ньютон, Бекон, Гарви, Джитер, Смит, Ватт и Стефенсон преобразовали мир и его знание». «В литературе Шекспир, Милтон, Юм, Гиббон, Свифт, Ричардсон, Стерн, Скотт, Байрон: какие имена! какие образцы!» Все европейские литературы испытывают «беспрерывное влияние этих колоссальных умов или талантов». И это влияние, указывает Введенский, стало возможным потому, что английская литература сама прошла через разные влияния — латинское, греческое, итальянское, испанское, французское, — вобрала в себя духовное богатство всей Европы. В итоге «Англия, в этом нет сомнения, — источник всех светлых начал и всех вздорных мечт, одушевляющих или волнующих умы в новейшей Европе», — завершает Введенский свой панегирик.¹⁰

Далее он пересказывал содержание «Очерка» Шоу, считая это необходимым, поскольку русские читатели не имеют на своем языке «ничего порядочного о предмете самом важном для образованности и умственного развития».¹¹ Начиная с Чосера, он переходил к поэтам и драматургам Возрождения (опуская, однако,

---

a brief vocabulary of the principal languages... By Captain Sir Edward Belcher, Commander of the Expedition. London. 1848» (Отечественные записки, 1849, т. 62, № 1, отд. VII, с. 1—20). Разборы эти помещены под общим заголовком: «Английская литература».

⁹ Колосья, 1884, № 11, с. 258—259.

¹⁰ Библиотека для чтения, 1847, т. 83, № 7, отд. V, с. 2—3.

¹¹ Там же, с. 2.

Шекспира, как известного в России), а затем к Мильтону, Батлеру (Бутлеру) и Драйдену. «Самой интересной частью» «Очерка» представляется ему эпоха «великих романистов», поскольку «роман в прозе — тоже один из самых блестящих лучей светлого венца славы английской литературы».¹² Творчество Свифта, Дефо, Ричардсона, Фильдинга, Смоллета, Стерна и Гольдсмита вызывает его глубокое сочувствие. «О последнем и величайшем из романистов, — пишет он в заключении, — нет нужды говорить. Последним был Вальтер Скотт».¹³

Интерес Введенского к английским романистам несомненно вызван тем предпочтением, которое он оказывал реализму в литературе. Позднее в статье о «Руководстве» Тулова он подчеркнет, что «ложное-классическое направление» не получило такой силы в Англии, как в других европейских странах, ибо там всегда преобладало «положительное направление», основанное «на явлениях действительной жизни», и «умозрительная эстетика, несмотря на всю свою туманность, никогда не могла проникнуть в пределы туманного Альбиона».¹⁴ Введенский признавал Байрона великим поэтом, однако, противопоставляя ему «новую школу» английских романистов, отдавал последним явное предпочтение, причем именно за их верность действительности. «Насколько у Байрона все лица его поэм были созданием фантазии, — писал он, — настолько лица новейших английских романов прикреплены к английской территории, английской нации, английским сословиям и обстоятельствам жизни английского общества».¹⁵

В том, за что ценил Введенский современный ему английский роман, признавая его «неоспоримое первенство над романом французским и вообще над романом всех образованных наций», явно проявлялась его приверженность эстетическим принципам отечественной «натуральной школы». «Жизнь действительная во всех ее подробностях, жизнь мануфактурных заведений, жизнь долговых тюрем Англии, жизнь адвокатских контор и много других, так сказать, пизменных условий разных неизвестных английских кружков, составляют любимые точки опоры для вдохновения английских романистов». Девизом их, по убеждению Введенского, является «истина», и это качество «сделало из английского романа самое верное воспроизведение жизни действительной, более верное, нежели исторические мемуары».¹⁶

В прославлении реалистической направленности английского романа проявился и демократический пафос, вдохновлявший всю литературную деятельность Введенского. Попутно заметим, что этот пафос особенно чувствуется в его статье о письмах Уолпола,

¹² Там же, № 8, отд. V, с. 43.

¹³ Там же, с. 58.

¹⁴ Отечественные записки, 1853, т. 91, № 12, отд. IV, с. 36—37.

¹⁵ Там же, 1851, т. 77, № 7, отд. VI, с. 33.

¹⁶ Там же, с. 33—34.

в которой он язвительно обличает аристократическое чванство английского вельможи.

Как мы уже отмечали, основная заслуга Введенского — переводы романов Диккенса и Теккерея. Но когда в конце 40-х гг. перевод стал основным его занятием, Диккенс в той или иной мере был уже известен русским читателям.¹⁷ Теккерея же в России еще не знали. Поэтому Введенский задался целью познакомить с ним своих соотечественников. Возможно, что ему принадлежит самый первый русский перевод из Теккерея — «Опыт продолжения романа Вальтера Скотта „Айвенго“». ¹⁸ Но эта небольшая пародия, напечатанная в отделе «Смеси», конечно, не давала читателям сколько-нибудь полного представления о ее авторе. И Введенский параллельно с переводом главного романа Теккерея выступил с упомянутыми статьями о нем. Первая из них содержала основные биографические сведения о писателе, а также изложение, включавшее переводные отрывки его романов «Записки мистера Желто-плиса» («Papers by Mr. Yellowplush») и «Базар житейской суеты» («Vanity Fair»), поскольку к тому времени его перевод этого романа еще не публиковался. Во второй статье он более обстоятельно характеризовал творческую манеру писателя, а также критиковал другой перевод того же романа, вышедший под заглавием «Ярмарка тщеславия» (кстати сказать, именно такой перевод заглавия, вопреки Введенскому, утвердился в России).

Введенский представлял своим читателям «новое имя в плодотворной английской литературе <...> имя громкое, знаменитое, славное, притом модное, *фешонэбельное* имя, которое <...> уже с честью заняло свое место подле великолепных имен Вальтер Скотта, Болъвера, Диккенса!» И он выражал уверенность, что Теккерей скоро «сделается известным и в русской литературе». Излагая биографию писателя, Введенский подчеркивал в нем «наблюдение и опытность» — качества, по его убеждению, необходимые «романисту, который воссоздает в своих произведениях прошедшую или современную жизнь». В «Базаре житейской суеты» он особо отмечал «народность», подразумевая под этим термином обращенность романа ко всем слоям общества: «<...> его читают и перечитывают во всех сословиях, от великолепных салонов лорда до бедной хижинки ирландского пролетария. потому что роман этот, по своему образу изложения, равно интересен и доступен сколько для высших обществ с утонченным образованием, столько же и для простого народа».¹⁹

¹⁷ См.: Катарский И. Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966, с. 24—66, 79—161 (гл. I. Начало известности Диккенса в России (1837—1841); гл. III. Диккенс становится популярным (1842—1847)).

¹⁸ Отечественные записки, 1847, т. 51, № 4, отд. VIII, с. 174—194. — Предположение о принадлежности перевода Введенскому высказал И. М. Катарский (см.: Диккенс в России, с. 258, примеч. 25).

¹⁹ Отечественные записки, 1849, т. 64, № 5, отд. VII, с. 1—4. — Л. А. Булаховский (Русский литературный язык первой половины XIX в. Киев, 1941, т. 1, с. 21) указывал, что «народность» в первые десятилетия века чаще употреблялось в значении «популярность».

Во второй статье Введенский давал самую высокую оценку реализму романа, его критическому духу. Он иронизировал над любителями романтической словесности, которые будут недовольны тем, что в «Базаре» «выведены лица уже чересчур прозаические, люди, которые стремятся не к пламенной любви, а к богатому наследству, говорят о деньгах, ищут денег <...> Все деньги, деньги, деньги и деньги <...>» Но Введенскому как раз нравится, что романист «неспособен к сантиментальному песнопению», что в образе Амелии Седли, например, он обличает «всю слепоту сантиментальности, под видом любви, самой плаксивой». Введенский обнаруживает в романе «разнообразие резких, смелых и бойко очерченных характеров», а «если обратимся от отдельных лиц к сценам, к группировке лиц и столкновению характеров, то сцены эти мы должны будем считать десятками» и в них выступают «тысячи страстей и желаний самых разнородных». Страсти, раскрытые Теккереем, — это «преимущественно страсть к деньгам и тщеславие под всевозможными видами; еще проще: эгоизм, затвердевший в английском обществе». «Тут-то идет в ход подлинная жизнь — и ей посвятил Теккерей лучшее свое произведение».²⁰ Еще раньше, в первой статье, Введенский заключал: «Роман „Vanity Fair“, проникнутый от начала до конца беспощадною сатирой на современное английское общество, может быть в буквальном смысле назван дагерротипным снимком с нравов и обычаев англичан в девятнадцатом веке».²¹ И в этом сочувствии «дагерротипности» отчетливо проявлялась приверженность критика к принципам «натуральной школы».

Введенский сопоставлял Теккерей с Диккенсом, как с единственным романистом, достойным такого сравнения. Диккенс, считал Введенский, многообразнее, богаче, но «часто впадает в мелодраматизм», некоторые лица у него выходят «несколько переслащенными». «У Теккерей нет этого недостатка; зато нет и той гибкости и тех тонких оттенков в описании нежных сцен, какие встречаем у Диккенса. Самое настроение ума Теккерей однообразнее, монотоннее, нежели у Диккенса: Теккерей преимущественно сатирик, Диккенс — юморист», но в то же время «сатира Теккерей метче и глубже, нежели наблюдательность и юмор Диккенса». И, завершая свое сопоставление, Введенский заявлял: «Все это мы считали нужным сказать читателям для того, чтоб показать им, почему из всех новейших иностранных романистов выбор наш всегда падает преимущественно на Диккенса и Теккерей».²²

Так Введенский-критик разъяснял цели и задачи Введенского-переводчика.

²⁰ Отечественные записки, 1851, т. 77, № 7, отд. VI, с. 35—38.

²¹ Там же, 1849, т. 64, № 6, отд. VII, с. 61.

²² Там же, 1851, т. 77, № 7, отд. VI, с. 39—40.

Переводы Диккенса и Теккерея явились основным вкладом Введенского в русскую культуру, однако его переводческая деятельность далеко не ограничивалась этими английскими романами. В сущности переводами он занимался всю свою сознательную жизнь. Еще в семинарии он должен был переводить с греческого сочинения отцов церкви — Катехизис Григория Нисского и Слово о Посте Василия Великого — и с латыни речи Цицерона.¹ Позднее, в Духовной академии, помимо учебных переводов с древних и новых языков, Введенский пытался переводить для заработка. Так, по утверждению Благодетельова, «он переводил, вероятно, для печати, „Историю европейской цивилизации“ Гизо, „Политическую экономию“ Шторха».²

Находясь у Погодина, Введенский, как мы уже отмечали, должен был выполнить переводы для «Всемирной исторической библиотеки». Тогда же он, по свидетельству Фета, «нуждаясь в деньгах», выполнял переводную работу для московских книгопродавцев.³

Переводами он продолжал заниматься и в Петербурге, сотрудничая в столичных журналах, особенно в «Библиотеке для чтения». Переводил он, по-видимому, много, но что именно, мы не знаем. В письме в Петербургский университет он замечал: «Не исчисляю здесь своих переводов с французского и немецкого языков, помещенных в Библиотеке для чтения, Сыне отечества и Современнике: это исчисление заняло бы слишком много места».⁴ Едва ли он имел в виду беллетристику. Скорее всего это были критические статьи и всевозможные научные сочинения, занимавшие большое место в литературных журналах того времени. Нет также оснований полагать, что Введенский придавал тогда своей переводческой деятельности большое значение: это была заурядная ремесленная работа для заработка.

Характерны в этой связи воспоминания Фета, относящиеся к его пребыванию в пансионе Погодина: «Сколько раз, — писал он, — уходя поздно вечером из комнаты Введенского, мы с Медюковым изумлялись легкости, с которою он, хохоча и по временам отвечая нам, сдвинув очки на лоб, что называется строчил сплеча переводы из Диккенса и Теккерея, которые затем без поправок отдавал в печать».⁵ Конечно, доверять до конца свидетельству Фета не приходится: его воспоминания о Введенском тенденциозны, а упоминание Диккенса и Теккерея, будто бы тогда уже им переведившихся, — явная ошибка. Тем не менее фетовский рассказ об отношении молодого Введенского к своей переводной работе, видимо, не является простым домыслом.

¹ См.: ГПБ, F.XVII.61, л. 123.

² Благодетельов, с. 9.

³ См.: Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893, с. 137.

⁴ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, д. 6 об.

⁵ Фет А. Ранние годы моей жизни, с. 137.

В те годы Введенский переводил в основном с французского и немецкого языков: английский он знал еще плохо. Однако по настоянию Сенковского ему приходилось переводить и с этого языка. 28 февраля 1841 г. он писал Билярскому: «Несмотря, что каждый раз говорю я Сенковскому, что прескверно знаю английский язык и навру пропасть, он просто насильно мне навязывает, и я должен был перетащить кое-как две-три статьи <...> с этого языка».⁶

Совершенно иной характер носила переводческая деятельность Введенского начиная с середины 40-х гг., когда он поставил целью пропагандировать английскую литературу среди своих соотечественников. Как вспоминал Милюков, они с Введенским первоначально «познакомились с английским языком самоучкою, без учителя, с помощью только грамматики и лексикона» и уже читали Байрона. Позднее, по предложению Введенского, желавшего «приняться... серьезно за английский язык», они стали брать уроки у преподавателя высшего коммерческого пансиона англичанина Гильмара. И тогда Введенский решил «переводить для журналов», считая, что «теперь хороший английский перевод с удовольствием везде возьмут».⁷

По-видимому, первым его опытом в этой области был перевод романа Гольдсмита «Векфильдский священник», за который Введенский принялся летом 1845 г., когда гостил у родных в Саратове.⁸ В статье об «Очерке» Шоу он высоко оценил этот «превосходный роман», хотя и считал сюжет его малоинтересным. «Но очаровательный характер самого героя, — писал он, — его жены, дочерей, художественно обрисованные подробности скромной семейной жизни, теплое и нежное чувство, растворенное игривой веселостью, — все это делает книгу до того увлекательною, что читаешь ее с истинным наслаждением».⁹ Неизвестно, перевел ли Введенский «Векфильдского священника» полностью. Но появление в печати 1846 г. другого русского перевода¹⁰ лишило его возможности опубликовать свой труд.

---

⁶ *Истрин В. М.* Письма к академику П. С. Билярскому, хранящиеся в имп. Новороссийском университете. Одесса, 1906, с. 127. — На основании этого письма устанавливается принадлежность Введенскому переводов следующих статей: «Женщина и ее властелин. Роман Леди Морган», «Первые книги в Европе», «Вечер у Гизо» (Библиотека для чтения, 1840, т. 43, № 11, отд. VII, с. 34—47; № 12, отд. III, с. 91—113; 1841, т. 44, № 1, отд. VII, с. 16—23).

⁷ *Милюков А.* Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, с. 66—68.

⁸ В письме к Е. Э. Краузольду из Саратова от 29 июня 1845 г. Введенский сообщает: «Завтра начинаю работать над *Vicar of Wakefield*» (ИРЛИ, ф. 583, № 833, л. 1 об.). См. также: Благосветлов, с. 13.

⁹ Библиотека для чтения, 1847, т. 83, № 8, отд. V, с. 58.

¹⁰ *Гольдсмит Оливер.* Векфильдский священник. Роман. Перевел с английского Яков Герд. Издание украшено 187-ю полиטיפажами. СПб., 1846. — В цитированной статье Введенский отметил, что перевод, очевидно, выполнен двумя лицами, и если «первая половина романа передана весьма удовлетворительно», то «во второй немилосердно искажен и оригинал и русский язык» (Библиотека для чтения, 1847, т. 83, № 8, отд. V, с. 58).

Тогда Введенский обратился к современной английской литературе, и в течение пяти лет — с 1847 по 1852 г. — были созданы переводы, принесшие ему славу. Он перевел три романа Диккенса — «Домби и сын» («Dealings with the Firm of Dombey and Son», 1847—1848),¹¹ «Пикквикский клуб» («The Posthumous Papers of the Pickwick Club», 1836—1837)¹² и «Давид Копперфильд» («The Personal History of David Copperfield», 1849—1850),¹³ — а также повесть «Договор с приведением» («The Haunted Man», 1848).¹⁴ Из Теккерей, если не считать упомянутой выше пародии на «Ливенго», принадлежность перевода которой Введенскому окончательно не доказана, он перевел лишь «Базар житейской суеты» («Vanity Fair», 1848).¹⁵ Введенскому также принадлежали переводы романов «Дирслэйер» («Deerslayer», 1841) Фенимора Купера,¹⁶ «Дженни Эйр» («Jane Eyre», 1847) Шарлотты Бронте (псевдоним: Коппер-Белл)¹⁷ и «Опекун» («Stuart of Dunleath», 1851) Каролины Нортон.¹⁸ Таким образом, с английского

---

¹¹ Торговый дом под фирмою Домби и сын. Роман Чарльса Диккенса. Перевод И. И. Введенского. — Современник. 1847. т. 1. № 1, 2; т. 2. № 3, 4; т. 3. № 5; 1848, т. 7. № 2; т. 8. № 3; т. 10. № 7, 8 (Приложение).

¹² Замогильные записки Пикквикского клуба, или подробнейший достоверный рапорт о странствованиях, опасностях, путешествиях, приключениях и забавных действиях ученых членов-корреспондентов покойного клуба. Роман Чарльза Диккенса в 9 частях. Перевод И. И. Введенского. — Отечественные записки, 1849, т. 67, № 11, с. 67—148; № 12, с. 239—334; 1850, т. 68, № 1, с. 81—180; № 2, с. 241—320; т. 69, № 3, с. 165—196; № 4, с. 229—262; т. 70, № 5, с. 177—234; т. 71, № 7, с. 165—192; № 8, с. 269—312; т. 73, № 11, с. 71—144; № 12, с. 275—398 (отд. I. Словесность). Отдельное издание: т. 1, 2. СПб., 1850.

¹³ Давид Копперфильд из дома Грачи, что в Блондерстоне. Его личная история, приключения, опыты и наблюдения, которых он никогда, ни под каким видом не намерен был издавать в свет. Роман Чарльза Диккенса. В 9 частях. Перевод И. И. Введенского. — Отечественные записки. 1851, т. 74, № 2, с. 367—528; т. 75, № 3, с. 145—248; № 4, с. 355—496; т. 76, № 5, с. 133—240; № 6, с. 393—524; т. 77, № 7, с. 57—158; № 8, с. 237—342; т. 78, № 9, с. 119—190; № 10, с. 295—412 (отд. I. Словесность). Отдельное издание: ч. 1—4. СПб., 1853 (Галерея избранных английских писателей).

¹⁴ Договор с приведением. Повесть Чарльза Диккенса. Перевел И. Введенский. — Отечественные записки. 1849, т. 63, № 3—4, отд. I, с. 127—210.

¹⁵ Базар житейской суеты. Роман Вильяма Теккерей. Перевод с английского И. И. Введенского. — Отечественные записки. 1850, т. 69, № 3, с. 67—140; № 4, с. 263—322; т. 70, № 5, с. 85—176; № 6, с. 325—402; т. 71, № 7, с. 65—164; № 8, с. 313—434; т. 72, № 9, с. 71—210; № 10, с. 319—470 (отд. I. Словесность). Отдельное издание: ч. 1—4, СПб., 1853 (Галерея избранных английских писателей).

¹⁶ Дирслэйер. Роман Фенимора Купера. — Отечественные записки, 1848, т. 60, № 9, с. 1—100; № 10, с. 285—376; т. 61, № 11, с. 41—148 (отд. I. Словесность).

¹⁷ Дженни Эйр. Роман. Перевел с английского И. Введенский. — Отечественные записки, 1849, т. 64, № 6, с. 175—250; т. 65, № 7, с. 67—158; № 8, с. 179—262; т. 66, № 9, с. 63—132; № 10, с. 193—330 (отд. I. Словесность).

¹⁸ Опекун. Роман мистрисс Каролины Нортон. Перевод с английского И. И. Введенского. — Отечественные записки, 1852, т. 82, № 6; т. 83, № 7, 8; т. 84, № 9, 10 (Приложение).

Введенский перевел семь романов и одну повесть. Из своих переводов с французского он сам назвал лишь статью С. С. Уварова «Исследование об элевсинских таинствах».¹⁹ Благодетель же включил в список его переводов еще очерк «Первый учебный пансион на Васильевском острове», извлеченный из немецкой автобиографии А. Л. Шлепера,²⁰ а также указал, что в бумагах Введенского был обнаружен перевод романа аббата Прево «Манон Леско».²¹ Этот последний перевод в печати неизвестен, и неясно, когда он был осуществлен.

Для того чтобы оценить по достоинству творчество Введенского-переводчика, необходимо рассматривать его в исторической перспективе. Уже неоднократно отмечалось, что начиная с 20-х гг. прошлого века, когда переводное дело сосредоточилось преимущественно в журналах, рассчитанных на сравнительно широкий читательский круг, «массовый» прозаический перевод приобрел сугубо ремесленный характер.²² Публикация переводных произведений неуклонно возрастала, журналы стремились ознакомить своих читателей со всеми новинками зарубежных литератур, особенно западноевропейских, но уровень этих переводов был очень невысок. Именно тогда хлынул поток «переводов одичалых», созданных руками «переводчиков голодных», которых иронически упомянул Пушкин в «Евгении Онегине». «Переводов выходит много и чаще дурных, чем хороших», — замечал критик «Современника» в 1851 г.²³ Безымянные ремесленники, зарабатывавшие себе на хлеб и нещадно эксплуатируемые издателями, работали в постоянной спешке, чтобы поспеть к назначенному сроку, не имея возможности ни изучить должным образом переводимое произведение, ни обработать как следует свой перевод. Несомненно, что к этому разряду тружеников принадлежал и молодой Введенский, строчивший «сплеча» переводы для московских книгоиздателей.

Переводчики-ремесленники стремились в основном передать фабулу переводимого произведения; воссоздание стиля, творческого облика иностранного автора было им недоступно. «Они-то и выработали, — писал К. И. Чуковский, — тот серый переводческий жаргон, который был истинным проклятием нашей словесности».²⁴ Тяжеловесные буквализмы нередко сочетались в этих переводах с произвольными пересказами отдельных фрагментов, а иногда и пропусками тех мест, что затруднили переводчика. А. В. Дружинин еще в 1858 г. писал про «появляющиеся в таком изобилии» «тяжелые, небрежные (а иногда безграмотные)»

¹⁹ Современник, 1847, т. 1, № 2, отд. II, с. 77—108.

²⁰ Библиотека для чтения, 1847, т. 84, № 9, отд. VII, с. 40—52.

²¹ См.: Благодетель, с. 19.

²² См., например: Чуковский К. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М., 1964, с. 280—281; Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968, с. 87—88.

²³ Современник, 1851, т. 28, № 8, отд. V, с. 45.

²⁴ Чуковский К. Высокое искусство, с. 280.

«журнальные переводы, исполненные промахов, бесцветности, холодности».²⁵

Вынужденные братья за любого автора, который требовался издателю, эти переводчики далеко не всегда имели ясное представление о переводимом писателе и о действительности, им изображаемой. Да и сами переводы, особенно английских авторов, делались сплошь и рядом не с оригинала. Это, в частности, относилось к Диккенсу, которого поначалу нередко переводили с немецких и французских переводов, поскольку английским языком владело несравненно меньшее число переводчиков.²⁶

К тому же по отношению к переводным произведениям царил редакторский произвол. Редакторы журналов считали себя вправе сокращать и дополнять переводы по своему усмотрению. Особенно это было свойственно редактору «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковскому, который немилосердно кромсал публиковавшиеся им переводы (впрочем, не лучше поступал он и с оригинальными произведениями).²⁷ Романы Диккенса «Николас Никльби» и «Пикквикский клуб», появившиеся в 1840 г. в «Библиотеке» в переводах помощника Сенковского, В. А. Солоницина, были искажены до неузнаваемости.²⁸ Даже Дружинин, возглавивший позднее журнал Сенковского, в некрологической статье о нем, где, согласно жанру, стремился представить своего предшественника в лучшем виде, вынужден был признать, что тот «непочтительно обращался с первоклассными авторами, выпуская главы из Бальзака, сокращая Диккенса и урезывая капитальные статьи из „Эдинбургского обозрения“». Правда, Дружинин пытался оправдать Сенковского, утверждая, что эти переделки были лучше полных, но бесцветных журнальных переводов, но тут же он добавлял: «Конечно, английские романы в переводе Введенского полезнее, чем „Старик Горио“ с пропуском важных глав или труды романиста Морьера с сокращениями и дополнениями самого О. И., но много ли у нас таких переводчиков, как Введенский?»²⁹ Действительно, Введенский-переводчик был для своего времени явлением исключительным. Конечно, и ему приходилось работать в спешке, и он, бывало, жаловался: «Месяца три я перевожу с английского одну книгу, очень трудную книгу, и, связанный контрактом, обязан перевести ее к сроку, хотя бы пришлось умереть».³⁰ Или в другой раз: «Перевожу вдруг с англий-

²⁵ Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865, т. 7, с. 778.

²⁶ См., например, сведения такого рода, собранные в статье: *Катарский И. М.* Диккенс и переводчики «Москвитянина». (По неопубликованным материалам архива М. П. Погодина). — В кн.: Чарльз Диккенс. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. М., 1962, с. 256—260.

²⁷ См.: *Каверин В.* Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966, с. 63—64.

²⁸ См.: *Катарский И. М.* Диккенс в России, с. 35—41.

²⁹ Дружинин А. В. Собр. соч., т. 7, с. 778.

³⁰ Русский архив, 1901, кн. 2, вып. 5, с. 114 (письмо к родным 1847 г.; речь идет о «Домби и сыне»).

ского две огромные книги, которые должны быть окончены к 1 декабря. Работаю с утра до ночи. Времени ни минуты».³¹ Но у Введенского была выработана глубоко продуманная система перевода. Недаром его переводы романов Диккенса переиздавались до начала XX в., а «Домби и сын» — даже в советское время.

Следует иметь в виду, что ко времени переводческой деятельности Введенского сколько-нибудь определенной теории прозаического перевода в России не существовало. Помнили, что Жуковский еще в начале века противопоставлял два вида перевода, сказав: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник».³² А с «раба» какой спрос? В печати обсуждались принципы перевода поэтических и драматических произведений. Ставился вопрос о возможности передавать стихи прозой (например, в связи с пьесами Шекспира в прозаическом переводе Н. Х. Кетчера).³³ Что же касается прозаических переводов, то, откликаясь на их выход в свет, критики в основном разбирали само произведение и в заключение, как правило, ограничивались общей оценкой перевода или могли еще добавить пару замечаний по поводу обнаруженных погрешностей. Вопрос о том, каким путем должен быть достигнут совершенный прозаический перевод, не ставился. Введенский же выступил и теоретиком в этой области.

Поводом для изложения своих переводческих принципов явилась для него полемика, связанная с выходом в свет двух переводов романа Теккерея «Vanity Fair». В то время как «Отечественные записки» печатали перевод Введенского «Базар житейской суеты», в «Современнике» публиковался анонимный перевод того же романа под заглавием «Ярмарка тщеславия».³⁴ Возникшая полемика несомненно подогревалась конкурентной борьбой между двумя журналами, причем не последнюю роль играло то обстоятельство, что Введенский, предоставив «Современнику» перевод «Домби и сына», дальше уже печатался в «Отечественных записках».³⁵ Но нас будет интересовать только переводческая проблематика, затронутая в полемике.

Вскоре после того, как «Отечественные записки» начали публиковать «Базар житейской суеты», в «Современнике» Дружинин в очередном из своих «Писем иногороднего подписчика о русской журналистике» довольно мягко упрекнул Введенского, что тот еще в «Домби и сыне» «вдавался по временам в юмор вовсе не английский и не диккенсовский, его *просторечие* не всегда

³¹ Там же, с. 118 (письмо к сестре, август 1850 г.; по-видимому, речь идет о «Замогильных записках Пиквикского клуба» и «Базаре житейской суеты»).

³² Жуковский В. А. Полн. собр. соч., СПб., 1902, т. 9, с. 73.

³³ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М., 1956, т. 10, с. 156—157.

³⁴ Современник, 1850, т. 20, № 4; т. 21, № 5, 6; т. 22, № 7, 8; т. 23, № 9 (Приложение).

³⁵ Подробно эта полемика изложена в статье И. Н. Бушканец «„Ярмарка тщеславия“ В. Теккерея в первых русских переводах» (Ученые записки Казанского гос. педагогического института, вып. 160. Казань, 1976, с. 3—14).

льстило щекотливым ушам». Взявшись за новый роман другого писателя, указывал Дружинин, Введенский не изменил своей системы, но «начал переводить Теккерея точно так же, как переводил Диккенса: тот же язык, те же ухватки, тот же юмор; тонкое различие наивного, бесхитростного Теккерея от глубоко шуточного Диккенса исчезло совершенно. Потом г. Введенский уже чересчур часто употребляет *просторечие*». И приведя около десятка просторечных оборотов, извлеченных из перевода, Дружинин заключал: «Выражения эти довольно смешны, но можно было бы употреблять их пореже».³⁶ Впрочем, в следующем из «Писем иностранного подписчика» Дружинин, говоря о нападках Теккерея на «дендизм литературный», в виде иллюстрации цитировал страницу из перевода Введенского.³⁷

Когда «Современник» закончил публикацию «Ярмарки тщеславия», в следующем, 1851 г. тот же перевод был издан в типографии Эдуарда Праца отдельной книгой. На это издание Введенский откликнулся упомянутой выше статьей «Ярмарка тщеславия. Роман Вильяма Теккерея»,³⁸ где, охарактеризовав роман, подверг резкой критике перевод. На тринадцати страницах убористой печати подробно перечислялись обнаруженные им промахи, каких, утверждал он, «не делает даже переводчик, ознакомившийся с первыми основаниями английской грамматики». Множеством примеров демонстрировал Введенский, что сколько-нибудь редкая английская лексика переводчику неизвестна, словопотребление незнакомо, а грамматические конструкции толкуются им превратно. Но главный порок, считал Введенский, состоит в том, что для переводчика «английские нравы и обычаи — terra incognita», а потому «он поставил себе за правило пропускать все труднейшие и в то же время лучшие места оригинала». В результате «пропуски и сокращения попадают на каждой странице», общий колорит романа уничтожен и по всему «видно, что переводчик „Ярмарки“ ловил только общее содержание оригинала, не заботясь о разнообразных оттенках, которые делают слог Теккерея живым, легким, цветистым, блестящим». «И кому наконец нужен такой перевод, в котором никто не узнаёт подлинника?» — спрашивал Введенский в завершение статьи.³⁹

Ответа долго ждать не пришлось: он появился в «Современнике» в следующем же месяце. В этой ответной статье анонимный критик стремился представить выступление против перевода «Ярмарки тщеславия» как проявление журнальной конкуренции и даже указал, что «Современник», публикуя переводы романов Диккенса и Теккерея, обычно обгоняет «Отечественные записки», а потому последние могут «воспользоваться трудом своего предшественника» и улучшить собственный перевод. Да-

³⁶ Современник, 1850, т. 21, № 5, отд. VI, с. 93—94.

³⁷ Там же, № 6, отд. VI, с. 193.

³⁸ Статья напечатана анонимно, о ее атрибуции см. раздел 5, примеч. 5.

³⁹ Отечественные записки, 1851, т. 77, № 7, отд. VI, с. 44, 45, 48, 50—53.

лее критик «Современника» утверждал, будто бы бóльшая часть погрешностей, обнаруженных в переводе «Ярмарки», является результатом опечаток, «которым придан вид незнания языка, безграмотности, искажения», после чего сам переходил в наступление. Он показал, что пропуски есть и в «Базаре житейской суеты», для чего привел параллельно оба перевода отрывка из главы V, описывающего поединок Доббина и Коффа и сильно сокращенного Введенским. Он обвинил Введенского в том, что тот «распространяет» текст Теккерея, дополняя его «вставками, сочиненными самим переводчиком, и которых и тени нет в оригинале». Наконец, парируя упрек «Отечественных записок», что в «Ярмарке тщеславия» не передан простонародный характер речей некоторых персонажей, критик «Современника» писал, что в «Базаре житейской суеты» переводчик заменял «английские простонародные выражения выражениями, собранными бог знает где, употребляемыми бог знает кем», и приводил в пример реплику одного из персонажей, переданную Введенским: «Да, сударь, оно нешто, справедливо изволите судить: камердинер его, Флетчерс, бестия, сударь, и такой субтильный джентльмен, что сам черт на него не угодит. Давай ему и пива, и вина, и котлеток, и суплеток — все мечи, что ни есть в печи. Вальяжный блюдолиз!». «Это называется простонародьем английского языка! — патетически восклицал критик. — Это называется соблюдением колорита подлинника! Нешто, похоже!».

Итоговый вывод был беспощаден: «Перевод г. Введенского нельзя подвести ни под какие правила, его скорее можно назвать собственным произведением г. Введенского, темою которому служило произведение Теккерея».⁴⁰

Тогда Введенский выступил уже с поднятым забралом. В сентябрьском номере «Отечественных записок» было напечатано за его подписью открытое письмо к редактору журнала, озаглавленное «О переводах романа Теккерея „Vanity Fair“ в „Отечественных записках“ и „Современнике“».⁴¹ Здесь он продолжил критику, начатую в его предыдущей анонимной статье (которую он, однако, не раскрывая авторства, называл «статьей рецензента „От. записок“»), и приходил к заключению, что «Ярмарку тщеславия» переводили для «Современника» несколько переводчиков, из которых ни один не прочел оригинала полностью и не согласовывал своей работы с другими, а редакция журнала не потрудилась устранить противоречия в переводе. Касаясь критики «Базара житейской суеты», Введенский указывал на ее предвзятость, вызванную его переходом из «Современника» в «Отечественные записки», и затем, отвечая на обвинения противника, изложил свою теорию перевода. Он решительно отвергал возможность перевода буквального, доказывая, что «даже простейшие слова, придуманные для обозначения первых предметов, отличаются в раз-

⁴⁰ Современник, 1851, т. 28, № 8, отд. V, с. 45, 48—56.

⁴¹ Отечественные записки, 1851, т. 78, № 9, отд. VIII, с. 61—80.

ных языках разными, едва уловимыми оттенками» и что вследствие «различия синтаксиса в языках» «видоизменяется образ выражения мыслей». Поэтому русский переводчик Теккерей, например, «неизбежно и непременно уничтожит колорит этого писателя, если станет переводить его, не говоря буквально (что невозможно), но по крайней мере слишком близко к оригиналу, из предложения в предложение».⁴²

«Из всего этого следует, — продолжал Введенский, — что при художественном воссоздании писателя, даровитый переводчик прежде и главнее всего обращает внимание на дух этого писателя, сущность его идей и потом на соответствующий образ выражения этих идей. Собираясь переводить, вы должны вчитаться в вашего автора, вдуматься в него, жить его идеями, мыслить его умом, чувствовать его сердцем и отказаться на это время от своего индивидуального образа мыслей. Перенесите этого писателя под то небо, под которым вы дышите, и в то общество, среди которого развиваетесь, перенесите и предложите себе вопрос: какую бы форму он сообщил своим идеям, если б жил и действовал при одинаковых с вами обстоятельствах? <...> Да, мои переводы не буквальные, и я готов <...> признаться, что в „Базаре житейской суеты“ есть места, принадлежащие моему перу, но перу — прошу заметить это — настроенному под теккереевский образ выражения мыслей».⁴³

Введенский, как мы отмечали, первый в России выступил теоретиком прозаического перевода. Однако сходные мысли высказывались раньше, правда, применительно к стихотворной драматургии, а не к прозе. В 1838 г. В. Г. Белинский в статье о «Гамлете» Шекспира в переводе Н. А. Полевого, в которой он ставил вопрос о необходимости теоретического обобщения переводческого опыта,⁴⁴ писал: «Правило для перевода художественных произведений одно — передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским».⁴⁵ Сходство с приведенной выше теоретической декларацией разительное, и есть все основания полагать, что Введенский сознательно опирался на взгляды своего предшественника и в этом вопросе.

В той же статье Белинский выдвигал два понятия: «художественный перевод» и «поэтический перевод». «В художественном переводе, — писал критик, — не позволено ни выпусков, ни прибавок, ни изменений», даже недостатки его «должно передать верно.

⁴² Там же, с. 68—69.

⁴³ Там же, с. 70.

⁴⁴ О значении этой статьи см.: *Топер П.* Традиции реализма. (Русские писатели XIX века о художественном переводе). — В кн.: Вопросы художественного перевода. М., 1955, с. 63—67; *Левин Ю. Д.* Об исторической эволюции принципов перевода. (К истории переводческой мысли в России). — В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, с. 32—36.

⁴⁵ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 427.

Цель таких переводов есть — заменить по возможности подлинник для тех, которым он недоступен по незнанию языка...». Напротив, «поэтический перевод», считал Белинский, «должен строго сообразоваться со вкусом, образованностью, характером и требованиями публики». В нем не только допускаются «выпуски, прибавки и перемены», но они даже необходимы в переводах, предназначенных «для всей читающей публики»⁴⁶ (заметим, что при этом Белинский ориентировался не столько на читателей, сколько на театральную аудиторию, воспринимающую пьесу, так сказать, «с ходу»).

Впоследствии Белинский пересмотрел свои взгляды и отказался от понятия «поэтического перевода». «Цель перевода», — писал он в 1845 г., — «дать возможно близкое понятие об иностранном произведении так, как оно есть», и если благодаря «приделкам и переделкам» оно станет «даже и лучше, нежели как оно написано автором, — перевод неверен, следовательно, нехорош». Отказался Белинский и от мнения, что «переводить иностранного писателя значит заставлять его творить так, как он сам бы выразился, если б писал по-русски». «Подобное мнение, — замечал он, — очень справедливо, если оно касается только языка; но во всех других отношениях оно более, нежели несправедливо. Кто угадает, как бы стал писать Гете по-русски? Для этого самому угадывающему надобно быть Гете...»⁴⁷ Введенский же, как мы видели, считал себя способным «настроить» свое перо «под текереевский образ выражения мыслей».

Почти одновременно с Введенским концепцию «поэтического перевода» развивал и А. В. Дружинин, переведивший Шекспира. Издавая в 1856 г. свой перевод «Короля Лира», он во «Вступлении» тоже отмечал «разность в духе каждого языка», которая «делает слияние поэзии с безукоризненной точностью перевода делом решительно невозможным». А потому, писал он, «решась на поэтический перевод „Короля Лира“, мы оставили всякое преувеличенное благоговение к букве оригинала. Метафоры и обороты, несовместные с духом русского языка, мы смягчали или исключали вовсе <...> Твердо веря, что поэзия Шекспира <...> до сих пор еще не понята у нас как следует, мы прилагали все наши силы к разъяснению и упрощению этой поэзии».⁴⁸

Было бы ошибкою приравнивать «поэтический перевод» в понимании Введенского или Дружинина к «склонению на наши нравы», которое процветало в русской переводной литературе XVIII века, или даже к переводческому методу В. А. Жуковского с его концепцией «переводчика-соперника».⁴⁹ Жуковский призна-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, т. 9, с. 276.

⁴⁸ Дружинин А. В. Собр. соч., т. 3, с. 3—4. — Подробнее о переводах Дружинина из Шекспира см.: Шекспир и русская культура. Л., 1965, с. 475—490.

⁴⁹ Попытка такого объединения Жуковского, Введенского и Дружинина сделана в кн.: Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972, с. 214—222.

вался: «У меня почти все или чужое, или по поводу чужого, — и все, однако, мое».⁵⁰ Он обычно не «переводил» в современном смысле этого понятия, а как бы «вбирал» в собственную поэзию созвучные ему произведения иноязычных поэтов, причем степень этой созвучности находила прямое выражение в степени близости перевода оригиналу.⁵¹

Для Введенского и Дружинина перевод ни в коей мере не являлся «присвоением». Они стремились воссоздать на родном языке произведения иностранных литератур, один — романы Диккенса и Теккерея, другой — трагедии Шекспира. Недаром Введенский в своей декларации обязывал переводчика отказаться «от своего индивидуального образа мыслей», чтобы мыслить умом и чувствовать сердцем переводимого автора. Такая позиция диаметрально противоположна позиции «чужое — свое» Жуковского. Переводя, Введенский отчетливо сознавал, что передает произведение иной национальной культуры (другой уже вопрос, насколько ему удавалось сохранить этот инациональный колорит в переводе). Самое овладение иностранным языком он связывал с проникновением в жизнь иного народа. «<...> изучать язык какого бы то ни было народа, — писал он, — значит — изучать его жизнь, историю, нравы и обычаи, домашний, юридический, общественный быт <...> в этом отношении этнография и филология идут нераздельно, рука об руку, помогая друг другу! <...> тот не знает языка, кто не знает жизни народа!».⁵²

«<...> в моих только переводах Диккенс впервые начал выражаться по-русски достойным его языком», — с гордостью заявлял он, обращаясь в Совет Петербургского университета.⁵³ Показательно, что в письме к самому английскому романисту Введенский представлял себя как человек, цель которого — передать *его*, Диккенса, творения средствами иного языка. Это письмо, сопровождавшее посылку в 1849 г. перевода «Домби и сына», является своеобразной параллелью к декларации в «Отечественных записках». «На мою долю, — писал Введенский, — первый раз выпала завидная честь передать гениальный роман Ваш вполне, без всяких сокращений <...> Гениальный писатель, как Вы, понимает лучше всех, с какими трудностями должен встречаться чужеземный переводчик Ваших произведений, проникнутых английскою национальностью от начала до конца <...> Год и три месяца я вполне жил Вашею жизнью, мыслил Вашим умом, чувствовал Вашим сердцем <...> При таком сочувствии к оригиналу я не мог не понимать его духа и, действительно, понимал его вполне, советуясь, однако ж, с образованными англичанами в тех местах, которых

⁵⁰ Жуковский В. А. Собр. соч. М.—Л., 1960, т. 4, с. 544 (письмо к Н. В. Гоголю от 6 (18) февраля 1847 г.).

⁵¹ См. в нашей статье «О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма» раздел «В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии» (Ранние романтические веяния. Л., 1972, с. 222—246).

⁵² Отечественные записки, 1851, т. 78, № 9, отд. VIII, с. 68.

⁵³ Колосья, 1884, № 11, с. 259.

смысл исключительно запечатлен туземным колоритом, недоступным для иностранца, никогда не бывшего в Англии. Понимая Вас, как англичанина, я в то же время мысленно переносил Вас на русскую почву и заставлял Вас выражать свои мысли так, как Вы сами могли бы их выразить, живя и развиваясь под русским небом. Отсюда, само собою разумеется, перевод мой не мог и ни в каком случае не должен был быть буквальным переводом, безусловной копией <...> Я старался воспроизвести дух романа со всеми его оттенками, которым, по возможности, придавал чисто русскую форму, и, когда труд мой был окончен, я имел удовольствие слышать от знатоков дела, что „Домби и сын“ выразился в русском переводе достойным его образом». ⁵⁴

Стремление Введенского перевоплотить средствами родного языка произведение иной национальной литературы, создать, как мы бы сказали теперь, адекватный перевод выражено в этом письме совершенно очевидно. Принцип, из которого исходили и он и Дружинин, заключался в сравнении стилистических систем двух языков, опирающемся на сопоставление историко-культурных традиций соответствующих национальных цивилизаций, с целью найти функциональные соответствия, адекватные средства, производящие то же впечатление на читателя в новой языковой среде, — этот принцип был реалистическим по своей сути. Ибо реалистический перевод начинается тогда, когда переводчик подчиняет свое творчество тому, что в наши дни получило название сопоставительной стилистики. И если практика, да и теория этих переводчиков, допускающая адаптацию, распространение текста, а иногда, как у Введенского, и произвольные «отсебятины», представляется нам сегодня неприемлемой, это объясняется тем, что в их переводном творчестве осуществлялись лишь первые подступы к реалистическому переводу, еще очень несовершенные и примитивные. И немалую роль в этом играла их ориентация на широкую читательскую аудиторию, в большей своей части еще недостаточно подготовленную к восприятию иноземной культуры в ее прямом, неадаптированном выражении.

«Стараясь, — как он писал, — по мере сил воспроизводить как можно вернее Диккенса и Теккерея, которых люблю и уважаю от всего моего сердца», ⁵⁵ Введенский ставил перед собою противоречивую цель — пытался сохранить их национальный колорит и одновременно сроднить их с отечественной литературой.

7

В переводческой практике Введенского проявились и общее состояние русского переводческого искусства его времени, и индивидуальные особенности его творческой личности. Несомненно, например, что уродливая система образования в духовном учи-

⁵⁴ Там же, с. 276—277.

⁵⁵ Отечественные записки, 1851, т. 78, № 9, с. 75.

лице не только наглядно продемонстрировала ему бессмысленность буквальных переводов, но и внушила глубокое отвращение к подобному переводческому методу. С другой стороны, не прошла даром и школа Сенковского. И если зрелый Введенский уже не позволял себе разнузданного произвола по отношению к переводимому автору, некоторая вольность обращения с оригиналом сохранилась до конца его переводческой деятельности. Однако эту вольность не следует преувеличивать.

Переводя Диккенса и Теккерея, Введенский сознательно стремился передать их романы в полном виде; как мы видели, он и Диккенсу писал об этом, а завершая публикацию «Домби и сына», в специальном примечании указывал, что это «первый роман Диккенса, переданный по-русски в полном объеме, без всяких пропусков и сокращений». ¹ Таким же полным переводом считал он и свой «Базар житейской суеты» и цитировал его для сравнения, когда изобличал неполноту перевода того же романа в «Современнике». ² И все же некоторые сокращения он и сам допускал. Так, например, в «Базаре житейской суеты» он урезал авторские рассуждения в конце VIII главы (ср. I, 121—122 и 1, 153), а в главе XIX изъясил лирическое отступление о письмах (ср. I, 280—281 и 2, 41) и т. п. Возможно, он считал, что Теккерей злоупотребляет авторским вмешательством, прерывающим повествование, и старался несколько уменьшить этот «недостаток». Показательно, что, когда рецензент «Современника» уличил Введенского в сокращении сюжетного эпизода — драки Доббина и Коффа в V главе романа, тот при переиздании восполнил этот пробел. ³

С другой стороны, споря с «Современником», Введенский мог в полемическом задоре преувеличенно трактовать вольность своего обращения с оригиналом. Так, когда в XV из «Писем иногороднего подписчика в редакцию „Современника“» Дружинин общал о пародии Теккерея в «Vanity Fair» на «литературный дендизм» и при этом цитировал перевод Введенского, не назвав пе-

¹ Современник, 1848. т. 10, № 8, Приложение, с. 158. — Ниже, при характеристике переводческой практики Введенского, иллюстративные примеры приводятся главным образом из «Базара житейской суеты», потому что, во-первых, теоретическая полемика велась по поводу именно этого перевода, а во-вторых, переводы Введенского из Диккенса уже неоднократно рассматривались в печати (см.: Чуковский К. Принципы художественного перевода. — В кн.: Чуковский К., Федоров А. Искусство перевода. Л., 1930, с. 55—64, 74—81; Чуковский К. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М., 1964, с. 285—295; Кашкин И. Мистер Пиквик и другие. — Литературный критик. 1936, № 5, с. 212—219; Катарский И. Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966, с. 250—274). Ссылки в тексте с указанием тома или части и страницы даются для перевода по изданию: Теккерей Вильям. Базар житейской суеты. Перевод И. И. Введенского, ч. 1—4. СПб., 1853 (Галерея избранных английских писателей); для оригинала по изданию: Thackeray W. M. Vanity Fair. vol. 1—3. Leipzig. 1848 (Collection of British authors. Tauchnitz edition). Номера томов оригинала обозначаются римскими цифрами, частей перевода — арабскими.

² См.: Отечественные записки. 1851, т. 77, № 7, отд. VI, с. 48—51.

³ Ср.: там же, 1850, т. 69, № 3, отд. I, с. 106; 1, 79—84.

реводчика, последний не только отметил это заимствование, но и заявлял: «...беда в том, что я сам имел честь *сочинить* это место. Смее уверить „литературный журнал“, что в английском тексте нет ни милорда Бумбумбума, ни индийского принца Моггичунгука. Эти лица, выдуманные мною, суть неотъемлемые произведения моей собственной фантазии, и разноязычный способ их разговора принадлежит не одному Теккерее. Не служит ли это ясным доказательством, что „литературный журнал“ ставит мои переделки в уroveň с английским текстом?»⁴

Стыдливая оговорка «не одному Теккерее» теряется в этой наивной похвальбе, и у читателя создается впечатление, будто *вся сцена*, о которой идет речь, сочинена Введенским. В действительности же он ограничился лишь тем, что превратил «Prince George of Cambridge» в «индийского принца Моггичунгука», а «invitation to Devonshire House» — в «приглашение на бал к лорду Бумбумбум» (1,97). В остальном же упомянутый фрагмент был переведен довольно близко.⁵ Поэтому, встречая заявление Введенского по поводу перевода «Домби и сына», что там «есть *целые страницы*, принадлежащие исключительно моему перу», и «*эти-то самые страницы* нравились ему (журналу «Современник», — Ю. Л.) по преимуществу»,⁶ мы вправе заподозрить в этих словах полемическое преувеличение с целью скомпрометировать оппонента, — хотя, конечно, произвольных отсебятин в его переводах более чем достаточно.

Основной порок переводов Введенского с современной точки зрения состоял в том, что он систематически распространял авторский текст, дописывая его, добавляя обстоятельства, подробности, эпитеты и т. п., отсутствующие в оригинале. Правда, это делалось, как считал переводчик, пером, «настроенным» на диккенсовский или теккереевский лад. К. И. Чуковский и И. М. Катарский привели немало примеров подобного обращения с текстами Диккенса.⁷ «Поистине, Диккенс для Введенского был излишне сух и лаконичен!» — не без основания заключал Катарский.⁸ То же можно сказать и про обращение переводчика с Теккереем. Например, в III главе «Vanity Fair» автор, описав ухищрения Ребекки Шарп в поисках жениха, сравнивает ее с родителями девиц, устраивающими балы для молодежи, и заключает: «Psha! They want to marry their daughters» («Фу! они хотят выдать замуж дочерей»; I, 39). Введенский разворачивает эту фразу, давая ее не в третьем лице, а во втором, чем придает большую экспрессивность: «Fi donc! Вам нужны женихи для *взрослых* до-

⁴ Там же, 1851, т. 78, № 9, отд. VIII, с. 73.

⁵ Эта пародия, содержащаяся в первом издании «Vanity Fair» (London, 1848, р. 43—46), в дальнейшем была исключена Теккереем из текста романа, что, возможно, повлияло на характер приведенного заявления Введенского.

⁶ Отечественные записки, 1851, т. 78, № 9, отд. VIII, с. 75.

⁷ См.: Чуковский К. Высокое искусство, с. 287—289; Катарский И. Диккенс в России, с. 268—269.

⁸ Катарский И. Диккенс в России, с. 269.

чек, и балы ваши ни что иное, как отчаянная игра в марьяж. За чем же мы станем обвинять Ребекку Шарп?» (1, 36).⁹

В главе XXIV Доббин, желающий примирить Джорджа Осборна с отцом, говорит последнему об опасности, какой подвергнется полк его сына в предстоящей войне с французами, на что старик отвечает: *My s—, the regiment will do its duty, sir, I dare say* («Я полагаю, что мой с... ваш полк, сэр, исполнит свой долг»; I, 343). Введенский почему-то снял оговорку «мой с...» (т. е. сын, которого старый Осборн не хотел упоминать), но значительно расширил реплику: «Полк ваш, сказал он, я не сомневаюсь, сделает свое дело, и, конечно, каждый из вас понимает свои обязанности, смею сказать, а в животе и смерти бог волен» (2, 138).

Если у Теккерей о словах майорши О'Дауд, обращенных к мужу, говорится: «„'Twas there ye coorted me, Meejor dear“, the lady said» («„Там вы и начали ухаживать за мною, дорогой майор“, сказала леди»; II, 24), — то Введенскому это кажется недостаточным и он распространяет: «Где ты в первый раз, майор, принялся ухаживать за мной, где мы и обвенчались, заключила горжествующая леди» (2, 234). Простая констатация обстоятельства времени в авторском рассуждении: «but it will be after our time, thank goodness» («но это, слава богу, будет уже после нас»; III, 31) — в переводе обретает эмоциональную образность: «но в ту эпоху сгниют и кости твои, о возлюбленный собрат мой!» (4, 2).

Придаточное предложение, содержащееся в авторской ремарке внутри реплики Ребекки к мужу, под пером переводчика превращается в целый абзац, описывающий вечерних гостей в ее доме (ср. II, 194—195 и 3, 127—128), а сравнение Ребекки с пауком, которого сметает горничная Молли, развертывается в целую сценку (ср. II, 303 и 3, 305). Любопытная вставка обнаруживается в предпоследней главе, где юный Джордж Осборн, сын Амелии, наблюдает из окна за отъездом Доббина. «После обеда Джорджинька, по обыкновению, развалился на подушках в амбразуре старого окна, откуда открывался вид и на Слона, и на майорскую квартиру. Джорджинька любил производить наблюдения с этого пункта, как некогда бессмертный мистер Пикквик следил за феноменами человеческой природы из форточки своей квартиры на Гозуэльской улице» (4, 408). Выделенная фраза не только принадлежит исключительно переводчику, но она была бы невозможна для Теккерей, если учесть его отношение к автору Пикквика (о чем Введенский едва ли подозревал): Можно привести сотни примеров подобных вольностей.

Когда у Теккерей деверь героини обращается к ней: «Rebecca» (II, 260), — Введенский добавляет: «Любезная Ребекка» (3, 237); в оригинале французский слуга Джозефа Седли восклицает: «сог-

⁹ Здесь и ниже курсив в цитатах введен нами для выделения переводческих вольностей Введенского.

bleu!» (II, 77), — в переводе: «corbleu-morbleu!» (2, 332); в «Vanity Fair» Родона Кроли, губернатора, оппозиционная газета сравнивает с Нероном (III, 120), в «Базаре житейской суеты» — с Калигулой и Нероном (4, 139), и т. д., и т. п.

Любимым приемом Введенского является добавление в конце повествовательных абзацев некоей сентенции, которая резюмирует сказанное выше либо служит связкой с последующим изложением; например: «Что же делать? — в семье не без урода» (1, 166); «Недаром существует поговорка: „чужую беду руками разведу, к своей — ума не приложу“» (2, 120); «Но, вперед, моя история!» (3, 118); «Смирись!» (4, 172) и т. п.

Произвол переводчика затрагивал даже оглавление. Глава VII — «Crawley of Queen's Crawley» («Кроли из Королевиного Кроли») — становилась «Новые сцены и новые лица»; глава VIII — «Private and confidential» («Частная и конфиденциальная») — «Излияние болезненных ощущений в дружеское сердце»; глава XIII — «Sentimental and otherwise» («Чувствительная и иного рода») — «Веселая жизнь порядочных джентльменов и необыкновенная прозорливость нежной страсти» и т. п.

Конечно, собранные вместе, подобные примеры могут создать впечатление безудержного переводческого произвола. Однако это не так. Намерением Введенского было представить русским читателям не себя, а английских романистов. Но при этом он старался сделать повествование как можно более эмоциональным и выразительным, чтобы тем самым ярче представить мысль или образ, созданные английским автором. Теккерей, например, заставляет почтенных родителей, ищущих женихов для своих дочек, «to take up their carpets, set their houses topsy-turvy, and spend a fifth of their year's income in ball suppers and iced champagne» («убирать ковры, ставить свой дом вверх дном и тратить пятую часть годового дохода на балы с ужинами и замороженным шампанским»; I, 39). Для Введенского этого недостаточно; у него «родители так часто меняют мѣбли и ставят ребром последнюю копейку, задавая блестящие балы и вечера с живыми цветами в половине зимы и роскошными ужинами, где шампанское льется через край» (1, 35—36). «Последняя копейка» — это не «пятая часть годового дохода», это уже предел материальных возможностей. И так Введенский поступает постоянно. Если у Теккерея Кофф, соученик Доббина, «could knock you off forty Latin verses in an hour» («мог настрочить сорок латинских стихов за час»; I, 66—67), то у Введенского он, «что называется, собаку съел в латинском языке и мог забросать вас цитатами из Горация и Сенеки. Он писал греческие гекзаметры» (1, 76). Это, конечно, вольности, но нельзя отрицать, что они действительно написаны пером, «настроенным под теккереевский образ выражения мыслей». И то, что на первый взгляд кажется переводческой вольностью, при ближайшем рассмотрении оказывается попыткой проникнуть в дух переводимого автора, чтобы увлечь им русского читателя. И Введенский добивался своего. От сравнения с другими со-

временными переводами выигрывали не только его переводы романов Диккенса, но и «Базар житейской суеты». Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить уже самое начало романа, авторское предисловие, в двух переводах.

«Ярмарка тщеславия»

Перед поднятием занавеса

Режиссер, сидя перед поднятием занавеса на подмостках и глядя на ярмарку, чувствует глубокую грусть при обзоре этого шумного пространства. Тут есть множество съестного и питейного во всех родах, — разных интриг и кокетства, радости и горя, обмана и драки, пляски и игры на скрипке, — толкающихся забияк, франтов, оглядывающих женщин, — плутов, очищающих карманы, — шарлатанов, ревущих перед своими балаганами, — супругов, зевающих на мишурных плясунов и раскрашенных паяцов, в то время как воришки очищают их карманы. Да, это вполне «Ярмарка Тщеславия»; конечно, не совсем благовоспитанное место, и не веселое, но шумное. Взгляните на актеров и шутов, оставивших свои занятия, — на дурачка Тома, который смывает с лица краску, собираясь на обед с своей женой и маленьким Джон Пуддингом. Подымите занавес, и он, перевернувшись вверх ногами, закричит:

— Здравствуйте, господа!

(Современник, 1850, т. 22, № 4.
Приложение, с. 1).

«Базар житейской суеты»

Занавес поднимается — просим покорнейше!

Когда режиссер кукольной комедии сидит перед занавесом на подмостках, чувство глубокой печали овладевает его душою при взгляде на обширную площадь Базара. Чего тут нет? Человечество ест и пьет направо и налево, плачет и смеется, курит, надувает, пляшет, прыгает и гудит на скрипке. Забияки дают подзатыльники друг другу, площадные франты заглядывают под шляпки женщин, мошенники вытаскивают платки, шарлатаны режут перед своими балаганами, ротозои глядят на мишурных плясунов и размазанных паяцов, между тем как промышленники чужой собственностью практикуются под открытым небом около джентльменских карманов и дамских ридикюлей. Вот вам истинный Базар Житейской Суеты, — место, конечно, не слишком веселое, хотя шумное и разгульное. Взгляните на лица всех этих паяцов и актеров, когда они удаляются со сцены: Фомка Дурак смывает румяны с своего лица и садится за стол в обществе своей жены и маленького пузыря Ваньки Пуддинга. Но вот занавес поднимается: Фомка бросил ложку, перекувыркнулся и закричал:

— Эй, почтеннейшая публика!
Каково живешь-поживаешь?

(1, VII—VIII).

Переводчик «Современника» в данном случае передал английский текст достаточно полно и верно (что он делал далеко не всегда), опустив лишь «policemen on the look-out» («полицейских на страже»; I, 7) — возможно, по цензурным соображениям (тот же пропуск — и в переводе Введенского) — и ошибочно истолковав слово «yokel» (мужлан, деревенщина) как «супруг».¹⁰ С другой стороны, Введенский здесь почти не прибегает к обычным у него распространениям текста и домьслам. Но зато насколько богаче, выразительнее и естественнее его речь при передаче того же самого содержания!

¹⁰ Эта его ошибка была осмеяна Введенским (см.: Отечественные записки, 1851, т. 77, № 7. отд. VI. с. 40—41).

Замечательной особенностью переводческой практики Введенского являлись вполне осознанные поиски адекватных средств выражения. Именно это он подразумевал, говоря о перенесении писателя под иное небо и в инациональное общество. Примеры, приводимые в статье-декларации, вполне определенно подтверждают это. Так, например, он пишет о содержателе пансиона «Афины», где обучается сын Амелии: «Человек он добрый и умный, но *педант*», причем педантизм его выражается в том, «что он, быв природным англичанином, беспрестанно, однако ж, употребляет в разговоре длинные слова, противные духу английского языка». «Но такие слова, — продолжает Введенский, — не диковинка для русских читателей», и «передавать разговор его буквально, значит — *уничтожить весь колорит и вовсе не сказать того, что имел в виду автор*». Стремясь воссоздать соответствующий образ, русский переводчик вспоминает, что содержатель пансиона — «большой латинист и любит выражаться высоким слогом».¹¹ И согласно этому он строит речь персонажа. Там, где Теккерей говорит, что тот «took care to produce the very finest and longest words of which the vocabulary gave him the use» («старался подбирать самые красивые и самые длинные слова, какие только предоставлял ему словарь»; III, 130), Введенский изменяет текст: «достопочтенный Виль всегда старался вклеить в свою речь *латинский или греческий эпитет*, какой только мог отыскаться в словаре» (4, 156). И соответственно Введенский вставляет в последующую речь персонажа не только торжественные речения вроде «чертогов» и «пиршества» или возвышенные варваризмы, как «ипотеза», «палаццо», «иллюминированы» и т. п., но и латинские выражения: «ex improviso», «magnificentissimam spirituum ingeniorumque societatum», «ex jure et lege» (4, 156—157). Такой переводческий ход, разумеется, не может рассматриваться как своеволие. И Введенский сам разъяснил свой прием: «Всех латинских слов и некоторых эпитетов, прибавленных к отдельным словам, нет в оригинале; но я смею думать, что без этих прибавок было бы невозможно выразить по-русски основную идею Теккерея. <...> И если читатель согласится, что тут выражена идея педантизма, то переводчик вправе надеяться, что цель его достигнута».¹²

В другом случае Введенский разъяснял, как он в теккереевском рассуждении о непостоянстве судьбы передал слово *Dives* (которое, кстати сказать, переводчик «Современника» принял за имя собственное и воспроизвел по-русски Дэйвис). Введенский писал: «<...> в английском тексте стоит латинское слово *Dives*, *богатый*, которое или должно перевести по-русски или, оставляя без перевода, написать и произнести по-латыни <...> Но у меня нарицательное *Dives* превратилось в собственное имя Лукулла, с которым каждый из русских читателей, без сомнения, соеди-

¹¹ Отечественные записки, 1851, т. 78, № 9, отд. VIII, с. 70.

¹² Там же, с. 71.

няет идею богача. Смею думать, что тут я ничего не сочинил, а старался только выразить настоящую мысль Теккерея». ¹³

Впрочем, возможно, в этом объяснении Введенский был откровенен не до конца. Дело в том, что в английском языке латинское слово *dives* связывается с евангельской притчей о богаче и нищем Лазаре (Евангелие от Луки, гл. XVI). Введенский же старательно избегал реминисценций священного писания, видимо, из опасения цензурных придирок. Так, библейская Далила (II, 320) превращалась в античную Омфалу (3, 334), а заглавие «A Trumpet-warning to Jericho» («Трубный глас Иерихону»; II, 128) — в безобидную «Звучную трубу» (3, 21).

Вообще «Базар житейской суеты» содержит немалое число цензурных искажений, как, впрочем, и другие переводы Введенского, печатавшиеся в пору «цензурного террора» 1848—1855 гг. Еще в 1848 г. он жаловался в письме к родным по поводу издания романа «Домби и сын»: «Цензура распорядилась было запретить вовсе его копец, но теперь, однако ж, позволила опять, и в будущем месяце я окончу перевод оригинала. У нас со времени Петра Первого еще не было такой наглой, бессовестной и бесстыдной цензуры, как в настоящее время». ¹⁴

Журналист Н. И. Шульгин, который переиздавал в 1871 г. «Замогильные записки Пиквикского клуба», просматривая первую публикацию, поражался «необыкновенной строгости тогдашней цензуры, не допустившей, например, напечатать рассказ о том, как сумасшедший, схватив бритву, подкрадывается к постели своей жены с целью зарезать ее <...> или заставившей русского переводчика для связи сочинить речь мэра, сказанную им почтенным избирателям города Итансвилля». Шульгин обнаружил множество пропусков цензурного характера, которые были «разбросаны по всему роману». ¹⁵ Цензурные искажения выявил и К. И. Чуковский в переведенном Введенским «Давиде Копперфильде». В частности, он отмечал: «Диккенс выводит, например, русского князя — рыжее чудовище с большими усищами. Николаевская цензура в 1851 году не разрешила пасквиля на столь высокую личность <...> В 1851 году нельзя было упоминать о монахах в сколько-нибудь непочтительном тоне, и потому переводчик превратил монаха в китайца». ¹⁶

В «Базаре житейской суеты» последовательно исключалось все, что как-либо задевало Российскую империю, будь то рассуждение об августейших торгашах, перекраивавших в Вене карту Европы (т. е. о Священном союзе, включавшем Россию; ср.: II, 35 и 2, 257), или упоминание русского «knout» («кнута»; I, 70, ср. 1, 81) и «brutal Cossacks» («жестоких казаков»; I, 120, ср. 1, 152), или известие о посещении Ребеккой Петербурга, после чего рас-

¹³ Там же, с. 71—72.

¹⁴ Русский архив, 1901, кн. 2, вып. 5, с. 117.

¹⁵ Диккенс Ч. Замогильные записки Пиквикского клуба. СПб., 1871, т. 1, с. III—IV.

¹⁶ Чуковский К. И. Искусство перевода. М.—Л., 1936, с. 200.

пространился слух, будто бы она стала русской шпионкой (ср.: III, 259 и 4, 353), и т. п. Осторожности ради было снято название кантаты «Бородинская битва», посвященной разгрому «корсиканского выскочки», только потому, видимо, что кантата имела эпитет «savage» («дикая»; I, 84, ср. 1, 104). А то место, где французский слуга Джозефа Седли, сообщая ему о наступлении Наполеона, заявлял: «and the Russians, bah! the Russians will withdraw» («а русские, фу! русские отступят»; II, 80), — Введенский передал в верноподданническом духе: «Один только русский император может быть победителем Наполеона; но из Москвы до Брюсселя не слишком близко, милорд» (2, 337). И уж совсем нелепую переделку произвел он, когда, обнаружив, что в оригинале говорится об огромной кровати в лондонской гостинице, на которой, по утверждению прислуги, спала сестра императора Александра (см.: II, 8), написал: «на которой в древние времена опочивала сестра Александра Македонского» (2, 215).

Какие-либо упоминания августейших особ вообще старательно изымались из перевода, даже если они не принадлежали к российскому царствующему дому. Так, в главе XLVIII, где у Теккерея описывается представление Ребекки при английском королевском дворе, король везде заменен милордом Бумбумбум, а его двор превращен в «палаццо милорда» (см.: II, 344—360 и 3, 374—398). А там, где в романе сатирически описывается бракосочетание вымышленных наследного принца Пумперникельского и принцессы Амалии Гомбург-Шлиппеншлопской (см. III, 237—238), Введенский лишь глухо упоминает «экстравыспреннее бракосочетание» (4, 322—323), не вдаваясь в подробности, и т. п. Наконец, из перевода старательно устранялись слова, с одной стороны, «революция», «революционный» (ср., например: III, 115 и 4, 130; III, 266 и 4, 359), а с другой — «религия» и «религиозный»; последнее слово передавалось эвфемизмом «эстетически умозрительный» (ср., например: II, 258 и 3, 233).

Все эти отступления от оригинала и искажения текста Введенский, несомненно, совершал против своего желания, вынужденный обстоятельствами. Но в его переводах содержатся также невольные искажения иного рода, обусловленные несовершенством его познаний в английском языке. Необходимость для переводчика совершенного владения языком, с которого он переводит, теоретически была ему ясна, и он писал об этом, подчеркивая связь языка с историей, культурой и бытом народа. Но сам он не имел возможности овладеть английским языком до уровня безошибочного его понимания.

Еще В. Л. Ранцов, переводчик Диккенса в конце прошлого века, указал, что, не зная английского выражения «man of war» («военный корабль»), Введенский перевел его буквально «военный джентельмен».¹⁷ К. И. Чуковский утверждал, что редакци-

¹⁷ См.: Ранцов В. Л. От переводчика. — В кн.: Диккенс Чарльз. Сочинения. Полное собрание. СПб., 1892, т. I, стлб. I—II.

руя «Давида Копперфильда» в переводе Введенского, он исправил «около *трех тысяч ошибок*»¹⁸ и отмечал не понятые переводчиком идиомы. Так, выражение «to send to Coventry» (буквально: «послать в Ковентри»), означающее «подвергнуть бойкоту», Введенский истолковал как «ссылку на Ковентрийский остров», а пожелание долголетия «many happy returns» (буквально: «много счастливых возвращений», подразумевающее повторение дня рождения) перевел: «Желаю вам как можно чаще возвращаться с того света».¹⁹ Чуковский, возможно, и преувеличил число обнаруженных ошибок, но то, что Введенский часто ошибался из-за недостаточного владения английским языком или знания английской культуры, быта, нравов, несомненно.

В «Базаре житейской суеты» такие ошибки встречаются постоянно. Например, прочтя выражение «all but in a fit» («чуть ли не в обморок»; I, 353), Введенский решил, что персонаж, о котором шла речь, уже «был в обмороке» (2, 155). Не зная значения слова «Speaker» (спикер, председатель Палаты общины), он не понял выражения «On the occasion of his first Speaker's dinner» («Когда он впервые присутствовал на обеде у спикера»; II, 318 — речь идет о Питте Кроли, ставшем членом парламента) и перевел его: «По случаю своего *первого ораторского обеда*» (3, 331). Он не понял слов маленького Джорджа Осборна «I said 'My name is Norval' after diner» («После обеда я продекламировал „Зовут меня Норвал“»; II, 326 — имеется в виду монолог из популярной трагедии Джона Хоума «Дуглас», 1757) и приписал мальчику нелепую фразу: «Я сказал после обеда, что зовут меня Норвалем» (3, 345). В авторском замечании об отношении Ребекки к жениху Амелии, разрушившему ее матримониальные надежды на Джозефа Седли, — «And she loved George Osborne accordingly» («И она возлюбила Джорджа Осборна соответственно»; I, 96), — он не уловил иронии и перевел: «И на этом основании мисс Ребекка Шарп полюбила Джорджа Осборна» (1, 124). И подобных примеров можно привести множество. «Handcuffs» («наручники»; II, 236) Введенский переводил: «железные нарукавники» (3, 197). Он, видимо, не знал, что «papers» может означать просто «бумаги», а не обязательно «газеты» (ср.: I, 269 и 2, 23). Он передавал английское «artist» как русское «артист» (ср.: I, 280 и 2, 41), а «mystery» — как «мистерия» (ср.: II, 188 и 3, 116), не подозревая, что правильнее было бы перевести «художник» и «тайна», «секрет». Полюбив слово «джентльменский», которое он употреблял в смысле «благородный», нередко независимо от оригинала, он не подозревал, что этот эпитет неприложим к женщинам, и мог писать о «джентльменских сердцах» «мисс А., мисс Б. и мисс В.» (1, 237) или о недостатке «джентльменской гор-

¹⁸ Чуковский К. И. Искусство перевода, с. 105.

¹⁹ Там же, с. 101, 187. — Первая из указанных ошибок объясняется, видимо, тем, что в переведенном Введенским ранее романе Теккеря Родона Кроли посылали губернатором на остров Ковентри (см. III, 110).

дости» у Амелии (4, 169; в оригинале: «proper pride» — «истинная гордость»; III, 138).

Разумеется, трудно винить Введенского в этих ошибках. Это была не вина его, а скорее беда, состоявшая в том, что при всем своем желании он был лишен возможности изучить английский язык во всех тонкостях. Недаром он и Диккенсу писал, что сталквивался в его романах с местами, «которых смысл исключительно запечатлен туземным колоритом, недоступным для иностранца, никогда не бывшего в Англии».²⁰ Его знания английского языка, несомненность в области английской литературы и быта были значительны (это проявилось хотя бы в той критике, которой он подверг параллельный перевод — «Ярмарку тщеславия») ²¹ и все же недостаточны. Но в своем переводе он сознательно стремился показать Англию, а отнюдь не перенести героев в Россию, как полагали некоторые его критики. В «Базаре житейской суеты» он тщательно воспроизводил описания лондонских кварталов, точно передавая названия улиц и площадей, воссоздавал картины именно английского быта и нравов (см., например, 4, 242—243; 4, 256—258; 4, 289—291 и т. д.). Более того, он сам обвинял переводчика «Ярмарки тщеславия» в том, что для того «английские нравы и обычаи — terra incognita, до такой степени, что англичане у него пьют чай из самоваров и катаются в санях по Реджент-Парку».²² И если в его переводах все же обнаруживается известный налет русификации, то это явилось следствием, с одной стороны, неразработанности в его время адекватных средств передачи стилистических особенностей переводного произведения, а с другой — ориентации переводчика на широкий демократический круг читателей, недостаточно подготовленных к прямому, непосредственному восприятию иноземной культуры.

Требую перенесения переводимого писателя «под то небо, под которым вы дышите», Введенский имел в виду прежде всего возможно полное освоение богатств русского литературного языка и даже разработку этого языка в переводе. Он считал, что «русский язык находится в ранней поре своего развития»,²³ что это язык, «богатейший из всех европейских по своему внешнему содержанию, но еще далеко не выработанный для литературы так, как другие цивилизованные языки».²⁴ И перевод должен был способствовать такой «выработке».

Напомним, что к 30—40-м гг. XIX в. «основное ядро национального русского литературного языка вполне сложилось».²⁵ В художественной литературе установилась новая норма повествования, ориентированная на живую разговорную речь общества,

²⁰ Колосья, 1884, № 11, с. 276.

²¹ Отечественные записки, 1851, т. 77, № 7, отд. VI, с. 42—44.

²² Там же, с. 44.

²³ Отечественные записки, 1851, т. 78, № 9, отд. VIII, с. 69.

²⁴ Колосья, 1884, № 11, с. 276 (письмо к Диккенсу).

²⁵ Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка. — Вопросы языкознания, 1956, № 1, с. 25.

которая вобрала в себя наиболее жизнеспособные и близкие общественной речевой практике элементы книжной литературной традиции. Литературный язык значительно расширился и лексически — благодаря притоку слов, прежде остававшихся за его пределами, и грамматически — за счет использования ранее не употреблявшихся форм. Решающее значение имел выход в свет «Мертвых душ», этого, по словам Белинского, «творения чисто русского, национального, выхваченного из тайника народной жизни».²⁶ Как писал Андрей Белый, «язык Гоголя открывает эру новых возможностей, влагая в литературный язык народный язык».²⁷

Значение Гоголя состояло не в том, что он вызвал прямые подражания; подражать ему было невозможно. Но в области литературного языка (как и в других, впрочем, областях) он являл собою образец художественных дерзаний, наглядно показал возможность для писателя работать на новом, нетрадиционном словесном материале, вовлекать в литературу разнообразные слои нелитературной речи. «Гоголь явился примером благодетельной смелости и свидетельством значения демократизации языка под пером богатоодаренного художника».²⁸ И в этом смысле Введенского можно считать последователем Гоголя.

Существо вопроса заключалось в том, что расширение социальной базы реалистической литературы, ее тематико-жанрового диапазона, включавшего воссоздание разнообразных сцен и картин народной жизни, требовало новых выразительных средств. На литературном языке отражалось и расширение социального состава интеллигенции. Выходцы из провинциального дворянства, духовенства, мещанства несли с собою и язык своей местности, своей социальной среды. И какая-то часть лексики и фразеологии оседала и закреплялась в литературном употреблении.²⁹ Введенский, принадлежавший к этой новой разночинной интеллигенции, тоже принес в литературу свой языковой опыт, обретенный в годы учения в духовных и светских заведениях Пензы, Саратова, Москвы и Петербурга. Но он не ограничивался пассивным освоением окружающей языковой стихии: он работал над своим языком. В этом отношении представляет интерес свидетельство Благосветлова, который писал: «Введенский совершенно владел своим родным языком. Этот язык был его младенческим лепетом, не безобразным обыкновенною „смесью нижегородского наречия с французским“: на двенадцатом году возраста Введенский увлекается Карамзиным и не отстает от него до тех пор, пока в юноше не образовалось чувство слога. Впоследствии времени, как добросовестный преподаватель русской словесности, он изучал истори-

²⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 6, с. 217.

²⁷ Белый Андрей. Мастерство Гоголя. М.—Л., 1934, с. 283.

²⁸ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в., Киев, 1941, т. I, с. 127.

²⁹ См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, с. 31—32.

ческие акты, песни, пословицы, все, что сохранило на себе отпечаток творческой силы нашего слова. И все эти разнообразные элементы слились в одну живую и выразительную речь под влиянием сильного природного дарования и ясного мозга».³⁰

Своими переводами Введенский несомненно способствовал развитию русского литературного языка. Он старался использовать все доступное ему богатство родной речи. В переведенных им романах в зависимости от развития содержания сочетаются различные стилистические пласты — возвышенная литературная речь, и официальный канцелярский жаргон (см., например, в «Базаре житейской суеты» письма старика Осборна: 2, 13; 2, 135—136), и многообразные виды просторечия, варьирующиеся в зависимости от изображаемого объекта.

Именно это широкое употребление просторечия придавало переводам Введенского известный налет русификации и вызвало в дальнейшем несправедливые, на наш взгляд, упреки, будто бы он хотел перенести «Лавку Древностей в Зарядье или английскую таверну на ямской двор»,³¹ что у него «и Диккенс, и Теккерей, и Шарлотта Бронте сделались российскими гражданами, жителями Песков или Охты».³² Нет, герои переводов Введенского оставались англичанами. Но переводчик хотел, чтобы они стали понятными и близкими обитателям Зарядья или Охты. Поэтому, обнаружив, например, что один из персонажей Теккерера, рассуждая о достоинствах ведущих актеров, предпочитал Кинна Кемблю (см. I, 66), Введенский понимал, что имена эти ничего не говорят его читателям, и у него персонаж «тоном знатока судил об актерах и актрисах» (I, 76) без упоминания каких-либо имен. Переводчик передал основную мысль автора, избавив притом своих читателей от излишних затруднений. Теми же соображениями, видимо, руководствовался он, заменяя английский «гrog» (I, 372) «гоголем-моголем» (2, 184) — словом хотя и немецкого происхождения, но закрепившимся в русском языке.

Такое стремление к передаче английского романа, действий, мыслей и чувств его героев в форме доступной и близкой читателям проявлялось, в частности, и в употреблении просторечия или, как тогда говорили, «простонародья». Из суждений Введенского явствует, что он считал русское «простонародье» адекватным средством передачи «простонародья» английского. не подозревая, что тем самым искажаются «английские нравы» (в незнании которых он упрекал переводчиков «Ярмарки тщеславия»).

Дружинин в XIV из «Писем иногороднего подписчика» заметил, что, переводя Диккенса, «г. Введенский вдавался по временам в юмор вовсе не английский и не диккенсовский, его *просторечие* не всегда льстило щекотливым ушам», а в «Базаре житей-

³⁰ Благосветлов, с. 21—22.

³¹ *Кашкин Иван*. Мистер Пиквик и другие. — Литературный критик, 1936. № 5, с. 245—246.

³² *Чуковский К.* Высокое искусство, с. 294.

ской суеты» он «уже чересчур часто употребляет *просторечие*», проявляющееся, в частности, в том, что Джозеф «называет девицу, в которую он влюблен, *душкой и раздуханчиком*». «Выражения эти довольно смешны, — заключал Дружинин, — но можно было бы употреблять их пореже».³³

Введенский в статье о «Ярмарке тщеславия» возражал (говоря о себе в третьем лице): «Как? отрицать присутствие³⁴ простонародных фраз в Теккерее? Да где их больше, как не в „Vanity Fair“? . . . Виноват ли г. Введенский, что он счел обязанностью *выдержать все эти характеристические черты оригинала*? Виноват ли он, например, что у него пьяный Джозеф Седли, обращаясь к Ребекке в Воксале, называет ее исковерканным именем душеньки, точь-в-точь, как в оригинале, вместо „darling“, пьяный Джозеф называет ее *diddle-diddle-darling*?».³⁵

В ответной статье критик «Современника» развил упрек Дружинина. Он уже обвинил Введенского не просто в злоупотреблении просторечием, а в том, что тот заменяет *английские* простонародные выражения выражениями, собранными бог знает где, что он имеет «привычку вставлять в *английские* романы чисто народные *русские* фразы».³⁶ Но Введенский словно не понял самой сути этого возражения и, отвечая своим противникам, продолжал настаивать, что «простонародный способ выражения большинства действующих лиц в „Базаре“ составляет отличительное свойство этого романа», а поэтому «тот, кто знаком с Теккереем в оригинале, скорее упрекнет меня в недостатке, чем в избытке простонародья».³⁷ Более того, ссылаясь на употребление просторечия в дружининском «Сентиментальном путешествии Ивана Чернокнижника по петербургским дачам»,³⁸ Введенский, умышленно или нет, переводил вопрос в иную плоскость, как будто спор шел об употреблении русского просторечия в литературе вообще, а не в переводах английских романов.

Просторечная лексика встречается у Введенского на каждом шагу, главным образом в речах персонажей, но также и в авторском тексте. Вот несколько примеров: «кулак-девчина» (1, 128), «бой-девка» (1, 310), «кобениться» (1, 380), «подскрыливать» (2, 18), «упа́точиться» (2, 233), «ужасть» (2, 233), «шарамыжник» (3, 114), «залихватский» (4, 120), «лакомый кусочек» (4, 429) и т. д.

Особенно любил Введенский употреблять просторечные фразеологизмы, иногда передавая соответствующие английские выражения, а нередко вводя их по собственному почину: «не давать

³³ Современник, 1850, т. 21, № 5, отд. VI, с. 93—94.

³⁴ В журнальном тексте явная опечатка: «отсутствие»; исправлено по смыслу.

³⁵ Отечественные записки, 1851, т. 77, № 7, отд. VI, с. 52 (курсив мой, — Ю. Л.).

³⁶ Современник, 1851, т. 28, № 8, отд. V, с. 54—55 (курсив мой, — Ю. Л.).

³⁷ Отечественные записки, 1851, т. 78, № 9, отд. VIII, с. 78.

³⁸ См.: там же, с. 77.

воли рукам» (1, 78), «задать туза» (1, 78; в оригинале «thmash», I, 68, искаженное «smash» — «бить изо всех сил»), «тише воды, ниже травы» (1, 102), «захрапеть во всю носовую завертку» (1, 134; в оригинале: «such a snore as only the nose of innocence can produce», I, 106 — «такой храп, какой только может производить нос праведницы»), «не видать как своих ушей» (1, 184), «профинтился в пух» (1, 264), «облупить как липку» (1, 303), «гол как сокол» (2, 124; в оригинале: «as roog as church mice», I, 334 — «бедны как церковные мыши» — соответствующий английский фразеологизм), «закусить чем бог послал» (2, 141), «купить на шарамыжку» (3, 114), «обдѣлывать делишки» (3, 114), «типун тебе на язык» (4, 132; в оригинале: «shut your mouth», III, 116 — «закрой рот», «заткнись»), «ходи у меня в аккурате» (4, 429) и т. д. Близки к фразеологизмам нередко используемые Введенским русские пословицы и поговорки: «лежачего не бьют» (1, 84); «всяк сверчок знай свой шесток» (1, 120), «много будете знать, скоро состараетесь» (1, 133), «у женщины волос долог, да ум короток» (1, 210), «будет дождь, будут и грибки» (1, 326), «соловья баснями не кормят», «сухая ложка рот дерет» (2, 30), в «тихом омуте черти водятся» (2, 58), «на грех мастера нет» (3, 148) и т. п.

Наглядным примером построения «простонародной» речи у Введенского могут служить тирады сэра Питта Кроли, который, по утверждению переводчика, «говорит и пишет, как простолюдин, ошибаясь почти в каждом слове, и это невежество составляет его характеристическую черту».³⁹ Вот он рассказывает о своих судебных тяжбах: «Да, моя милая <...> я проигрывал на своем веку больше всякой живой души на британской почве. Вот и теперь у меня дело с одним сутягой, Снаффль его зовут. Уж я поддеюлю его на славу, или мое имя не Питт Кроли. Да это все трень-трава. А вот еще затеяли против меня дельцо Поддер и другой забияка, которым мерещится, будто земелька подле „Королевиной усадьбы“, двести с лишком десятин, принадлежит им по наследству! Врут, скалдырники. Прямых документов нет. Пойду напролом и оттягаю, хоть бы это стоило мне больше тысячи гиней. Есть тут и еще два, три дельца, все в таком же роде: посмотри сама, мисс гувернантка. Будет нам пожива» (1, 131).

Выразительность, интонационная верность переводного языка Введенского, как мы уже отмечали, становится особенно очевидной при сравнении с другими переводами.⁴⁰ «Поддеюлить на славу», например, несравненно экспрессивнее, чем заурядное «поддеть», и т. п. И в то же время, при всей «простонародности»

³⁹ Там же, т. 77, № 7, отд. VI, с. 52.

⁴⁰ Ср. начало этого отрывка в переводе, печатавшемся в «Современнике»: «Да, милая моя <...> Я выигрывал и проигрывал этих тяжб столько, что вряд ли кто меня перецеголял. Да вот хоть бы и теперь, взгляните сюда: вот в этой бумаге какой-то Снаффль против меня. Уж этого-то молодца я поддену, — не будь я сэр Питт Кроули» (*Теккерей Вильямс*. Ярмарка тщеславия. Роман без героя. В десяти частях. Перевод с английского. СПб., 1850, с. 55).

речи сэра Питта в передаче Введенского, русификации, употребления понятий, связанных исключительно с русским бытом и нравами, мы в ней не обнаруживаем. Самый же вопрос о национальной прикреплённости русского просторечия, о возможности или невозможности прибегать к нему в переводах, в сущности, не решен до сих пор. И в наши дни находятся убежденные и компетентные поборники переводческого просторечия, оперирующие вескими доводами.⁴¹

Правда, Введенскому случалось допускать и прямую русификацию, когда, например, английское ироническое прозвище извозчика «JeHu» (I, 106) он переводил «ванька» (I, 135), согласно петербуржско-московскому обыкновению. Слуги Джон и Мэри (II, 78) превращались у него в Ивана да Марью (2, 333), судно, названное «Yellowjack» (III, 110), стало «Желтым Ванькой» (4, 122). А Ребекку, правящую орфографию в письме своего мужа, Введенский заставил устранять лишние «еры» (твердые знаки), г. е. действовать согласно специфически русским нормам правописания.

Все же следует признать, что подобные «русизмы» не определяют характера переводов Введенского в целом.

8

В историю отечественной культуры Введенский вошел главным образом как переводчик. Эта сторона его деятельности заглохла остальные — педагога, историка литературы. А среди переводов Введенского, как уже отмечалось в начале статьи, закономерно выделяются романы Диккенса и Теккерея, хотя он переводил и других авторов. Но Фенимор Купер к тому времени был уже известен в России лет двадцать и мода на него проходила. А Шарлотта Бронте и тем более Каролина Нортон не могли идти в сравнение с великими английскими романистами. Введенский даже сам писал о своем переводе «Дженни Эйр»: «Стараясь, по мере сил, воспроизводить как можно вернее Диккенса и Теккерея, которых люблю и уважаю от всего моего сердца, я в то же время считал для себя совершенно позволительным не церемониться с английской гувернанткой...».¹

Диккенс переводился на русский язык и до Введенского — с 1838 г. В середине 40-х гг. он уже приобрел определенную популярность. Однако, как убедительно показал И. М. Катарский, подлинное признание в нашей стране Диккенс получил лишь после опубликования «Домби и сына» и других его романов в переводах Введенского.² В декабре 1847 г., когда перевод «Домби и

⁴¹ См., например: *Петров С.* О пользе просторечия. — В кн.: *Мастерство перевода*, сб. 1962. М., 1963, с. 71—96.

¹ *Отечественные записки*, 1851, т. 78, № 9, отд. VIII, с. 75.

² См.: *Катарский И.* Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966, с. 162—249 (гл. IV. После триумфа «Домби и сына» (1847—1855)).

сына» еще печатался в «Современнике», Белинский писал Боткину: «Это что-то уродливо, чудовищно прекрасное! Такого богатства фантазии на изобретение резко, глубоко, верно нарисованных типов я и не подозревал не только в Диккенсе, но и вообще в человеческой натуре <...> *Теперь для меня Диккенс совершенно новый писатель, которого я прежде не знал*». ³ Что же касается Теккерея, то его популярность в России началась с опубликования «Базара житейской суеты».

Еще при жизни Введенского «Северная пчела» писала, что он «был в числе первых, заинтересовавших русскую публику романами Диккенса и Теккерея». ⁴ И если мы встречаем, например, в воспоминаниях, относящихся к тем годам, рассказ о том, как в Казанской духовной академии на лекции «какого-нибудь скучного профессора» «студент сидел перед ним, скромно потупив очи под парту, и удил оттуда увлекательные страницы какого-нибудь Базара житейской суеты или Давида Копперфильда», ⁵ то уже само упоминание «Базара» (а не «Ярмарки») позволяет утверждать, что речь здесь идет о переводах Введенского.

Рассмотренные выше полемические нападки «Современника», подогреваемые межжурнальной конкуренцией, в сущности были исключением. Прижизненная оценка переводческого мастерства Введенского в самых различных печатных органах была, как правило, положительной. «Северная пчела» в упомянутой заметке называла его переводы «прекрасными» и «признанными везде за лучшие в настоящее время». ⁶ Откликаясь на перевод «Давида Копперфильда» в «Отечественных записках», рецензент «Москвитянина», где переводился тот же роман Диккенса, писал тем не менее о Введенском: «... признав его перевод за лучший русский перевод, мы отдадим ему только справедливость, а посоветовав ему поспешить печатанием своего перевода отдельною книжкой, мы выразим без сомнения желание очень многих». ⁷ Тот же перевод был одобрен и в «Пантеоне»: «<...> г. Введенский вполне и счастливо удовлетворил строжайшим требованиям взыскательного читателя, который едва ли в настоящем случае пожалеет, что не знает по-английски». И хотя рецензент упрекал переводчика за «излишнее старание о придании на русский лад характерности выражениям английского простонародья», он тут же спешил добавить: «Но это немногие пылинки на чистом золоте, и во всем остальном перевод образцовый». ⁸ Даже критик «Библиотеки для чтения», который после выхода в свет «Замогильных записок Пикквикского клуба» в переводе Введенского стремился оправ-

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 12, с. 445—446 (курсив мой, — Ю. Л.).

⁴ Северная пчела, 1853, 23 марта, № 65, с. 258.

⁵ Иван Яковлевич Порфирьев. Биографический очерк и речи при погребении. Казань, 1891, с. 20—21.

⁶ Северная пчела, 1853, 23 марта, № 65, с. 258.

⁷ Москвитянин, 1851, ч. 6, № 23, декабрь, кн. 1, с. 522.

⁸ Пантеон, 1853, т. 8, кн. 4, Петербургский вестник, с. 33.

дать публиковавшийся ранее в его журнале сокращенный перевод романа и утверждал поэтому, что в полном переводе роман «длинен, приторен, утомителен, как бы ни были хороши переводы», — даже он признавал: «Предлежащий перевод принадлежит к весьма хорошим, по возможности».⁹

Посмертная репутация Введенского как лучшего переводчика Диккенса и Теккерея уже не подлежала сомнению. В 1868 г., откликаясь на переиздание «Домби и сына», «Вестник Европы» писал: «Перевод И. Введенского давно известен и пользуется хорошей репутациею в литературном отношении <...> Введенский принадлежал к числу лучших наших переводчиков и после него мы редко встречаем его искусство и талант».¹⁰ Сходный отзыв по поводу «Базара житейской суеты» обнаруживается в «Нови» 1885 г.: «Перевод И. И. Введенского, отличающийся несомненными литературными достоинствами, вместе с тем близко передает характер подлинника».¹¹ А в «Русской мысли» 1891 г. говорилось, что Диккенс «нашел себе вполне достойного переводчика в лице покойного Иринарха Введенского <...> Переводы Введенского полны силы, изящества и до мельчайших подробностей передают дух и значение подлинника». К этому времени сложилось даже преувеличенное представление о масштабах переводческой деятельности Введенского, и тот же рецензент утверждал, будто он «перевел массу произведений Диккенса, за исключением нескольких мелких вещей и последних больших романов».¹²

Распространенное мнение о переводчике сформулировал А. С. Суворин в статье по поводу смерти Диккенса. «Введенский, — писал он, — усваивал дух переводимого им писателя в совершенстве и умел передавать его манеру, его язык, насколько, разумеется, такая передача возможна». И далее: «Введенский в высшей степени обладал даром проникновения в существенные качества переводимых им авторов и соединял эту счастливую способность с глубоким, добросовестным изучением последних».¹³

Репутация Введенского, переводчика Диккенса, утвердилась настолько, что еще в 1936 г. И. А. Кашкин, доказывая необходимость «опровергнуть призыв неизжитой еще <...> первой любви, воспоминание о первом чтении Пиквика по-русски, о незабываемом „произведении“ Иринарха Введенского». «Перевод Введенского, — свидетельствовал Кашкин, — прожил почти столетие и живет по сей час».¹⁴

Впрочем, возражения против переводов Введенского возникали еще в 90-е гг. прошлого века. В 1892 г. В. Л. Ранцов, переводив-

⁹ Библиотека для чтения, 1853, т. 118, № 3, отд. VI, с. 17.

¹⁰ Вестник Европы, 1868, кн. 3, с. 481.

¹¹ Новь, 1885, т. 4, № 15, Мозаика, с. 171.

¹² Русская мысль, 1891, кн. 5, с. 213 (курсив мой. — Ю. Л.).

¹³ Н. Н. По поводу Диккенса о Введенском. — С. Петербургские ведомости, 1870, 21 июня (3 июля), № 168, с. 2.

¹⁴ Кашкин Ив. Мистер Пиквик и другие. — Литературный критик, 1936, № 5, с. 213.

ший Диккенса для собрания сочинений в издании Ф. Ф. Павленкова, предпослал первому тому предисловие «От переводчика», в котором, стремясь оправдать свой новый перевод, доказывал: «1) И. Введенский не был в достаточной степени знаком с духом английского языка. 2) Недостаточное знакомство с английским языком, к сожалению, не вознаграждалось у него и присутствием художественного чутья, способного помочь ему разобраться в смысле диккенсовской фразы, которая, по своему построению, оказывалась сколько-нибудь трудной для перевода. Вследствие этого во многих местах он совершенно искажал мысль автора и затем, чтоб выпутаться из получившегося сумбура, угодил публике отсебятиной, не имевшей ничего общего с Диккенсом».¹⁵

Впоследствии выяснилось, что сам Ранцов, не обладая талантом Введенского, в то же время не уступал ему в отсебятинах и русификации.¹⁶ Однако его оценка переводов предшественника получила распространение. Ее повторил «Северный вестник» в рецензии на новый перевод «Давида Копперфильда».¹⁷ А другой журнал в самом конце века утверждал, ссылаясь на Ранцова, что Введенский знакомил русскую публику только «с содержанием» переводимых романов, что «Диккенс и Теккерей очень обезличены в русском переложении Введенского допущением чересчур больших переводческих вольностей».¹⁸

Особенным нападкам переводческая манера Введенского подверглась уже в 30-е годы нашего столетия, когда советские переводчики, борясь со своеволием и распушенностью своих предшественников, нередко впадали в противоположную крайность, граничившую с буквализмом. Е. Л. Ланн, заново переведивший «Записки Пикквикского клуба», утверждал, что «Введенский не переводил „Записки“, а пересказывал <...> и меньше всего заботился о раскрытии стиля Диккенса», «не оставив в „Записках“ почти ни одного диккенсовского синтаксического хода и заменив его фразеологию причудливой смесью из гоголевских „черевичиков“ и охтенских идиотизмов».¹⁹

Приведенные отклики на переводы Введенского представляют интерес не как объективные оценки (каковыми они не являются), но потому, что в них отразилась эволюция переводческих принципов и изменение роли великих английских реалистов в русской духовной жизни.

Выше мы старались показать связь переводческих принципов Введенского с теорией «поэтического перевода» у Белинского и Дружинина и выявить в них тенденции (пусть еще очень несо-

¹⁵ Диккенс Чарльз. Сочинения. Полное собрание. Т. I. Давид Копперфильд младший. Перевод В. Л. Ранцова. СПб., изд. Ф. Павленкова, 1892, стлб. 1.

¹⁶ См.: Кашкин И. Мистер Пиквик и другие, с. 217—219.

¹⁷ См.: Северный вестник, 1892, № 4, отд. II, с. 68—70.

¹⁸ О переводах достойных подражания. — Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки, 1899, т. 2, с. 105.

¹⁹ Ланн Е. Стиль раннего Диккенса и перевод «Посмертных записок Пикквикского клуба». — Литературный критик, 1939, № 1, с. 157—158.

вершенные) реалистического перевода. И тем не менее позиция Введенского была сугубо индивидуальной. Осуществлявшаяся им система прибавлений и изменений — это уже не «адаптация», какую осуществлял Дружинин, но претензия на соавторство. Так происходило потому, что Введенский стремился не просто представить английских романистов русским читателям, но сроднить Диккенса и Теккерея с русской литературой. Поэтому «соавторство» — осознанное или нет — было неизбежно.

А. В. Амфитеатров, видимо, был прав, когда утверждал, что Введенский не столько переводил Диккенса, «сколько приспособлял к пониманию русского читателя, стараясь породнить новый юмор английского писателя с привычным юмором Гоголя».²⁰ Любопытное свидетельство этому оставил А. И. Левитов, который, кстати сказать, с юных лет любил Диккенса и во время обучения в духовной семинарии подвергался наказаниям за чтение «Домби и сына».²¹ В очерке «Петербургский случай» (1869) чиновник Иван Николаевич Померанцев, в чьи уста автор вложил многие свои мысли, рассуждает наедине с собой: «Гоголь был <...> Он дал нам нравы! Или не то, что дал, а научил нас подмечать в людях настоящие нравы. Это основатель русской литературы. Без него мы не поняли бы ни Диккенса, ни Теккерея и все пробавлялись бы дурацкими эпопеями о корнетах Z и о княжнах X. — А при нем <...> и мы в нашей пошлой жизни испытали кое-что очень хорошее. Вот Пашенька Домби, ребенок, неизвестно почему потухающий при тайном говоре брайтонских волн...». Далее следуют: Флоранс, «Вальтер, добрая, всем помогающая сила», «капитан Куттль на деревянной ноге», «мисс Ребекка Шарп, великая девушка», «Уэллеры — отец с сыном», «мистер Пикквик». «Желал бы нашему обществу побольше таких людей, — заключает Иван Николаевич. — Конечно, они стерли бы с нас ту печать безразличия и апатии, которая одинаково лежит на наших делах — дурных и хороших...».²²

Иван Николаевич называл не вообще диккенсовских и теккереевских героев, но героев только тех романов, которые переводил Введенский, — «Домби и сын», «Пикквикский клуб», «Базар житейской суеты». И это не случайно. Именно в переводах Введенского Диккенс и Теккерей вошли в русло развития русской литературы и воспринимались как продолжатели Гоголя, писатели, близкие «натуральной школе», на традиции которой опирался сам Левитов. Ни одно переводное произведение ни во времена Введенского, ни после него не играло такой активной роли в русской литературе, как названные романы. Этим, на наш взгляд, и объясняется своеобразие переводческой теории и практики Введенского, его «сотворчество» с переводимым автором,

²⁰ Амфитеатров А. В. Литературные впечатления. — Современник, 1911, кн. 7, с. 262.

²¹ См.: Нефедов Ф. Д. Александр Иванович Левитов. — В кн.: Левитов А. И. Собр. соч., М., 1884, т. 1, с. XXV.

²² Левитов А. И. Сочинения. М.; Л., 1933, т. 2, с. 297—299.

когда, как писал Чуковский, он «словно загримировался под Дикенса, усвоил себе его движения, походку»,²³ и даже его стихийная русификация, выходящая за рамки простого приспособления перевода к понятиям и кругозору читателя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо И. И. Введенского к Я. И. Ростовцеву

Рукопись не датирована, но судя по тому, что Введенский сообщает в письме о своей слепоте, его следует отнести к концу 1853—началу 1854 г. Ростовцев в это время занимал должность начальника штаба наследника цесаревича Александра по управлению военно-учебными заведениями. Как видно из письма, А. А. Фет обратился к нему с ходатайством о разрешении посвятить свой перевод I книги од Горация цесаревичу, а Ростовцев передал перевод на отзыв Введенскому.

Оды Горация Фет начал переводить еще в пору учения в Московском университете около 1840 г.¹ Перевод первой книги был закончен в 1847 г.; несколько од Фету удалось напечатать,² но полностью книга издана не была. Затем Фет привялся за II книгу, которую кончил переводить в 1853 г. и тогда же, во время пребывания в водолечебнице в Лопухинке, перевел III и IV книги од Горация.³

К Ростовцеву Фет обратился, видимо, еще до завершения работы над II книгой. Ранее, в 1838—1840 гг., его с Введенским связывали дружеские отношения.⁴ Но впоследствии они разошлись, и дружба сменилась неприязнью, наложившей отпечаток на воспоминания Фета⁵ и оцутимой в публикуемом письме.

В суждениях Введенского о переводе Фета отразилось его понимание народности писателя, представление о зависимости писателя от современной ему общественной и культурной жизни. В то же время в письме обнаруживается, что проблема стихотворного перевода мало занимала Введенского и определенного взгляда на то, каким должен быть перевод римской поэзии, он, по-видимому, не имел.

Неизвестно, ознакомил ли Ростовцев Фета с отзывом Введенского и имел ли этот отзыв какое-либо влияние на судьбу перевода. Во всяком случае I книга од Горация в переводе Фета отдельно не была издана. Только в 1856 г. А. А. Краевский напечатал в «Отечественных записках» перевод всех четырех книг⁶ и выпустил также отдельное его издание,⁷ в которое был вклеен лист с посвящением: «Его величеству государю императору Александру Николаевичу труд свой посвящает верноподданный А. Фет».

Письмо публикуется по черновой рукописи, написанной под диктовку Введенского (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 37, л. 24—26).

²³ Чуковский К. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М., 1964, с. 291.

¹ Внешняя история перевода освещена в примечаниях Б. Я. Бухштаба в кн.: Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1937, с. 758—760. — Характеристику переводов Фета см.: Busch Wolfgang. Horaz in Russland. Studien und Materialien. München, 1964, S. 191—196 (и по указателю).

² См. ниже примеч. 1 к публикации.

³ См.: Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890, ч. 1, с. 27.

⁴ См.: Блок Г. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924.

⁵ См. выше, с. 85—86.

⁶ Отечественные записки, 1856, т. 104, № 1, отд. I, с. 153—194; т. 105, № 3, отд. I, с. 1—26; т. 106, № 5, отд. I, с. 1—24; № 6, отд. I, с. 361—379; т. 107, № 7, отд. I, с. 1—24.

⁷ Оды Квинта Горация Флакка. В четырех книгах. Перевод с латинского А. Фета. СПб., 1856 (ниже в ссылках: Оды).

Ваше Превосходительство

Яков Иванович,

В исполнение приказания Вашего Превосходительства, имею честь сообщить свое мнение о переводе первой книги од Горация, представленных штабс-ротмистром Фетом для посвящения Его императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу.

Квинт Гораций Флакк, современник и поэт императора Августа, принадлежит к числу весьма немногих римских писателей, которые могут быть названы народными в полном смысле этого слова. Несмотря на отличное знакомство с литературой Греков, Гораций умел остаться вполне оригинальным, и в его произведениях, как в чистом зеркале, отразились явления исключительно римской жизни в ее переходную эпоху от форм республиканских к монархическим. Нет сомнения, что перевод такого писателя будет важным приобретением для всякой литературы, если переводчик снабдит свой труд археологическими примечаниями, объясняющими текст, и таким введением, где, кроме биографии переводимого писателя, было бы ясно определено отношение его к современному обществу и особенно к тем вещам, с которыми, по своему положению, он часто приходил в соприкосновение.

Г. Фет, давно известный русской публике как автор лирических стихотворений и как переводчик некоторых од Горация,¹ понимает, по-видимому, те необходимые условия, которые должны быть выполнены при переводе оригинального писателя. В представленном им переводе есть и Введение и примечания к тексту: то и другое, однако ж, составлено слишком на скорую руку, и я не думаю, чтобы читатель, не знакомый сам с латинским текстом, мог составить для себя ясное и отчетливое понятие о Горации на основании этого перевода. В своем Введении г. Фет, следуя Светонию,² представил краткую биографию Горация, опустив без внимания важнейшие пункты, содействующие к объяснению его литературной деятельности. В иностранных литературах, особенно в английской и немецкой, Гораций был в последнее время обрабатываем с редкою отчетливостию; но ниоткуда не видно, чтобы г. Фет знаком был с этими исследованиями. При всем том, отказавшись изобразить положение Горация в современном римском обществе, г. Фет, после представленной им биографии, вдается в решение вопроса, в сущности бесполезного и не ведущего ни к какой цели. Он хочет знать: был или нет Гораций человеком безнравственным? Не был, отвечает г. Фет, потому что переменять беспрестанно любовниц, иметь даже вдруг нескольких любовниц в одно и то же время, не значит быть безнравственным; и было бы странно, продолжает он, требовать, чтобы нежный и чувствительный поэт, оставив греческих либертин, согласился однажды навсегда обзавестись скучной женою единственно для того, чтобы современный какой-нибудь *скифский критик* похвалил его за это.³ — Станный способ оправдания, и древний римский поэт, конечно, не ожидал такой услуги от скифского кри-

тика. Если г. Фет действительно хотел оправдать Горация в том, в чем, сколько мне известно, еще никто не обвинял римского поэта, то ему следовало смотреть на этот вопрос с точки зрения на нравственность древних Греков и Римлян, а не с новейшей христианской точки зрения, когда понятия о нравственности в этом, как и во многих других отношениях, совершенно изменились.

Текст самых од переведен у г. Фета ямбическими стихами, шести-, пяти-, и четырехстопными. Признаюсь откровенно, что, сличив эти русские стихи с латинскими, я не нашел между ними почти ни малейшего сходства, — в чем однако же я не думаю обвинять г. Фета, разделяющего в этом отношении заблуждение многих современных поэтов, которые воображают, что латинские и греческие поэты должны быть переводимы стихами. В одах Горация девятнадцать различных метров, и каждый метр как нельзя более приспособлен к выражению различных оттенков чувства, владевшего поэтом в данную минуту: материалов для выражения всех этих оттенков нет и быть не может в новейших языках, и русские стихи г. Фета, в сравнении с латинскими, кажутся вялыми и безжизненными.⁴

Впрочем, смысл оригинала, по большей части, передан верно, и в этом состоит главнейшее достоинство перевода г. Фета, который, как видно, знает латинский язык хорошо. Встречаются, однако ж, по местам прибавления, вставки, перемены, придумываемые для рифмы или стопы, что неизбежно в стихотворном переводе. Так, в первой оде «к Меценату» о звуке военных труб г. Фет выражается, что этот «зык» есть «войны неистовый язык»,⁵ — чего нет в оригинале и чего не позволил бы себе сказать римский поэт. Здесь же, говоря о нимфах и фавнах, русский переводчик заставляет их превозносить Горация *при луне*, придуманной очевидно затем, чтобы следующий стих окончить словом «*по старине*».⁶ Обоих этих слов, искажающих настоящий смысл, не могло быть в оригинале. Попадаются в некоторых местах видоизменения против текста, придуманные очевидно для цензуры. Так, четырнадцатую оду г. Фет озаглавил: «к Кораблю», между тем как в оригинале она носит заглавие: «к Республике».⁷

При всем том, стихотворный перевод Фета вообще удовлетворителен, и если бы он принял на себя труд перевести все оды Горация (а не одну только третью долю) и, кроме од, все его сатиры, такой труд был бы приобретением для нашей литературы, которая в последние четыре года обогатилась многими произведениями, содействующими к объяснению древнего греко-латинского мира.⁸

Оканчивая свое мнение о переводе г. Фета, покорнейше прошу Ваше Превосходительство извинить меня, что представляю его слишком поздно. Мое зрение было еще не слишком слабо, когда я получил эту рукопись, и я успел еще прочесть ее собственными глазами. Неожиданное несчастье застигло меня врасплох, и я не

вдруг могу привыкнуть к печальной необходимости смотреть чужими глазами и писать чужими руками.

С глубочайшим почтением, имею честь быть
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Ир. Введенский.

¹ Публикации отдельных од Горация в переводе Фета до 1853 г.: *Фет А. Лирический Пантеон*. М., 1840 (кн. I, оды 5, 25); *Москвитянин*, 1844, ч. I, № 1, с. 27—38 (кн. I, оды 1, 2, 4, 5, 8, 9, 13, 14, 17, 22, 23, 25, 38); там же, 1849, ч. I, № 1, отд. II, с. 37 (кн. II, ода 10); ч. VI, № 24, отд. I, с. 331—332 (кн. II, ода 14). — В предисловии к публикации 1844 г. С. П. Шевырев, поощрявший переводческую деятельность Фета, писал: «Мы до сих пор подобного перевода еще не имели... Г. Фет в своем переводе воспроизводит нам дух поэта римского — и передает его с близостью неизменной» (*Москвитянин*, 1844, ч. I, № 1, с. 27).

² Светоний Гай Транквилл (ок. 70—ок. 140) — римский историк; из сохранившихся отрывков его сочинений о римских грамматиках и поэтах особенно выделяется биография Горация. В начале своего вступления к переводу Фет ссылался на Светония (см.: *Оды*, с. 1).

³ В опубликованном вступлении Фет, перечислив возлюбленных Горация, писал: «Можно упрекнуть Горация в непостоянстве; но в других отношениях его упрекнуть нельзя... Везде он проповедует ненарушимость древних обычаев, до небес возносит первобытную простоту и святость брачных отношений. Если он сам искал знакомства греческих либертин, то в этом он только заплатил дань веку. Древние римляне вступали в брак без сердечного влечения; жены их были мало образованны — удивительно ли, что поэты времени Горация, воспитанные в духе эпикурейском, у которых, вследствие изучения греческих образцов, и образ мыслей получил неизгладимые следы направления их соседей и предшественников, — удивительно ли, что эти римляне посещали гречанок, блиставших всеми приманками утонченного образования?» (*Оды*, с. III—IV). Ссылка на «скифского критика» в этой окончательной редакции отсутствует. Возможно, что Фет снял ее при пересмотре своего перевода од вместе с Тургеневым (см.: *Фет А. Мои воспоминания*. М., 1980, ч. 1, с. 36—37).

⁴ В своих переводах Фет следовал строфическому членению од Горация, но отказался от точного воспроизведения структуры латинского стиха. Впоследствии, отвечая на упреки критики, он указывал, что не предназначал своего перевода «небольшому кругу специалистов». «Нет! нет! — писал он, — я имел в виду других читателей, на благорасположение которых мое умение писать общепонятные стихи с рифмами могло подействовать, по мнению моему, лучше и вернее самого строгого буквального перевода или самого добросовестного критического труда... Не может быть, думаю я, чтоб в моем стихотворном переводе не отразилась хотя малейшая часть той силы и красоты, которой дышит почти каждый куплет, каждый оборот великого поэта... Только с подобною целью переводил я Горация рифмованными стихами и старался, насколько сил моих хватило, стряхнуть с него схоластическую пыль, которая всех так пугала... Сочинять Горация, исказить произвольной формой, или, с другой стороны, опоплять буквальным переводом, заставив русский язык хромать по несвойственным ему асклипадаям, архилохам, пифиямбикам и т. д., я не мог решиться» (*Фет А. Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация»*. — *Отечественные записки*, 1856, т. 106, № 6, отд. II, с. 27—29).

⁵ Премногим нравится шум лагерный и зык
Рогов и труб, войны неистовый язык...

(*Оды*, с. 2)

В оригинале:

Multos castra iuvant et lituo tubae
Permixtus sonitus bellaque matribus
Detestata.

(I, 1, 23—25)

... меня лесов прохлада,
Да хоры легких Нимф и Фавнов при луне
Возносят над толпой, доколь по старине
Эвтерпа флейту мне звончатую дарует...

(Оды, с. 2)

В оригинале:

...me gelidum nemus
Nympharumque leves cum Satyris chori
Secernunt populo, si neque tibus
Euterpe cohibet...

(I, 1, 30—33)

⁷ В печатных публикациях и 1844 (Москвитянин, 1844, ч. I, № 1, с. 34) и 1856 г. (Отечественные записки, 1856, т. 104, № 1, отд. I, с. 172; Оды, с. 16) перевод 14-й оды из I книги озаглавлен «К республике». Введенский, несомненно, прав, полагая, что Фет изменил заглавие оды в представленной Ростовцеву рукописи, опасаясь цензуры, особенно свирепствовавшей в пору «мрачного семилетия».

⁸ Говоря об обогащении русской литературы «в последние четыре года», Введенский в первую очередь подразумевал «Одиссею» Гомера в переводе В. А. Жуковского, опубликованную в 5-м издании его «Стихотворений» (т. 2, 3. СПб., 1849).

Р. Ю. Данилевский

Немецкий реализм 1850—1860-х годов и русская литература

Формирование реалистического направления в немецкой литературе второй половины XIX в. было частью мирового литературного процесса, в котором русская литература к последней четверти века становится одной из ведущих. Передовая русская критика в своих суждениях о немецких писателях соизмеряла их художественные достижения с уровнем русской литературы и одновременно полнее определяла собственные реалистические принципы. В свою очередь немецкие реалисты начинали знакомиться с произведениями русских современников, находя в них родственные черты и способствуя распространению русской литературы на Западе. Сходство направлений рождало взаимный интерес, который способствовал развитию межлитературных отношений.

Материал русско-немецких литературных связей эпохи реализма решительно противоречит довольно распространенному мнению о реалистической литературе Германии после 1848 г. как сплошь поверхностной и эпигонской. Несмотря на все ее слабости, очевидные в сравнении с произведениями Тургенева, Некрасова, Щедрина, молодого Л. Толстого, с публицистикой и литературной критикой Герцена, Чернышевского и Добролюбова, немецкая литература пользовалась вниманием в России, и подчас очень большим. Причины этого внимания, а также особенности немецкого литературного развития в период между революционным подъёмом конца 1840-х гг. и империалистическим объединением Германии в 1871 г. являются темой предлагаемой статьи.

Речь в статье пойдет собственно о немецкой литературе и немецком реализме, поэтому автор счел возможным не касаться подробностей других немецкоязычных литератур, национальные особенности которых и их связи с Россией заслуживают отдельных исследований.¹ Кроме того, в задачи автора не входило

---

¹ О русско-швейцарских литературных отношениях см. в кн.: От романтизма к реализму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1978, с. 237—279.

исчерпывающее описание немецкой литературы этого времени.² Внимание сосредоточивалось на тех именах и произведениях, которые оставили заметный след в русской критике и русском читательском сознании.

1

Когда литераторы нового направления пытаются определить свое место в искусстве и сформулировать свои задачи, их декларации, как правило, опираются на практический опыт. Опыт может быть не только личным и современным, он включает в себя подчас большие отрезки истории общества и литературы. Но традиция поворачивается к новым авторам новой стороной, сливается с новым опытом, дает толчок теоретической мысли.

В 1835 г. Белинский смог написать о «реальной» поэзии: «Ее отличительный характер состоит в верности действительности; она не пересоздает жизнь, но воспроизводит, воссоздает ее и, как выпуклое стекло, отражает в себе, под одною точкою зрения, разнообразные ее явления, выбирая из них те, которые нужны для составления полной, оживленной и единой картины».³ Он сделал это заключение, исходя из творчества Гоголя, но имел в виду несомненно не одного только создателя «петербургских повестей». Русская повествовательная проза была уже довольно богатой, как это видно из самой статьи Белинского, посвященной русской повести. Существовала и «суровая проза» Пушкина, хотя и не оцененная критиком по достоинству. Белинский принял во внимание и опыт зарубежных литератур (Шекспир, В. Скотт, Гете, Шиллер, Бальзак).⁴ Открытие «реальной» поэзии явилось также и подведением определенного итога.

Почти через два десятилетия немецкая литература сделала такое же открытие и для себя — устами молодого Теодора Фонтане. В полемической декларации «Реализм нашего времени» (1853) писатель заявил о новом методе: «Он охватывает жизнь во всем ее богатстве, все великое и все малое: Колумба, подарившего старому свету новый, и инфузорию, чья вселенная заключена в капле воды; высочайшую мысль и глубочайшее чувство вовлекает он в свою область, одинаково делает своим предметом думы Гете и любовь и страдания Гретхен. Ибо все это — действительность. Реализм не ограничивает себя только чувственным миром и ничем больше; менее всего он стремится к одному осязаемому, цель его — истина».⁵

² Отсылаем читателя к кн.: История немецкой литературы в 5-ти т. Т. 4. 1848—1918. М., 1968.

³ «О русской повести и повестях Гоголя» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 1, с. 267).

⁴ Опыт этот представлял собой, разумеется, сложный синтез, динамика которого пока полностью не раскрыта. См.: Эльсберг Я. О синтезе традиций в русском реализме. — В кн.: Контекст-1974. М., 1975, с. 187—202.

⁵ Fontane Th. Schriften zur Literatur. Berlin, 1960, S. 9 (перевод немецких цитат, кроме особо оговариваемых случаев, здесь и далее сделан автором статьи).

В обоих определениях реализма есть общая черта, сильнее подчеркнутая Белинским, но очевидная и для Фонтане: оба возражают против копирования, простого описания действительности, оба ценят в реалистической литературе способность к выбору фактов и к их анализу.

Идея художественной правды восходила к достижениям немецкой литературы и эстетики конца XVIII в., к Гете и Шиллеру. Последний настаивал — в статье, предпосланной «Мессинской невесте» (1803), — на том, что цель искусства заключается не в прямом воспроизведении жизни, но в суждении о ней. В литературе действительность преобразалась, очищаясь от случайного и «низкого», из действительной природы создавалась истинная природа — так Шиллер и Гете приближались к пониманию типического, одной из основ метода реализма. Правда, преобразование действительности понималось ими еще узко, как метафоризация ее, перевод в условно-античные формы веймарского классицизма 1790-х гг.

В упомянутой статье Фонтане назвал обоих веймарцев «решительными представителями реализма».⁶ Белинский не был столь прямолинеен — в середине 1830-х годов, когда еще оставались в силе романтические представления, немецкая классика представлялась иной, теснее связанной с романтической поэзией, чем с реалистической прозой. Но и Белинский находил у Шиллера «истину чувства», угадывал реалистическую тенденцию в его творчестве. «Покоряясь духу времени, он хотел быть *реальным* в своих созданиях, — писал критик о Шиллере в той же статье 1835 г., — но *идеальность* оставалась преобладающим характером его поэзии, вследствие влечения его гения».⁷ И далее следовали рассуждения об «идеальной» и «реальной» поэзии, основы которых были разработаны тем же Шиллером, например, в труде «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795—1796).

Многое из того, что говорил Шиллер о «реальной» поэзии, было подсказано творческой практикой его ближайшего соратника — Гете. В письме к Гете из Иены от 5 марта 1799 г. Шиллер называет его реалистом.⁸ Воздействие Гете сказалось едва ли не во всех поздних произведениях Шиллера и особенно в трилогии о Валленштейне.⁹ Но и сам Шиллер располагал опытом аналитического изображения действительности еще в повестях 1780-х гг. с их найденным за век до Золя «хирургическим» методом изучения человеческих характеров. Поистине Шиллер «хотел быть реальным в своих созданиях».

⁶ Ibid., S. 6.

⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1, с. 270.

⁸ См.: Schillers Briefe Hrsg. von F. Jonas. Stuttgart; Leipzig; Berlin; Wien, «о. J.», Bd 6, S. 15.

⁹ Об этом свидетельствовал сам автор (см.: Schillers Briefe, Bd 5; S. 293).

Возвращаясь в письмах к размышлениям о «сентиментальной» и «наивной» поэзии, Шиллер построил следующую схему разделения двух основных, по его мнению, типов литературы:

Наивный поэтический дух	Сентиментальный поэтический дух
Реализм	Идеализм
Эмпиризм	Фантазирование
Слепое подчинение природе	Слепой произвол ¹⁰

Реализм противопоставлялся идеализму, т. е. он рассматривался скорее как рабское подражание действительности, противостоящее ее идейному осмыслению. Но шиллеровская мысль продолжала развиваться. Вскоре, работая над «Валленштейном», поэт пришел к выводу о необходимости третьего типа литературы, где слились бы идейное и эмпирическое начала, причем первенствовало бы именно начало реализма: «Раньше, в Поэзе и Карлосе, я пытался возместить недостающую правду прекрасной идеальностью; здесь, в Валленштейне, я попробую <...> чистою правдой восполнить недостающую идеальность (сентиментальную, конечно)».¹¹ В марте 1801 г. Шиллер заметил в письме к Гете: «Если нет действия, из идеи ничего не получится».¹²

Гете и Шиллер не были последовательными реалистами в современном понимании, хотя их иногда причисляют к носителям принципов реализма (как, впрочем, и романтизма). Но своей деятельностью они безусловно готовили будущую эпоху реализма в европейских литературах.¹³

В своей статье Фонтане сослался на стихи из «Пролога на театре» к «Фаусту» Гете: «Вторгайтесь в гущу людской жизни <...> И где ни возьмете жизнь — повсюду она интересна».¹⁴ Однако этот призыв и другие ранние декларации реалистического искусства, при всей их бесспорности, оставались слишком общими. Они позволяли назвать реалистическими слишком многие произведения слишком многих эпох (так, Шиллер относил к реализму всю римскую литературу).

Сказанное касается в равной степени суждений Белинского и Фонтане, несмотря на то что эти определения реализма делались в разных исторических условиях. Между тем источники мысли были у русского и немецкого авторов в известной мере одни и те же.

¹⁰ В письме к В. Гумбольдту от 9 января 1796 г. (Schillers Briefe, Bd 4, S. 389).

¹¹ В письме к нему же от 21 марта 1796 г. (ibid., S. 436).

¹² Schillers Briefe, Bd 6, S. 263.

¹³ См.: John E. Die Herausbildung des Realismusbegriffs als ästhetische Kategorie in dem Briefwechsel zwischen Goethe und Schiller. — Weimarer Beiträge, 1959, Nr 4, S. 467f.

¹⁴ См.: Fontane Th. Schriften zur Literatur, S. 8. (В подлиннике: Greift nur hinein ins volle Menschenleben!... Und wo ihr's packt, da ist's interessant).

О европейском реализме, о русском критическом реализме в особенности, написано чрезвычайно много. Картина русского реализма представлена в авторитетных исследованиях, полный список которых занял бы очень много места.¹

Стоит остановиться на двух высказываниях, в которых, как кажется, уловлена та черта реализма как метода, которая была еще не вполне ясна молодому Белинскому и не вошла в определение реализма, сделанное Фонтане. В рецензии на произведение Льва Толстого, напечатанной в «Современнике» за 1856 г., Чернышевский отметил не только психологизм и целенаправленную избирательность наблюдений писателя, но и «возбуждение чувств»² — так почти иносказательно была определена общественная направленность ранней прозы Толстого. Если для Фонтане существенным признаком реализма и достоинством литературы вообще являлось воспитание у читателя примиренного настроения³ (на деле Фонтане-реалист часто отступал от этого правила), то Чернышевский нашел у Толстого прямо противоположное. «В крошечной статье о Толстом, — пишет Б. И. Бурсов, — Чернышевскому удалось дать характеристику существенных особенностей всей русской литературы, ее вклада в мировой литературный процесс».⁴

Второе суждение принадлежит В. М. Жирмунскому. Оно высказано в наше время и относится к реализму XIX в. в целом, к его передовым силам, на которые ученый перенес русское название критического реализма: «В чем же основная особенность литературы критического реализма XIX века? В ее *социальности*, в раскрытии социальной обусловленности событий и характеров, в отношении к действительности как к факту социальному и тем самым историческому».⁵ В этом наблюдении сказался опыт исследователя западных литератур, но также и носителя русской куль-

¹ См., например: *Лотман Ю. М., Егоров Б. Ф., Минц З. Г.* Основные этапы развития русского реализма. — Уч. зап. Тартус. гос. ун-та, вып. 98 (Труды по рус. и слав. филологии, III), 1960, с. 3—23; *Лихачев Д. С.* Об одной особенности реализма. — *Вопр. лит.*, 1960, № 3, с. 53—68; *Цейтлин А. Г.* Становление реализма в русской литературе. (Русский физиологический очерк). М., 1965; *Проблемы типологии русского реализма*. М., 1969; *Бурсов Б. И.* Реализм всегда и сегодня. Л., 1967; *Фридлиндер Г. М.* Поэтика русского реализма. Очерки о русской литературе XIX в. Л., 1971; *Алексеев М. П.* Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972; *Сучков Б. Л.* Исторические судьбы реализма. Размышления о творческом методе. Изд. 3-е, дополн. М., 1973, и мн. др. См. также: *Städtke K.* Studien zum russischen Realismus des 19. Jhs. Berlin, 1973.

² См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 421—431.

³ Немецкая эстетика традиционно приравнивала чувство прекрасного, гармонию к нравственному равновесию и примирению; например, Фонтане упрекал Тургенева в отсутствии художественного и нравственного «утешения» (см.: *Fontane Th.* Schriften zur Literatur. Berlin, 1960, S. 347f).

⁴ *Бурсов Б. И.* Реализм всегда и сегодня, с. 3.

⁵ *Жирмунский В.* Становление реализма в мировой литературе и классический реализм XIX в. — В кн.: *Проблемы реализма*. М., 1959, с. 48.

туры, в которой социальность как черта художественного метода была осознана впервые.

Обостренным социальным чувством не исчерпывается, конечно, своеобразие русского критического реализма, хотя эту особенность важно отметить при сопоставлении русских и немецких писателей XIX в. Впрочем, для такой цели, как сравнение реалистических методов в двух национальных литературах, необходимо отнюдь не отвлеченное определение особенностей этих литератур, «<...> приметы направления определяются на основе художественного опыта его мастеров».⁶

В русской литературе интересующего нас периода, — по принятому определению, это были 60-е годы,⁷ — придется остановить внимание далеко не на всех авторах. Прежде всего важны ведущие писатели эпохи, именно те, чье творчество определяло собой облик русской литературы для соотечественников и для зарубежных современников.

Таким писателем был несомненно Тургенев. Его тонкий психологизм в сочетании с самой актуальной общественной проблематикой, его тяготение к всестороннему охвату жизни и разработка для этого всевозможных форм прозы, сочетающих лиризм и эпичность, — все это делает творчество Тургенева, вероятно, наиболее сравнимым с современной ему немецкой реалистической прозой. В середине века Тургенев и никто другой дал немецким читателям представление о русском обществе и его проблемах, о русском народе и его национальном характере.⁸ Авторитет Тургенева как представителя русской литературы был на Западе очень высок.

Тургенев считался реалистом и в том смысле, который вкладывали в термин первоначально. «Главное в нем — это его *правдивость*», — сказал о Тургеневе Л. Толстой.⁹ То оружие, с которым сам Толстой выступил против лжи в искусстве, он считал главным оружием Тургенева. Провозгласив «правду» нравственной и эстетической основой своего творчества, Толстой мог опереться и на опыт Тургенева.

Несколько позже Тургенева Толстой тоже приобрел в глазах зарубежных современников славу лучшего и характернейшего писателя России, более того — он стал «во главе мировой литературы своего времени».¹⁰ Говорить о реализме, не принимая во внимание Толстого, нельзя. Исследователи склонны даже полагать, что творчество Толстого непосредственно обогатило и про-

⁶ Тураев С. В. Национальное и мировое в типологии реализма. — В кн.: Проблемы типологии русского реализма, с. 141.

⁷ См.: Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX в. (Источники и эстетическое своеобразие). Л., 1974.

⁸ См.: Алексеев М. П. Мировое значение «Записок охотника». — В кн.: Творчество И. С. Тургенева. Сб. статей. М., 1959, с. 69—140; Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л., 1975, с. 21.

⁹ В письме к А. Н. Пышину от 10 января 1884 г. (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.—Л., 1934, т. 63, с. 149).

¹⁰ Мотылева Т. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., 1957, с. 17.

должает обогащать психологию читателей. «Толстой открыл первооснову всеобщего душевного опыта современного человека, и современный человек даже не замечает, что осознает себя по Толстому, что от этого ему никуда не уйти».¹¹

Творчество Тургенева и Толстого выходило далеко за рамки 60-х гг., но оба писателя были воспитаны этой эпохой, ее общественной борьбой и революционно-демократической мыслью.¹² Толстой, современник реалистического направления в Германии, может, так же как и Тургенев, служить эталоном русского реализма.

Сравнение немецких писателей с Тургеневым и Толстым делается не для того, чтобы лишний раз упрекнуть немецкую литературу второй половины XIX в. в том, что у нее не было подобных им. Сравнение поможет выяснить специфику немецкого реализма или, по меньшей мере, будет способствовать выяснению его национальных особенностей в данную историческую эпоху.¹³ Разумеется, русский реализм 60-х гг. развивался во множестве авторских вариантов (Григорович, Решетников, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Достоевский). И все же метод и стиль Тургенева и Толстого стояли ближе всего к тому роду прозы — роману о современности (*Zeitroman*), — который занял ведущее положение в немецкой литературе 60-х гг.

Приведенная в статье Фонтане цитата из «Пролога на театре» — о задаче писателя вторгаться в гущу жизни — в контексте относится к драматургии, но персонаж Гете призывает драматургов брать пример с жанра романа.¹⁴ Еще больше оснований для объявления романа ведущим литературным жанром имелось у немецкой критики второй половины века: перед ней бурно развивался французский и английский роман, быстро обогащалась и библиотека отечественных романов.

Немецкий роман с «тенденцией», т. е. с открытыми публицистическими и общественно-политическими чертами, сложился в годы «Молодой Германии» в творчестве К. Гудкова, Г. Лаубе, Т. Мундта.¹⁵ В этом романе оставались еще риторика и внешние эффекты, унаследованные от романтического стиля. От романтизма к реализму развивалась проза Гейне. «Путевые картины»,

¹¹ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Изд. 2-е. Л., 1977, с. 313.

¹² «Живое ощущение исторического сдвига, наглядно совершающегося социального переворота... было характерно для русской литературы 60-х годов» (Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX в., с. 340).

¹³ Проф. С. В. Тураев высказал соображения в пользу широкого типологического сравнения немецкого реализма с аналогичными явлениями европейских литератур (см.: Тураев С. В. Национальное и мировое в типологии реализма, с. 142). Но полезны, вероятно, и более узкие, двусторонние сопоставления.

¹⁴ К таким романам, отражающим конфликты эпохи, принадлежал, например, гетевский «Вертер».

¹⁵ См. мою работу: «Молодая Германия» и русская литература. Л., 1969, с. 7—38. См. также: Kleinmayr H. von. Welt- und Kunstanschauung des Jungen Deutschland. Wien—Leipzig, 1930; Dietze W. Junges Deutschland und deutsche Klassik, 3. Aufl. Berlin, 1962.

в частности, например «Английские фрагменты», даже набросок исторического повествования «Бахаракский раввин» изобиловали связями с современной поэту общественной и литературной борьбой.¹⁶ Литераторы 40-х гг., унаследовавшие младогерманские идеи, оказались в числе читаемых романистов (Л. Шюккинг, Э. Вилькомм, Г. Кениг, те же Гудков и Мундт, К. Иммерман как автор изданного в 1838 г. сатирического романа «Мюнхгаузен»), а также и среди исследователей романа (Р. Готшалль).¹⁷

Высоко ставил роман о современности поэт предмартовского десятилетия Рудольф Готшалль. *Zeitroman*, по его наблюдениям, «переносит события, сгруппированные вокруг идеи или личности главного героя, в нашу эпоху и, охватывая современную жизнь во всех ее направлениях, нацелен в будущее».¹⁸ Позже он писал, что «роман оставался в течение всего этого века любимцем широкой публики».¹⁹

Остальные прозаические жанры представлялись как бы подчиненными роману, младшими в иерархии прозы. Готшалль считал, что «новелла относится к роману, как стихотворная повесть к эпосу».²⁰ Сближение романа с меньшими повествовательными формами производилось в литературной науке вплоть до нашего времени. Особенно заметно родство романа и повести в русской литературе, где границы между прозаическими жанрами традиционно зыбки.²¹ Но во второй половине прошлого века роману отдавалось явное предпочтение критики.²²

Роман о современности выделился в немецкой литературе в особую разновидность жанра, которую можно определить как роман на общественную тему. От такого романа требовалось прежде всего изображение эпохи, перипетий современной общественной жизни и более или менее глубокое проникновение в причины событий. Эти требования и были осмыслены как принципы реалистического искусства. Роман настолько прочно соединился

---

¹⁶ См.: Шиллер Ф. П. Генрих Гейне. М., 1962, с. 128—134.

¹⁷ См. о нем: Тураев С. В. Георг Веерт и немецкая литература революции 1848 г. М., 1963, с. 38—40.

¹⁸ *Gottschall R. von. Poetik*. 4 Aufl., Breslau, 1877, Bd 2, S. 164 (1. Aufl. 1858).

¹⁹ *Gottschall R. von. Studien zur neuen deutschen Literatur*. Berlin, 1892, S. 140.

²⁰ *Gottschall R. von. Poetik*, Bd 2, S. 171.

²¹ См.: Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973; см. также: Шубин Э. А. О национальном своеобразии русского рассказа. — В кн.: Русский советский рассказ. Очерки истории жанра. Л., 1970, с. 5—43. — Ср. у А. Н. Веселовского: «... иная новелла — как будто роман, тогда как другому роману лучше бы назваться новеллой, повестью» (*Веселовский А. Н. Избр. статьи*. Л., 1939, с. 20).

²² «В XVIII и XIX столетиях... роман становится почти общественной силой, любимой литературной формой, грозящей заслонить собою все остальные, отвечающей на все вопросы времени...» (*Веселовский А. Н. Избр. статьи*, с. 14). О романе как жанре, наиболее приспособленном для отражения общественной жизни, см. также: *Mielke H., Homann H. J. Der deutsche Roman des 19. und 20. Jhs.*, 5 Aufl. Dresden, 1920.

в сознании нескольких поколений с представлением об эпическом, всестороннем отображении жизненных явлений, что даже и сегодня мы подчас отождествляем жанр и метод, роман и реализм, когда касаемся литературы XIX в. или даже романа более ранних периодов.²³

Тип романа о современности исследователи считают наиболее показательным для немецкой литературы едва ли не всего XIX в. Правда, списки авторов таких романов подчас слишком обширны — туда включают почти всех романистов от Гудкова до Фонтане.²⁴ Но как раз из этого и видно, что роман о современности стал стержнем реалистического направления: список авторов в общем совпадает с составом немецких писателей-реалистов.²⁵ Читатели XIX в. воспринимали *Zeitroman* сходным образом. Подчеркиваем — немецкий роман, который считался значительно менее оригинальным, чем роман французов или русский роман. Во вступлении к переводу лекций Ф. Крейссига о немецком романе, помещенному в московском либеральном журнале «Беседа», говорилось: «Не удовлетворяясь узкой рамкой местных интересов или мелочами домашнего быта, немецкий роман затронул те вопросы, которые тревожат умы всех народностей без различия, и в лице своих лучших представителей явился защитником прав личности, свободы совести и свободы от гнета устаревших форм воспитания».²⁶ Далее шла речь о Б. Ауэрбахе, Ф. Шпильгагене и «их товарищах».

Немецкий роман ценился, как видим, прежде всего за современность проблематики, пусть даже эти проблемы носили в сущности самый общий буржуазный реформаторский характер. Через десять лет «Вестник Европы» повторил похвалы немецкому роману — непосредственно уже в связи со Шпильгагеном: «(. . .) роман отомстил за (. . .) пренебрежение, широкою волною разлившись по всем современным литературам, поглощая и подчиняя себе почти все остальные формы так называемой изящной словесности, захватывая жизнь современного человечества в самых разнообразных ее проявлениях». И дальше: «. . . роман имеет такое важное значение потому, что никакая иная литературная (или вообще художественная) форма не представляет такого удобного и целесообразного средства для популярного

---

²³ Жанр романа потеснил другие литературные категории, в том числе и понятие литературного направления в обстоятельном труде В. В. Кожина «Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк» (М., 1963).

²⁴ См.: *Hasubek P.* Der *Zeitroman*. Ein Romantypus des 19. Jhs. — *Zeitschr. für deutsche Philologie*, 1968, Bd 87, H. 2. S. 218—245; *Wortmann J.* Probleme des *Zeitromans*. Studien zur Geschichte des deutschen Romans im 19. Jh. Heidelberg, 1974.

²⁵ См.: *Чегверикова Н. И.* О характере развития реалистического романа в немецкой литературе середины XIX в. — В кн.: Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков. Воронеж, 1973. с. 208—214.

²⁶ Беседа, 1871, кн. 3, с. 299.

выражения духовных интересов и потребностей современного человечества».²⁷

Посвященные немецким романистам страницы большого обзорного труда П. Боборыкина «Европейский роман в XIX столетии» стали апофеозом немецкого романа. Писатель сознавал, что романисты Германии наследовали опыт соседних литератур, но именно немецкий роман с его описательностью и духом либерализма был близок позитивистским взглядам русского автора. И для Боборыкина роман — «самый близкий к жизни вид литературного творчества»²⁸ и жанр, тесно связанный с реализмом.

Из этих отзывов видно, каким вниманием пользовался в России немецкий роман второй половины века именно как *Zeitroman*. Но при этом актуальность его была несколько иного рода, чем злободневное звучание «Отцов и детей» или «Анны Карениной». Она была более декларативной и поверхностной, выражаясь чаще в либеральной фразе, чем в действительном анализе характеров и обстоятельств, хотя элементы такого анализа в немецком романе встречались нередко. Это был подлинно *буржуазный* реализм, как его определяли в свое время.²⁹ Он не подвергал сомнению основ общества, которые казались немецким литераторам до франко-прусской войны еще незыблемыми и вечными. Однако «буржуазность» не исчерпывала содержания немецкого реализма — это доказывает история его восприятия в современной ему России.

Из эпохи революционного кризиса 40-х гг. немецкий реализм вынес лозунг правдивого изображения жизни. Но поражение буржуазно-демократической революции, идейный разброд и непоследовательность действий участвовавших в ней сил, разобщенность и слабая организованность трудящихся — как рабочих, так и крестьянства, свойственная немецкой буржуазии трусость и склонность к компромиссу с дворянско-монархической реакцией³⁰ оказали влияние на идейную сторону немецкой культуры, вызвав в конечном счете непоследовательность и ограниченность литературного реализма, размытость его идейных и стилистических принципов.

---

²⁷ Морозов П. О. Шпильгаген и его теория романа. — Вестник Европы, 1883, кн. 4, с. 645.

²⁸ См.: Боборыкин П. Д. Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века. СПб., 1900, с. 6 и сл. — Почти теми же словами характеризовал роман через полвека немецкий исследователь реализма Эрих Ауэрбах в своей книге «Мимесис» (см. русский перевод: М., 1976, с. 484—485; первое немецкое изд. — 1946 г.).

²⁹ См.: Шиллер Ф. Заметки о немецких реалистах XIX в. — В кн.: Из истории реализма XIX в. на Западе. М., 1934, с. 248—294.

³⁰ «Но едва лишь европейская реакция одержала победу, как прусская буржуазия поползла к ногам Мантёйфеля (прусского министра внутренних дел и министра-президента, — Р. Д.), отвечая на каждый удар его плетки исполненным благодарности вилянием хвоста <...> Под предлогом защиты буржуазного общества от пролетариата это общество вновь подчинили господству феодализма» (Энгельс Ф. «Кризис» в Пруссии. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 288).

С высоты нашего столетия, после книг Л. Толстого, Т. Манна, Хемингуэя или Шолохова нетрудно заметить недостатки Т. Шторма, Шпильгагена или Фонтане. «Ни у одного из писателей между 1840 и 1890 годом — от Иеремии Готхельфа до Теодора Фонтане — мы не найдем в развитом и синтезированном виде главных черт французского, иными словами складывающегося европейского реализма, т. е. серьезного изображения современной повседневной социальной действительности на основе исторической динамики...»³¹ Но немецкий реализм сам в свою очередь нуждается в историческом подходе. Для современников он выглядел иначе, чем представляется потомкам. Это необходимо принимать во внимание при его историко-литературной оценке — ведь Гудцов и другие работали для современников в первую очередь, в том и состоял пафос их тенденциозности.

С точки зрения Р. Готшалля, изображение человека «как он есть» («wie er geht und steht») тождественно прозе вообще. «Популярный сочинитель деревенских рассказов, — писал не без иронии этот критик, подразумевая, очевидно, Б. Ауэрбаха или И. Готхельфа, — пресерьезно относится к каждому столику в сельском трактире, к каждой срубе, висящей на гвозде в конюшне...»³² Как ни посмеивался Готшалль над «безыдейностью» описаний, именно эти намеренно бесхитростные описания быта, окружавшего тогдашнего читателя, и создавали впечатление, что человек изображен в этой литературе действительно «как он есть».

Смысл реализма состоял, конечно, не в одной описательности, и это понимала критика рассматриваемой эпохи. Сотрудник «Revue des deux Mondes» Сен-Рене Тайандье, друг Гейне и знаток немецкой литературы, увидел в повестях Б. Ауэрбаха подлинное открытие немецкого народного характера, «отрывки домашней эпопеи новейшего общества», созданные впервые после смерти Гете.³³ Пример романов Э. Золя убеждал: талантливое описание, даже в его натуралистических крайностях, рождало идеи, помогало пониманию эпохи. Защищая метод достоверного изображения эпохи, немецкая критика стала со временем ссылаться и на русскую литературу. Ранние немецкие литераторы-натуралисты братья Г. и Ю. Харт обратились в своих «Критических походах» к примеру Гоголя: «Когда Гоголь в „Ревизоре“ и „Мертвых душах“ обрисовал мрачные и ужасающие социальные уродства России такими, какими он их видел перед собой, критика насмешливо и злобно заклемила как отступника того, в чьем искусстве громко вопияла сама действительность, чуждая

---

³¹ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976, с. 509.

³² Gottschall R. von. Poetik, Bd 1, S. 67—68.

³³ См.: Заграничные известия. — Современник, 1857, т. 68, № 5, отд. XIV, с. 104; подлинник: Saint-René Taillandier. Le roman de la vie domestique en Allemagne. — Revue des deux Mondes, 1857, t. 8, p. 35—65.

примирения, гармонии, проясненности».³⁴ Более глубокой была оценка современного реализма в заметках Т. Фонтане конца 80-х гг. Полемизируя с натуралистами, он писал, что «обычные Амур и Психея, обычная детская, обычные кегельбан или пивная, обычный ландшафт Тюрингии, обычный морской пейзаж, обычная картина сражения не имеют никакой цены, они обретают ее только когда появляется в них *новый элемент* <..> что-то *новое*, новый подход к форме и содержанию, расширение или углубление смысла».³⁵

Немецкая литературная мысль пришла к заключению, что описание подымается до степени реализма лишь при условии, если оно одухотворено идеей, в сущности — авторским отношением к изображаемому. Наблюдение это не было абсолютно новым: по-своему за идейность литературы боролись Лессинг, Гете и Шиллер, отражения в прозе «полноты миро- и жизнесоцерзания» требовал Гегель в лекциях по эстетике.³⁶ Над сложностью понятия содержания размышляли Маркс и Энгельс, великие современники и соотечественники Фонтане.³⁷ Но осознание принципов реализма приходило заново на основе нового литературного материала, нового опыта отечественной и мировой литературы. Углублялось понятие истины изображения; она уже не нуждалась в прояснении, освобождении от «низкого» материала жизни и не вносилась в этот материал извне; она обнаруживала себя в самой жизни, хотя диалектика отражения действительности в искусстве ждала дальнейшей теоретической разработки. Во всех приведенных мнениях не забывался закон реалистической литературы — ее принципиальная обращенность к действительности как к первоисточнику,³⁸ к конкретным явлениям жизни.

3

Вопрос об эстетических особенностях и исторических пределах литературных направлений всегда в известной степени остается спорным. Главная причина этого, как представляется, — сам литературный процесс, который, не дожидаясь приговора

---

³⁴ Творчество Гоголя истолковано односторонне, но показательное направление этого истолкования. См.: *Hart H., Hart J. Kritische Waffengänge. Leipzig, 1882, Н. 2, S. 47.*

³⁵ *Fontane Th. Aufzeichnungen zur Literatur. Ungedrucktes und Unbekanntes. Berlin; Weimar, 1969, S. 172.*

³⁶ См.: *Гегель. Соч. М., 1958, т. 14, с. 274* (лекции читаны в 1820-х гг.).

³⁷ См. письма Ф. Энгельса — к Ф. Лассалю от 18 мая 1859 г. о драме Лассалья «Франц фон Зиккинген» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-о, т. 29, с. 490—495*), к М. Каутской и М. Гаркнесс 1880-х годов (там же, т. 36, с. 331—334; т. 37, с. 35—37), рецензию Маркса и Энгельса на книги А. Шенго и Л. Делаода (там же, т. 7, с. 280—281). См. также: *Фридлиндер Г. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. М., 1962, с. 204—270.*

³⁸ «Реализм в принципе заменил дедукцию наблюдением, типовое — индивидуальным» (*Гинабург Л. Я. О психологической прозе, с. 377*).

исследователей, соединяет писателей в одном отношении и разъединяет в другом, рождает сходство между литературами разных стран и времен и проводит заметную границу между современниками, и даже духовно близкими, в одной литературе. В теоретических заключениях о борьбе и смене литературных направлений всегда необходима поправка на движение, диалектику литературы.

Наиболее сложна для историко-литературного анализа, очевидно, эпоха XIX и XX вв., когда осознанной целью передовой литературы стало аутентичное, непосредственное изображение общества и человека в его социальных связях. Особенно остра необходимость теоретического самопознания в современной литературе социалистической эпохи, но и трудность анализа литературы возрастает. Мы наблюдаем нашу литературу как бы изнутри, из ее круга, и не можем не переносить наш опыт на пройденные стадии литературного развития и на литературы других стран.

«История литературы, — считал Н. Я. Берковский, — знает не только измерение времени от начала к дальнейшему и к концу, она умеет применяться и к другому ходу, очень поучительному, в направлении обратном от развязки к завязке, от конца к началу и даже к началу начала».¹ Однако в таких ретроспективных пересмотрах — при всей свежести исследовательского взгляда — кроется опасность переосмысления, невольного осовременивания прежних литературных явлений. Напомним, как в свое время французский классицизм переосмыслял античность, как романтики видели «романтизм» в средних веках, а преромантизм нашел свои истоки у Оссиана. Менее заметно, но потому и требует осторожности, смещение акцентов при современном изучении реализма XIX в., направления широкого и близкого нам и по времени и по принципам.

После смерти Гейне и до зрелых романов Фонтане, т. е. между 50-ми и 70-ми гг., немецкая литература по сравнению с ведущими литературами Европы — английской, русской, французской, наконец, даже и швейцарской (если строже соблюдать границы национальных культур) — оставалась довольно провинциальной, следовавшей преимущественно за чужими достижениями. Это был упадок по сравнению с соседними литературами. Но в то же время для немецкой литературы это был этап по-своему закономерный, во всяком случае исторически объяснимый как с точки зрения политико-экономического состояния Германии, так и поисками собственного пути, необходимостью переработки накопленного опыта. Новый подъем немецкой литературы произошел, как известно, в конце XIX и начале нашего века вместе с ростом сознания рабочего класса, с новым обострением обще-

---

¹ Берковский Н. Я. Проблемы реализма в западноевропейской литературе. — В кн.: Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Сборник научных трудов. Л., 1977, вып. 3, с. 8.

ственной борьбы в стране и за ее пределами.² Поэтому указывать на провинциальность, ограниченность и подражательность немецкого реализма еще не значит дать ему полную и точную характеристику.

Отказывая немецкой литературе второй половины XIX в. в подлинном реализме, исследователи вместе с тем расширяют подчас само понятие реализма до такой степени, что ему начинает грозить утрата ясного содержания. Еще Р. Готшалль отождествил реализм с правдивостью изображения, и у него получилось, что и Гомер был реалистом.³ Реализм рассматривается как метод, а не как направление, имеющее свои исторические и национальные контуры, в «Мимесисе» Э. Ауэрбаха.⁴ Термин «реализм» имеет ныне по меньшей мере два значения в применении к истории литературы: это — реалистические тенденции, или элементы реализма, в литературах разных эпох, в том числе и значительно отдаленных, и это — литературные направления, более или менее четко оформленные, принадлежащие новому и новейшему времени.⁵ Между ними существует, очевидно, историческая преемственность, однако все же это качественно различные явления. И сущность их выявляется тогда, когда мы занимаемся ими исходя не только из современного представления о реализме, но принимая во внимание «самоопределение» реалистических направлений и течений прошлого, исторически-конкретную роль их в литературе. Только конкретный анализ может показать взаимоотношения между методом и направлением.

После 1848 г. литературная мысль работала в Германии очень интенсивно. Реализм осознавался как новый этап литературы. Над его теорией работал не один молодой Т. Фонтане, но и его старшие современники Ф. Т. Фишер и О. Людвиг, много писал о реализме влиятельный критик Юлиан Шмидт.⁶ Однако подлинным первооткрывателем реализма как направления в немецкой литературе XIX в. стал Бертольд Ауэрбах.

«Шварцвальдские деревенские рассказы» («Schwarzwälder Dorfgeschichten») Ауэрбаха ввели в немецкую литературу тему народа, крестьянства. Появление в 1848 г. их первого издания явилось как бы литературным ответом на требование революционной эпохи. И одновременно это было настолько непривыч-

---

² Этот подъем немецкой литературы, начавшийся с 1880-х гг., хорошо показан В. Г. Адмони в его книге «Поэтика и действительность» (Л., 1975), хотя автор с неоправданной резкостью противопоставил немецкий натурализм предшествующему «эпигонскому» периоду.

³ См.: *Gottschall R. von. Poetik*, Bd 1, S. 122.

⁴ См.: *Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе*. М. 1976, с. 441 и сл. — Подобное мнение высказал в свое время Д. Лукач в книге «К истории реализма» (М., 1939).

⁵ См.: *Лизачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы*. Изд. 3-е, дополн. М., 1979, с. 129 и сл.

⁶ Историю реалистического направления в немецкой литературе см. в монографии: *Martini F. Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus 1848—1898*. Stuttgart, 1962.

ным для немецкой литературы, что Р. Готшалль спустя много лет все еще недоумевал, как в крестьянских историях этого автора могли отсутствовать такие признаки жанра идиллии как «мир, счастье, аркадское освещение сложных конфликтов».⁷ То, что впоследствии, особенно русским читателям, казалось сентиментальным приукрашиванием крестьянской жизни, в середине века почти не было замечено. В глаза бросались новизна темы и демократизм авторской позиции.

В европейской литературе, обратившейся к теме трудящихся масс, с новой решительностью заявивших о себе в 30—40-х гг. (произведения Ж. Санд, Бальзака, К. Иммермана, Тургенева), рассказы Ауэрбаха стали очень заметным явлением. «Ауэрбах вызвал целую школу новеллистов, которые обратились с сочувствием к народу и принялись изучать хорошие и дурные стороны его быта, его нужды, желания и надежды, его радости и печали,» — писал М. Л. Михайлов в «Современнике» 1861 г. Он обратил внимание читателей на «почти безукоризненную художественную красоту его рассказов и повестей и вместе с тем чрезвычайную верность его изображений».⁸ Ранее Михайлов поместил в том же издании переводы трех небольших рассказов Ауэрбаха из его народного календаря.

Сообщение М. Михайлова о встрече с Ауэрбахом и характеристика «свежего народного направления» его произведений были одними из первых откликов на творчество Ауэрбаха в русской печати.⁹ Еще в 1857 г., ссылаясь на мнение Тайандье, «Современник» отметил новаторство Ауэрбаха, который «решился узнать Германию, нравы народа, и чтобы покончить раз навсегда с гостиными, отправился изучать крестьян Черного Леса».¹⁰ Писатель, как говорилось там же, пришел в литературу со «страстною любовью к истине», т. е. как реалист.

Продолжающая «деревенские рассказы» большая повесть Ауэрбаха «Босоножка» («Barfüßele», 1856) и рассказ «Мачеха» («Die Stiefmutter», 1857) были с большим сочувствием встречены Д. И. Писаревым в юношеском журнале «Рассвет». Кри-

⁷ См.: *Gottschall R. von. Poetik*, Bd 2, S. 167.

⁸ *Михайлов М.* Из Берлина. — *Современник*, 1861, т. 87, № 5, отд. II, с. 211. — Переводы из Ауэрбаха см. в обзоре М. Л. Михайлова «Иностранная литература» (там же, № 4, отд. II, с. 287—322). — О знакомстве Михайлова с Ауэрбахом см. примечания Ю. Д. Левина в кн.: *Неизданные письма иностранных писателей из ленинградских рукописных собраний*. М.—Л., 1960, с. 305—312.

⁹ См.: *Мушина И. В.* Ауэрбах в русской критике. — Уч. зап. Удмуртского педагогич. инст. Ижевск, 1969, вып. 20. Вопросы русской и удмуртской литературы, с. 219—241.

¹⁰ *Современник*, 1857, т. 68, № 5, отд. XIV, с. 105. — Странники реализма узнали в Б. Ауэрбахе «своего»; отвергая «похлебку толпе», собственное немецкой обывательской беллетристике, В. Водовозов писал: «Более сочувствия нашего возбуждают романисты, каковы Ауэрбах, Фрейтаг, принадлежащие к прекращенной школе тех писателей, которую у нас чтут названием натуральной...» (Библиотека для чтения, 1857, т. 141, отд. VII, с. 4).

тик был привлечен к этим произведениям их правдивостью: «Личности, которые Ауэрбах выводит в своих рассказах, отличаются типичностью: на них лежит неизгладимый отпечаток их национальности; их взгляд на жизнь, их поступки, их речи, все внешние формы, в которых проявляются их личные свойства, обуславливаются их общественным положением и прямо выходят из народного характера». Наряду с верным социальным анализом Писарев подметил «свежую художественность» манеры Ауэрбаха, интересной не только бытописанием, но и более глубоким реализмом, передающим психологические черты современного человека («Мы видим живого человека в соприкосновении с действительной, вседневной жизнью...»). Правдивость Ауэрбаха критик считал важной для юных читателей с педагогической точки зрения. Этими достоинствами искупались все слабости произведений немецкого писателя, не оставшиеся незамеченными Писаревым, — сентиментальность, неумение передавать «сильные движения» души и т. п.¹¹ Не экзотика немецкой крестьянской жизни, а ее привычные, характерные и для России детали и проблемы подкупали русских современников. Мир Ауэрбаха — это «мир самой обыкновенной действительности»,¹² неизвестной прежней немецкой литературе, как отметил переводчик и педагог В. И. Водовозов.

Но в оценках, которые давала Ауэрбаху русская печать, сразу намечались расхождения. Тогда еще либеральные «Отечественные записки» признали за его повестями значение крупного литературного события, однако, по мнению автора большой статьи об Ауэрбахе, изучение деревенского быта привело писателя к выводу, что «мир прекрасен; жизнь хороша» и остается лишь учить народ нравственности, что Ауэрбах якобы и поставил своей главной целью. Русский критик рекомендовал ему вообще переменить тему, оставить «рассказы из простого быта» и заняться изображением тех классов, которые «окончательно направляют судьбы мира»,¹³ т. е. обратиться к буржуазному роману, — это Ауэрбах, собственно, в определенной мере исполнил позже в небезызвестной «Даче на Рейне» («Das Landhaus am Rhein», 1869).

«Сила Ауэрбаха в его задушевности, сердечности, теплоте и гуманности», — писал в журнале «Дело» Николай Шелгунов.¹⁴ Но он этим не удовлетворялся. Революционер-демократ стремился определить общественную позицию создателя деревенских рассказов. Критика сельских порядков казалась ему у Ауэрбаха

¹¹ Писарев Д. И. Полн. собр. соч. в 6-ти т. 3-е изд., СПб., 1900, т. 1, стлб. 37—41, 93—100. — Перевод «Босоножки»: Библиотека для чтения, 1858, № 1, 2; перевод «Мачехи»: Русский вестник, 1858, № 11, прилож.

¹² Библиотека для чтения, 1857, т. 143, отд. VII, с. 88.

¹³ См.: Ауэрбах и его романы. — Отечественные записки, 1858, т. 116, кн. 2, отд. V, с. 132—151.

¹⁴ См.: Радюкин Н. (Шелгунов Н. В.) Новые мотивы немецкого романа. — Дело, 1874, № 5, 2-я пагинация, с. 44.

слишком слабой, а защита патриархальных прав шварцвальдской деревни, которые рушатся под натиском буржуазного города и государства, представлялась ошибочной. «Ауэрбах клеймит владетельного крестьянина, — заявлял Шелгунов, имея в виду повесть «Босоножка» и рассказы из первого сборника «Шварцвальдских деревенских рассказов», — не за то, что он владетельный, а за то, что он потерял свою простую душу...».¹⁵ Но и этому критику изображенная Ауэрбахом сельская жизнь казалась точным воспроизведением природы, а герои писателя — «простыми фотографическими копиями людей, населяющих шварцвальдские деревни».¹⁶

Примечательно, что русская критика почти не задерживалась на особенностях жанра, избранного Ауэрбахом.¹⁷ Его рассказы рассматривались в одном ряду с романами, а продолжателями его реалистической «линии» в немецкой литературе называли О. Людвиг, Г. Фрейтага, швейцарца Г. Келлера,¹⁸ писателей, известных как романисты. Михаил Михайлов писал в своей заметке об Ауэрбахе: «<...> пора перестать повторять, как мы это еще делаем сплошь, по старой памяти, что у немцев нет теперь ни одного романиста, ни одного нувеллиста, которых стоило бы читать».¹⁹ Прежде всего замечали новизну художественного метода и стиля. Это соответствовало представлениям эпохи: реализм отождествляли с понятиями прозы и романа, повесть и новеллу считали уменьшенными вариантами той же «современной буржуазной эпопеи».²⁰

Реалистический роман в Западной Европе действительно рождался как жанр из повести и новеллы — если не целиком (влияние на этот процесс «Вильгельма Мейстера» Гете, английского просветительского и исторического романа бесспорно), то в очень большой степени. Швейцарский реализм как направление закладывался именно в малых прозаических жанрах (Г. Цшюкке, Р. Тёпфер).²¹ Немецкий реализм с его вниманием к деталям быта и душевной жизни был обязан своим появлением не в последнюю очередь новеллам Гофмана и Генриха Клейста, очеркам Гейне. Для русской литературы также отмечалась важность очерка и повести в формировании принципов натуральной школы.²² От малых жанров шли к своим романам Го-

¹⁵ Там же, с. 46—47.

¹⁶ Там же, с. 47.

¹⁷ Вопросы жанра рассмотрены в кандидатской диссертации И. Б. Мушиной «Творческий путь Б. Ауэрбаха» (Л., 1973).

¹⁸ Имеется в виду прежде всего воспитательный реалистический роман Г. Келлера «Зеленый Генрих» («Der grüne Heinrich») (1855; 2-е изд. 1880).

¹⁹ Современник, 1861, т. 87, № 5, отд. II, с. 211—212.

²⁰ В «Лекциях по эстетике» (см.: Гегель. Соч., т. 14, с. 273).

²¹ См. мою работу «Швейцарская повесть в русской литературе» (в кн.: От романтизма к реализму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1978, с. 237—279).

²² См.: Цейлин А. Г. Становление реализма в русской литературе. (Русский физиологический очерк). М., 1965.

голь, Тургенев, Л. Толстой. В рассказах Ауэрбаха угадывались возможности реалистического эпоса.

Тургенев и Толстой, современники Ауэрбаха, были его внимательными читателями. В дневнике Толстого 1850-х годов есть несколько записей о чтении произведений немецкого писателя. Первый же из рассказов Ауэрбаха — «Бирюк» («Der Tolpatsch»), которым открывался сборник «Шварцвальдских деревенских рассказов», Толстой нашел «чудесным».²³ Мотивы провинциальной немецкой жизни, беззащитности наивного и простодушного человека из народа перед непонятными для него и жестокими внешними силами, печальный юмор, столь свойственный немецким писателям-«областникам», переплелись в историю Карла Иваныча в «Отрочестве» Толстого, вероятно, не без содействия рассказов Ауэрбаха. Во всяком случае Ауэрбах способствовал воспитанию в молодом Толстом интереса и уважения к крестьянству — так считал сам русский писатель, встречавшийся с Ауэрбахом и обращавшийся к его книгам в разное время с неизменным вниманием.²⁴

Что касается сходства методов Толстого и Ауэрбаха, то, при всей несоизмеримости талантов обоих писателей, нельзя не заметить, что современники нашли у Ауэрбаха ту почти предельную правдивость, которую мы привыкли связывать с именем Толстого. Само сочетание темы народа с требованиями психологической и социальной истинности было характерным сначала для Ауэрбаха, потом и для Толстого. И еще: толстовский прием изображения движения человеческой души изнутри, возникнув из русской литературной традиции (Пушкин, Лермонтов), был родственен, параллелен попыткам Ауэрбаха показать богатство оттенков чувства и мысли самого обыкновенного, «нелитературного» сельского жителя. Правда, Толстой пошел дальше узко-социальной типизации своих героев («герой Толстого — больше, чем характер»),²⁵ и в этом отношении метод Ауэрбаха принадлежал реализму дотолстовского типа, однако отметил же Д. Писарев «свежую художественность» ауэрбаховских характеров!

Общине Тургенева с Ауэрбахом длилось с перерывами четверть века, с 1847 по 1873 г., и сопоставление творчества этих

²³ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47, с. 104.

²⁴ Лев Толстой познакомился с Ауэрбахом в Берлине в 1861 г. и старался помочь ему напечататься в «Современнике»; сочинения немецкого писателя появились в библиотеке Толстого с 1857 г., в 1904 г. он читает роман Ауэрбаха «Спиноза» (см. комментарий Ю. Д. Левина к письму Б. Ауэрбаха в кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.—Л., 1960, с. 307—309; см. также: Майданова Т. А. Л. Н. Толстой и Бертольд Ауэрбах. По материалам Яснополянской библиотеки). — В кн.: Яснополянский сборник. 1976. Тула, 1976, с. 186—190. О связях «Отрочества» с немецко-швейцарской литературной традицией см. в моей статье «Швейцарская повесть в русской литературе» (с. 277—278).

²⁵ Гинабург Л. Я. О психологической прозе. Изд. 2-е. Л., 1977, с. 317. См. также: Храпченко М. В. Лев Толстой как художник. М., 1965, с. 433 и сл. (глава 11: «Предшественники и современники»).

авторов напрашивается само собой. В открытии крестьянской темы в 40-х гг., в утверждении реализма и в разработке жанра рассказа-очерка писатели действовали параллельно, и сходство это было давно замечено.

Откликаясь на выход в свет «Повестей и деревенских рассказов» Ауэрбаха в переводе Л. П. Шелгуновой (1871), рецензент некрасовских «Отечественных записок» сравнил эти рассказы с «Записками охотника». Заметим, что это было сделано не в похвалу Тургеневу. Критик не одобрил того, что «г. Тургенев представляет вам нравы народа не в обыденной их действительности, а выбирает из них непременно экстраординарные явления, чем-нибудь особенно сильно поражающие вас и бьющие по нервам». У Ауэрбаха другой недостаток: «На каждой странице перед вами усладительные картины нежной любви дебелих Каспаров и пленительных Атрей». ²⁶ По сути дела рецензия требовала изображения-описания, а не изображения-анализа. Позиция рецензента оказалась архаичнее, чем то, что давал метод Тургенева и даже Ауэрбаха. Вместе с тем критик настаивал на невозможном — на прямом отображении народных движений, «картин, рисующих народ во всех трагических столкновениях великой исторической борьбы его за существование». ²⁷ Это требование, отражавшее споры внутри редакции журнала, в общем не одобрявшей с позиций революционной демократии политического либерализма Тургенева, было к Тургеневу-художнику, конечно, неприменимо, не говоря уже об Ауэрбахе. При этом реализм обоих писателей рецензент трактовал суммарно и упрощенно.

Тем не менее журнал отметил заслуги «школы литературы народных нравов», к которой, кроме Тургенева и Ауэрбаха, были отнесены Ж. Санд и ранний Гоголь: «Одним словом, эта школа впервые показала нам, что драматические коллизии заключаются не в одних только титанических жизненных столкновениях, в которых жизнь, так сказать, напрягает все свои силы, но в самой обыденной будничной канители разыгрываются ежедневно потрясающие трагедии, героями которых является та самая пестрая толпа слуг, факельщиков, могильщиков, воинов, которая в старинных трагедиях стояла на заднем плане, прислуживая главным героям и удивляясь их величию». ²⁸

Русская печать 70-х гг. заметно колебалась в оценке крестьянской темы у Ауэрбаха: разницу в подходе к народной жизни при сравнении «Шварцвальдских деревенских рассказов» с произведениями Тургенева и Григоровича, с поэзией Некрасова трудно было не заметить. Об этом писал рецензент «Вестника Европы» в 1871 г. ²⁹ Н. Шелгунов сделал вывод, что Ауэрбах —

²⁶ Имеется в виду Амрей, героиня повести «Босоножка».

²⁷ См.: Отечественные записки, 1871, т. 197, № 8, с. 250—254 (автор рецензии, возможно, Н. С. Курочкин).

²⁸ Там же, с. 251.

²⁹ См.: Вестник Европы, 1871, кн. 7, с. 465 (отзыв о том же издании рассказов Ауэрбаха в переводе Л. П. Шелгуновой).

«маленький задушевный талант». ³⁰ Критик К. Арсеньев из «Вестника Европы» утверждал позднее, что Ауэрбах «лучше умеет намечать впечатления, производимые картинами природы, чем рисовать самые картины, значительно уступая в этом отношении, например, Тургеневу». ³¹ Одновременно либеральная критика продолжала напоминать читателям о том, что автор деревенских рассказов «первый заглянул в душу немецкому мужику», настаивала на полной правдивости нарисованных Ауэрбахом картин народных нравов. ³² Для 80-х гг. такие утверждения звучали уже натяжкой. Падение популярности Ауэрбаха в России конца века приходилось признавать всем критикам.

В настоящее время в характерах ауэрбаховских крестьян видят следы романтической идеализации народа, влияние жанра идиллии, развитого в немецкоязычных литературах. Сравнение с Ауэрбахом и Ж. Сапд помогает выявить новаторские черты «Записок охотника», национальные особенности русского реализма в целом. ³³ Но роль Ауэрбаха заключалась не в том, чтобы оттенять Тургенева. Предисловие к роману Ауэрбаха «Дача на Рейне», написанное специально для русского перевода романа, помещенного в «Вестнике Европы» за 1868 г., содержало современную оценку творчества писателя. Как ныне установлено, предисловие было составлено Людвигом Пичем, находившимся в дружеских отношениях с Ауэрбахом и с Тургеневым. Последний и способствовал появлению русского перевода романа и предисловия к нему. Тургенев перевел немецкий текст предисловия, отредактировал его и поставил под ним свое имя. ³⁴ Предисловие, несмотря на комплиментарный характер, должно было передавать впечатление современников, и Тургенева в том числе (последнее подтверждается тщательно отделанным стилем перевода), полученное от всего творчества Ауэрбаха, и в свою очередь влиять на восприятие романа в России.

«Ауэрбах не сочинял идиллий, — говорилось в предисловии, — он погрузился всецело в народную „суть“». Писатель нашел в немецкой деревне «простые человеческие отношения, целые, ненадломленные характеры, односторонне твердые нравственные убеждения и, как фон для всей картины, ту несравненную и величественную и приветную природу Шварцвальда,

---

³⁰ Радюкин Н. <Шелгунов Н. В.> Новые мотивы немецкого романа, с. 49.

³¹ Z. Z. <Арсеньев К. К.>. Современный роман в его представителях. III. Бертольд Ауэрбах. — Вестник Европы, 1978, кн. 10, с. 688.

³² См., например, некролог писателя в журнале В. Корша «Заграничный вестник» (1882, т. 2, Библиография, с. 82—84). См. также: Боборыкин П. Д. Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века. СПб., 1900, с. 352—353.

³³ См.: Фридлендер Г. М. Поэтика русского реализма. Л., 1971, с. 162.

³⁴ См.: Левин Ю. Д. О предисловии к русскому изданию романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне». — В кн.: Тургеневский сборник. Л., 1968, IV, с. 167—177. — Немецкий текст, переписанный рукой Тургенева, опубликован Г. Цигенгайстом: I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Berlin, 1965, Bd 1, S. 70—75.

которую всю как бы насквозь пронизывает крепительной свежестью сосновых лесов и горных вершин».³⁵

Оценка деревенских рассказов Ауэрбаха заняла в предисловии центральное место, и лишь очень осторожно там указывалось на некоторую рассудочность и сентиментальность ауэрбаховского стиля — «ахиллесову пятку» дарования писателя.³⁶ В этой терпимости к недостатку Ауэрбаха сказалось отношение именно Тургенева, так как в немецком подлиннике о «местами преобладающем сентиментальном элементе»³⁷ говорилось много резче.

Со своей стороны, Ауэрбах, присматриваясь к творчеству Тургенева, отстаивал свою склонность к авторским пояснениям, к благополучному по возможности разрешению конфликтов, к гармонии «прекрасного» в сюжете и слоге. По его мнению, русскому писателю недоставало этой гармоничности, его реализм оставался «жестким» (*herb*), как Ауэрбах выразился в рецензии на роман «Новь».³⁸ Он и сам бывал по временам «жестким» реалистом, передавая суровость крестьянского быта и трагическую сложность имущественных отношений в немецкой деревне, — в тех же произведениях «Бирюк» и «Босоножка»,³⁹ в рассказе «Фефеле, дочь деревенского богача» («*Des Schloßbauers Vefele*», 1848) в большой повести «Иосиф в снегу» («*Joseph im Schnee*», 1861).

Мы знаем, что в читательском представлении о стиле Тургенева на передний план выдвинулись постепенно поэтические, «музыкальные» черты,⁴⁰ а правдивость Ауэрбаха была скоро преувойдена уже его ближайшими последователями⁴¹ и позднее —

³⁵ Вестник Европы, 1868, кн. 9, с. 6.

³⁶ См.: там же, с. 10.

³⁷ См.: I. S. Turgenev und Deutschland, Bd 1, S. 74.

³⁸ В приложении к «*Augsburger Allgemeine Zeitung*» (1877, 96, 6 April, S. 1449—1451) (цит. по изд.: I. S. Turgenev und Deutschland, Bd 1, S. 56).

³⁹ Тургенев пытался поместить перевод «Босоножки» в «Современнике», но натолкнулся на противодействие Чернышевского, которому произведения Ауэрбаха не понравились; спор Чернышевского с Тургеневым по поводу Ауэрбаха явился одним из эпизодов идейного расхождения Тургенева с редакцией журнала (см.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 731—732).

⁴⁰ «Проза, созданная рукою поэта» (*Чичерин А. В.* Тургенев, его стиль. — В кн.: *Чичерин А. В.* Ритм образа. Стилистические проблемы. М., 1973, с. 37).

⁴¹ «Ближайшим по своему направлению писателем к Ауэрбаху» считали Г. Келлера, значительно меньше известного в России (см.: *Водовозов В.* Заметки о современной литературе Германии. — Библиотека для чтения, 1857, т. 142, отд. VII, с. 174). Ауэрбах и сам признавал свое родство с Келлером и находил в реализме швейцарца ту же «меру» между изображением жизни и «законами красоты», которую стремился осуществлять в собственном творчестве (см. там же цитату из высказываний Ауэрбаха о Келлере, с. 174—175). Однако характеры были у Келлера сложнее и тоньше, ирония трагичнее, сатира злее — это видно даже из очень несовершенного первого перевода одной из лучших новелл Келлера «*Romeo und Julia auf dem Dorfe*» (1856) (Ромео и Джульетта в деревне. Повесть Готфрида Келлера. Прилож. к журн. «Библиотека для чтения». СПб., 1858).

сторонниками натурализма, не скупившегося на «жесткость». Во взаимных оценках писателей не было субъективизма, но имелось довольно ясное сознание возможностей и задач реализма соответственно в немецкой и русской литературах.

Критическое отношение русской демократической печати к Ауэрбаху, подчас весьма резкое (Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский),⁴² объяснялось теми задачами, которые она, эта печать, ставила перед русской литературой. Споры о путях нашей литературы сказались на отзывах о литературе немецкой. И все же Ауэрбаха ценили и читали не потому, что он чего-то не сумел, а именно за то, что он сделал. Это последнее было хорошо известно Тургеневу.

Общий очерк творчества Ауэрбаха появился в «Вестнике Европы» за 1879 г. в серии статей ведущего сотрудника журнала Константина Арсеньева о современном западноевропейском романе.⁴³ Это была итоговая оценка деятельности немецкого писателя (вскоре, в 1882 г., он умер) и его восприятия в России. Либерал по убеждениям, К. Арсеньев стремился, однако, к определенной объективности суждений; его отношение к произведениям Ауэрбаха можно считать типичным для русской читающей публики этого времени, хотя он и обходил вопросы, которые вызывали полемику.

Примечательно, что разницу в подходе к теме народа между Ауэрбахом, с одной стороны, и Григоровичем или Тургеневым — с другой, критик объяснял различиями в положении немецкого и русского крестьянства: в России середины века велась борьба против крепостного права, которого в Шварцвальде при Ауэрбахе уже не существовало. В то же время, изображая остаточные черты общинной жизни и сельской патриархальности, Ауэрбах в первых своих деревенских рассказах был недалек от истины: так выглядела шварцвальдская деревня. Реализм Ауэрбаха имел национальный и исторический источник и уже по одному этому много значил для формирования реалистического направления в Германии и в литературах других стран. Заслуга немецкого писателя заключалась в изображении «картины народных нравов, настолько схожей с действительностью, насколько это было возможно в первом периоде нового беллетристического жанра».⁴⁴

---

⁴² «Мы предполагаем известным читателю то печальное обстоятельство, что Ауэрбах не свободен от затхлых, но все еще влиятельных традиций, в силу которых для повествователя считается обязательным так или эдак умиротворить, успокоить в конце концов возмущенное нравственное чувство читателя», — писал Н. К. Михайловский в рецензии на повесть Ауэрбаха «Ландолин» («Landolin», 1879), хваля вместе с тем писателя за правдивое изображение фигуры деревенского кулака (см.: Отечественные записки, 1879, т. 244, № 5, с. 79—82; Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., СПб., 1913, т. 10, с. 879—883).

⁴³ См.: З. З. Современный роман в его представителях. III. Бертольд Ауэрбах, с. 672—729.

⁴⁴ Там же, с. 678.

В отличие от большинства русских критиков, Арсеньев придирчиво рассмотрел стиль Ауэрбаха. Он нашел там манерность и многословие, недостатки в построении сюжетов. Это мнение заметно отличалось от того гимна ауэрбаховскому стилю, который создал в свое время единомышленник Ауэрбаха критик Ю. Шмидт, писавший о крестьянах его рассказов: «Это были полные сил фигуры, правда, люди ограниченных взглядов, но характеры подлинно немецкие, показанные во всех подробностях своих поступков и нарисованные правдиво и тщательно». Язык писателя, по Шмидту, был «близок к народному диалекту, сжат, реалистичен, полностью очищен от всяческих банальных оборотов, полон стремления всегда передавать глубокую и неистребимую сущность жизни».⁴⁵ Как сообщал Шмидт, к текстам Ауэрбаха обращались братья Гриммы, составляя свой знаменитый словарь немецкого языка.

Арсеньев тоже писал о типичности крестьянских характеров у Ауэрбаха, но он ощущал недостаточную индивидуализацию, повторяемость «типов» (ребенок-сирота, «злой» богач, мудрая старуха-крестьянка и т. д.).⁴⁶ Замечания такого рода показательны, как представляется, именно для русской критики.

Романы Ауэрбаха критик ставил ниже его деревенских рассказов, сделав исключение для романа «На высоте» («Auf der Höhe», 1871). Здесь его привлекли иллюзорные надежды автора на либерального монарха, реформы «сверху», единение буржуазной интеллигенции с народом — словом, политические идеи, воспринятые, впрочем, не без скепсиса.⁴⁷ Роман не давал русскому читателю повода поверить в осуществимость таких иллюзий, типичных скорее для 30-х и 40-х гг., например, для литераторов «Молодой Германии». Младогерманскую традицию в романе, в частности в образе героини Ирмы Вильденрот, порывающей с придворным обществом,⁴⁸ Арсеньев разглядел очень ясно.

Общественная сторона получила одобрение критика и в «Даче на Рейне». Арсеньев не преминул похвалить автора за то, что «эмансипацию негров в Америке и освобождение крестьян в России он считает величайшими событиями нашей

---

⁴⁵ См.: *Schmidt J. Geschichte der deutschen Literatur seit Lessings Tod.* 4 Aufl., Bd 3. Leipzig, 1858, S. 362.

⁴⁶ «Ауэрбах чаще создает общие типы, чем ярко обозначенные индивидуальности — но эти типы интересны как выражение среды, их производящей» (*Z. Z. Современный роман в его представителях.* III. Бертольд Ауэрбах, с. 688).

⁴⁷ «На высоте, куда хочет вывести нас Ауэрбах, нет воздуха для дыхания» (там же, с. 708).

⁴⁸ В создании этого характера сыграла роль не только традиция — прототипом героини стала русская девушка Ольга Киреева (Новикова) (см. примечания Т. П. Ден к письму Б. Ауэрбаха Каролине Павловой в кн.: *Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний*, с. 303—304)

эпохи...»⁴⁹ Но роман показался растянутым и скучным, лица его — блеклыми.

В последних произведениях Ауэрбаха — в романе «Вальдфрид» («Walufried», 1874), в томе поздних деревенских рассказов — критик отметил усиление прежних недостатков и, кроме того, рост националистических настроений. Превращение Германии в воинственное государство Бисмарка создало, по выражению критика, обстановку, «неблагоприятную для поэзии». Ауэрбаха этот процесс «ослепил почти совершенно»,⁵⁰ и его писательская судьба была решена. «Во всяком случае, — заключил Арсеньев, — за ним останется заслуга возбуждения интереса к области, до него почти не тронутой немецкой литературой, да и после него разработанной в Германии лишь немногими писателями».⁵¹ Автор очерка предположил, что потомству останется от Ауэрбаха только первый сборник «Шварцвальдских деревенских рассказов» и роман «На высоте». История, как мы знаем, поступила еще строже.⁵²

4

В творчестве Б. Ауэрбаха *Zeitroman* не занял центрального места. Расцвет немецкого романа о современности связан с именами К. Гуцкова, Г. Фрейтага и Ф. Шпильгагена. Если последние два популярных романиста пришли в литературу после того, как утвердился реалистический стиль Ауэрбаха, то судьба Гуцкова была сложнее.

Один из вождей «Молодой Германии», талантливый драматург,¹ Карл Гуцков стремился во всех своих литературных начинаниях передавать веяния времени, отображать общественные проблемы, которые он считал самыми важными. После запрещения младогерманских изданий, а затем и поражения революции 1848 г. Гуцков ищет в литературе жанр, отвечающий новой эпохе, позволяющий разобраться в жизни немецкого общества. Таким жанром видится ему роман, реалистические возможности которого обнаружили деревенские рассказы Ауэрбаха.² Но Гуцков не удовлетворен «дагерротипами повседневной действительности».³ Он требует от реализма «поэзии», авторского проник-

⁴⁹ Z. Z. Современный роман в его представителях. III. Бертольд Ауэрбах, с. 712.

⁵⁰ См.: там же, с. 725.

⁵¹ Там же, с. 729.

⁵² Ср.: Ауэрбах Б. Деревенские рассказы. Перевод с немецкого. (Составитель — С. П. Гиждеу). М., 1967 (8 рассказов разных лет).

¹ См.: «Уриель Акоста» на русской сцене. М., 1941; *Тронская М. Л.* Карл Гуцков — драматург. — В кн.: *Гуцков К.* Пьесы. М., 1960, с. 5—29; *Ден Т. П.* Трагедия К. Гуцкова «Пугачев». — В кн.: *Международные связи русской литературы. Сборник статей.* М.—Л., 1963, с. 321—350.

² См. статьи Гуцкова 1850-х гг., такие как «Наша современная литература» (1853) или «О немецком Парнасе» (1854) (*Gutzkows Werke. Berlin u. a., (1890), Teil 10, S. 127 f.*).

³ См.: там же, с. 141.

новения в суть мировых законов. Его представление о творческой воле автора идет дальше, чем у Ауэрбаха. Гуцков хочет сломать традиционный сюжет — цепь последовательных во времени событий и создать новый романский мир, где персонажи и события были бы связаны не простой причинной связью, но волей автора, отражающей сложность реального мира, существовали и развивались бы параллельно, позволяя наблюдать бытие как бы с высоты птичьего полета (так называемый «роман со-существования»).

На этом художественном принципе основывается обширный роман Гуцкова о немецкой интеллигенции «Рыцари духа» («Die Ritter vom Geiste», 1850—1852), а позднее — антикатолический роман «Римский волшебник» («Der Zauberer von Rom», 1858—1861). «Я даю жизнь, действительность», — писал Гуцков о своих романах.⁴ Его теоретические установки кажутся сегодня довольно убедительными, они как бы предвещали будущее развитие романа, толстовскую эпопею.⁵ Но на деле произведения Гуцкова оказались хаотично построенными и непомерно длинными.⁶ Слог носил на себе следы младогерманской патетики. Немецкая критика отрицала достоинства романов, однако — это необходимо отметить — также и за их публицистичность.⁷ «Теперь уже в Германии забытые, а у нас и по-прежнему», — констатировал в 1900 г. П. Боборыкин неудачу обоих романов Гуцкова.⁸ Но в свое время русские журналы с интересом следили за творчеством этого давно, еще с 30-х гг. известного у нас автора.

Предисловие Гуцкова к только что вышедшему первому тому «Римского волшебника» было переведено в «Отечественных записках» за 1859 г.; писатель ратовал там за то, чтобы реалистический роман передавал «закон жизни»,⁹ повторяя свою излюбленную мысль. В 1871 г. в Петербурге появились в переводе П. И. Вейнберга «Рыцари духа». Романы Гуцкова вызывали двойственное впечатление: «утомительная растянутость целого» не мешала порой ощущать реалистичность отдельных моментов, живость «рассказа» (как писали о романе Гуцкова «Фриц Эль-

---

⁴ В письме к Ф. Велю от 11 марта 1851 г. (*Wehl F. Das junge Deutschland. Hamburg, 1886, S. 223*).

⁵ Примечательность романов как литературного эксперимента отмечало немецкое литературоведение (см.: *Mielke H., Homann H. J. Der deutsche Roman des 19. und 20. Jhs. 5. Aufl. Dresden, 1920, S. 173—184*).

⁶ Реальные явления чередовались у Гуцкова с «фантастическими конструкциями» (см.: *Троицкая М. Л. Политические романы Шпильгагена. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1939, № 20. Сер. филол. наук, вып. 1, с. 219*).

⁷ Очень враждебно отнесся к «Рыцарям духа» Ю. Шмидт (см.: *Schmidt J. Geschichte der deutschen Literatur seit Lessings Tod, Bd 3, S. 309—322*).

⁸ См.: *Боборыкин П. Д. Европейский роман в XIX столетии. СПб., 1900, с. 476*.

⁹ См.: *Отечественные записки, 1859, т. 122, № 2, отд. V, с. 102—104*.

родт» («Fritz Ellrodt», 1872)).¹⁰ Русские современники не забывали, что в области социального романа Гуцкову принадлежала «честь почина».¹¹ После смерти писателя русская критика отметила «серьезную идею, тенденцию» его произведений, неустанную борьбу романиста «против всяких неправд».¹² С творчеством Гуцкова связывали реалистическое направление в немецкой литературе.

Но тенденциозность, т. е. идеологическая направленность немецкой реалистической литературы, приобрела в период буржуазно-феодального компромисса и общего наступления реакционных сил иной характер, чем в предреволюционные годы. Героем литературы становится бюргер в новом его качестве буржуа, «хозяина жизни». Пока положение такого персонажа еще остается скромным. Так, в произведениях Отто Людвига это простой лесничий, семья кровельщиков. Но это «филистеры во всей своей красе», как выразился Ф. Меринг о героях романа О. Людвига «Между небом и землей» («Zwischen Himmel und Erde», 1856).¹³ Действующие лица еще замкнуты у О. Людвига в узком провинциальном мирке, но в них проглядывают черты «идеала». Поиск истинных страстей, образцов нравственности в людях третьего сословия, начатый еще Лессингом и Шиллером, привел в середине прошлого века к идеализации немецкого бюргера писателями, которые по-прежнему видели в бюргерстве предел общественного развития.

Современная писателю немецкая критика ставила О. Людвигу вровень с Генрихом Клейстом (Ю. Шмидт), дивилась мощи созданных им образов (Г. Фрейтаг).¹⁴ Позднее сопоставляли Людвигу с Достоевским по склонности к изображению трагических душевных состояний.¹⁵ Сен-Рене Тайандье относил Людвигу к «школе Ауэрбаха».¹⁶ Но в реализме О. Людвига больше сказывалась привычная литературе умиленность сердечными качествами ремесленника, чем подлинная жизнь. «Впрочем, видно, что Людвиг честный человек, — скептически заметил критик «Современника», — дай бог, чтобы немецкие ремесленники были таковы, какими он их представляет».¹⁷

¹⁰ См.: Беседа, 1872, № 1, с. 151—152.

¹¹ См.: Исторический очерк новейшего романа в Германии. — Там же, 1871, № 3, с. 317.

¹² См.: *Быков П. В.* Карл Гуцков. — Живописное обозрение, 1879, т. 1, № 12 (24 марта), с. 259—261 (писатель скончался 16 декабря 1878 г.).

¹³ См.: *Меринг Ф.* Литературно-критические статьи. М.—Л., 1934, т. 2, с. 180.

¹⁴ Ю. Шмидт широко цитировал суждения Г. Фрейтага о творчестве О. Людвигу (см.: *Schmidt J.* Geschichte der deutschen Literatur seit Lessings Tod, Bd 3, S. 391 f.).

¹⁵ См.: *Bräm E. M.* Geschichte der deutschen Literatur. Bern, 1945, Т. 3, S. 48.

¹⁶ См.: Современник, 1857, т. 68, № 5, отд. XIV, с. 107.

¹⁷ Там же.

Русскому читателю О. Людвиг-романист остался мало известным, роман его, переведенный в 1861 г., почти не вызвал откликов критики.¹⁸ Для немецкого же реализма творчество этого писателя было характерным переходным звеном от крестьянской темы Ауэрбаха к буржуазному апофеозу в романах Фрейтага.

«С 1789 года дело изменилось настолько, что третье сословие действительно стало кое-что значить, — не без гордости заявлял Юлиан Шмидт. — Но его стремление сделаться со временем всем не угасло, и никакой романтизм не сможет ему в этом препятствовать».¹⁹ Преодолеть романтизм и чувствительность надлежало, по мнению критика, при помощи изображения «серьезной стороны жизни». Эта сторона была «работой», а ее героем был «деловой человек». Несмотря на то, что Шмидт осознавал заметные различия между фабрикантом, ремесленником, фабричным рабочим, в понятии работы, труда он намеренно отвлекался от этого, объединяя персонажей деревенских рассказов с героями буржуазного романа. Наступало время, казалось бы, торжества всего этого соединенного третьего сословия: «благодаря всеобщей воинской повинности, гимнастическим занятиям, первым опытам парламентаризма, а также небывалому подъему торговли и промышленности бюргер обрел жизненную силу и уверенность в себе».²⁰ Вместе с немецкой буржуазией либеральная литературная критика 50—60-х гг. уверовала в «истинную демократию», т. е. в полную власть буржуа над настоящим и будущим.²¹

Певцом эпохи немецкого «грюндерства» стал Густав Фрейтаг в главном своем и наиболее популярном романе, название которого переводилось у нас как «Приход и расход», «Дебет и кредит» («Soll und Haben», 1855). В более широком смысле оно означало «нравственный долг» (Sollen) и то, что «причитается» за отличное исполнение этого долга. След того восторга, с которым буржуазная публика встретила роман, остался в книге П. Боборыкина; для русского литератора роман был «литературным документом, знаменующим победу реального творчества», хотя даже и ему пришлось признаться, что «идеалы автора не очень высокого сорта».²²

Отрезвление современников Фрейтага происходило лишь постепенно, с изменением политической обстановки, показавшей

---

¹⁸ Из пьес О. Людвига в России была известна историческая трагедия «Маккавей» (1854), на основе которой А. Г. Рубинштейн создал оперу в 1879 г.

¹⁹ Schmidt J. Geschichte der deutschen Literatur seit Lessings Tod, Bd 3. S. 401.

²⁰ Ibid., S. 402—403. — Эпиграф, взятый Г. Фрейтагом из статей Ю. Шмидта, соответственно гласил на титульном листе романа «Приход и расход»: «Роман должен искать немецкий народ там, где он особенно прилежен, а именно — в его работе».

²¹ «Тот мир, в котором господствует буржуазия, конечно, кажется ей самым лучшим из миров» (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 454).

²² См.: Боборыкин П. Д. Европейский роман в XIX столетии, с. 491—493.

в 70-х гг. подлинное лицо прусской «демократии». «Когда перелистываешь его теперь, — писал Меринг о романе Фрейтага в некрологе писателя (1895), — трудно понять, как можно было в молодые годы читать с восхищением этот роман».²³ Тем не менее роман с жадностью читали.

Русская революционно-демократическая печать быстро разобралась в «тенденции» романа. Критик «Современника» сообщал в 1857 г.: «Сначала, говорит Тальяндье <...> Фрейтаг писал романы, в которых представлялись гостинные и будуары.²⁴ В последнем своем романе, изображая добродетели и патриархальность банкирского дома Шретера и Комп., нам кажется, он написал апологию немецкого мещанства <...> Главная заслуга Фрейтага — изображение добродетелей и патриархальности немецких негоциантов. Тальяндье уверяет, что во многих городах Германии случалось ему встречать почтенных людей, которые доказывали, что контора Шретера верный снимок с конторы местного банкира. Впрочем, может быть, это говорили банкирские конторщики и клиенты. В сущности, мы не совсем верим в идеальные добродетели и патриархальность немецких банкиров... Нам кажется, что роман г. Фрейтага написан на заданную тему, написан с талантом и отчасти потому имел шесть изданий.²⁵ Если бы написать, например, историю добродетельного стряпчего, каждый взяточник охотно бы купил ее, и повесть, пожалуй, дождалась бы второго издания».²⁶

По поводу героев современной немецкой литературы публицист-народник Петр Ткачев произнес меткие слова, из которых видно, что Фрейтагу нелегко было увлечь своими идеалами русского демократического читателя: «... либеральные филистеры действительно и вполне чистосердечно воображают, будто они „соль земли“, будто не будь их, то не только все прекрасное, но и самая жизнь погибла бы на сухой почве эгоизма <...>»²⁷

Немецкая критика тоже не проходила мимо недостатков прозы Фрейтага, обнаруживая у писателя рыхлость сюжета, сомнительность «поэзии» его описаний, банальность идей по сравнению с традициями классики.²⁸ Измельчание реализма у Фрейтага и Отто Людвиг отметил Меринг: «Он может быть сигнальным призывом к штурму всемирно-исторического значения, каким был призыв Руссо вернуться к природе; он может также

²³ Меринг Ф. Литературно-критические статьи, т. 2, с. 182.

²⁴ Ранний Фрейтаг писал преимущественно драмы — «Валентина» («Valentine», 1846; русск. перев. — 1858). «Журналисты» («Die Journalisten», 1854; русск. перев. — 1897); с 1848 по 1870 г. Фрейтаг в сотрудничестве с Ю. Шмидтом издавал еженедельник «Die Grenzboten».

²⁵ Переиздаваясь ежегодно, роман «Приход и расход» к 1894 г. выдержал 42 немецких издания.

²⁶ Современник, 1857, т. 68, № 5, отд. XIV, с. 106—107. (Курсив мой, — Р. Д.).

²⁷ Ткачев П. Люди будущего и герои мещанства. — Дело, 1868, № 5, Современное обозрение, с. 13.

²⁸ См.: Hart H., Hart J. Kritische Waffengänge. Leipzig, 1884, Н. 6, S. 7.

в образе толстощекого ангелочка парить над мешками с кофе, принадлежащими торговому дому Т. О. Шретер». ²⁹

И все же Фрейтаг нашел читателей и в России. Переводы «Прихода и расхода» появились в 1858 (в «Отечественных записках» и отдельным изданием) и в 1903 г. Константин Арсеньев полагал, что «талант Фрейтага — преимущественно эпический; его главная сила — в детальной живописи, в тщательной, всесторонней разрисовке избранного предмета». ³⁰ И далее: «Отделка фразы у Фрейтага тщательнее и вместе с тем красивее, чем у других современных немецких романистов. Шпильгаген пишет большею частью деловым, иногда сухим языком; в манере Ауэрбаха много деланности, претенциозности; у Фрейтага больше простоты, чем у Ауэрбаха, и больше художественности, чем у Шпильгагена. Он любит короткие, сжатые предложения, избегает, где только может, тяжеловесных глаголов и старается сосредоточить в нескольких словах целую картину... Везде, где этого требует широкая мысль или глубокое чувство, он без труда возвышается до истинной поэзии». ³¹ Даже если такая оценка несколько завышена, она примечательна сопоставлениями стилей Фрейтага и писателей-современников.

Арсеньев разделял надежду автора «Прихода и расхода» на то, что миссией буржуазии станет «работа внутреннего обновления» человечества. ³² Однако и здесь его опыт русского читателя не позволял ему признать героев Фрейтага правдивыми в полном смысле слова. Фигуры купца Шретера и его служащих носили, по его наблюдениям, «мнимо типический характер», главный герой Антон Вольфарт, начинающий капиталист, — «ходячая пропись», еврейский купец Итциг — почти «рыжий злодей бульварной мелодрамы» и т. д. ³³ Патриархальные отношения между служащими фирмы казались в значительной мере выдуманными, взятыми из ушедшего прошлого, — «возводить на степень типа основные черты разлагающегося общественного склада было по меньшей мере неосторожно». ³⁴ Критик оглядывался на Достоевского: сцена убийства сутяги Гиппуса заставила его вспомнить о переживаниях Раскольникова и Свидригайлова. В другом месте, в связи с циклом исторических романов Фрейтага, Арсеньев сослался на «Войну и мир» Толстого. Проза немецкого автора, конечно, выдерживала подобные сравнения с трудом. Лиризм, который талантом Гете, Гейне, Шторма был высоко развит в немецкой прозе, у Фрейтага «отзывается некоторой приторностью», ³⁵ — «может быть, незаметною для немец-

²⁹ Меринг Ф. Несколько слов о натурализме (1892). — В кн.: Меринг Ф. Литературно-критические статьи. М.—Л., 1964, с. 341.

³⁰ Z. Z. Современный роман в его представителях. I. Густав Фрейтаг. — Вестник Европы, 1879, кн. 4, с. 449.

³¹ Там же, с. 477.

³² Там же, с. 460.

³³ См.: там же, с. 459 и сл.

³⁴ Там же, с. 458.

³⁵ См.: там же, с. 462—463.

кого читателя, — добавляет Арсеньев, — но чувствительною для иностранца...» И в этом случае критик ориентируется прежде всего на русскую прозу (Тургенев), чуждую сентиментальности.

Сравнительно единодушно было осуждено заметное у Фрейтага проявление прусского шовинизма, который сильно повредил роману «Приход и расход», но не был неожиданностью для тех, кто уловил идею романа. Эпизоды борьбы немецких колонистов с польскими повстанцами занимают в романе много страниц. Если Арсеньев пытался как-то оправдать Фрейтага, напоминая, что писатель все же не призывал к избиению других народов, то критик «Современника» воскликнул по поводу превознесения немецкого бюргерства и презрительного отношения к славянам: «И это называется изображением действительности!»³⁶

Между тем сам Фрейтаг в посвящении романа Эрнсту II, герцогу Саксен-Кобург-Готскому,³⁷ единственной своей задачей провозгласил изображение истины «во имя своего искусства и своего народа». Он намеревался «уберечь от искажений черты своих картин, а свою душу — от несправедливости...»³⁸ Подобно Ауэрбаху, Фрейтаг пытался показать современного человека в реальной обстановке; и, подобно Гуцкову, он хотел осветить эти картины «тенденцией», идеей, которая была бы способна воспитывать современников. Но возвеличение мещанских добродетелей и «барышей, прибыли»³⁹ в условиях послереволюционной Германии лишь подкрепляло реакционные устремления буржуазии и противоречило демократическим основам реалистического метода.

Субъективным намерением Фрейтага было изображение немцев его времени, — и писатель действительно уловил некоторые характерные черты нравов 50—70-х гг., как бы он ни идеализировал эти нравы. Но это были не черты немцев вообще, а черты становящейся у власти буржуазии. Роман Фрейтага переставал быть собственно романом о современности, он становился «бытовым романом»⁴⁰ с чертами идеализации бюргерского быта.

В творчестве Фрейтага — не только в «Приходе и расходе», но и в его исторической прозе, например в цикле романов «Предки» («Die Ahnen», 1872—1880), — умение нарисовать детали эпохи сочеталось с общей апологией немецкого бюргерства. Реализм приобретал однобокий, местами поверхностный характер.

Набор приемов внешне реалистического повествования, заимствованных у Фрейтага и других ведущих реалистов, был широко использован немецкой беллетристикой второго плана. Из по-

³⁶ Современник, 1857, т. 68, № 5, отд. XIV, с. 107.

³⁷ Примечательная черта в истории немецкой литературы: произведение, где воспевается бюргерство, посвящено покровителю-монарху — следы привычного сервизизма «третьего сословия».

³⁸ См.: *Freitag G. Soll und Haben*. 42. Aufl., Leipzig, 1894. Bd 1, S. 4.

³⁹ См.: *Шиллер Ф. П.* Заметки о немецких реалистах XIX века. — В кн.: Из истории реализма XIX века на Западе. М., 1934, с. 290.

⁴⁰ См.: *Тронская М. Л.* Политические романы Шпилльгагена, с. 219.

пулярных писателей — «спутников» реализма назовем здесь Грегора Самарова (псевдоним Оскара Мединга). Этот автор претендовал на историческую точность своих *Zeitroman*'ов, но сквозь их исторический антураж и занимательную экзотичность отчетливо проглядывали прусско-монархические убеждения писателя. Кстати, Самаров нередко обращался к теме России, преимущественно к событиям из истории русского двора, интерпретированным, конечно, с его точки зрения.⁴¹ Существовал, по-видимому, как и ранее, «спрос» публики на темы из русской истории — этим можно объяснить и появление русифицированного псевдонима. Но в своей российской тематике Самаров желал, возможно, опереться на авторитет русской литературы, доказать читателю свою правдивость, надежность своего «реализма». Романы такого рода расходились и по России⁴² как гарантированное легкое чтение.

5

Во второй половине XIX в. развивалась и другая линия немецкого реализма — областническая литература, так называемая «местная поэзия» (*Heimatdichtung*). В этой литературе стойко сохранялись демократические традиции культуры мелкого провинциального бюргерства и народных низов. При всей своей провинциальной и социальной ограниченности, немецкая *Heimatdichtung* подробно и с большим сочувствием рисовала образ «маленького человека», который в крупном романе о современности находился чаще всего на периферии повествования. Малоизвестная в России, эта литература была принципиально близкой русским традициям изображения «униженных и оскорбленных».¹ В этой литературе выделились Фриц Рейтер, писавший на мекленбургском диалекте, и Вильгельм Раабе, творчество которого было теснее всего связано с Берлином и мелкими городками Брауншвейга.² Однако значение таких писателей выходило за провинциальные рамки: их произведения помогли затем новому расцвету немецкого реализма. По их пути пошли в 70—80-х гг. друг К. Либкнехта романист Р. Швейхель и Т. Фонтане.

⁴¹ См., например: Самаров Г. Императрица Елисавета Петровна. Роман-хроника из истории России. СПб., ч. 1, 2, 1882.

⁴² Сочинения Г. Самарова в русском переводе издавались в 20 томах в 1904 г. (приложение к журналу «Север») и в 18 томах в 1916 г.

¹ См.: Шиллер Ф. П. Заметки о немецких реалистах XIX века. — В кн.: Из истории реализма XIX века на Западе. М., 1934, с. 278.

² О Ф. Рейтере и В. Раабе см. в кн.: История немецкой литературы в 5-ти т., т. 4, с. 118 и сл. См. также: Четверикова Н. И. Романы Вильгельма Раабе о современности. АКД. Л., 1970. — Сведения о Ф. Рейтере с частичным пересказом его книги «Из моей крестьянской жизни» («*Ut mine Stromtid*», 1862—1864) появились в «Заграничном вестнике» (1865, т. 5, № 1, с. 184—200). При этом журнал обнаружил у Рейтера тот же недостаток, который немецкая критика стала затем отмечать у Тургенева, — удачное изображение характеров при некоторой бедности действия.

В творчестве писателей-областников немалую роль играл юмор как прием сочувственного изображения героя и смягчения остроты жизненных конфликтов. Юмористические интонации были весьма свойственны Ауэрбаху и Фрейтагу. В представлении немецкой критики юмор стал едва ли не обязательной чертой реалистического стиля. «Юмор есть не что иное, как доведенная до предела объективность», — утверждали братья Харт.³ Но функции юмора были, конечно, различными — сочувствие народу у Ауэрбаха или Раабе, типичный «юмор буржуазии»⁴ у Фрейтага, печальный юмор резиньяции у Теодора Шторма или Фонтане. И все же склонность к юмору осталась действительно чертой, свойственной немецким реалистам и в общем непривычной для представлений русских литераторов и читателей о признаках реализма.

Наряду с юмором, в немецкой прозе проявлялся своеобразный лиризм, связывавший ее с поэзией, отчасти с наследием романтизма и, разумеется, с опытом Гейне. Термин «поэтический реализм» был введен в немецкую теорию литературы писателем О. Людвигом,⁵ а наиболее ярким примером такого стиля стало творчество певца Шлезвиг-Гольштейна Теодора Шторма.

Русские современники не обратили большого внимания на этого новеллиста.⁶ Причины можно предположить здесь те же, что и при восприятии других областных писателей: узость, специфика темы немецкой провинциальной жизни, отсутствие прямо выраженных социальных и политических «тенденций», и, наконец, сложности перевода — не только диалектных особенностей, но и таких трудных для передачи оттенков стиля, как юмор и лиричность.

Исключение составил Тургенев, которому Шторм оказался еще более близким по манере писателем, чем Ауэрбах. Проблема творческих и дружеских связей Тургенева и Шторма давно вызывает интерес историков литературы и будет еще изучаться.⁷ Для нашей темы важно было бы проследить, каким образом сказалось в немецких оценках стиля Тургенева и в тургеневских отзывах

³ Hart H., Hart J. Kritische Waffengänge. Leipzig, H. 6, 1884, S. 15.

⁴ Выражение Д. Лукача (см.: Hermann I. Die Gedankenwelt von G. Lukács. Budapest, 1978, S. 304—305). — О значении юмора для немецкого реализма см.: Martini F. Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus 1848—1898. Stuttgart, 1962, S. 58 f.

⁵ См.: Heselhaus C. Das Realismusproblem. — In: Begriffsbestimmung des literarischen Realismus. Darmstadt, 1969, S. 340.

⁶ Несколько новелл Шторма было переведено в «Пчеле», «Деде» и «Ниве» середины 1870-х гг.; большинство переводов приходится на рубеж XIX и XX вв., причем это — преимущественно стихи.

⁷ См., в частности: Laage K. E. Theodor Storm und Iwan Turgenjew. Persönliche und literarische Beziehungen, Einflüsse Briefe, Bilder. Heide, 1967; Шульце-Леман К. Тургенев в переписке Т. Шторма с Л. Пичем. — Лит. наследство, т. 76. М., 1967, с. 579—592; Вальдман Б. Д. К вопросу о связях И. С. Тургенева и Т. Шторма. — Учен. зап. Латв. гос. ун-та, 1968, т. 89, с. 135—143.

о Шторме различие в понимании реализма, существовавшее между русскими и немецкими его приверженцами.

Отношение к Шторму с течением времени изменялось и в Германии и у нас. Фонтане неизменно ценил писателя как мастера настроений, блестящего стилиста. Меринг, признавая достоинства штормовского слога, не мог принять в писателе его «областничества», называл его с иронией «сладкоголосым чайником из Хузума».⁸ Мнение Меринга разделяла ранняя советская германистика; о произведениях Шторма писал Ф. П. Шиллер: «Новеллы эти строго выдержаны в определенном плане, техника языка выработана с изумительным искусством; но реализм их, понятно, чрезвычайно слаб: он переплетается с романтическими мечтаниями и иллюзиями и сводится опять-таки лишь к детальному, с великим мастерством сделанному описанию вещей домашнего обихода и природы».⁹ С изменением, углублением концепции русского и европейского реализма углубилось понимание реализма Шторма, однако все же наше, русское понимание реализма как критического, социально активного литературного направления заставляет исследователей делать оговорки, что проза Шторма, «взятая в целом», дает лирическую «картину старого общества, невозвратно уходящего в прошлое», хотя и связанного с новыми временами.¹⁰ Высказано нынче и мнение, что степень реализма Шторма определяется не только тем, какое именно общество он изобразил, но прежде всего достоверностью психологического анализа и «гуманистической целеустремленностью»,¹¹ т. е. умением создавать конкретные характеры (при помощи «техники языка», разумеется) и демократической концепцией человека.

Тургенев хорошо знал произведения хузумского новеллиста и поэта, пригласил его, как известно, к себе в Баден-Баден в 1865 г., переписывался с ним, обмениваясь новыми публикациями.¹² Благожелательно относясь к Шторму, русский писатель видел в нем не просто живописателя северонемецких нравов и ландшафтов, он подходил к нему с самыми высокими требованиями как к современному ведущему прозаику Германии. Слабости стиля Шторма он рассматривал как типичные недостатки современной реалистической немецкой прозы: «Немцы, когда рас-

---

⁸ См.: Меринг Ф. Литературно-критические статьи. М.—Л., 1964, с. 324. См. также: Fontane Th. Schriften zur Literatur. Berlin, 1960, S. 12.

⁹ Шиллер Ф. П. Заметки о немецких реалистах XIX века, с. 282.

¹⁰ См. в главе о творчестве Т. Шторма, написанной Р. М. Самариним: История немецкой литературы в 5-ти т., т. 4, с. 182.

¹¹ См. предисловие Е. П. Брандиса в кн.: Шторм Т. Новеллы. М., 1965, т. 1, с. 50. — Этим же автором написан очерк восприятия творчества Шторма в России (Schriften der Th. Storm-Gesellschaft, 12. Heide, 1972, S. 9—23).

¹² См.: Лааге К. Э. К истории знакомства Тургенева с Т. Штормом, (Новые разыскания). — В кн.: Тургенев и его современники. Л., 1977, с. 152—154.

сказывают, *всегда* совершают две ошибки: скверно мотивируют — и самым непростительным образом идеализируют действительность <...>, — писал Тургенев Л. Пичу, прочитав новеллу Шторма «Aquis submersus» (1876). — Если немецкий автор рассказывает мне что-нибудь трогательное — то он не может удержаться, чтобы не указать одним перстом на свои заплаканные глаза — а другим не подать мне, читателю, скромного знака, чтобы я тоже не оставил без внимания тот предмет, который растрогал его». ¹³ Эти слова говорились за глаза и относились далеко не только к Шторму, поэтому они довольно резки. Но Тургенев затронул ими ту самую проблему «поэзии» в прозе, присутствия автора в повествовании, которая занимала едва ли не всех немецких реалистов, начиная с Ауэрбаха. Авторский голос и тем более «перст» не были характерны для творчества Тургенева. В литературе натуральной школы авторское вмешательство вообще выполняло другие, более сложные функции, чем прямое нравоучение или «воля», нарушающая естественный ход событий. Отсюда — впечатление совершенной достоверности, полнейшей объективности изображения, получаемое иностранными читателями русской литературы. Отсюда и упрек, брошенный Тургеневым немецким литераторам, в издержках чувствительности и плохой мотивировке действия, в идеализации действительности.

Теодор Шторм, со своей стороны, не нашел у Тургенева того качества, которое ценилось немецкими прозаиками очень высоко, — занимательности сюжета, богатства действия. Однако он повсюду встречал лирический элемент, напоминающий ему его собственный стиль. Так, в «Дворянском гнезде» немецкого писателя поразил музыкант Лемм. В связи с этой фигурой Шторм написал Пичу в 1864 г.: «Вообще прелесть Тургенева состоит главным образом в этом накоплении мечтательно-меланхолических настроений; сюжет для него, собственно говоря, — второстепенное дело». ¹⁴ Несколько ранее он поделился с Пичем мнением о другом произведении Тургенева: «В „Трех встречах“, как ни слабы они по композиции, есть что-то пленительное; главное в них не в событиях, о котором повествуется, а в том впечатлении, какое оно производит на рассказчика; настроение, овладевающее им в результате этого события, — вот, собственно, тема (*как большей частью у меня*) <...>» ¹⁵ Тургенев представлялся Шторму «замаскированным лириком». В этих отзывах много личного пристрастия немецкого «поэтического реалиста», но есть в них и общая для немецких либеральных литераторов ограниченность понимания тургеневского творчества.

¹³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. М.—Л. Письма, т. 12, кн. 1, 1966, с. 37, 76; перевод — с. 425, 434.

¹⁴ Цит. по: Шульце-Леман К. Тургенев в переписке Т. Шторма с Л. Пичем, с. 586.

¹⁵ В письме от 15 сентября 1863 г. (там же, с. 582). (Курсив мой, — Р. Д.).

Сравним мнение Т. Шторма с тем, что писали о Тургеневе другие немецкие современники.¹⁶

Для Пауля Гейзе, известного новеллиста и критика из того же круга, к которому принадлежали Шторм и Пич, Тургенев также был писателем, уделявшим основное внимание характеру, а не событиям. Однако Тургенев казался ему не живописцем настроений только, но вообще одним из первых, кто добился «неподдельной верности изображения» в литературе, «присутствия жизни». Гейзе ценил у Тургенева объективность, хотя немецкому критику недоставало привычного «полного отчета» о судьбах героев. В рассказе «Бежин луг» автор, по словам Гейзе, заставил природу «говорить с нами полным голосом без предварительного перевода его на случайную тональность субъективной лирики».¹⁷ Мнение, как видим, почти противоположное выводу, к которому пришел Шторм.

Цикл статей, объединенных затем в книгу, посвятил Тургеневу Отто Глагау, сотрудник берлинской газеты «Nationalzeitung».¹⁸ С его точки зрения, Тургенев стал после Пушкина самым крупным представителем русской литературы. Связь писателя с освободительным движением критик не только не затушевал, но даже подчеркнул, упомянув о родственных отношениях между автором «Записок охотника» и братьями Александром и Николаем Тургеневыми. В то же время тургеневские романы, — которые критик, подобно Гейзе, порицал за неполноту фабулы и поэтому склонен был считать скорее новеллами, — представлялись ему только «трагедиями характеров», изображением «борьбы личности с жизнью».¹⁹ Реализм Тургенева он сводил практически все к той же достоверности описания явлений действительности, признавая, правда, что такими описаниями достигался большой эстетический эффект. «Его манера может показаться вполне реалистической, нередко дополняемой даже практическими советами из области охоты и сельского хозяйства, — писал Глагау о «Записках охотника», — но несмотря на это в ней всегда заметно идеальное освещение и поэтическая цель; однако она не навязывается, а входит в сознание невольно и настраивает читателя так, как того пожелает автор».²⁰ Напомнив, как вредила, по его мнению, политическая тенденциозность немецким писателям («грибок», губивший литературные произведения), Глагау нашел ее следы и у Тургенева. Но «тенденция», как отметил критик, не смогла

¹⁶ См. также: *Алексеев М. П.* Мировое значение «Записок охотника». — В кн.: Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей. М., 1959, с. 78 и сл.; *Etchholz J.* Turgenev in der deutschen Kritik bis zum Jahre 1883. — *Germanoslavica*, 1931—1932, Н. 1, S. 43—54.

¹⁷ Из рецензий на «Записки охотника» в «Literaturblatt des Deutschen Kunstblattes» (1854, № 24; 1855, № 12) — цит. по: *Ионас Г.* «Записки охотника» в оценке Пауля Гейзе. — В кн.: Тургеневский сборник. М.—Л., 1966, II, с. 111—117.

¹⁸ *Glagaу O.* Die russische Literatur und Iwan Turgeniew. Berlin, 1872.

¹⁹ См.: *ibid.*, S. 121 f.

²⁰ *Ibid.*, S. 49—50.

сковать тургеневский гений, — и «Записки охотника» стали «подлинным поэтическим шедевром».²¹

К недостаткам стиля Тургенева критик отнес нелогичные, с его точки зрения, сюжетные перипетии. Так, рассказ «Муму» мог бы якобы закончиться благополучно, если бы барыня лучше узнала о положении Герасима, что является «естественным» в «обычной жизни».²² Или — Базаров, по наблюдениям Глагау, умер не вовремя; критику хотелось, чтобы Тургенев рассказал, как этот симпатичный автору и читателям «нигилист» продолжает в должности врача служить человечеству.²³ Немецкий критик досадовал, что Тургенев предпочитает в своих рассказах и повестях изображать оригиналов, «странные, пародоксальные натуры», вроде «дикого барина» в «Певцах», Ефрема в «Поездке в Полесье» или Касьяна с Красивой Мечи, а не «здоровых, нормальных» людей, «положительных» представителей народа.²⁴ Подобные упреки, которые могут показаться курьезными, объяснялись, несомненно, читательским навыком немца 60-х гг., привыкшего находить в сочинениях Б. Ауэрбаха, О. Людвига и других писателей скорее правдоподобное описание жизни, чем социальный анализ, скорее поучение и утешение, чем протест. Представления о логике сюжета и способах типизации были у Тургенева и немецких литераторов его эпохи, как видим, различными. Стоит напомнить также, что упреки в тяготении Тургенева к экстраординарным героям раздавались и со стороны русской критики, недооценившей возможности тургеневского реализма.

Статьи Глагау помогли, однако, обратить внимание на специфику русского реализма. Автор воздал должное как «поэтическому сиянию», так и неустрашимости и «правдолюбию» Тургенева.²⁵ Реализм русских писателей, в том числе и Тургенева, он ставил в пример немецким новеллистам.

Статья Юлиана Шмидта о Тургеневе тоже разрослась в очерк современной ему русской литературы и повлияла на отношение немецкой публики и критики — в частности, очевидно, и О. Глагау — к русским реалистам. Первоначально Шмидт высказался о творчестве Тургенева в ежегоднике «Preußische Jahrbücher» (1868), затем включил журнальную статью в вышедшую вскоре книгу очерков «Картины духовной жизни нашего времени».²⁶ Свою характеристику русского писателя он опубликовал, таким образом, дважды в течение двух лет. В этом написанном с блеском

²¹ См.: *ibid.*, S. 89.

²² См.: *ibid.*, S. 101.

²³ См.: *ibid.*, S. 146.

²⁴ См.: *ibid.*, S. 70—72.

²⁵ О. Глагау рассказал соотечественникам, что Тургенева читают в России женщины и «полуобразованные» люди — немаловажный показатель популярности для XIX в.; критик настоятельно рекомендовал немецкой публике последовать примеру русских (см.: *ibid.*, S. 98 f.).

²⁶ *Schmidt J. Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit.* Leipzig, 1870.

очерке сказалось не только знание произведений Тургенева, но и результаты живого, личного общения с писателем, которого Шмидт знал с апреля 1867 г.²⁷ Это придает статье немецкого критика, в общем далекого от Тургенева в своем понимании реализма, особый интерес. Мнение Шмидта о том, что «историческая заслуга Тургенева состоит в возможности для современников и потомков узнавать из его сочинений о крепостничестве»,²⁸ повторяет, возможно, устные обсуждения с писателем и его окружением значения и смысла «Записок охотника». То же можно сказать и об утверждении Шмидта, что реализм стал ведущей тенденцией русской литературы и взял свое начало в «Евгении Онегине» и в произведениях Гоголя.²⁹

Признавая «ужасающую правду» тургеневского изображения русской действительности, Шмидт возражал против отношения к Тургеневу лишь как к объективному рассказчику: «Тургенев, правда, не пускается в риторство, выражение его остается трезво даже тогда, когда он рассказывает самые ужасные вещи; но именно в этом трезвом выставлении фактов во всей их наготе и чувствуется, что у повествователя кипит кровь».³⁰ Тургеневские картины крепостнической России критик находил более яркими и правдивыми, чем, например, картины угнетения негров в «Хижине дяди Тома» Г. Бичер-Стоу.³¹

Юлиан Шмидт сделал, вероятно, впервые попытку исследовать метод Тургенева в сравнении с современной западноевропейской литературой. Он заметил, между прочим, что во многих странах реалистические тенденции проявляются сперва в малых формах литературы: роману предшествовал очерк равно у Диккенса, Теккерея, Жан-Поля Рихтера.³² Тургенев походил на Диккенса не только этим. «У Тургенева, как у Диккенса, каждое вновь появляющееся действующее лицо, даже если оно не играет большой роли в сюжете, видишь перед собою наяву, слышишь его голос, чувствуешь его дыхание...»³³ Подобно Диккенсу и Бальзаку, русский писатель разрабатывал свои картины до мельчайших подробностей, но детали у него не заслоняли общего, он не прибегал к бальзаковскому «микроскопу».³⁴ Итак, к типам европейского реализма, воплотившимся в творчестве Диккенса и Бальзака, прибавился самобытный реализм Тургенева.

²⁷ См.: *Ионас Г. Юлиан Шмидт о творчестве Тургенева.* — В кн.: Тургеневский сборник. Л., 1969, V, с. 280—285.

²⁸ См.: *Schmidt J. Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit*, S. 432.

²⁹ См.: *ibid.*, S. 429—430, 465.

³⁰ Перевод из статьи Л. А. Полонского «Критика русских писателей в Германии» (Вестник Европы, 1868, кн. 12, с. 912). Ср.: *Schmidt J. Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit*, S. 435.

³¹ См.: *ibid.*, S. 432.

³² См.: *ibid.*, S. 438. — Непосредственным предтечей демократической литературы реального направления считали Жан-Поля еще Гейне и деятели «Молодой Германии».

³³ *Schmidt J. Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit*, S. 438.

³⁴ См.: *ibid.*, S. 439. — Ю. Шмидт отметил также особую, ни на чей стиль не похожую, интимную манеру изображения природы у Тургенева.

Немецких писателей-реалистов Шмидт поделил на две категории. Одни собирали характер своих героев по черточкам, взятым из реальной жизни, в соответствии с заранее созданной в воображении схемой личности. Такими авторами критик считал Жан-Поля и Ауэрбаха. Другие, такие как Ф. Рейтер и швейцарец И. Готхельф, брали характер как он есть, но отыскивали в судьбе человека «решающую точку», момент, когда обнажались все внутренние побуждения, все строение характера. К этой второй группе Шмидт отнес Тургенева, объяснив тем самым немецкому читателю, почему русский автор не видит необходимости в описании всей жизни героя, а ограничивается лишь характерными событиями.³⁵

Интересны и другие параллели. В Рудине критик усмотрел «не более и не менее как русского Рыцаря духа», который был, правда, «подвергнут такому тонкому анализу, какого не достиг никто из наших немецких писателей».³⁶ Шмидт догадывался, что типологически Рудин был близок к тому характеру немецкого «лишнего человека», который возникал в эпохи реакции и застоя. Разница состояла, однако, в том, что в романах Гуцкова такие люди все еще выглядели героями (например, Генрих Клингсор в «Римском волшебнике»), а для Тургенева они уже объект критики. Шмидт заметил, что Рудин напоминает и персонажей первых романов Шпильгагена: подобно Освальду Штейну из «Проблематических натур», Рудин кончает свою жизнь на баррикадах 1848 г., но не столько из убеждения, сколько от отчаяния. Разновидность этого же типа, напоминающего молодого еврейского интеллигента Эренталя из романа Фрейтага «Приход и расход», критик нашел в тургеневских Якове Пасынкове и Берсеневе.³⁷

Эти сравнения приходили в голову, вероятно, не одному Ю. Шмидту, но критик выразил мысль о родстве метода Тургенева с европейским и, в частности, немецким реализмом и в то же время об оригинальности Тургенева наиболее отчетливо и веско. Известно, что русскому писателю понравились слова Шмидта. Он писал критику 6 (18) октября 1868 г.: «... никто еще так метко и пронизательно не говорил обо мне, так ясно не очертил пределов моего творчества и вообще так наглядно не вскрыл мое внутреннее существо».³⁸ В этом отзыве — насколько можно судить по переводу с несохранившегося немецкого оригинала письма — мы вправе предположить все же если не легкую иронию, то некоторое преувеличение. Не мог же Тургенев согласиться с рассуждениями Шмидта о «чрезмерной мягкости» русских людей, обрисованных в его произведениях, о беспомощности крестьян, об

³⁵ См.: *ibid.*, S. 440—441.

³⁶ См.: *ibid.*, S. 461.

³⁷ См.: *ibid.*, S. 460.

³⁸ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.—Л., т. 7, с. 223—224. См. также: *Ионас Г.* Юлиан Шмидт о творчестве Тургенева, с. 284—285.

обилии мрачных подробностей, которые не доставляют читателю «никакого удовольствия»!³⁹ Это были, правда, общие места, распространенные в немецкой журналистике тех лет. Вопреки им Шмидт в конечном счете сумел показать влияние тургеневского творчества на русскую общественную жизнь, значение Тургенева для развития русского и западноевропейского реализма.

Проблема тургеневского лиризма не занимала немецких рецензентов сочинений русского писателя или воспринималась как нечто второстепенное. Более того, Т. Фонтане, не совпадая во мнении ни с Ю. Шмидтом, ни с другими, не признавал за Тургеньевым никакой поэтичности. Умея замечательно описывать действительность («В его глазах и душе скрыто нечто вроде фотографического аппарата»), Тургеньев, по его убеждению, всегда оставался только повествователем-прозаиком, передавал события «так безгранично прозаически, так непроясненно (*unverklärt*)». Как бы подтверждая наблюдение над слабостями немецкого реализма, сделанное в свое время Тургеньевым, Фонтане искал авторский «перст» в романе «Новь»: «Первым делом хотелось бы знать, каковы же, наконец, идеалы самого автора, что же он отстаивает, чему отдано его сердце». Фонтане не нашел ответа и записал раздраженный вывод об авторе «Нови»: «Но он не отстаивает ничего... Удивляешься верности картин, однако они оставляют читателя холодным, как холоден был и писатель, создавая их».⁴⁰ Для Фонтане, очевидно, не могло быть и речи о каком-либо сходстве Тургеньева со Штормом. В этом отношении сам Теодор Шторм оказался проницательнее своих современников — как, впрочем, и Тургеньев, выделявший талант Шторма⁴¹ и Ауэрбаха на общем фоне немецкой прозы.

Немецкие реалисты волей-неволей соизмеряли свои достижения с уровнем, на котором стоял Тургеньев. Международный авторитет, который был завоеван русским писателем для своей родной литературы, сказался в заметном тургеневском влиянии на последующую немецкую прозу. Подчас это влияние было поверхностным, своего рода модой — в романе Карла Деглефа (псевдоним Клары Бауэр) «Неразрывные узы» («*Unlösliche Bände*», 1869) или в сентиментальных повестях Лолы Киршнер, взявшей себе «тургеневский» псевдоним Осип Шубин. Более основательно воздействовал стиль русского писателя на ранние повести Л. Захера-Мазоха, делавшего попытки «объективного» описания жизни

---

³⁹ См.: *Schmidt J. Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit*, S. 437—438. — Против таких обвинений возразил Л. Фридендер в своем очень благожелательном отзыве о Тургеньеве (см.: *Ziegegeist G. Ein Brief Turgenyevs an Prof. L. Eriedländer aus dem Jahre 1868.* — In: *I. S. Turgenyev und Deutschland*, Bd 1, S. 76—85).

⁴⁰ Из записей и писем начала 1880-х гг. (см.: *Fontane Th. Schriften zur Literatur*. Berlin, 1960, S. 91, 346).

⁴¹ Творческая близость писателей была констатирована в известной статье Т. Манна о Шторме 1930 г. (см.: *Mann T. Собр. соч.* в 10-ти томах, М., 1961, т. 10, с. 14—15).

украинских крестьян.⁴² Сказался опыт Тургенева в тематике разрушающихся дворянских гнезд у писателя Эд. Кайзерлинга. Отмечалось влияние Тургенева на развитие немецкой новеллы в сторону большей свободы техники и поворота к современным темам.⁴³ Это подтверждают, как кажется, последние произведения Т. Шторма, особенно «Всадник на белом коне» («Der Schimmelreiter», 1888), где показана незаурядная личность севернонемецкого крестьянина в его труде и связях с природой. Вместе с тем герой Шторма с его трагическим индивидуализмом имел немало предшественников среди персонажей немецких авторов.

6

Взаимоотношения личности и народа, затронутые в позднем творчестве Т. Шторма, стали одной из центральных проблем произведений его знаменитого современника — Фридриха Шпильгагена. Этот автор очень популярных в свое время романов о современности и политических романов¹ безусловно заслонил собой в сознании читателей 60—70-х гг. и Шторма, и О. Людвига, и Ф. Рейтера.

Романы Шпильгагена некоторое время представлялись вершиной литературного развития, осуществлением всех возможностей реалистического метода. Р. Готшалль обнаружил у Шпильгагена «энергично заявляющее о себе политическое содержание при грациозной форме и талантливой обработке материала».² Ф. Меринг написал к 80-летию юбилею романиста в 1904 г.: «Кто был молод тогда и со всей пылкостью юности откликался на животрепещущие проблемы народной жизни — не только в Германии, но и в других странах, и прежде всего в России — навсегда сохранил в своем сердце частичку Шпильгагена и с благодарностью вспоминает писателя...»³

В России к благодарным читателям Шпильгагена принадлежали Писарев, Ткачев, Салтыков-Щедрин, Короленко. По собственным впечатлениям последний свидетельствовал, что в 60-х го-

---

⁴² Тургенев отрицательно относился к попыткам Захер-Мазоха выдавать себя за приверженца тургеневского реализма (см.: *Schultze Chr. Ein Brief Turgenews an L. von Sacher-Masoch aus dem Jahre 1881.* — In: I. S. Turgenew und Deutschland, Bd 1, S. 146—152).

⁴³ См.: *Martini F. Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus 1848—1896.* Stuttgart, 1962, S. 57—58.

¹ См.: *Тронская М. Л.* Политические романы Шпильгагена. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1939, № 20. Сер. филол. наук, вып. 1, с. 212—234.

² *Gottschall R. von. Poetik,* Bd 2, S. 166.

³ *Меринг Ф.* Литературно-критические статьи. М.—Л., 1964, с. 325. (Курсив мой, — *Р. Д.*) — В марте 1884 г. Шпильгаген посетил Петербург в связи с постановкой одной из его пьес; столичная общественность устроила чествование писателя (см.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.—Л., 1960, с. 334—337).

дах Шпильгаген «сразу овладел умами тогдашней молодежи». ⁴ В одном из некрологов 1899 г. Шпильгагена называли «полурусским писателем», с героями которого сроднились читатели России, «в конце концов пришлось поставить его сочинения на библиотечной полке рядом с русскими авторами». ⁵ Примеры таких оценок можно было бы умножить. ⁶ Голоса почитателей Шпильгагена принадлежали в основном кругам демократически настроенной публики. Такое отношение к немецкому писателю сохранялось у нас очень долго, даже когда популярность его начала в Германии спадать. Очередное, пятое собрание сочинений Шпильгагена в русском переводе было предпринято в 1929 г.

Известность Шпильгагена в России объяснялась в первую очередь общественным пафосом его романов «Проблематические натуры» («*Problematische Naturen*», 1860) с продолжением «Из мрака к свету» («*Durch Nacht zum Licht*», 1862), «Семья Гогенштейн» («*Die von Hohenstein*», 1864), «Один в поле не воин» (собственно, «Сомкнутыми рядами», «*In Reih' und Glied*», 1866). Герои романов боролись за преобразование общества, и эта их целеустремленность увлекала читателей, а напыщенность стиля, литературные банальности и расплывчатость политической позиции автора и его персонажей замечались только со временем.

«Шпильгаген коснулся самых больных мест, самых чувствительных струн современного европейского общества», — писал К. Арсеньев в «Вестнике Европы». ⁷ Более конкретными были критики демократического лагеря. Петр Ткачев видел в Лео Гутмане, главном герое романа «Один в поле не воин», прообраз «нового» человека, «людей будущего». В его невесте Сильвии Тухгейм он находил пример сильного женского характера, стремящегося к борьбе за социальную справедливость. ⁸ Тему духовного освобождения женщины подхватила М. Цебрикова в статье «Женские типы Шпильгагена». По выработавшейся уже традиции русской революционной публицистики литературная тема перешла у Ткачева и Цебриковой в тему общественно-политическую. С помощью идей Чернышевского, Добролюбова, Писарева, с помощью тургеневских Рудина и Базарова за Шпильгагена как бы домысливали идеологию его героев и его авторские взгляды. О демократической интеллигенции в романе «Из мрака к свету» М. Цебри-

⁴ В «Истории моего современника» (Короленко В. Г. Собр. соч. в десяти томах, т. 5. М., 1964, с. 318). См. также: Теплинская Н. М. Творчество Ф. Шпильгагена в оценке русских демократических журналов конца 60-х—начала 70-х годов XIX в. — Русская литература, 1977, № 3, с. 140—146.

⁵ См.: Вестник иностранной литературы, 1899, № 3, с. 256—257.

⁶ См.: Травушкин Н. С. Как читали в России роман Шпильгагена «Один в поле не воин». — Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та, 1974, вып. 138. Русская литература и освободительное движение, сб. 5, с. 51—71.

⁷ Z. Z. Современный роман в его представителях. II. Фридрих Шпильгаген. — Вестник Европы, 1879, кн. 7, с. 149.

⁸ См.: Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. — Дело, 1868, № 4, с. 77—100; № 5, с. 1—48.

кова писала: «Этих людей можно загнать из Елисейских полей в пустыню, можно сгноить в казематах или в ссылке, но нельзя связать им руки, пока в них есть еще искра жизни, ни отнять у них отрадное сознание, что в великое общее дело они внесли и свою долю труда».⁹ Речь велась, конечно же, далеко не только о персонажах немецкого романиста. Само заглавие романа, особенно в его русской интерпретации, понималось как призыв объединиться, обращенный к врагам царизма, ибо «один в поле не воин».

Одобрив или порицая героев Шпильгагена, русская критика демократического направления, как правило, относилась к ним как к живым людям, не ставя под сомнение их жизненность. Например, М. Цебрикова упрекала героя «Проблематических натур» в том, что он неправильно, с ее точки зрения, распорядился богатым наследством: не гибнуть следовало бы ему, после того как он узнал, что он сын аристократа, а употребить богатство на пользу борцов за свободу.¹⁰

Для Г. Е. Благосветлова, издателя демократического журнала «Дело» и переводчика романа «Один в поле не воин», лица романов представляли агитационный интерес. Освальд Штейн для него оставался, правда, «пустым фразером», зато Лео Гутман казался умелым революционером-практиком. Но все же и он допустил просчет, не сумев «открыть источник силы в народе» и создать «свою партию». Лео обличался не как неудачно написанный литературный герой, а как политик, который ограничился «жалкой полумерой» реформаторства. «Он погубил свое предприятие не потому, что перестал верить в себя или изменил своим убеждениям, — нет, он был тот же Лео, но Лео погибший! — а потому, что, положившись на негодных союзников, остался в поле один».¹¹ Предисловие, написанное Благосветловым к третьему изданию перевода романа, заканчивалось призывом к молодому поколению избавиться от «плачевной иллюзии» реформ и надежд на помощь монархов в улучшении жизни угнетенных. Русский литератор повторил в этой своей статье некоторые мысли самого автора. В письме к Благосветлову последний тоже критиковал «либеральную партию с ее полинялым знаменем лицемерного прогресса», однако отчетливее противопоставлял ей своего Лео («настоящее и будущее принадлежит людям, подобным Лео»). Но если Шпильгаген видел трагедию таких деятелей, как его герой, в том, что они боролись почти в одиночку, а не «сомкнутыми рядами»,¹²

⁹ Цебрикова М. Женские типы Шпильгагена. — Отечественные записки, 1869, т. 184 (3), № 6, отд. II, с. 200.

¹⁰ См.: там же, с. 208.

¹¹ См.: Благосветлов Г. Люди будущего. (Посвящается моему сыну). — В кн.: Шпильгаген Ф. Один в поле не воин. Роман в 2-х томах. Перевод с немецкого, исправленный под редакцию А. Н. Моригеровского. 3-е изд. редакци журнала «Дело». СПб., 1871, т. 1, с. XLII.

¹² Ф. Шпильгаген писал Г. Благосветлову, в частности, следующее: «Все дело в комбинации и соединении таких сил как Лео, и пока они будут разъединены — гибель их неотразима. Это пока роковая необходи-

то русский демократический читатель считал ошибочным самое направление действий Лео, хотя и на него производила впечатлительные романтическая фигура одинокого «воина».

Общедемократический пафос романов Шпильгагена сыграл свою роль в народнической и революционно-демократической, а позднее и в социал-демократической агитации. Избранная писателем тема поиска нового героя в литературе и в жизни совпала с актуальнейшей потребностью русской культуры и общественной борьбы.¹³ Следует предположить, что увлеченность Шпильгагеном поддерживалась в России и известиями о росте немецкого рабочего движения. Авторитет немецкой революционной мысли придавал героям Шпильгагена определенный ореол в глазах русского демократического читателя. Современники знали, что в Лео Гутмане отразился образ Фердинанда Лассаля, непоследовательного, но яркого деятеля, а в романе «Семья Гогенштейн» отложились впечатления от фигуры Карла Маркса, — правда, как заметил Меринг, от Маркса, «на девять десятых списанного» с мелкобуржуазного радикала Г. Кинкеля.¹⁴

Немецкие критики, которым политические взгляды Шпильгагена казались слишком радикальными, без труда могли обнаружить слабости его стиля. Для братьев Харт писатель был слишком тенденциозен, чтобы правдиво отображать действительность.¹⁵ Фонтане подошел к нему не со столь догматической меркой абстрактного реализма и готов был поверить в реальность персонажей Шпильгагена (имелся в виду роман «Прилив» («Sturmflut», 1876)), если бы обнаружил в них побольше «интереса», т. е. психологической глубины характеров.¹⁶ Русская либеральная журналистика тоже не все одобряла у Шпильгагена. Константин Арсеньев считал его «писателем, близко принимающим к сердцу злобу дня, горячо ненавидящим злоупотребления прошедшего и настоящего, горячо верящим в лучшее будущее, умеющим хорошо выбрать предмет, сочинить занимательную фабулу, внести в нее элемент тенденциозный, — но писателем неровным, расплывчатым, неразборчивым в средствах к возбуждению внешнего интереса, несвободным от французской фельетонной манеры».¹⁷ Даже в журнале

мость так долго ошибающегося человечества. Вот идея моего романа, вот глубокое мое убеждение в значении современного общественного деятеля» (письмо было помещено во 2-м издании романа «Один в поле не воин» 1868 г., цит. по: *Прозоров Г. В.* Из цензурной истории перевода на русский язык романа Шпильгагена «Один в поле не воин» и предисловия к нему. — Учен. зап. Ленингр. гос. педагогич. ин-та им. Герцена, 1941, т. 41, с. 359—360).

¹³ См.: *Рассказов А. В.* Ф. Шпильгаген в оценке русской критики. — Учен. зап. Горьковского ун-та, 1971, вып. 145, с. 197—212.

¹⁴ См.: *Меринг Ф.* Литературно-критические статьи, с. 323.

¹⁵ См.: *Hart H., Hart J. Fr.* Spielhagen und der deutsche Roman der Gegenwart. — In: *Kritische Waffengänge*, Н. 6. Leipzig, 1884.

¹⁶ См.: *Fontane Th.* Aufzeichnungen zur Literatur. Berlin—Weimar, 1969, S. 91—93.

¹⁷ *Z. Z.* Современный роман в его представителях. II. Фридрих Шпильгаген, с. 140.

«Дело», который первенствовал в пропаганде творчества Шпильгагена, была в 1874 г. сделана оговорка, что в последних вещах писателя заметна скука и действующие лица по большей части — «не новые».¹⁸

Представление Шпильгагена о задачах романиста можно было узнать из его теоретической работы «Материалы к теории и технике романа» («Beiträge zur Theorie und Technik des Romans», 1883). Эта книга — точнее, собрание нескольких статей разного времени — не во всем отражала писательскую практику Шпильгагена. Но из нее было очевидно, что роман понимался как жанр, выполняющий функции прежнего эпоса, когда мир якобы рассматривали сквозь один центральный человеческий образ, обладавший определенным набором качеств. Соответственно писатель требовал, чтобы герой романа имел жизненный прототип или же передавал точку зрения автора (так называемая «теория модели»). Заметно, что Шпильгаген в общем напоминал своими теоретическими послылками Карла Гуцкова, несмотря на то что Гуцков настаивал на сугубой объективности изображения. У того и другого проблематика и герои романов оказывались заранее заданными,¹⁹ в сущности довольно субъективно окрашенными, несшими на себе следы романтического авторского произвола. Шпильгаген, точно так же как Гуцков и многие иные немецкие реалисты, лично стремился к правдивости картин и естественности поведения персонажей. Однако традиции романтической прозы, гораздо более сильные, чем в русском реализме, диктовали свою эстетику — «приподнятость» героев, патетический стиль, авантюрные повороты интриги.

Книга Шпильгагена, одна из первых теоретических работ о современном романе, вызвала обсуждение путей, по которым пойдет немецкий реализм. Критики заметили склонность автора к догме, попытки составить рецепт писания романов — «академический натурализм», по определению Р. Готшалля.²⁰ Но книга дала представление об уровне теоретического осмысления жанра, послужила толчком для дальнейшего развития литературной теории. Полемически отталкиваясь от идей, изложенных немецким романистом, А. Н. Веселовский в статьях цикла «История романа и повести» (1886). Русский ученый рассматривал роман как развивающийся жанр, который сопротивляется всякой схематизации,

---

¹⁸ См.: Языков Н. <Шелгунов Н. В.>. Шпильгаген в его последних произведениях. — Дело, 1874, № 7—8, с. 16, 27. — Ср.: «Он создал, собственно, один-единственный роман» (Hart H., Hart J. Fr. Spielhagen und der deutsche Roman der Gegenwart. S. 50).

¹⁹ Примечательно заявление братьев Харт, что Шпильгаген шел в своих романах не столько от жизни, сколько от прочитанного, — в частности, от Диккенса (см.: Hart H., Hart J. Fr. Spielhagen und der deutsche Roman der Gegenwart, S. 54). Критическое изложение концепции немецкого писателя см.: Морозов П. О. Шпильгаген и его теория романа. — Вестник Европы, 1883, кн. 4, с. 641—666.

²⁰ См.: Gottschall R. von. Studien zur neuen deutschen Literatur. Berlin, 1892, S. 145.

и — споря со Шпильгагеном — как жанр новый, не связанный со старым эпосом. В этом сказался вновь опыт читателя Толстого и Достоевского. «Замена старой формы новою обусловлена была изменением содержания, и новая удержалась настолько прочно, что теория романа берется упрочить ее законность, подсказывая ей особое, трансцендентальное содержание — в уровень с понятиями XIX века».²¹ В этих словах — признание большой роли романа и одновременно впечатления русского читателя произведений немецких современников: немецкие романы казались все же несколько отвлекавшимися от конкретной действительности, основанными скорее на отвлеченных нравственных, эстетических, политических посылах, чем на жизненных впечатлениях. Эта «трансцендентальная» основа реализма была особенно заметна у Шпильгагена, в его творчестве и в теории романа.

Шпильгагена сравнивали с Тургеневым часто, но, кажется, никто не делал вывода о превосходстве немецкого писателя над русским — ограниченность реализма Шпильгагена была слишком явной. Тургенев отнесся к типу шпильгагеновского героя — «русскому Лео» настороженно. Воспевать подобных одиночек, по крайней мере в общественных условиях России, он считал неуместным.²²

Немецкий романист не мог не заинтересоваться произведениями знаменитого русского современника. Как теперь известно, он даже перевел с французского для ганноверской газеты «Дневник лишнего человека» (знаменательный выбор!). В этом произведении его подкупил «налет меланхолии», по признанию его в письме к К. Гуцкову в январе 1862 г.,²³ писателя поразило психологическое мастерство Тургенева, привлек его внимание, вероятно, и самый тип жертвы безвременья, однако интереса собственно к русской жизни, отраженной в рассказе, Шпильгаген не проявил.

Русский реализм 1860-х гг., заметно «обгонял» немецких писателей-реалистов, как бы остановившихся на противоречиях между благими намерениями своих героев и жестокой эпохой Бисмарка, зарождающегося германского империализма, между героем-индивидуалистом и страдающей народной массой. Найденный Б. Ауэрбахом ракурс изображения народа не получил развития, психологизм Т. Шторма был скован рамками бюргерской провинциальной среды, «тенденция» романов Гуцкова и Шпильгагена о современности осталась сравнительно отвлеченной.

²¹ См.: *Веселовский А. Н.* История или теория романа. — В кн.: *Веселовский А. Н.* Избр. статьи, с. 9—22.

²² См. письмо Тургенева к А. П. Философовой от 6/18 августа 1874 г. по поводу реальных судеб «новых людей» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. Письма, т. 10, с. 275). См. также: *Schultze Chr. I. S.* Turgenew und Fr. Spielhagen. — *Zeitschrift für Slawistik*, 1973, Bd 18, H. 1, S. 159.

²³ Шпильгаген способствовал также публикации немецкого перевода пьесы «Завтрак у предводителя» в 1878 г. В этой связи между писателями завязалась деловая переписка (см.: *Schultze Chr. I. S.* Turgenew und Fr. Spielhagen, S. 154—162).

Качественную разницу между русским и немецким реализмом можно отчасти проиллюстрировать сопоставлением дат. Так, например, в 1856 г. появились в печати «Босоножка» Б. Ауэрбаха, «Между небом и землей» О. Людвига и «Рудин», печатались «Севастопольские рассказы»; в 1858 г. увидели свет «Римский волшебник» К. Гудкова и «Дворянское гнездо», а в 1861 г. — «Проблематические натуры» Ф. Шпильгагена и «Униженные и оскорбленные», за год до того Тургенев выступил с повестью «Накануне», годом позже появились «Отцы и дети»; в 1867 г. издан «Дым», в 1866 г. — «Один в поле не воин», в это же время Толстой работает над «Войной и миром», и т. д.²⁴

Но стоит еще раз повторить, что значение немецкого реализма на его раннем этапе 50—60-х гг. не сводилось к тому, чтобы служить отрицательным примером при сопоставлении с литературами других стран. Ряд сделанных выше наблюдений над сочинениями немецких авторов показал, что реализм как направление в немецкой литературе второй половины прошлого века обладал собственными конкретными достоинствами. Достоинства эти — как, впрочем, и его относительные слабости — выявились из суждений современников, из эпизодов восприятия произведений немецких писателей-реалистов в стане русского критического реализма, а также из отзывов немецкой критики о русских писателях — словом, главным образом из рассмотрения фактов истории литературы.

Русские современники приняли с одобрением теоретические основы немецкого реализма — стремление изображать жизнь «как она есть», признание важности социального аспекта и эпичность романной формы, попытки дать исторически и социально конкретный человеческий характер и его национальные черты. Практическое осуществление этих принципов находило понимание в России — крестьянская тема Б. Ауэрбаха, общественная борьба за идеалы буржуазно-демократической революции у К. Гудкова и Ф. Шпильгагена; в определенной мере был оценен «поэтический реализм» О. Людвига и особенно Т. Шторма, вызвал интерес даже героизированный буржуа Г. Фрейтага.

Однако на фоне русской литературы особенно замечалось тяготение немецкого реализма к описательности и своего рода «всеядности», недостаточная его аналитичность (это можно было увидеть уже из определения реализма у раннего Т. Фонтане), предпочтение остроты сюжета глубине характеров, склонность к поучению и авторскому вмешательству, риторика. Остатки сентиментально-романтической эстетики и стилистики мешали объективному отображению жизни, как ни жаждали объективности сами авторы. Закоснелые бюргерские идеалы не позволяли рисовать действительность в ее развитии. Статичность, «покоящийся

---

²⁴ Данные приводятся на основании таблицы, составленной Ф. Мартини: *Martini F. Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus 1848—1898*. Stuttgart, 1962, Beilage.

образ экономической, социальной, политической жизни», как выразился Эрих Ауэрбах,²⁵ остался показательной чертой большинства произведений немецких «буржуазных» реалистов. Но тот же исследователь утверждал, что, несмотря на все это, реалисты были реалистами: в центре их внимания стоял современный человек с его призывом к деятельному добру, с его социальными связями. Эта «жизненная чистота, внутренняя нравственность»,²⁶ т. е. этическая основа немецкого реализма, была, добавим мы, глубоко демократической по происхождению. Именно демократические черты немецкого реализма обеспечили ему внимание русских литераторов и читателей, причем черты вполне конкретные. В народности Б. Ауэрбаха, лирической проникновенности Т. Шторма, пафосе борьбы за справедливость, свойственном творчеству Ф. Шпильгагена, содержались возможности будущего развития реализма. Первое признание этих возможностей находим мы в отзывах русской критики, подтверждение их — в дальнейшей истории немецкой литературы.

---

²⁵ См.: *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе, с. 449.

²⁶ См.: там же, с. 508.

Л. И. Ровнякова

Южнославянские сюжеты в журнале
«Русская беседа»
(1856—1860)

«Глупо с нашей стороны давать себе вид политических действователей. По сущности мысли своей, — писал в 1846 г. авторитетнейший вождь славянофилов, один из видных деятелей славянофильства А. С. Хомяков, — мы не только выше политики, но и выше социализма, который есть не что иное, как вывод, и вывод односторонний, из общего воспитания человеческого духа».¹

Спустя два года тот же Хомяков, продолжая отстаивать преимущества славянофильского аполитизма перед политической нацеленностью всех видов социалистических теорий, писал: «Перевоспитать общество, оторвать его совершенно от вопроса политического и заставить заняться самим собою, понять свою пустоту, свой эгоизм и свою слабость: вот дело истинного просвещения, которым наша Русская земля может и должна стать впереди других народов. Корень и начало дела — религия, и только явное, сознательное и полное торжество православия откроет возможность всякого другого развития».² Однако вопреки продолжавшимся уверениям в «принципиальном аполитизме» после 1848 г. интересы русского славянофильства все более пропитываются современной политической злободневностью. Об этом свидетельствуют не столько подцензурная печатная публицистика, сколько частные письма, наполненные сведениями о европейских событиях с преимущественным интересом к освободительной борьбе славянских народов.

Эта борьба воспринималась славянофилами в свете их утопических надежд на объединение славянства под эгидой православия. Ближе всего русским славянофилам были исповедовавшие православие болгары и сербы. «Папство Григория идет туда же, куда Каткова империя — в исторический архив. Туда же за ними протестантство и католицизм. Поле чисто. Православие на миро-

---

¹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1900, т. VIII, с. 168.

² Там же, с. 178.

вом череду. Славянские племена на мировом череду», — писал Хомяков А. Н. Попову 17 марта 1848 года.³

И через несколько месяцев спустя о том же: «у нас постоянно должно быть более надежд, чем сомнений. Перед нами живой пример, который должен поощрять слабых духом: это теперешнее дело хорватов⁴ и всех славян. Давно ли это было мечтой, а теперь уже стало историческим фактом, которого никто в мире не может уничтожить».

Но славянофилы, как известно, были противниками революционных преобразований и надеялись на мирное торжество своих идеалов. Поэтому тут же следует оговорка: «<...> конечно, труднее переделка общественной мысли, чем насильственная революция. Но когда там (в Европе, — Л. Р.) совершилось необычайное, почему не свершиться у нас несбыточному, нашему <...> обрусению».⁵

Славянофилы были противниками проавстрийской политики Николая I в Европе. Поражение революции 1848 г. вызвало в их рядах разочарования, свойственные всем мыслящим людям тогдашней России.

Европейские события конца 40-х гг. и преследования со стороны царского правительства освободили славянофильство от искусственного аполитизма и выявили их политические позиции. Однако окончательно границы их радикализма и консерватизма, вопиющее противоречие между ними определились в период Крымской войны и первой революционной ситуации в России.

Начало Крымской войны сопровождалось в правительственной и дворянской среде России взрывом ура-патриотизма, получившего особенно яркое выражение в стихах на темы дня. Такие произведения охотно печатала реакционная «Северная пчела». Известное стихотворение «Вот в воинском азарте воевода Пальмерстон» было напечатано в этой газете по личному указанию царя. Политические настроения захватывали и дворянские слои русского общества. Своиственны они были и славянофилам.

Славянофилы ожидали, что исход войны принесет разрешение восточного вопроса: они надеялись на освобождение славян от турецкого ига и создание всеславянского государства. Крупнейший теоретик славянофильства К. Аксаков под влиянием собы-

³ Там же, с. 177.

⁴ Имеется в виду антифеодальное крестьянское и национально-освободительное движение, развернувшееся в Хорватии весной и летом 1848 г. Собравшийся в марте 1848 г. в Загребе собор выдвинул требование объединить хорватские земли, создать независимое национальное государство, отменить крепостную зависимость и т. д. Однако руководство событиями вскоре оказалось в руках дворянских элементов, стремившихся к соглашению с Габсбургами, что облегчило победу контрреволюции. Вследствие поражения революции югославские народы не получили независимости. Но они добились отмены (за выкуп) основных феодальных повинностей, что способствовало дальнейшему развитию капиталистических отношений.

⁵ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 194.

тий написал «Записку», где коротко, но ясно изложил свою внешнеполитическую программу. Она провозглашала обычное славянофильское положение о противоположности западного и восточного миров. Сама война рассматривалась как новое звено в борьбе между ними. Автор призывал не бояться Запада и поднять против него все православное славянское население, с тем чтобы разгромить Турцию и на ее развалинах создать славянские государства, внутренне автономные, но находящиеся под покровительством России, которая сосредоточит в своих руках внешнюю политику и явится «нравственным средоточием славянского мира». Хотя программа была сформулирована с присущей славянофилам расплывчатостью, «панславистский характер изложенного не вызывает сомнений».⁶

Сохраняя свое представление о преимуществе России над Западом,⁷ славянофилы «охотно» и, можно сказать, радостно шли навстречу развертывавшемуся «восточному кризису».⁸ Надеясь на освобождение славянских племен⁹ и стремясь «участвовать в жертвах, необходимых при исполнении этого желания»,¹⁰ они были уверены, что «кровавый спор» будет решен в пользу славянских народов во имя торжества христианских идеалов и в ущерб западному миру.

В стихотворении «Вставайте! Оковы распались...» (1853) А. Хомяков призывает славянских братьев взяться за оружие:

Скорее друг к другу в объятья,
Скорей за отцовский булат!

---

⁶ Никитин С. А. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. — В кн.: Учен. зап. ин-та славяноведения. М., 1952, т. VI, с. 90.

⁷ Славянофилы отстаивали особый путь развития России и ее самобытной культуры, хотя во многом ошибочно ее решали. Они считали, что Европа исчерпала себя и неспособна к дальнейшему развитию. Вместе с тем упреки, адресованные им западниками и состоявшие в том, что славянофилы начисто отрицали западную культуру, не лишены преувеличений. См. подробнее: Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли. — Вопросы философии, 1966, № 6, с. 120—130; Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964. — В 1969 г. «Вопросы литературы» опубликовали материалы дискуссии о критике раннего славянофильства (статьи А. Янова, С. Покровского, Б. Егорова, А. Дементьева, Л. Фризмана, А. Иванова, В. Кожина, В. Кулешова, Е. Маймина, С. Дмитриева в номерах 5-м, 7-м, 10-м, 12-м этого журнала). Итоги дискуссии подведены в содержательной статье С. Машинского «Славянофильство и его истолкователи» (Вопросы литературы, 1969, № 12).

⁸ Левин Ш. III. Славянофилы и война. — В кн.: Очерки по истории русской общественной мысли. Л., 1974, с. 295.

⁹ Сама по себе мысль об освобождении славян от иноземного ига была безусловно прогрессивной. Но это освобождение мыслилось под сенью крыл могущественного русского орла, т. е. в конечном счете предполагалось присоединение славянских земель к России.

¹⁰ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Письма 1851—1860 годов. М., 1892, т. 3, с. 116.

— и от лица последних заявляет:

Мы вольны, мы к битве готовы...

Однако главную силу автор видит не в самих южных славянах, а в их покровительнице — России. Обращаясь к ней, поэт призывает сокрушить Турцию и освободить единоверных братьев:

Вставай, страна моя родная!
За братьев! Бог тебя зовет
Через волны гневного Дуная —
Туда, где землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

(России, 1854).¹¹

Тот же мотив звучит в другом стихотворении — «Раскаившейся России» (1854):

Иди! Тебя зовут народы,
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!

Предчувствуя грозный суд, народы собираются «к Востоку» «для битвы правой».

Спешат и, кровавый предчувствуя спор,
Смятенья, волненья полны
Собираются, грозный, гремящий собор
На Черное море, на синий Босфор,
И ропщут, и пенятся волны.

(Суд божий, 1854)

Но сокровенные чаяния поэта носят совсем не «кровопролитный характер». Стихотворение заканчивается обращением к богу:

О боже, прости их! и всех призови!
Исполни их веры и братской любви,
Согрей их дыханьем свободы!

Все это «достаточно определенно отмежевывает это стихотворение от официально-националистической поэзии Крымской войны».¹²

В известной мере с указанным стихотворением созвучно «На Дунай!» И. С. Аксакова, написанное в то же время. Оба стихотворения близки по своему настроению, оба пронизаны мыслью об освобождении славян. Стихотворение Аксакова воспринималось как явный упрек царю («На Дунай! Что медлишь ты напрасно...»), хотя и царь прямо назван не был. Здесь отсутствует конкретное изображение исторических событий, история облачена в романтические одежды.

¹¹ Та же мысль и в стихотворении «Орел» (1832), напечатанном в № 1 газеты «Парус» за 1859 г.

¹² Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978, с. 324.

Основной его мотив — готовность к самопожертвованию во имя общего блага.

... вздохнуть среди жизни мировой,
в горе всех — свое растратить горе,
в счастье всех — исчезнуть будто в море,
хода дней не слышать над собой...
В общей жизни — жизнью потеряться,
в общем деле — свято послужить.

К. С. Аксаков более других славянофилов был «ослеплен» происходящими событиями. В стихотворении «Орел России» (1854), имеющем знаменательный подзаголовок «1453—1853»,¹³ он изобразил два лагеря: православную Россию и земли, «оскверненные» полумесяцем Магомета.

Во многом сходным было отношение к войне Ф. И. Тютчева, взгляды которого, как известно, были близки славянофилам.¹⁴ Достаточно указать на стихотворение «Рассвет» («Не в первый раз кричит петух...»), впервые напечатанное в сборнике «С нами бог! вперед... Ура!» (1854), в котором выражалась надежда на великую роль России и русского народа. Отсюда призыв к царю «пасть перед алтарем Софии, чтобы встать потом всеславянским царем» («Пророчество», 1850).¹⁵

Печальное развитие событий на театре военных действий не поколебали убеждений славянофилов и их веры в предназначение России.¹⁶ Но оно усилило критический взгляд славянофилов на николаевский режим и европейскую политику, которую они считали препятствием в осуществлении славянского единства. В их поэзии появились мотивы раскаяния и тоски.

Однако еще в начале войны в их поэзии резко звучали критические ноты. Искренность и «пафос правды» придавали ей про-

¹³ 1453 г. — год захвата турками Константинополя и падения Византии. По мысли К. Аксакова, вместо павшей Византии роль объединительницы славян должна была взять на себя Россия.

¹⁴ Один из лучших специалистов по биографии Ф. И. Тютчева — В. Я. Брюсов считал его «законченным славянофилом», хотя и сформировавшимся за границей «независимо от московских кружков». Исследователь творчества Тютчева наших дней Пигарев К. В. считает, что в славянофильстве поэта было «что-то парадоксальное», что последовательным славянофилом Тютчеву мешало стать отсутствие той реальной почвы, которая питала помещичью идеологию «московских славян», и то, что он был «слишком европейцем». Подробнее см.: *Пигарев К. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. — Литературное наследство*, кн. 19—21, с. 188—191, 205, 216. Интересные суждения об этом находим в книге Б. Бухштаба «Русские поэты» (Л., 1970, с. 26—30). Встречаются также суждения, что Тютчев был «больше панславистом, чем славянофилом». (Ср.: *Тиганчева Е. П. Брюсов о русских поэтах XIX века*. Ереван, 1973, с. 19).

¹⁵ Опубликовано в № 3 «Современника» за 1854 год. В издании «Сочинений» 1854 г. не вошло, так как было запрещено Николаем I. Последние две строки царь собственноручно зачеркнул, повелев «подобные фразы не допускать» (ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ч. II, д. 3294).

¹⁶ Далее, после поражения в Крымской войне С. Т. Аксаков писал сыну: «У нас, по крайней мере, есть будущее, а у Европы его нет» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, М., 1892, т. III, с. 314).

роческую страстность и нередко воспринимались правящими кругами враждебно. Такой резонанс получило, как известно, облетевшее в рукописи всю Россию стихотворение А. Хомякова «России» (1854 г.). Московский генерал-губернатор гр. А. А. Закревский потребовал от автора соответствующих объяснений, так как правящие круги «не хотели и слышать о каких бы то ни было прорехах и недочетах, а дыр и серьезных язв не хотели даже подзревать».¹⁷

Программа К. С. Аксакова получила широкое распространение в славянофильской среде, легла в основу внешнеполитических воззрений, получила широкий отклик и в поэзии славянофилов, как было показано выше, и на страницах славянофильской периодической печати.

Журналистика и происходящая в ней идейная борьба еще со времен Белинского стала осознаваться как своеобразная политическая арена. В письме 1840 г. к В. П. Боткину Белинский писал: «Журналистика в наше время всё: и Пушкин, и Гёте, и сам Гегель были журналистами. Журнал стоит кафедры».¹⁸

Русская журналистика 1850-х гг. и материалы, связанные с периодической печатью, как неоднократно отмечалось в литературе,¹⁹ занимают исключительное место среди источников по истории общественно-политической и литературной жизни России кануна отмены крепостного права и первой революционной ситуации (1859—1861 гг.). Видное место в русской журналистике указанного периода принадлежит славянофильскому журналу «Русская беседа» (1856—1860).

Повременное издание «Русская беседа» начало выходить в Москве в 1856 г. Журнал существовал на средства А. И. Кошелева, который являлся его редактором.²⁰ Первоначально ближайшим

---

¹⁷ Лемже М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX века. СПб., 1904, с. 7.

¹⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. XI, с. 453.

¹⁹ Миронова И. А. Крестьянский вопрос в периодической печати во время подготовки крестьянской реформы 1861 года. М., 1962; Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Л., 1962; Дмитриев С. С. Периодическая печать дореформенной России (1801—1860 гг.). — В кн.: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970.

²⁰ К. С. Аксаков в одном из своих коротеньких писем к Александру Ивановичу говорил, между прочим: «Хотя вчера благодарил я вас за „Беседу“ лично, но хочется еще Вам сказать спасибо за вашу волю, за ваше постоянство, за вашу уверенность, за вашу любовь к общему делу». Об этом же К. С. Аксаков говорил в письме от 30 XII 1859 г. См.: Колупанов. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892, т. II, с. 234—235. Ср. также: Письмо А. С. Хомякова к Кошелеву. — Русский архив, 1879, с. 276—300 (Приложение к ст. А. И. Кошелева «Мои воспоминания об А. С. Хомякове»).

сотрудником Кошелева был Т. И. Филиппов,²¹ но их совместная работа длилась недолго. В марте 1857 г., в результате разногласий с членами славянофильского кружка по ряду вопросов, в том числе и по греко-болгарской церковной борьбе, Филиппов ушел из журнала.²²

В 1857 г. его место занял П. И. Бартенев (1829—1912),²³ будущий издатель журнала «Русский архив», а в то время — учитель племянника А. С. Хомякова. В декабре того же года Бартенева сменил М. А. Максимович. С августа 1858 г. к делам редакции был привлечен И. С. Аксаков. Кроме Аксакова и Кошелева активное участие в «Русской беседе» принимали А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, братья Киреевские, Ю. Ф. Самарин, кн. В. А. Черкасский, М. П. Погодин, Ф. В. Чижов. Постоянно сотрудничали А. Ф. Гильфердинг, М. А. Максимович, П. А. Бессонов, А. Н. Попов, С. М. Соловьев, А. В. Рачинский, историк русского права И. Д. Беляев, публицист и цензор Н. П. Гиляров-Платонов и др.

К участию в разделе «Изящная словесность» были привлечены С. Т. Аксаков, Ф. И. Тютчев, В. И. Даль, А. К. Толстой, И. С. Никитин, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. И. Надеждин, П. И. Якушкин. Здесь было напечатано неизданное стихотворение А. С. Пушкина «Страдалец произвольной муки...», четыре неизвестных стихотворения Н. М. Языкова («Сияет яркая полночная луна...», «А. Н. Вульф», «Я помню: был весел и шумен мой день», «К баронессе Е. Н. В.»), стихотворения В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. И. Одоевского, Е. А. Баратынского, Я. К. Грота, К. Павловой, Г. С. Батенькова, Т. Г. Шевченко и др. С переводами со славянских языков выступали Н. В. Берг, А. Ф. Гильфердинг, М. П. Петровский и В. Г. Варенцов.

В «Русской беседе» за 1857 г. появилось «Литературное объяснение», которым издатели журнала приветствовали выход в свет новой еженедельной московской газеты «Молва». Но газета просуществовала всего несколько месяцев и в декабре того же года была закрыта. Спустя два года, в 1859 г., И. С. Аксаков успел выпустить всего два номера газеты «Парус» — она тоже была

---

²¹ См.: Дело о разрешении Главного управления цензуры надворному советнику А. И. Кошелеву и титулярному советнику Т. И. Филиппову издавать журнал «Русская беседа» по прилагаемой программе. — Центральный гос. историч. архив (в дальнейшем: ЦГИА), ф. 772, ч. 1, оп. 2, д. 3692.

²² Там же, д. 4999, л. 4.

²³ Уйдя с поста редактора «Русской беседы», Бартенев сохранил интерес к славянам. В 1857 г. он перевел с немецкого книгу Л. Ранке «История Сербии по сербским источникам». В следующем, 1858 г. Бартенев выступил одним из учредителей Московского славянского комитета, а в 1861 г. возглавил с Я. О. Орел-Ошмянцевым и П. А. Бессоновым комиссию по делам обучающихся в России болгарских студентов (ЦГИА Москвы. Фонд Славянского комитета, ед. хр. 25, л. 3—6). Бартенев состоял в переписке с Р. К. Жинзифовым. Об этом подробнее см.: *Ерихон Л. С. Р. Жинзифов и П. И. Бартенев.* — Известия на института за българска литература, София, 1965, кн. XVI, с. 163—190.

закрыта. На газету издатель возлагал большие надежды, пытаясь объединить с ее помощью славян вокруг России и православной церкви и превратить газету в «центральный орган славянской мысли».²⁴

После закрытия «Паруса» Аксаков предпринимает еще одну попытку — издать газету под названием «Дума». Однако и эта попытка оказалась тщетной. Из хранящегося в Главном управлении цензуры документа видно, что причиной отказа явилось «предосудительное направление газеты „Парус“, страх, что редактор, надворный советник И. Аксаков, своим новым изданием может „вредно действовать на общественное мнение“».²⁵ Итак, издание газеты «Дума» не состоялось. Таким образом, «Русская беседа» была основной трибуной славянофилов, их «лебединой песней».

Мысль об издании своего журнала возникла в славянофильских кругах давно. Но активные попытки ее реализации начались лишь с осени 1855 года.²⁶ Добиться разрешения на издание удалось не сразу. На славянофилов смотрели как на врагов режима.²⁷ Известно, что после появления в № 36 «Молвы» резко обличительной статьи К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика—народ» газета была закрыта и ее автору навсегда была запрещена редакторско-издательская деятельность. И. С. Аксаков также подвергся аресту. Его поэма «Бродяга» по доносу ярославского губернатора была в 1852 г. объявлена цензурным комитетом «предосудительной». Автору пришлось уйти в отставку. Второй том из подготовленных им двух «Московских сборников» был запрещен, а участники издания — оба брата Аксаковы, И. В. Киреевский и А. С. Хомяков — отданы под политический надзор. Им приказано было впредь отправлять свои труды в Главное управление по делам печати, а это практически означало потерять право печататься. Кроме того, И. С. Аксаков лишился права быть редактором, а после 1868 г. — и издателем.

Сказанным не исчерпывалась цепь репрессий, которыми, пользуясь выражением С. Т. Аксакова, правительство пыталось «задавить» славянофильское направление.

Славянофилы 40—50-х гг. не могли предвидеть дальнейший ход истории. Они были яркими противниками материалистической философии, сторонниками теории мирного развития, отражали страх либерального дворянства перед ростом классовой борьбы. Они выступали с исторической программой, пронизанной духом узкого национализма, преклонялись перед догмами православия,

²⁴ Автобиографическая записка И. С. Аксакова для энциклопедического словаря. — Русская мысль, 1917, кн. III—IV, с. 70.

²⁵ ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ч. II, д. 4999, л. 4.

²⁶ Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлин, 1884, с. 84.

²⁷ В секретных бумагах гр. А. А. Закревского хранится записка, помеченная 29 августа 1858 г., в которой славянофилы названы членами «тайного политического общества» и зачислены в список «подозрительных людей» г. Москвы. — Гос. исторический музей (далее: ГИМ), Р. I, оп. 9, с. 3—6.

хотя их понимание «православия, самодержавия и народности» было отличным от официальной идеологии.²⁸ В этой триаде для славянофилов заключался «идеал истинного христианства, как они его понимали, и монархии, призванной стоять на страже общественной патриархальной демократии».²⁹

Будучи идеалистами и даже мистиками в философии, отстаивая крупное землевладение, монархические принципы и идеализируя старину, славянофилы являлись группировкой, оппозиционной правительству. Они критиковали бюрократизм, цензурный произвол, полицейскую опеку. Они требовали даровать обществу свободу слова, совести и мысли, чтобы «предотвратить», как они говорили, «опасность нарушения нормального кровообращения». Славянофилы не работали перед самодержавием, являясь противниками крепостного права. И как бы непосредственны и ограничены ни были они в своей прогрессивности, накануне крестьянской реформы славянофилы включались в общий антикрепостнический фронт. В вопросах наделения крестьян землей и определения суммы выкупа славянофилы стояли на тех же позициях, что и представители других оттенков дворянского либерализма.

Оппозиционность славянофилов, их отрицательное отношение к крепостничеству не могли, разумеется, не влиять на отношение к ним русских революционных демократов. О близости некоторых славянофильских идей Герцену и Чернышевскому они не раз заявляли сами. Вера славянофилов в народ была той живой истиной, которая позволила Герцену заявить, что он «гораздо ближе к московским славянофилам, чем к западным старообрядцам»,³⁰ т. е. к либеральным западникам, а Чернышевскому в «Заметках о журналах» за май 1856 г. — приветствовать появление «Русской беседы» и высказать мысль, что, несмотря на осознание пропасти, которая их разделяет («новый журнал должен точнее и строже определять границы своего направления»), у «Русской беседы» и «Современника» могут найтись некоторые точки соприкосновения».³¹

Чернышевскому импонировал призыв славянофилов к сближению интеллигенции с народом, к изучению его жизни, быта, культуры и языка, их концепция народности искусства. Вот почему в «Очерках гоголевского периода русской литературы» великий революционер-демократ подчеркивал, что «люди, которых

---

²⁸ См.: *Герцен А. И.* Собр. соч. М., 1956, т. IX, с. 137 («Былое и думы»).

²⁹ *Ровда К. И.* Русские славянофилы и чешская литература. (50—60-е годы XIX в.). — В кн.: Славянские литературные связи. Л., 1968, с. 31.

³⁰ *Герцен А. И.* Собр. соч. М., 1958, т. XIV, с. 160. — Об отношении Герцена к славянофилам подробнее см.: *Державин Н.* Герцен и славянофилы. — Историк марксист, 1939, № 1, с. 125—146; *Першина З. В.* А. И. Герцен и славянский вопрос. АҚД. Киев, 1953; *Рашишвили А. С.* Герцен в борьбе со славянофильством. АҚД. Тбилиси, 1959.

³¹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., 1947, т. III, с. 653.

в насмешку называют „западниками“, и славянофилы, несмотря на жаркие споры между собою, были сподвижниками в одном общем стремлении, которое тем и другим было в сущности дороже всего остального, что их разделяло». ³² Этим общим, по словам Чернышевского, была забота «об улучшении русской жизни». Это, конечно, ни в коей мере не свидетельствует о подверженности Чернышевского либеральным влияниям. Чернышевский был всегда ярым врагом либерализма, убежденным революционным демократом, от произведений которого, по словам В. И. Ленина, «веет духом классовой борьбы». ³³ Однако в борьбе против крепостничества Чернышевский «не отказывался от использования либеральной оппозиции, от частичных соглашений с ней». ³⁴ Чернышевский ценил борьбу с засилием иностранцев, в частности немцев, в государственном аппарате. Но едва ли не самой большой заслугой либералов он считал постановку вопроса об общине. «Все теоретические заблуждения, все фантастические увлечения славянофилов, — писал Чернышевский, — с избытком вознаграждаются уже одним убеждением их, что общинное устройство наших сел должно остаться неприкосновенным при всех переменах в экономических отношениях». ³⁵

Со временем оценки Чернышевским славянофилов становятся все острее и принципиальнее. В «Заметках о журналах» за декабрь 1856 г. он заявляет, что не может считать славянофилов союзниками, ибо «до сих пор „Русская беседа“ не сказала еще ничего такого, с чем бы можно было согласиться, хотя отчасти». ³⁶ Со всей откровенностью высказал Чернышевский свое отношение к славянофильской доктрине в письме к А. С. Зеленому в июне 1857 г., где, не стесняемый цензурой, охарактеризовал ее как «пелепость», как конгломерат суждений, по кускам заимствованных из Прудона, из жития Симеона Столпника, из Белинского и Булгарина, как «эклектическую смесь, в которой обнаруживаются несовместимые со здравым умом мысли». ³⁷

Взаимоотношения Чернышевского со славянофилами в конце 50-х—начале 60-х гг. характеризуются острой борьбой. Революционная демократия во главе с Чернышевским ставила своей задачей подготовку крестьянской революции, а славянофилы, быстро утрачивая элементы оппозиционности, оказываются союзниками царизма. И ранее «припахивавшее ладаном славянофильство», осудив польское восстание 1863 г., стало, по словам Герцена, еще противнее, когда «выпачкалось в крови». ³⁸

---

³² Там же, с. 86—87.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

³⁴ Сладкевич Н. Г. К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой. — Вопросы истории, 1948, № 6, с. 72.

³⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 199.

³⁶ Там же, с. 726.

³⁷ Там же, т. XIV, с. 347.

³⁸ Герцен А. И. Собр. соч., т. XVIII, с. 95.

Резко расходится Чернышевский со славянофилами по вопросу о будущем славянства. Он враждебно относился ко всяким планам освобождения славян с помощью «русского орла». Обращаясь к Ивану Аксакову и его единомышленникам, Чернышевский писал: «... своими чувствительными рассуждениями о призвании русского орла покрыть славянские племена могущественными крыльями вы положительно вредите освобождению турецких славян...».³⁹

В статье «Народная бестолковость» Чернышевский призывал славянские народы: «<...> не рассчитывайте же на нас, а ищите силы в самих себе и сами устройте так, чтобы немцы, французы, англичане не видели для себя опасности в вашем стремлении к освобождению, т. е. не связывайте свою судьбу с завоевательными целями русского царизма. Вот образ мыслей и действий, внушаемый нам любовью к славянским племенам».⁴⁰

Не случайно резкую отповедь со стороны Чернышевского⁴¹ вызвало «Послание к сербам» (1860)⁴² А. С. Хомякова, содержащее мысль об объединении славян на основе православия. Вера, поучали «московские апостолы», не ограничивается простым исповеданием, она есть «высшее общественное начало», на ней следует основать устройство «гражданского общества» <...> Славянин вполне славянином быть без православия не может».⁴³ Комментируя эти слова, Чернышевский в статье «Самозванные старейшины» с иронией восклицал: «Итак, не говоря уже о поляках, специально порицаемых людьми подобного воззрения, лужичане, чехи, хорутане, кроаты не должны считаться вполне славянами. Каково чувство славянской любви у господ, держащихся такого взгляда!».⁴⁴

Поднимая важные вопросы об огромной роли славянских на-

³⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 838.

⁴⁰ Там же, с. 841.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Гольберг М. Л. К истории полемики вокруг славянофильского послания к сербам. — В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальное движение в славянских странах. М., 1972, с. 197—203. — Об отношении Чернышевского к славянофилам см.: Бороздин И. Н. Чернышевский и славянофильство. — Труды Воронежск. гос. у-та, т. XLII, вып. 3. Воронеж, 1955, с. 35—38; Дьяков В. А. «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 127—135; Рейфман П. С. К истории славянофильской журналистики 1840-х—1850-х годов. — Уч. зап. Тартуского гос. у-та, т. XXVIII, вып. 414. Тарту, 1977, с. 37—56; Ровда К. И. Чернышевский и славянские литературы. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979, с. 254—283.

⁴² К сербам. Послание из Москвы. Лейпциг, 1860. — Одним из конкретных поводов к созданию послания послужили сербские события 1858—1860 гг. В ноябре 1858 г. Свято-Андреевская скупщина свергла Александра Карагеоргиевича и избрала князем Милоша Обреновича. Второе правление Милоша длилось недолго. После его смерти, в сентябре 1860 г., на престол вступил его сын Михаил.

⁴³ К сербам. Послание из Москвы, с. 32.

⁴⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1951, т. X, с. 129.

родов в современной истории, Хомяков облакал их решение в «уродливо религиозную форму».⁴⁵

Послание «К сербам» затушевывало наличие глубокого классового антагонизма в славянских странах. Политическая программа, содержащаяся в нем, была неконкретной и утопичной.

За несколько месяцев до опубликования «Послания» о тех же событиях писал Чернышевский. Он подчеркивал, что в «Сибири на протяжении 50 лет произошло пять революций; сообразно с обычаями сербского племени все эти перевороты имели демократический характер».⁴⁶ Таким образом, события в Сербии интересовали Чернышевского как свидетельство революционной активности народа. События на Балканах давали ему материал для важных выводов о «значении изучения опыта революционной борьбы южных славян», которую он связывал с революционным движением в России.

Критика славянофильского послания к сербам прозвучала также в блестящем политическом памфлете-статье «Сербь и черногорцы».

Так вожди русской революционной демократии выражали свое глубокое сочувствие борющимся за свою свободу и независимость южным славянам.

В работах буржуазных историков, писавших о славянофильской журналистике (Н. П. Колюпанов, Н. П. Барсуков), господствовало стремление во что бы то ни стало затушевывать классовый характер этих изданий. Либеральные историки пытались доказать, что позиции «Русской беседы», особенно по вопросу о крестьянской общине, ничем существенно не отличаются от позиций «Современника», издаваемого Чернышевским, — наоборот, Чернышевский будто бы являлся истолкователем и популяризатором мыслей, изложенных в «Русской беседе». Буржуазные истолкователи истории изображали спор «Русской беседы» с «Русским вестником» и другими либеральными изданиями как главную линию в общественно-идейной борьбе в журналистике 50-х гг.

В. И. Ленин провел четкую границу между либеральным и революционно-демократическим направлением русской общественной мысли, говоря: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию».⁴⁷

⁴⁵ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли, с. 128.

⁴⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 627 (Современник, 1859, февраль). — «Послание» вызвало протест среди передовой сербской общественности. — Ср. выступление Дж. Даничича (Даница, 1861, бр. 5), П. Илича (Даница, 1861, бр. 7), Дж. Вукичевича (Сербский летопис, 1861, кн. 102, II). Ст. Новаковича (Даница, 1862, бр. 1) и Ж. Жүевича (Современник, 1863, июль) и М. Ракича (Русское слово, 1864, май).

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—175 («Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция).

Советская историческая наука на основе марксистской методологии правильно подошла к решению общих проблем истории общественно-идейной борьбы 50-х гг. XIX в. Однако нельзя в настоящее время считать эти вопросы полностью изученными. Не изучен до конца и вопрос о месте и роли в этой борьбе славянофильского журнала «Русская беседа», в частности в аспекте его южнославянских интересов.⁴⁸ Именно вопросу освободительной борьбы южных славян в интерпретации славянофилов в конце 50-х—начале 60-х гг. и посвящена настоящая статья.

* * *

Журнал «Русская беседа» возник в условиях только что окончившейся русско-турецкой войны 1853—1854 гг., оживившей интерес к Востоку и славянам. Эту связь постановки славянского вопроса с современными событиями отчетливо формулировала программа журнала: «В те дни, когда вся Европа оглашалась криками неистовой вражды против нас, когда все дышало злобою, голос сочувствия услышали мы только от своих братьев по крови — славян, и братьев по вере — греков; но не только голос мы слушали, а видели дело, видели подвиг любви, бестрепетно встречающий смерть за братьев. Рядом с интересами отечества „Русская беседа“ посвятит особое внимание всему тому, что будет иметь отношение к жизни славянских народов и народа греческого. Она считает долгом хотя бы словом благодарить за любовь, которую они запечатлели своей кровью».⁴⁹

---

⁴⁸ Из общих работ о «Русской беседе» назовем специальную главу в кн. А. Г. Дементьева «Очерки по истории русской журналистики в 1840—1850 гг.» (М.—Л., 1951, с. 368—370); см. также: *Дудзинская Е. А.* «Русская беседа» (История журнала, как отражение «кризиса верхов» в условиях назревания революционной ситуации 1859—1868 гг. АКД. М., 1952; *Никитин С. А.* Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в.—Уч. зап. ин-та славяноведения, М., 1952, т. VI, с. 92—96; *Алексеев В. А.* Периодика славянофилов.—В кн.: *Очерки по истории русской журналистики и критики.* Л., 1965, т. II, с. 204—216; *Герасимова Ю. И.* Архив Кошелевых (Источники для истории правительственной политики 1850—1860-х гг.).—Гос. б-ка им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей, вып. 35, М., 1974, с. 4—57; *Рейфман П. С.* К истории славянофильской журналистики 1840-х—1850-х годов. Некоторые общие проблемы.—Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977, т. XXVIII, вып. 414, с. 37—56; Литературные взгляды и творчество славянофилов 1830—1850. Коллективный труд под ред. К. Н. Ломунова, С. С. Дмитриева и А. С. Курилова. М., 1978.

⁴⁹ Русская беседа, 1856, кн. 1, с. 5.—В связи с Крымской войной в Тырнове, Габрове, Елене и других городах и селах Болгарии нарастало движение болгарского народа за национальное освобождение; ср.: *Косев Д.* Отражението на Кримската война (1853—1856) в България.—Исторически преглед, ч. III, кн. 2. София, 1946—1947, с. 19.—Еще в период подготовки России к войне выдающийся деятель болгарского национально-освободительного движения Г. С. Раковский создал тайное общество и разработал план вооруженной борьбы, который был согласован с русским командованием и отглас в связи с изменением хода войны не в пользу России. См. подробнее: *Конобеев В. Д.* План вооруженной борьбы в Болгарии в период Крымской войны.—Славянский архив. М.,

О своем давнем сочувствии делу славянской народности открыто заявил журнал в сентябре 1858 г. в объявлении «Об издании „Русской беседы на 1859 год“». Здесь отмечалось, в частности, что сочувствие это, которое «почти до последнего времени не переступало пределов известного литературного направления, теперь расширилось. Славянский вопрос стал на чреде современных политических вопросов, славяне делаются предметом толков иностранных газет и журналов, а за ними и наших русских. Мы радуемся этому явлению потому, что сочувствие славянам может быть для них только тогда действительным и плодотворным, когда славянский вопрос приобретет у нас общеизвестность и народность».⁵⁰

Эту особенность журнала отметил П. И. Бартенев, когда писал: «Русская беседа» содержала в себе «исторически важные и любопытные статьи, которые все прямо или косвенно имели отношение к русскому быту и славянской истории».⁵¹ И как бы подводя итоги проделанной работе, в своем заключительном слове к читателям редакция замечала: «Конечно не „Русской беседе“ принадлежит честь установления умственного и литературного общения со славянскими племенами — честь эта бесспорно принадлежит М. П. Погодину, но думаем, что никто не станет отрицать то важное общественное значение, которое имело для славян существование собственно „Русской беседы“ и о котором громко свидетельствует и Белград, и Загреб, и Тырново, и Прага. Нам удалось вывести славянский вопрос из области археологического интереса в область живого, деятельного сочувствия и оживить умственное движение в кругу наших литературных собратьев».⁵² Иными словами, редакция ставила себе в заслугу то, что сумела возбудить интерес к современному развитию славян в русском обществе и что явилась толчком к развитию литературного движения среди славян.

Какими путями редакция выполняла указанные задачи? Кто выступал в качестве авторов статей по славянскому вопросу? Какой характер имел помещаемый в журнале материал? Как воплотилась в публикуемом материале суть философской доктрины славянофильства — вопрос о становлении национального самосознания и национальной культуры? Какой смысл вкладывали издатели «Русской беседы» в идею славянского единства и на какой основе должно произойти объединение славян? Все эти вопросы постоянно находились в поле зрения редакции журнала. Но решала она их, как мы увидим ниже, не только на собственно славянском материале. Почему? Да потому, во-первых, что «Русская беседа» никогда не была чисто славистическим изданием. «Что ни говорите, — писал А. И. Кошелев, — а славизм у нас есть чисто

1959, с. 330—342; см. также: *Никитин С.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны. — *Вопросы истории*, 1946, № 4, с. 3—29.

⁵⁰ Русская беседа, 1858, кн. IV, с. III.

⁵¹ Русский архив, 1863. Приложение, с. 7.

⁵² Русская беседа, 1859, кн. VI, с. VI (заключительное слово).

литературная идея, не имеющая никакого корня в нашем быту. Боже нас избави от крайностей Бодянского, Гильфердинга, Бессонова и некоторых других». А между тем у И. С. Аксакова уже в это время была мысль превратить «„Русскую беседу“ в политический центр славян и настоящий двигатель». «Необходимо этот (славянский, — Л. Р.) вопрос сделать как можно более популярным, — писал И. С. Аксаков 17 июля 1858 г. кн. В. А. Черкасскому, — из области археологической низвести в жизнь, придать ему значение политического».⁵³ Во-вторых, славянский вопрос неизменно являлся в 50-е гг. XIX в. вопросом политическим, а открытая постановка его в издании, за «духом и направлением» которого был установлен строжайший надзор, было небезопасным.⁵⁴

Поэтому, как мы покажем ниже, приглашая зарубежных корреспондентов участвовать в журнале, Аксаков поставит условием, чтобы содержание статей не носило политического характера. Правда, это была всего-навсего уловка, рассчитанная на то, чтобы усыпить бдительность австрийского правительства.⁵⁵

И наконец, журнал, стоявший на почве умеренного буржуазно-помещичьего либерализма, как следует из его программы, стремился изучать русскую жизнь «в истории и народном быту», намерен был «посильно содействовать к развитию русского воззрения на науку и искусства», стремился «к поддержанию русских нравов и обычаев».⁵⁶

«Русская беседа» принимала активное участие в обсуждении важнейших общественно-политических и экономических вопросов русской жизни конца 50-х гг., в том числе вопроса об отмене крепостного права. «Все прочие интересы бледнеют перед колоссальным интересом возбужденного вопроса об освобождении крестьян. Ни о чем другом говорить нельзя, да и не следует, а необходимо приложить все старания, опытность хозяйственную и способности литературные к правильному решению задачи», — писал

---

⁵³ Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901, т. 1, кн. 1, с. 124. — Разногласия Кошелева с Аксаковым были постоянные. «У нас убеждения и способы слишком различны, — имея в виду И. С. Аксакова, писал Кошелев кн. Черкасскому еще в 1856 г. — С виду они похожи, а как покопаешься в них, то увидишь, что они различны в самых основах» (*Колупанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892, т. II, с. 246).

⁵⁴ «Неизвестность, подозрительность правительства убивают всякое желание сделать что-либо полезное. Просто ужасно», — жаловался Кошелев Н. А. Попову 14 февраля 1856 г. (Русский архив, 1886, кн. 1, № 1—4, с. 357).

⁵⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть вторая. СПб., 1896, т. IV, с. 4. — Путешествовавший по Австрии Кошелев писал: «Шпионство в Австрии так сильно, что все сословия принимают в нем участие. Ответственность там совершенно убита, и не только в казино и кофейных, но даже в частных собраниях вы не услышите ни одного живого, серьезного слова; см.: *Кошелев А.* Шесть недель в австрийских славянских землях. — Русская беседа, 1857, кн. IV, с. 3 (Смесь).

⁵⁶ ЦГИА, ф. 772, ч. 1, оп. II, д. 3692. — Напечатано в «Московских ведомостях» (1856 от 10 марта).

И. С. Аксаков графине А. Д. Блудовой 20 декабря 1857 г.⁵⁷ Однако самый главный вопрос — об отмене крепостного права — затрагивался на страницах журнала слабо, так как с 1858 г. Кошелев начал издавать в качестве приложения к «Русской беседе» журнал «Сельское благоустройство».⁵⁸ И в дальнейшем крестьянский вопрос обсуждался на страницах этого «гуманнейшего и дельнейшего», по словам Добролюбова, издания.⁵⁹

Возникший в условиях общего кризиса феодально-крепостнической системы в России конца 50-х гг. XIX в., когда господствующие классы увидели невозможность «сохранить в неизменном виде свое господство»,⁶⁰ славянофильский журнал «Русская беседа» явился, по словам современного исследователя, «яркой иллюстрацией кризиса верхов».⁶¹ В 1850-е гг., под влиянием обострения социальных противоречий, славянофильство все сильнее раскрывает свою классовую сущность. Это находит свое выражение в славянофильской программе «освобождение крестьян», но еще с большей определенностью — в славянофильском разрешении славянского вопроса.⁶²

Статьи и заметки по истории, литературе, политической жизни славянских народов, об их обычаях и нравах, о международном значении «славянского вопроса» занимают в 6 разделах журнала («Изящная словесность», «Науки», «Критика», «Обозрения», «Смесь», «Жизнеописания» (биография)) довольно значительное место. Всего за время существования «Русской беседы» в ней было опубликовано 53⁶³ статьи на темы, так или иначе касающиеся южных славян, греков и восточного вопроса.⁶⁴

Основную массу напечатанных в «Русской беседе» материалов о славянах составляли путевые записки, литературные очерки, биографии, исторические и этнографические материалы. Принадлежали они перу как русских публицистов, ученых, путешественников (М. П. Погодин, А. Ф. Гильфердинг, Ф. В. Чижов, А. И. Кошелев, кн. В. А. Черкасский, П. А. Бессонов, А. В. Ра-

⁵⁷ Цит. по кн.: Никитин С. А. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. . . , с. 94, см. 2.

⁵⁸ Подробнее о журнале см. статью С. С. Дмитриева «Архив редакции „Сельского благоустройства“ (1858—1859)» (ГБЛ, Записки отд. рукописей. М., 1941, вып. 10, с. 33—43); Дополнения к статье Дмитриева сделаны Ю. И. Герасимовой (там же, М., 1974, вып. 35, с. 26—46). Здесь же роспись журнала, составленная Л. В. Молчадской (с. 57—61).

⁵⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т. М.—Л., 1962, т. 4, с. 95.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

⁶¹ Дудзинская Е. А. «Русская беседа» (история журнала как отражение кризиса верхов в условиях назревания революционной ситуации 1859—1861 гг.). АКД. М., 1952.

⁶² Деметьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 40—50-х годов XIX в. М.—Л., 1951, с. 368.

⁶³ Никитин С. А. называет только 42 статьи (см.: Южнославянские связи, с. 94).

⁶⁴ Об интересе «Русской беседы» к западным славянам см.: Ровда К. И. Русские славянофилы и чешская литература (50—60-е годы XIX в.), с. 29—71; Карская Т. С. Божена Немцова и русская славянофильская пресса. — Там же, с. 72—94.

чинский, Н. А. Ригельман и др.), так и корреспондентов из славянских земель. В установлении контактов между редакцией «Русской беседы» и австрийскими славянами главную роль сыграл М. Ф. Раевский, о котором речь впереди.

Немало способствовали знакомству русского общества с современной жизнью славян путешествия с научной целью А. И. Кошелева, Ф. В. Чицова, А. Ф. Гильфердинга, Е. П. Ковалевского, И. С. Аксакова. Так, известно, например, что очерк А. И. Кошелева «Шесть недель в австрийских славянских землях», опубликованный в кн. 4-й журнала за 1857 г., был сочувственно встречен «Современником» (1858, № 1. Современное обозрение) как заслуживающий «особенного внимания русской публики» (с. 108). После ряда пространных выписок из очерка журнал заключал: «Грустно делается после чтения подобных изображений. Но еще тяжелее становится на душе, когда подумаешь, что от этого страдают наши единоплеменники, которых судьба возбуждает в нас все-таки более сочувствие, нежели судьба остальных народов Европы» (с. 111—112).

Во время путешествия по австрийским славянским землям в 1857 г. Кошелев свел знакомство с В. Ганкой, П. Шафариком, К.-Я. Эрбенем, Шумавским, Томичеком, Заном, познакомился с Ф. Миклошичем, В. Караджичем, проф. К. Кузмань, протестантским священником Урбаром, словаком Гурбаком, проф. В. Клуном и многих из них привлек к участию в своем журнале.

Задолго до Кошелева, а именно в 1841—1845 гг., познакомился со славянами Ф. В. Чицов, публицист, искусствовед, крупный предприниматель, тогда профессор Петербургского университета по кафедре математики. Чицов посетил Далмацию, Словению, Хорватию, Сербию, Венгрию, Словакию и Чехию. Орывки из воспоминаний Чицова в виде «Заметок путешественника по славянским странам» появились в кн. 1-й и 2-й журнала «Русская беседа» за 1857 год.⁶⁵ При публикации «Заметок» было сделано много купюр: опущены места, содержавшие замечания автора о жителях Триеста (л. 8 об.), его нелестный отзыв об австрийцах (л. 11—11 об.) и подробности гостеприимства жителей Рагузы (л. 12—13 об.).⁶⁶

«Заметки» Чицова представляют значительный интерес, ибо их автором был современник, внимательно наблюдавший политическую жизнь славян как под игом Габсбургов, так и в почти уже самостоятельной Сербии, с интересом изучавший культуру и быт южных славян, положение крестьянства, архитектурные и письменные памятники прошлого.

---

⁶⁵ В «Заметках путешественника по славянским странам» довольно полно отражено путешествие Чицова в 1843—1844 гг. Записи путешествия 1845 г. опубликованы лишь в 1958 г. в статье И. В. Козьменко «Дневник Ф. В. Чицова „Путешествие по славянским землям“ как источник» (Славянский архив, М., 1958, с. 127—260).

⁶⁶ Герасимова Ю. И. Архив Кошелевых. — Зап. отд. рук. ГБЛ, М., 1974, вып. 35, с. 23.

Путешествуя, Чижев встречался с видными деятелями славянской культуры — В. Ганкой, вождем иллирийского движения Л. Гаем, выдающимся хорватским поэтом Станко Вразом, который в знак дружеского расположения летом 1845 г. подарил Чижову книгу своих стихов «Джулабии».⁶⁷ Познакомился Чижев также с выдающимися культурными деятелями Хорватии (И. Мажуранич, И. Кукулевич-Сакцинский, Д. Деметр, В. Бабукич, Л. Вукотинович, С. Врбанчич), Сербии (С. Милутинович, Вучич, Першич Т.), далматинским писателем Я. Каталаничем и др.

Чижев, как известно, был в тесных дружеских отношениях со славянофилами — братьями Аксаковыми и Киреевскими, А. Хомяковым, М. П. Погодиным, О. М. Бодянским и испытал их сильное влияние. От них он воспринял идею об особой миссии славянства в Европе, о роли православной церкви среди славян и т. п. Сквозь призму славянофильства смотрел Чижев и на политическую жизнь австрийских славян, что «помешало ему объективно оценить борьбу хорватов за независимость, деятельность их политических вождей».⁶⁸ Весной 1859 г. Чижев предпринял попытку издать в Москве еженедельную русско-славянскую газету «Пароход», одной из целей которой было укрепление духовных и умственных связей со славянскими народами. Контору будущей газеты предполагалось объединить с конторой «Русской беседы» и «Парусом», а подписчиков последней «перечислить подписчиками „Парохода“».

Газету Чижев намеревался издавать по собственной программе, которая включала пункт о праве славянских народов на самобытное существование. Это положение испугало верхи, и, еще не родившись, «Пароход» был запрещен.⁶⁹

Активное участие в «Русской беседе» принимал историк, этнограф, лингвист, публицист и общественный деятель А. Ф. Гильфердинг (1831—1872). Ученый широкого профиля,⁷⁰ Гильфердинг с особым вниманием относился к южным славянам. Еще

---

⁶⁷ Djulabije. Ljubezne ponude za Ljubicu od Stanke Vraza. U Zagrebu, 1840. — Экземпляр с дарственной надписью хранится в Гос. б-ке им. В. И. Ленина в Москве. Анализ автографа показал, что это неизвестный донныне вариант «Джулабий». Ср.: Рябова Е. И. Автограф Станко Враза. — Славянский архив, М., 1958, с. 261—269.

⁶⁸ Козьменко И. В. Указ. соч., с. 128—129.

⁶⁹ Дело о рассмотрении проекта издания газеты «Пароход» хранится в ЦГИА (ф. 772, оп. 1, д. 4761, л. 1—26).

⁷⁰ Еще студентом Гильфердинг примкнул к кружку славянофилов и начал интересоваться славянами. Первоначально это были лингвистические исследования. В 1853 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Об отношении языков славянских к языкам родственным». Хотя в частных вопросах автор сделал ряд верных наблюдений, общая посылка работы — восточная ветвь индоевропейских языков стоит выше западной, а в восточной самое видное место принадлежит языкам славянским — не соответствовала достижениям передовой лингвистики XIX в. и не была принята наукой.

в 1854—1855 гг. в «Московских ведомостях»,⁷¹ затем в «Братском труде»⁷² и, наконец, в 1859 г. в «Русской беседе» (кн. 15—16) появились его «Письма об истории сербов и болгар», впоследствии переработанные в «Историю сербов и болгар». Это сочинение было для своего времени новаторским. Сведения о южных славянах в Европе середины прошлого века были отрывочными, а нередко и фантастичными. На основе источников, в значительной мере им самим разысканных, автор нарисовал довольно полную картину болгарской и сербской средневековой истории, развития особенностей быта, понятий и воззрений. Топография и историческая география описывались им на основании личного знакомства с обследованными районами. Труд Гильфердинга имел большое значение для своего времени, высоко ценился в славянских странах, был переведен на сербский и немецкий языки.

В период службы в г. Сараево в качестве русского консула Гильфердинг объехал южнославянские земли. Его наблюдения легли в основу нового труда ученого «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (Записки Русского географического общества, 1859, кн. 13). Наряду с описанием исторических памятников, нравов и обычаев многие страницы были посвящены вопросу об отношении южных славян к Турции, приводились также данные об экономическом, политическом и религиозном гнете, отмечалась отсталость местного православного духовенства в сравнении с духовенством католическим. Труд Гильфердинга до сих пор сохраняет свое научное значение. В 1972 г. в Сараево вышел его новый сербский перевод.

Гильфердинг активно сотрудничал в журнале «Русская беседа». Кроме упомянутых выше «Писем об истории сербов и болгар», он опубликовал здесь статью «Западные славяне» («Русская беседа», 1858, кн. IV), познакомил русского читателя с К. Я. Эрбеном («Русская беседа», 1857, кн. IV), намеревался привлечь к участию в журналах замечательную чешскую писательницу Б. Немцову.⁷³ Наконец, Гильфердинг был посредником между редакцией московского журнала и зарубежными славянами. Об этом речь впереди.

Почти десять лет с многими узловыми моментами болгарской истории (становление и развитие болгарской культуры, национального образования, церковной борьбы, революционного брожения начала 1860-х гг. и др.) был связан писатель-историк А. В. Рачинский (1826—1876). Биографические сведения о нем

---

⁷¹ См. рец. И. И. Срезневского в «Известиях ОРЯС» (1855, вып. 4).

⁷² Подробнее см. нашу статью «Журнал московских болгар „Братский труд“ (1860—1862)» в книге «България — 1300 години» (в печати).

⁷³ Ср.: Карская Т. С. Божена Немцова и славянофильская пресса. — В кн.: Славянские литературные связи. Л., 1968, — с. 72—94; см. также: Ровда К. И. Чехи и русские в их литературных взаимоотношениях. 50—60-е годы XIX века. М., 1968.

скудны,⁷⁴ а богатый архив мало изучен и совсем не использован болгарскими историками.⁷⁵

Участник Крымской кампании (он служил в одном из отрядов Смоленского ополчения), Рачинский разделил судьбу болгарских добровольцев.⁷⁶ За год пребывания в гарнизоне крепости Измаил он изучил болгарский и сербский языки, близко сошелся со многими болгарскими переселенцами в Бессарабии, о чем с большой теплотой рассказал в «Походных письмах ополченца из Южной Бессарабии в 1855—1856 годах», опубликованных на страницах «Русской беседы» в 1858 г. (кн. II, с. 1—76).

Здесь, между прочим, нашли отражение взгляды Рачинского на будущее болгарского народа, которое представлялось их автору, близкому славянофильским кругам, как «постепенное возрождение без сотрясений и скачков».

Рачинский был одним из основателей Славянского благотворительного комитета в Москве и специальной комиссии помощи болгарским воспитанникам. Он лично знал и состоял в переписке с Н. Геровым, М. Дриновым, братьями К. и Д. Миладиновыми,⁷⁷ Р. Жинзифовым и другими.

Вопросом становления национальной культуры Рачинский посвятил специальную статью «Несколько слов о просвещении болгарского народа» («Русская беседа», 1857, кн. IV, с. 161—170). Здесь он утверждал, что «будущая судьба болгар зависит от того направления, которым пойдет развитие их национального просвещения, новоболгарское образование должно явиться надежной

---

⁷⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1910, т. 15, с. 517—518; *Кулеша Ст.* Александр Викторович Рачинский. — Русская старина, 1880, октябрь, с. 433—436.

⁷⁵ Ср.: *Тонев В.* Александър В. Рачинский и учебното дело в България след Кримската война. — В сб.: В памет на академик Михаил Димитров. София, 1974, с. 270.

⁷⁶ Об участии болгар в Крымской войне см. подробнее: *Боев Р.* Още за участието на българи в Кримската война (1853—1856). — Исторически преглед, 1968, кн. 1, с. 90—94; *Улунян А. А.* Документы об участии болгар в Крымской войне и национально-освободительной борьбе в 60-е годы XIX в. — В кн.: В памет на академик Михаил Димитров, София, 1974, с. 735—750.

⁷⁷ Особенно близок Рачинскому был Константин Миладинов, младший из братьев — знаменитых собирателей народного фольклора. За годы учебы в России (1856—1860) болгарский студент дважды гостил в родном имени Рачинского Минино. Гостеприимный хозяин помогал ему овладеть русским языком и, главное, содействовал в подготовке к печати знаменитого сборника болгарских народных песен (Загреб, 1861). Из материалов фонда И. И. Срезневского (ЛЮ Архива АН СССР, ф. 216) видно, что Рачинский сделал перевод и снабдил комментарием те из песен, которые содержали параллели с русским фольклором. Рачинский же познакомил К. Миладинова с О. М. Бодянским, которому последний передал для помещения в «Русской беседе» весеннюю песню македонских болгар (*Минкова Л.* Осип Максимович Бодянский и болгарского Възраждане. София, 1978, с. 166—167). Трагической гибели братьев Рачинский посвятил очерк «Печальные известия из Македонии» (Днев, 1862, № 21 от 3 марта).

защитой против иноверческой пропаганды и содействовать утверждению авторитета России».⁷⁸

В конце 1858 г. Рачинский вместе со своим другом Е. Южаковым совершил поездку в Болгарию,⁷⁹ а годом позже по направлению Министерства иностранных дел приехал в Варну в качестве вице-консула России. Судьба южных славян интересовала Рачинского и в дальнейшем. Так, в 1875 г., уже служа делопроизводителем VIII класса в Главном архиве иностранных дел, Рачинский напечатал в «Московских ведомостях» заметку исторического характера под заглавием «Нечто о Сербии и Герцеговине в XVIII столетии».

Из болгар в «Русской беседе» сотрудничали Хр. Даскалов — автор статьи «Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции», получившей значительный резонанс, В. Попович и К. Д. Петкович.

Словенская тема нашла отражение в статье д-ра В. Клуна (Вена). Число сербов, писавших в журнале, также невелико. Это М. Миличевич, С. Павлович, М. Ненадович, Пр. Чокорило и О. Утешенович.

Таким образом, круг сотрудников по славянским вопросам черпался по преимуществу из русской среды и отчасти из числа южных славян, обучавшихся в Москве. Нетрудно заметить крайнюю ограниченность этого круга сотрудников из славян. Но делать на этом основании вывод о якобы имевшей место «слабости»⁸⁰ связей с балканскими славянами представляется нам неправомерным. Факты, ставшие известными после введения в научный оборот материалов из портфеля «Русской беседы»,⁸¹ а также неопубликованная переписка членов редакции, в частности А. И. Кошелева с М. Ф. Раевским и И. С. Аксакова с поэтом и переводчиком М. П. Петровским, позволяют существенно дополнить и уточнить прежние сведения.

Так, в портфеле журнала хранится очерк кн. А. И. Васильчикова «О поместном праве в славянских областях Турции». Пометы на рукописи⁸² говорят о подготовке его к печати. По-видимому, очерк был запрещен цензурой, так как содержал острую критику аграрно-правового законодательства и фиксировал вни-

⁷⁸ Тонев В. Александър В. Рачинский. . . , с. 274.

⁷⁹ Южаков Е. Месяц в Болгарии. — Современник, 1860, кн. 10.

⁸⁰ Никитин С. А. Южнославянские связи русской периодической печати. . . , с. 95.

⁸¹ Герасимова Ю. И. Архив Кошелевых. (Источники для истории правительственной политики 1859—1860-х гг.). — ГБЛ. Заметки отд. рукописей. М., 1974, вып. 35, с. 4—57. — Автор статьи провела тщательную работу по сличению рукописей из портфеля журнала с печатными текстамп, выявила цензурно-редакционные изменения. При характеристике материалов, помещенных в «Русской беседе», как и оставшихся неопубликованными, мы будем опираться на эту статью, ссылки на которую даются прямо в тексте с обозначением: Г. и страницы.

⁸² На первом листе рукописи надпись: Беседа, III, Смесь. Статья II и обращение к автору с просьбой подчеркнуть слова, которые надлежит выделить курсивом.

мание на тяжелом положении угнетенных турками славян, что могло осложнить отношения России с Османской империей. Может быть, очерк не разрешили печатать и потому, что проблема «поместного» права в Турции была созвучна самой волнующей русской проблеме того времени — крестьянскому вопросу.⁸³

Портфель журнала «Русская беседа» сохранился лишь частично, и потому нет возможности точно установить количество и название статей, по тем или иным причинам не увидевших света. Но на основании сведений архива Московского цензурного комитета можно с уверенностью сказать, что в рукописи осталось довольно большое количество статей.⁸⁴

Существенно дополняет наши представления о «славянской части» журнала личная переписка И. С. Аксакова с М. Ф. Раевским и М. П. Петровским. Так, в письме от 10 апреля 1859 года из Москвы И. С. Аксаков писал М. Ф. Раевскому, в частности, следующее: «Статья, которую прислал Кукулевич о разных документах, относящихся к венгерской истории, имеет интерес слишком археологический. Я ее не отсылаю назад, точно так же, как и Шембера „Осадок хорватов в Моравии“, потому, что приберегаю все это на черный день, как скоро почему-либо не будет славянских статей».⁸⁵

Еще больший интерес представляют 12 неопубликованных писем А. И. Кошелева к М. Ф. Раевскому 1856—1860 гг., хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве.⁸⁶ В книге «Зарубежные славяне и Россия» (Документы из архива М. Ф. Раевского 40—80-е годы XIX в. М., 1975) опубликовано, и то не полностью, только 1-е из названных писем. Остальные 11 вводятся нами в научный оборот впервые.

Протоиерей русской посольской церкви в Вене, член Московского Славянского комитета М. Ф. Раевский (1811—1884) был видным общественным деятелем своего времени. Прожив более 40 лет в столице Австрии, на этом «перекрестке политических и культурных стремлений славянских народов», он ясно осознавал значение славянского вопроса для России и России — для зарубежных славян.

Умеренный консерватор и монархист, после революции 1848 г., когда в национальном движении славян стали преобладать либеральные и буржуазно-демократические течения, многие представители которых тянулись к России, Раевский установил обширные связи среди славян и оказывал посильную помощь их

---

⁸³ Вероятно, очерк кн. Васильчикова вообще не появлялся в печати. Он не упоминается в «Библиографии Турции» (1713—1917) (М., 1961), учитывающей работы, опубликованные во всех дореволюционных периодических изданиях и сборниках.

⁸⁴ Центральный гос. архив г. Москвы, ф. 31, оп. 5, д. 378, л. 26, 43, 60; д. 385, л. 2; д. 403, л. 9.

⁸⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1896, т. IV, с. 23.

⁸⁶ ГИМ, ОПИ, ф. 342, ед. хр. 42.

освободительной борьбе. В числе корреспондентов Раевского мы видим известных общественно-политических деятелей (В. Пелагич, И. Субботич, Л. Штур, Ф. Палацкий), ученых и литераторов (Д. Даничич, Ф. Миклошич, Фр. Рачки, В. Ягич, К.-Я. Эрбен, К. Кузмань, М. Маяр, В. Караджич и др.), видных государственных деятелей (П. Негош, Н. Негош, Петр II Негош, митрополит Михаил Сербский, П. Ю. Штросмайер) и многих, многих других.⁸⁷

Из содержания первого письма Кошелева к венскому адресату следует, что редактор-издатель «Русской беседы» намеревался при содействии Раевского и В. М. Войтковского⁸⁸ открыть среди австрийских славян контору своего журнала. Особенно важна для нас опущенная при публикации этого письма приписка. В ней редакция славянофильского журнала выражала пожелание получать от славянских корреспондентов из австрийских земель «Обозрения разных славянских литератур со сведениями о вышедших в последнее время ученых трудах о славянском народе, об истории, а также известия о древнем и нынешнем быте в славянских землях, замечательных сочинениях по славянской филологии как на славянских наречиях, так и на немецком языке».

Последующие письма Кошелева к Раевскому проливают свет на чрезвычайно активную деятельность последнего по распространению книг, полученных из Москвы, среди австрийских славян («На днях Вы получите новую посылку через Варшаву, которую соблаговолите распределить согласно прежнему плану», — писал Кошелев 12 сентября 1856 г.), по налаживанию книжного обмена. В обмен на «Русскую беседу» ее редактор просил своего корреспондента «содействовать присылке разовых журналов, издаваемых местными обществами и отдельными лицами». «Это было бы весьма полезно для общего сближения славян. Мы здесь (в России, — Л. Р.) не получаем почти никаких славянских журналов, — сетовал Кошелев в марте 1857 г., — ибо наш почтамт даже не принимает на них подписки». В конце письма его автор прилагал список чешских журналов, необходимых ему для завершения «статейки», которая предназначалась для 3-го номера «Русской беседы». «Вам, с помощью Миклошича и Публичной библиотеки это сделать не трудно, — читаем в том же письме. — А меня Вы крайне обяжете. Отправьте на мое имя в Берлин *poste-restante*» (л. 10—13).

Материалы, предоставленные Раевским Кошелеву, вместе с личными впечатлениями легли в основу его отчета о путешествии «Шесть недель в австрийских землях»,⁸⁹ который, как отмеча-

---

⁸⁷ Список корреспондентов Раевского см. в книге «Зарубежные славяне и Россия» (М., 1975, с. 503—522); О роли уникального эпистолярного наследия Раевского см.: *Магула В., Чуркина И. В.* В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, с. 166—178.

⁸⁸ Войтковский В. М. — русский православный священник в Ироме, близ Будапешта.

⁸⁹ Отчет Кошелева в виде письма к А. С. Хомякову был напечатан не в 3-й, а в 4-й книжке «Русской беседы» за 1857 г. (Смесь, с. 1—18).

лось выше, был благожелательно встречен «Современником» Чернышевского.

Письма Кошелева к Раевскому позволяют назвать посредников, через которых редакция славянофильского органа связывалась с Веной: уже упоминавшийся А. Ф. Гильфердинг, бывший русским консулом в Боснии, автор «писем об истории сербов и болгар»; дипломат, путешественник и писатель Е. П. Ковалевский;⁹⁰ знакомый Кошелева еще по Обществу любителей любомудрия В. П. Титов.⁹¹

Но основное значение писем А. И. Кошелева к М. Ф. Раевскому состоит, на наш взгляд, в том, что они позволяют расширить круг славянских корреспондентов «Русской беседы» и проливают свет на историю статей, по тем или иным причинам отвергнутых редакцией.

Так, в письме 3-м (20 декабря 1856), 4-м (март 1857) и 5-м (10/22 июня 1857 г.) идет речь о статье д-ра В. Ф. Клуна «Словенцы. Очерк истории их словесности», переданный через Раевского. Кошелев называет ее «чрезвычайно интересной», обещает заплатить по 40 талеров за печатный лист и добавляет, что спустя полгода после ее публикации на страницах «Русской беседы»⁹² можно поместить ее в «Gegenwort'e».

В письмах говорится и о других сочинениях д-ра Клуна. «Что касается его литературы Словении и биографии знаменитых славян, то это сочинение нужно видеть, а без этого нельзя сказать решительно ничего. Впрочем, вероятно, и то и другое будет интересно. Не отпускайте его — он славный будет наш сотрудник», — заканчивает Кошелев свое письмо от 20 декабря 1856 г. (л. 7, 7 об.).

---

⁹⁰ Пробуждению интереса Е. П. Ковалевского (1809—1868) к славянству содействовала его поездка в 1838 г. в Черногорию, куда он был направлен как специалист-геолог по приглашению черногорского правителя митрополита Петра II Негоша. Результатом поездки явилось подробное описание природы и экономики Черногории. Обследовав в 1843—1844 гг. горные массивы Болгарии, Ковалевский выяснил значение Балканского хребта как климатического барьера между северной и южной Болгарией. Во время Крымской войны был отправлен на Балканы в целях привлечения славян к совместному выступлению против Турции. В 1856 г. был назначен директором Азиатского департамента. Подробнее о Ковалевском см.: *Вальская Б. А.* Путешествие Егора Петровича Ковалевского. М., 1956; *Хитрова Н. И.* По поводу записки Е. П. Ковалевского о восточном вопросе. — В кн.: В память на академик Михаил Димитров. София, 1974, с. 677—696.

⁹¹ Титов В. П. — член общества любомудров, переводчик с немецкого. С 1843 по 1853 год — чрезвычайный посланник России в Константинополе.

⁹² Статья Клуна напечатана с незначительными пропусками. В частности, были опущены отрывки с сообщениями о любви и преданности словенцев габсбургскому императорскому дому, якобы способствовавшему процветанию Крайны, и с заявлениями о заслугах католических монашеских орденов в просвещении словенцев. Кроме того, на рукописи имеется много редакторских помет и замечаний, уточняющих различные библиографические данные и сообщения (*Герасимова Ю. И.* Архив Кошелевых..., с. 23).

Здесь же содержится упоминание о статье некоего Дуковича «Образчики народного быта и литературы корнат-руссов <нрзб>, которая, по отзыву Бодянского и Бессонова, «не стоит напечатания».

После личного знакомства Кошелева с Раевским в Вене⁹³ количество славянских материалов в «Русской беседе» значительно возрастает, однако в печати появились далеко не все предложенные по этой части материалы.

Так, в одном только письме Кошелева к М. Ф. Раевскому от 12 ноября 1857 г. наряду с подготовленными к печати статьями К. Я. Эрбена, К. Кузмань⁹⁴ и Я. Ф. Головацкого⁹⁵ говорится об отвергнутом редакцией очерке В. Зеленого о чешской литературе («Не одобрена Бодянским как поверхностная») и стихах Гробека (нрзб), которые «по общему признанию не могут быть напечатаны, и я их возвращаю» (л. 21 об.).

В письме к тому же адресату от 23 декабря 1857 г. Кошелев просил прочитать из № 4 «Беседы» статью об Австрии, которая, по его словам, «не весьма удобоварима для Австрийского желудка». «Прочитайте и рассудите — не вынуть ли ее из некоторых экземпляров». Здесь же просьба поторопить Кузмань со статьей (л. 22 об.—23), а в следующем — 10-м письме от 25 мая 1858 г. сообщение об ее получении и очень важная концовка: «Мы славян вообще не забываем — в каждом номере отводим им место» (л. 25 об.).

В 11-м, последнем из неопубликованных писем, от 20 сентября 1858 г. из Рязани Кошелев сообщал Раевскому о передаче редакции «Русской беседы» И. С. Аксакову и просил адресоваться к нему по всем славянским вопросам (л. 281). Здесь же он добавлял, что Аксаков «завел» в «Русской беседе» «славянский отдел».

Последнее выражение не совсем точно. Новый редактор журнала сделал в этом направлении лишь первые шаги. Именно в сентябре 1858 года, каким помечено письмо Кошелева к Раевскому, датировано «Объявление об учреждении Славянской конторы при конторах „Русской беседы“ и „Паруса“», обнаруженное

---

⁹³ «Буду в Вене 9.21 вечером, — сообщал Кошелев Раевскому из Праги 6/18 июля 1857 г. — Не уезжайте. Для сближения с Вами я специально еду в Вену» (л. 16).

⁹⁴ Кузмань К. (1801—1861) — известный словацкий писатель и общественно-политический деятель, профессор протестантской теологии в Вене, вице-председатель Словацкой матицы.

⁹⁵ Головацкий Я. Ф. (1814—1888) — историк, этнограф, поэт и общественный деятель, профессор, затем ректор Львовского гос. у-та, автор множества статей по этногенезу и истории славян, истории культуры Галичины. Подробнее о нем: Пашаева Н. М. К вопросу о деятельности Я. Ф. Головацкого в 50-х—начале 60-х годов XIX в. — В кн.: Вопросы первоначального накопления и национальные движения в славянских странах. М., 1972, с. 151—157; Полянина Г. В. Я. Ф. Головацкий — пропагандист славянской культуры. — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, с. 195—201.

нами в архиве М. П. и Н. М. Петровских.⁹⁶ Основные задачи копторы заключались в стремлении:

1) облегчить дело учено-литературных сношений русских со славянскими народами Европы — болгарами, сербами (включая черногорцев и босняков), хорватами, словенцами, чехами, лужичанами и поляками;

2) способствовать книжному обмену. В этих целях контора принимает на себя ведение переписки со славянами (от лица русских со славянами и русскими от лица славян). Контора принимает также пожертвования в пользу православных церквей и училищ и доставление оных по назначению;

3) содействовать распространению в России верных познаний об единоплеменных нам народах. Для чего предполагалось усилить славянский отдел в «Русской беседе», т. е. а) печатать сведения о славянах более систематически, б) издать подробную географическую карту славянских племен в Европе и безвозмездно раздать ее подписчикам, в) издавать в виде безвозмездного приложения очерки географические, статистические и содержащие краткое обозрение истории их литературы; г) иметь в Славянской конторе все основные славянские газеты и журналы, а также словари и грамматики славянских наречий; д) иметь необходимое число переводчиков; е) учредить во всех важнейших славянских пунктах — посредников и комиссионеров.

От издателя «Русской беседы» объявление было подписано А. И. Кошелевым, от издателя газеты «Парус» — И. С. Аксаковым.

Одновременно от имени редакции «Русской беседы» и издателя «Паруса» было составлено письмо-обращение к славянским ученым и литераторам с предложением о сотрудничестве. Первоначально «письмо» предполагалось напечатать в журнале,⁹⁷ но здесь оно не появилось. Оно было переведено на основные славянские языки и разослано в славянские страны.⁹⁸

Призывая зарубежных ученых и литераторов сотрудничать в указанных изданиях, составители послания ставили условием, чтобы предназначавшиеся им статьи не носили политического характера. Правда, как видно из частного письма И. С. Аксакова, то была лишь уловка, рассчитанная на то, чтобы притупить внимание австрийской полиции.⁹⁹

Подлинные же требования, предъявленные редакцией к зарубежным корреспонденциям, были иные. Так, в письме к Раев-

⁹⁶ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (далее: ИРЛИ, ф. 382, ед. хр. 48).

⁹⁷ См. примечание к статье анонимного автора «Западные славяне» (Русская беседа, 1858, кн. IV, с. 39).

⁹⁸ Полный текст циркулярного письма в переводе на болгарский язык приложен к письму К. Миладинова к Г. С. Раковскому (Архив Г. С. Раковского. София, 1957, т. II, с. 309—407).

⁹⁹ «Разумеется, это сказано только так, для Австрии», — пояснял свою мысль И. С. Аксаков в письме к М. Ф. Раевскому (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896, т. IV, с. 4).

скому от 28 августа 1858 г. Аксаков набрасывает следующую программу участия славянских корреспондентов: «...» необходимые сведения о внутреннем устройстве сел и деревень в Чехии, Моравии, у хорватов и пр. Есть ли общинное управление, землевладение, как переходит наследство и пр.? Словом, старайтесь славян ваших из области учено-отвлеченной перевести на живую почву, заставьте их изучать не только памятники древней славянской письменности, а живой народ, его обычаи, предания, верования. Вот это важно» (там же, с. 6). С оживлением общественного движения в Австрии Аксаков требует от славян острых политических корреспонденций. Так, возвращая статью В. Ганки «О рыболовстве в Чехии», просит статей «более живого и, если возможно, более современного содержания, например, о поправной хорватской конституции, жителях Хорватии, расположении умов, войске, об отношениях к итальянцам, мадьярам и пр.» (там же, с. 23). Однако Министерство народного просвещения сочло печатание подобных циркуляров незаконным и запретило как «Славянский отдел», так и «Славянскую контору». За пропуск объявления в «Парусе» и «Русской беседе» и обращения к славянским литераторам цензоры Гиляров-Платонов и Фон-Крузе получили строгое замечание.¹⁰⁰

Больше всех, однако, пострадал Аксаков. Дело — в невыгодном для редактора свете — было доложено царю. Возник вопрос о привлечении Аксакова к суду. Правда, так далеко дело не зашло. Но «Парус» был запрещен, и добиться отмены запрещения не удалось.

Заботы о расширении круга сотрудников не оставляли Аксакова. В 1860 г. он отправился в путешествие по славянским странам. Аксаков посетил Германию, Хорватию, Черногорию, Далмацию, Сербию и Словению, где познакомился со многими выдающимися славянскими деятелями. Так, в Сербии он встретился с либералом и политическим деятелем М. Баном, представлявшим в то время националистическую повстанческую организацию, стремившуюся распространить свою деятельность также на Албанию и Болгарию. В переговорах с Баном Аксаков стремился не только пропагандировать свои взгляды на славянский вопрос, но и пытался «связать практические начинания в области славянского движения с интересами и стремлениями славянофилов».¹⁰¹

В Словении И. С. Аксаков беседовал с видными просветителями Б. Раичем, Д. Трстеньком и др., содействовал созданию

¹⁰⁰ ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ч. II, 1858 г., д. 4598, л. 1. — Здесь же тексты «Обращения» в переводе на сербский (л. 3—4) и чешский язык (л. 5—6).

¹⁰¹ На Балканах И. С. Аксакова встретили «с распростертыми объятиями», хотя «Послание к сербам» в Белграде не понравилось (Сб. статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова. М., 1886, раздел III, с. 8; *Половий П.* Млади Новаковић. 1842—1873. Београд, 1921, с. 21). М. Бан заявил Аксакову, что если Москва останется на почве хомяковского послания, то в этом случае неизбежна изоляция России от остального славянского мира (*Никитин С. А.* Славянские комитеты в России. М., 1960, с. 149—152).

«Матицы словенской».¹⁰² «Мое путешествие, — писал Аксаков Е. П. Ковалевскому по возвращении в Россию, — дало мне возможность еще более упрочить значение „Беседы“ и славянофильской школы между славянами и связать с „Беседою“ еще теснее партию народности у славян, следовательно, партию, сочувствующую и преданную России. Как бы там ни думало обо мне правительство, но я убежден, что наша славянофильская деятельность полезна России вообще, а, в частности, нашей политике. „Беседа“ без сомнения поддерживает в славянах любовь к России, веру в нее, мешая им поддаваться чужому влиянию и, следовательно, этим самым достигает целей, предложенных и самим правительством».¹⁰³ В словах Аксакова вполне отчетливо звучит мысль о возможности союза славянофилов с национально-освободительным движением славян. Но понятно, что имеется в виду союз с деятелями, подобными М. Бану.

В этой ориентации славянофилов отчетливо проявилась противоречивость их политических взглядов, наличие двух противоположных тенденций: первая вытекала из монархической концепции и проявлялась в тяготении их мыслей к официальной идеологии и сближении с правящими кругами; вторая выражалась в их оппозиционных высказываниях в адрес бюрократического аппарата и правительственных кругов. Эти две сталкивающиеся и вместе с тем долгое время сосуществовавшие в славянофильстве тенденции не в одинаковой мере проявлялись на отдельных этапах их эволюции и, конечно, с разной силой у отдельных его представителей. И все же борьба славянофилов с правительством была, по выражению В. И. Ленина, борьбой «внутри господствующих классов» и не касалась самих основ существующего строя.¹⁰⁴

Путешествуя по славянским землям и встречая теплый прием, Аксаков пытался наладить там распространение «Русской беседы». Так, будучи в Словении, он делает следующую запись в своем дневнике: «Посылать книги. Послать Трстеньяку, Раичу и Блейвейсу „Русскую беседу“. В Триесте на площади есть Славянска читаоница, где получают разные газеты — французские, немецкие, сербские. Русских ни одной. Я обещал прислать сюда „Беседу“. То же обнаружилось и в Далмации (Фиуме), где пришлось объяснить характер журнала».¹⁰⁵

И. С. Аксаков пытался установить связь с Белградом через Галац, минуя Вену,¹⁰⁶ думая, что это облегчит сношения. Прибе-

¹⁰² См.: Чуркина И. В. «Матица словенская» и русские славянофилы. — В кн.: Россия и славяне. М., 1972, с. 113—120; см. также в ее книге «Словенское национально-освободительное движение XIX века и Россия» (М., 1978).

¹⁰³ ИРЛИ, рук. отд., ф. 3, оп. 2, ед. хр. 19 (письмо от 29 января 1861 г.).

¹⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

¹⁰⁵ И. С. Аксаков в его письмах. М., 1896, т. IV, с. 118, 122, 142.

¹⁰⁶ Там же, с. 9.

гал он и к помощи М. Ф. Раевского, о чем красноречиво говорит их переписка за 1858—1860 гг.¹⁰⁷

Результаты поездки не замедлили сказаться. «В письмах из Белграда, — сообщал Аксаков Раевскому 23 августа 1858 г. из Москвы, — нас благодарят за то, что мы заставили сербов обратиться сознательно к сущности славянских начал и вследствие сего Миличевич прислал нам превосходную статейку о семейной общине (задруге) в Сербии».¹⁰⁸

Существенна в интересующем нас плане переписка редакции с казанским славистом, впоследствии профессором университета, М. П. Петровским. Ученик В. И. Григоровича, Петровский знал славянские языки и «сочувствовал славянским народностям». На страницах «Русской беседы» он выступал с переводами, главным образом с иллирского и чешского языков.¹⁰⁹ Так, в номере 3-м журнала за 1856 год он поместил четыре стихотворения¹¹⁰ под общим заглавием «Primorske piesmice» («Пела пташечка на ветке <...>», «Брат далеко в море синее пускался <...>»; «В море девушка смотрелась <...>»; «В небе солнышко сияло <...>»).

Весной 1857 года, как видно из письма Петровского к Т. И. Филиппову, казанский славист послал в «Русскую беседу» свои переводы семи сербских народных песен из сборника Караджича и одно стихотворение П. Прерадовича.¹¹¹

Из писем И. С. Аксакова М. Петровскому 1858—1866 годов¹¹² видно, что редактор «Русской беседы» нуждался в помощи казанского слависта. Аксаков приглашает его в Москву, предлагает управление Славянской конторой и составление обзрений по славянским литературам для «Беседы» и «Паруса» (л. 1), благодарит за согласие приехать в Москву (л. 3). 23 мая 1859 г. Аксаков снова зовет вернувшегося в Казань для подготовки к магистерскому экзамену Петровского приехать в Москву («Вы крайне нужны, особенно в настоящее время. — Польза Вашего пребывания в Москве почувствовалась сильнее после Вашего отъезда <...> Я без вас просто бедствую», — л. 9). И о том же позднее: «После Вашего отъезда славяне точно белены объелись, так

---

¹⁰⁷ Там же, с. 1—39.

¹⁰⁸ Там же, с. 6.

¹⁰⁹ О М. Петровском — переводчике с чешского см. подробнее: Ровда К. И. 1) Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. М., 1968; 2) Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870—1890. Л., 1978.

¹¹⁰ ИРЛИ, ф. 382, ед. хр. 8, л. 1 (письмо от 4 марта 1857 г.). — Из указанных стихотворений в «Русской беседе» напечатано два — «Заря» (Zoga rusa, bit se dana) и «Безумец! для чего нам знать твои страданья» (1859, кн. 3. Изящная словесность, с. 2—13; 14—16).

¹¹¹ Прерадович П. (1818—1872) — хорватский поэт-романтик. В главных произведениях Прерадовича — сборниках стихов «Первые песни» (1846) и «Новые песни» (1851), драматизованной поэме «Кралевич Марко» (1852), а также патриотической лирике 60—70-х гг. — отразился подъем национально-освободительного движения в Хорватии.

¹¹² ИРЛИ, ф. 382, ед. хр. 10 (в дальнейшей ссылке на эту единицу хранения дается с указанием соответствующих листов прямо в тексте).

и сыплют статьями, а переводчика нет» (л. 11). 20 октября того же года Аксаков высылает Петровскому «три славянские статьи» (л. 15). Получив их, тот отвечает в письме от 24 октября: «Рукопись о сербском судопроизводстве еще не читал, „О быте словацкого крестьянина“ прочел, нашел интересной и начал переводить». Однако переводы Петровского, как, впрочем, и его собственная статья о словацких сказках, в «Русской беседе» не появлялись. Дело в том, что в конце 1859 г. журнал был запрещен, а И. С. Аксаков уехал за границу. Перед самым отъездом он, правда, заверил Петровского, что журнал будет выходить и в 1860 г. в виде сборников, и просил имевшиеся у него рукописи продолжать переводить и адресовать на имя А. И. Кошелева.¹¹³ Последний обещал их опубликовать (если статьи интересны, — а по заглавиям они обещают быть таковыми), но ни во 2-й, ни в последней, 3-й книжке журнала за 1860 г. статей в переводе Петровского не появлялось. Судьба их осталась неизвестной, ни одна из них не числится в списке трудов казанского слависта.¹¹⁴

Журнал «Русская беседа» держался в рамках, намеченных редактором, уклонялся от прямой полемики по острым вопросам дня, печатал статьи спокойного, несколько академического характера. Но отгородиться целиком от политики он не мог, — достаточно указать на политические обзоры кн. В. А. Черкасского, связанные с итогами Парижского мира, отклик на события в Сербии в статье «Свято-Андреевская скупщина и низложение Александра Карагеоргиевича»), — причем чаще всего политические статьи строились на славянском материале. Ярким примером тому может служить статья студента московского университета болгарина Хр. Даскалова «Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции»¹¹⁵ (1858, № 2. Смесь, с. 1—64), которая доставила редакции журнала немало хлопот. Статью на ту же тему — о борьбе болгар с греческим духовенством за церковную независимость — Даскалов напечатал в «Русском вестнике» под заглавием «Турецкие дела».¹¹⁶

Основываясь на жалобе Константинопольского патриарха, обер-прокурор Св. Синода гр. А. П. Толстой заявил, что статьи Даскалова проникнуты «ожесточением и клеветой против патриарха», и потребовал от редакций упомянутых изданий поместить

¹¹³ Там же, ед. хр. 7, л. 6.

¹¹⁴ Список всего напечатанного М. П. Петровским. — Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1912 год, с. 1—17. Отдельный оттиск. См. также: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанск. университета (1804—1904) в двух частях. Казань, 1904, ч. 1, с. 149—152.

¹¹⁵ Сличая рукопись с печатным текстом, Ю. И. Герасимова установила, что при публикации было выпущено первое примечание, констатировавшее, что в России плохо знают историю болгар (Записки Отд. рук. ГБЛ. М., 1974, вып. 35, с. 22).

¹¹⁶ Русский вестник, 1858, № 4, 6, 9.

составленное им опровержение.¹¹⁷ Требование выполнено не было, но редакции обоих журналов должны были писать «Объяснительные записки» в Московский цензурный комитет.¹¹⁸ Кроме того, статьи Хр. Даскалова явились поводом для рассылки циркуляра Министерства народного просвещения с напоминанием цензурным комитетам о необходимости посылать на проверку в Духовную цензуру всех сочинений по религиозным и церковным вопросам и о положении православия на Востоке.¹¹⁹

Вопрос, поднятый Хр. Даскаловым, человеком, по словам редакции «Русской беседы», «не только даровитым, но и искренне преданным своему народу», отражал тот этап национально-освободительного движения болгарского народа, когда оно выражалось в форме борьбы за самостоятельную церковь и национальное просвещение, за родной язык. А этот этап признано считать подготовительным этапом национальной революции.

В отделе «Изящная словесность» «Русская беседа» публиковала либо произведения самих славянофилов, либо авторов в той или иной степени им идейно близких. Здесь были напечатаны стихи А. С. Хомякова, в том числе «Сербская песнь» («Гаснет месяц на Стамбуле»), шесть стихотворений Тютчева, девять — А. К. Толстого. Из прозаиков — двенадцать рассказов В. И. Даля, произведения И. С. Никитина, Марко Вовчка и Салтыкова-Щедрина.

Большой заслугой журнала следует считать публикации стихотворений декабристов А. И. Одоевского — «Якушкину, разделившему со мной ветку с могилы Лауры» (1859, кн. 3, с. 31) и «Славянские девы» («Нежны и быстры ваши напевы», 1859, кн. 4, с. 10—11) и Г. С. Батенькова — «Одичалый» («Я прежде говорил... прости» (1859, кн. 3, с. 6—12).¹²⁰ «Русская беседа» напечатала на своих страницах также два стихотворения Т. Г. Шевченко — «Вечір» («Садок вишневый коло хати...») и «Сон» («На панщини пшеницю жала»), отрывок из поэмы А. Мицкевича¹²¹ «Конрад Валленрод» («Идет зараза на Литву») в переводе

---

¹¹⁷ Материалы о «непозволительных статьях, касающихся Греческой церкви», помещенные в журнале «Русская беседа» (кн. 2) и «Русский вестник» (№ 4, 6, 9) за 1858 г., отложились в фонде Главного управления цензуры (ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ч. II, д. 4515, л. 1—51). Они углубляют и дополняют сведения, сообщенные по этому поводу Н. Барсуковым («Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1902, т. 16, с. 261—283).

¹¹⁸ Копии объяснительных записок редакторов «Русской беседы» и «Русского вестника» хранятся в фонде гр. А. С. Уварова (ГИМ, ф. 17, оп. 1, 1858, ед. хр. 187).

¹¹⁹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1770 по 1862 год. СПб., 1862, с. 446.

¹²⁰ При публикации этого стихотворения редакция решила соблюсти необходимую осторожность: стихотворение было подписано буквами «О-е-а», не была указана точная дата (18. года). Вместо «Сваретгольм — крепость в Финляндии» было напечатано просто «крепость в Финляндии».

¹²¹ В 1849 г., будучи в Париже, Кошелев встретился с А. Мицкевичем.

Н. В. Берга, стихотворение В. Сырокомли «Бывало» («Охотно бы отдал и душу и тело») в переводе М. П. Петровского. Ну и, конечно, нельзя не отметить участие в «Русской беседе» известного фольклориста и писателя-шестидесятника П. И. Якушкина, опубликовавшего здесь 3 статьи — «Путевые письма из Новгородской губернии» (1859, кн. IV. Смесь, с. 1—76), «Путевые письма из Псковской губернии» (1859, кн. VI. Смесь, с. 1—48) и очерк «Проницательность и усердие губернской полиции» в виде письма к редактору (1859, кн. V. Смесь, с. 107—122), — в которых выражался протест против существующих институтов полицейского государства.¹²²

Однако основную массу на страницах журнала составляли отнюдь не современные материалы, а лишь косвенно могущие быть соотнесенными с текущим моментом. В центре внимания «Русской беседы» были история и историческая наука. Из номера в номер М. П. Погодин и М. А. Максимович обменивались «Филологическими письмами», споря об исконном языке Киевской Руси. В отделе «Науки» помимо книги И. Беляева «Крестьяне на Руси» печатались большие исследования по русской и славянской истории, в том числе «Письма о славянской мифологии» чешского фольклориста К. Я. Эрбена, уже упоминавшиеся выше «Письма об истории сербов и болгар» А. Ф. Гильфердинга, «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням» К. С. Аксакова и др. Целые десятки страниц журнала отводятся под комментарий К. Аксакова к «Опыту исторической грамматики русского языка» Ф. Буслаева. В том же номере печатается сугубо филологическое письмо А. Хомякова к Аксакову «Несколько слов о глаголице».

Эта масса архивного, этнографического и фольклорного материала имела немаловажное значение для развития русской исторической и филологической науки. И. С. Аксаков имел полное право заявить в «Заключительном слове» к 18-й книжке журнала: «Смеем думать, что в области философии, истории, филологии „Русская беседа“ представила немалые образцы самостоятельной, независимой, своеобразной русской мысли».¹²³

Ожесточенные споры по проблемам русской истории и культуры, попытки их философского осмысления отражали рост национального самосознания. Одним из положений славянофильской доктрины было положение о народности. Понятие «народности» получило, как известно, разные толкования в русском обществе — от призыва к национальной исключительности и умиления перед стариной до отрицания Запада и общечеловеческой культуры. Призывая к народности культуры, славянофилы отнюдь не собирались «восстанавливать старину, которая «ныне

¹²² Подробнее об отношениях Якушкина со славянофилами см. в кн.: *Баландин А. И. П. И. Якушкин. Из истории русской фольклористики*. М., 1969, с. 95—125; см. также: *Баганов В. Русские революционные демократы и народознание*. Л., 1974, с. 258—326.

¹²³ Русская беседа, 1859, кн. 6, с. VII (заключительное слово).

невозможна и превратилась в бессмысленные оковы для настоящего». Они, как это справедливо отметил Чернышевский, лишь призывали «заимствовать как можно более у богатого сведениями Запада, с самобытностью усваивать себе все полезное и содействовать настоящей оценке у нас западной цивилизации».¹²⁴

Славянофилы стремились уравнять Россию в правах с Западом, избавить ее от духовного рабства, поддержать создание национальной культуры. Эту положительную черту тонко уловил Чернышевский и с похвалой отозвался о намерении «Русской беседы» основательно знакомить русское общество с достижениями западноевропейской науки и разрабатывать преимущественно вопросы русской жизни. «Прекрасно, — воскликнул великий революционер-демократ, — мы все хотим того же самого».¹²⁵

Вопрос о национальном сознании и национальной культуре тесно был связан с интересом, который славянофилы проявляли к славянскому Возрождению и национально-освободительному движению балканских народов, находившихся под властью Австрии, Пруссии и Турции.¹²⁶ Это нашло свое выражение в поездках в славянские страны, в деятельном участии в Славянских благотворительных комитетах,¹²⁷ в создании фондов по оказанию помощи деятелям Славянского возрождения и студентам, обучающимся в России, организации съездов и Московской этнографической выставки 1867 г., как своеобразного славянского форума, и т. п.

Славянофилы выдвинули лозунг славянского единства, который представлялся им как союз под эгидой русского царя.¹²⁸ Идея единения славянских народов была неразрывно связана с идеей православия, занимавшей в учении славянофилов одно из важных мест. Православие рассматривалось ими не только как оружие против мусульманства и католичества, но и как средство смирения самих славян.

Свою доктрину о путях дальнейшего социально-экономического развития России славянофилы переносили и на другие страны. По их мнению, славянским народам не следовало увлекаться революционными идеями. Освобождение славян должно произойти путем реформ. «Как показали события 1848 года, — читаем в статье А. Гильфердинга «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии», — революционный дух трудно овладевает славянами».¹²⁹ В пример приводились лужицкие сербы, которые

¹²⁴ Там же, 1856, кн. 1, с. IV.

¹²⁵ Чернышевский Н. Г. Собр. соч., т. II, с. 423.

¹²⁶ Дудзинская Е. А. Славянофилы и национальное возрождение славян. — В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX веков (материалы конференции Юнеско). М., 1978, с. 83—85.

¹²⁷ Подробнее см.: Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960.

¹²⁸ См.: Колейка П. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964, с. 43, 54—57.

¹²⁹ Русская беседа, 1856, кн. 1, с. 16—17 (Смесь).

«отвергли революционный путь, не увлеклись несбыточной мечтой и остались верны законному порядку». «Когда все вокруг с ума сходило на бреднях франкфуртских демагогов, они воспользовались порой преобразований, чтобы во взаимодействии всех сословий улучшить свое положение, и подготовили себе небывалое прежде благосостояние». С умилением сообщалось далее, что сборник народных песен,¹³⁰ собранных Я. А. Смолером,¹³¹ был посвящен прусскому королю и сам Смолер стал обучать славянскому языку наследного принца.

В 1861 г. славянофилы поддержали буржуазную галицийскую газету «Слово», которая связывала надежды на освобождение славян с австрийским императором, что вызвало резкую отповедь Н. Г. Чернышевского.

В статьях «Национальная бестактность» и «Народная бестолковость» он убедительно показал, что без борьбы никакой народ от чужеземного ига никогда не освобождался и что проповедь классового мира может лишь привести к разногласию и ненависти между народами.¹³²

В поисках путей для решения экономических вопросов славянофилы обращали особое внимание на русскую «общину, на общинное владение землей»,¹³³ думая найти в ней опору для социального благополучия масс, что, как указывалось выше, Герцен и Чернышевский ставили им в заслугу. Но интересно, что, мечтая о русской общине, славянофилы на страницах «Русской беседы» пытались пропагандировать практику общинного землевладения у славян. (Ср. статью Н. А. Ригельмана «Об устройстве земледельческого сословия в Австрии».)¹³⁴

Изложив основные догмы учения славянофилов по славянскому вопросу в том виде, в каком они нашли свое отражение на страницах «Русской беседы», естественно задаться вопросом: а как же относились к славянофильским идеям сами балканские славяне, что в конечном счете не могло не влиять на судьбу журналиста?

К славянофильским идеям сочувственно относилась только либеральная часть деятелей славянского Возрождения. Демократические же круги прислушивались к голосу русских революцион-

¹³⁰ Pjesnički hornuch a dolnych Luziskich Serbóv.

¹³¹ Наиболее подробно о Я. Смолере см. в кн.: *Suž J. Jan Arnošt Smoler, dž. 1. Budyšin. 1966* (издание продолжается). См. также: *Янчук Я. Ян Эрнст Смолер.* — ЖМНП, 1885, август, с. 25—42 (Некролог).

¹³² *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 778, 791, 792, 826, 848.

¹³³ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. XVII, с. 106.

¹³⁴ В статье Ригельмана по требованию цензуры (в портфеле журнала хранится цензурный экземпляр статьи) был выпущен первый абзац, в котором автор осторожно намекал на то, что в России в настоящее время (1856 г.) «всеми признано важное значение земледельческого сословия в быту обществ, когда все условия, определяющие его положение и благосостояние, делаются предметом общего внимания» (*Герасимова Ю. И.* Архив Кошелевых..., с. 23).

ных демократов, боровшихся с либералами всех мастей за подлинное освобождение народов. Отсутствие должного сочувствия и понимания со стороны славян и, как следствие этого, малое распространение «Русской беседы» на Балканах было одной из причин недолговечности существования журнала.

Понимание нежизнеспособности «Русской беседы» никогда не оставляло ее создателей и вкладчиков. Так, еще в 1859 г. А. С. Хомяков писал И. С. Аксакову: «Первое о „Беседе“. Номер таков, что я без злости о нем говорить не могу: ведь одного такого номера достаточно было бы для прославления любого журнала». И в другом письме ему же: «Грустно было читать описание вашего теперешнего положения дел „Беседы“, грустно, но для меня не неожиданно. „Беседа“ не может существовать сама по себе, а причина тому очень грустна, для нее в России нет читателя».¹³⁵

Настроения неуверенности, изолированности, понимание ограниченности круга, к которому адресовался журнал, предварили уже появление первых его номеров. Так, еще в 1856 г. Аксаков писал: «Я не ожидаю большого успеха для „Русской беседы“... Это журнал слишком исключительный, слишком серьезный, доступный пониманию очень небольшой части публики, и не представляющий выставку товаров по всякому вкусу. Вообще для жизни нужно, чтобы журнал был криклив, задорен и с перцем».¹³⁶

Не было, как уже отмечалось выше, и единства в программе журнала, что выражалось в принципиальных расхождениях Кошелева и Аксакова как в оценке элементов государственности — «земли», «мысли», «власти», значения православия для народности, так и в вопросах тактики и журнальной политики.¹³⁷ Но основную причину недолговечности «Русской беседы» — этой «лебединой песни» славянофилов 50-х гг. — следует искать в противоречиях самого направления, в котором отразилось банкротство господствующих классов середины XIX в., безуспешно пытавшихся предотвратить нарастание крестьянской революции. «„Русская беседа“, — пишет современный исследователь, — была призвана сыграть роль идеологического оружия в борьбе с революцией. Но оружие оказалось недейственным, ибо в 1859 г. в России возникла революционная ситуация. Это было главной причиной краха славянофильских замыслов, а следовательно причиной закрытия журнала».¹³⁸

¹³⁵ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 365.

¹³⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. III, с. 239.

¹³⁷ В письмах кн. В. А. Черкасскому Кошелев писал, имея в виду И. С. Аксакова, что «их убеждения и образ действий слишком различны» (Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901, т. 1, кн. 1, с. 82; см. также: Колупанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892, т. II, с. 251.

¹³⁸ Дудинская Е. А. «Русская беседа». (История журнала как отражение «кризиса верхов» в условиях назревания революционной ситуации 1859—1861 гг.). АКД. М., 1952.

Просуществовав немногим более 5 лет, терпя значительные материальные убытки¹³⁹ и дав читателю ровно 20 книжек,¹⁴⁰ «Русская беседа» ушла из литературной жизни тихо и незаметно. Прекращение журнала совпало с уходом с жизненной арены идеологов раннего славянофильства.¹⁴¹ Своей естественной смертью как раз накануне крестьянской реформы она как бы подчеркнула историческую обреченность деятельности «московских мечтателей», «московских идеалистов», как тогда называли славянофилов, ратовавших за самобытный, патриархальный, некапиталистический путь развития России. Надеждам, которые возлагались на «Русскую беседу», — увлечь русское общество на борьбу за торжество народных, исконно русских самобытных начал — не суждено было сбыться. Столь же несостоятельными оказались и взгляды славянофилов на будущие судьбы славянства.

Славянофильский журнал «Русская беседа» никогда не был чисто славянским изданием. Вместе с тем журнал проявлял исключительный интерес к судьбе славян, прежде всего судьбе «единоверных славян» — болгар и сербов. Целые страницы отводила «Русская беседа» вопросам археологии, истории, народного быта южных славян, а также их борьбе за национальное освобождение. Таковы, например, «Записки» сербского священника и политического деятеля М. Ненадовича, рассказывающие об участии автора и его отца в национально-освободительном движении, острополюмическая статья болгарина Хр. Даскалова «Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции», призывавшая к борьбе за независимую национальную церковь. И все это печаталось в «неблагонамеренном издании», под недремлющим оком тогдашней цензуры.¹⁴²

В новую эпоху — эпоху пореформенной России, начавшуюся с отменой крепостного права, чему немало способствовала деятельность славянофилов, — окончательно становится очевидной реакционная сторона их учения. В то же время все, что было жизненно в их взглядах, что отвечало прогрессу русского об-

---

¹³⁹ По подсчетам И. С. Аксакова, за время существования «Русской беседы» Кошелев потерял убытки в «тысяч 40 серебром» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. IV, с. 26).

¹⁴⁰ В 1856, 1857 и 1858 гг. журнал выходил по 4 книжки в год, в 1859 г. вышло 6 книг, зато в 1860 г. — только 2.

¹⁴¹ Смерть И. В. Киреевского последовала в июне 1856 г., И. С. Хомякова — в сентябре 1860, К. С. Аксакова — в декабре того же года.

¹⁴² Достаточно указать на отзыв чиновника особых поручений Н. В. Елагина, который в одном из рапортов писал о «Русской беседе»: «Общий характер (...) направлен к самобытной политической жизни славян. Порицается в сильных выражениях греческое духовенство. Указывается ненависть южных славян к грекам. Хвалится открытое судопроизводство. Отвергается святость царевича Дмитрия. На святого Пахомия возводится клевета, будто бы он составил коран Магомету. Встречаются отдельные выражения, несогласные с правилами государственного устройства России» (цит. по: Герасимова Ю. И. Архив Кошелевых..., с. 26).

щества, становится достоянием других направлений и деятелей передовой общественной мысли в России.

Русские славянофилы 50-х—начала 60-х гг. и их журнал «Русская беседа» немало содействовали привлечению русского общества к славянскому вопросу и укреплению русско-славянских культурных и литературных связей. Эта сторона деятельности славянофилов заслуживает справедливой исторической оценки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статьи по славянскому вопросу, опубликованные в журнале «Русская беседа»

Приводимый ниже библиографический перечень охватывает все материалы по славянской тематике, независимо от их жанра за весь период существования журнала (1856—1860). Библиографический перечень составлен в результате фронтального просмотра «Русской беседы». Материалы указателя расположены по годам, а внутри каждого раздела — в алфавите авторов статей. Если удалось установить фамилию автора или раскрыть его криптоним, эти сведения даются в круглых скобках. Фамилии переводчиков выносятся перед заглавием публикации и даются в угловых скобках.

1856

1. *Гильфердинг А. Ф.* Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии. — Кн. I, с. 1—35 (Смесь).
2. *Г(ильфердинг) А.* Известия из нижних Лужиц. — Кн. IV, с. 127—128 (Смесь).
3. *Горский, Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки.
Рец.: Безсонов П. А. — Кн. II, с. 1290 (Критика).
4. *«Прерадович».* Primorske pjesmice. С иллирского М(емнон) П(етровский). — Кн. III, с. 104—108 (Изящная словесность).
5. *Черкасский В. А., кн.* Обзорение политических событий в Европе за 1855 год. — Кн. I, с. 1—32 (Обозрения).
6. Югославянские рассказы. Предисловие А. Ф. Гильфердинга. 1) *Памучина И.* Суд над христианскою девушкой в Мостаре в 1841 г. 2) Рассказ францисканца о введении танзимата в Боснии. — Кн. II, с. 34—46, 47—56 (Смесь).

1857

7. *Безсонов П. А.* Лазарица. Народные песни, предания и рассказы сербов о падении их древнего царства. — Кн. II, с. 38—79 (Смесь).
8. *Берг Н. В.* Легенда верхних лужичан (Из сборника Верхнелужицких песен Гаупта и Смоляра. Пер. Н. В. Берга. — Кн. IV, с. 82—800 (Изящная словесность).
9. *«Варенцов В. Г.».* Молодая Бреда (хорутанская песня) и Сербская песня. — Кн. II, с. 147—152 (Изящная словесность).
10. *Гильфердинг А. Ф.* Письмо из Белграда (К Е. П. Ковалевскому); О всеславянском словаре г. Шумавского (Письмо к А. С. Хомякову). — Кн. I, с. 89—93; 94—96 (Смесь).

11. *Киреевский П. В.* Перевод сербской песни. — Кн. IV, с. 86—88 (Изыщная словесность).
12. *Клун В.* Словенцы. Этнографический очерк. — Кн. III, с. 65—122 (Науки).
13. *Кошелев А. И.* Шесть недель в австрийских славянских землях (Письмо к А. С. Хомякову). — Кн. IV, с. 1—18 (Смесь).
14. *Рачинский А.* О современном состоянии просвещения в Болгарии (Письмо к П. И. Бартеңеву). — Кн. IV, с. 161—170 (Смесь).
15. *Срезневский И.* Церковно-славянский словарь А. Х. Востокова. Рец. Срезневского. — Кн. II, с. 1—22 (Критика).
16. *Хомяков А.* Сербская песня. — Кн. IV, с. 78—79 (Изыщная словесность).
17. *Чижов Ф. В.* Заметки путешественника по славянским землям. — Кн. I, с. 1—3 (Смесь); кн. II, с. 1—37 (Смесь).
18. *Эрбен К.-Я.* Письма о славянской мифологии. — Кн. IV, с. 71—128 (Науки).

1858

19. *Гильфердинг А. Ф.* Босния. Путевые впечатления. (Письма к А. С. Хомякову). — Кн. I, с. 54—7 (Смесь); кн. II, с. 65—92 (Смесь); кн. III, с. 64—97 (Смесь); кн. IV, с. 51—80 (Смесь).
20. *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года. — Кн. III, с. 1—58 (Приложение).
21. *Даскалов Хр.* Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции. — Кн. II, с. 1—64 (Смесь).
22. Западные славяне. «Б. а.» — Кн. IV, с. 1—28 (Обозрение).
23. *Ковалевский Е. П.* Путевые записки о славянских землях. — Кн. I, с. 1—53 (Смесь).
24. *Миличевич М.* Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги. Пер. с сербского П. Бартеңева. — Кн. III, с. 98—112 (Смесь).
25. *Надеждин Н. И.* Георгий Чорный по рассказам очевидцев. — Кн. IV, с. 19—50 (Смесь).
26. *Рачинский А.* Походные письма ополченца из Южной Бессарабии. 1855—1856. — Кн. II, с. 1—76 (Прибавление).
27. *Смолер И. Е.* Голос заграничного книготорговца об устройстве русской книжной торговли. Письмо к А. И. Кошелеву. — Кн. IV, с. 81—102 (Смесь).
28. *Черкасский В. А., кн.* Два слова по поводу Восточного вопроса. — Кн. IV, с. 65—92 (Обозрение).
29. *Чокорило Пр.* Летопись Герцеговины 1831—1857. Пер. с сербск. — Кн. II, с. 93—121 (Смесь).

1859

30. *Гильфердинг А. Ф.* Босния. Путевые заметки. — Кн. I, с. 99—138 (Смесь); кн. II, с. 57—104 (Смесь).
31. *Гильфердинг А. Ф.* Греческая служба Св. первоучителям славянским и житие Св. Наума Болгарского. — Кн. II, с. 127—144 (Науки).
32. *Гильфердинг А. Ф.* Дух народа сръбскогъ. От Јована Хафића. У Карловци. 1858.
Рец.: А. Ф. Гильфердинг. — Кн. V, с. 1—15 (Критика).
33. *Гильфердинг А. Ф.* Письма об истории сербов и болгар. Период второй (976—1019). — Кн. III, с. 105—160 (Науки); кн. IV, с. 113—186 (Науки). Приложение: Старинные поселения славян на греческой земле, с. 187—210.
34. *Клун В.* Словенцы. — Кн. I, с. 87—120 (Науки); кн. II, с. 95—127 (Науки).
35. *Ковалевский Е. П.* Путевые заметки о славянских землях. — Кн. V, с. 1—38 (Смесь).

36. *Миличевич М.* Письмо из Белграда. — Кн. II, с. 140—144 (Смесь).
Примечания к письму из Белграда, с. 145—150.
37. *Миличевич М.* Рассказ очевидца о Скупштине. — Кн. I, с. 139—156 (Смесь).
38. *Миличевич М.* Сербская община. — Кн. VI, с. 49—64 (Смесь).
39. *Ненадович М.* Записки сербского протоиерея. — Кн. I, с. 1—52 (Смесь); кн. II, с. 1—57 (Смесь).
40. *Одоевский А. И.* Славянские девы. — Кн. IV, с. 10—11 (Изящная словесность).
41. *Павлович С.* Родолюбец. Сербская церковная музыка и сербский композитор Корнелий Станкович. Два письма в редакцию из Вены. — Кн. III, с. 51—57; 57—64 (Смесь).
42. *Петкович К.* Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе. — Кн. III, с. 1—20 (Смесь).
43. *Петровский М. П.* Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии. — Кн. III, с. 67—101 (Обозрение).
44. *Погодин М. П.* Отрывки из писем к Министру народного просвещения о положении славян в Европе. — Кн. I, с. 53—88 (Смесь).
45. *Попович В.* О «Болгарских книжцах». — Кн. II, с. 115—139 (Смесь).
46. *Попович В.* Отрывок из рассказов моей матери: Поездка в випоградник, болгарская повесть. — Кн. VI, с. 77—102 (Изящная словесность).
47. *«Прерадович П.»*. Заря. С иллирского пера М(емнона) П(етровского). — Кн. III, с. 12—13 (Изящная словесность).
48. См. № 41.
49. *Утешенович О.* Семейная община южных славян.
Рец.: К(околекпна). — Кн. IV, с. 1—32 (Критика).

1860

50. *«Гильфердинг А. Ф.»* Jean de Hunyad. récit du XV-e siècle, Précédé de la Hongrie, son génie et sa mission. Etude historique par Charles-Louis Chassin. Deuxième édition. Paris, 1859.
Рец.: А. Ф. Гильфердинга на кн. Шассена «Венгрия и славяне». — Кн. II, с. 1—42 (Критика).
51. *Гильфердинг А. Ф.* Историческое право хорватского народа. — Кн. I, с. 1—15 (Смесь).
52. *Гильфердинг А. Ф.* Чем поддерживается православная вера у южных славян. — Кн. II, с. 1—28 (Критика).
53. *Ламанский В. И.* Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании». — Кн. I, с. 135—148 (Смесь).

П. Р. Заборов

Ипполит Тэн в России

(Материалы к истории восприятия)

В развитии европейской (и не только европейской) культуры XIX в. Ипполит-Адольф Тэн (1828—1893) сыграл поистине выдающуюся роль. По словам Г. В. Плеханова, в его трудах нашел себе «полное и блестящее выражение» новый и передовой для того времени взгляд, «согласно которому литература есть продукт общественного строя»,¹ а по мнению А. В. Луначарского, он «должен быть причислен к классикам домарксистского социал-материалистического истолкования литературы и искусства».²

Философ, историк, критик, один из основоположников и крупнейший теоретик культурно-исторической школы, Тэн оставил после себя обширное творческое наследие: его перу принадлежит более двух десятков книг и трехсот статей. Сочинения его многократно переиздавались и переводились на иностранные языки, способствуя всевозможным исканиям и открытиям в различных сферах научной и художественной жизни Франции, Англии, Германии, Италии, Испании и т. д.³

В России Тэн получил известность на рубеже 1850—1860-х гг., и затем в течение полувека имя его не сходило со страниц русской печати. По преимуществу под воздействием Тэна сформировалась в русской академической науке культурно-историческая школа, хотя многие ее деятели отчетливо сознавали ограниченность, уязвимость его метода и всячески стремились их преодолеть.

К настоящему времени значение Тэна для русской культурно-исторической школы освещено с достаточной обстоятельностью и глубиной.⁴ Основательно изучено также отношение к Тэну на-

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958, т. 1, с. 34.

² Луначарский А. В. Собр. соч. М., 1967, т. 5, с. 564.

³ См.: Giraud V. Taine. Paris. 1902 (серия «Bibliothèque de bibliographies critiques»).

⁴ См.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975, гл. II (автор — А. Л. Гришунин).

званных выше крупных представителей марксистской критики.⁵ Однако остается множество других вопросов, заслуживающих исследования. Для лучшего понимания русского общественного и культурного движения второй половины XIX в. было бы полезно выяснить, проявилось ли увлечение Тэном в русской художественной литературе, чем были ему обязаны русские философы, мыслители и критики, как его интерпретировали, но прежде всего — как усваивались у нас его сочинения. Русским переводам Тэна, а также откликам на них и посвящена в основном данная статья. Задача ее весьма скромна: по возможности обобщить фактический материал, который впоследствии позволит проследить восприятие в России творчества Тэна, и наметить контуры этого явления, облегчая тем самым дальнейшую разработку проблемы.

Первый русский перевод из Тэна появился в 1861 г. в журнале М. М. и Ф. М. Достоевских «Время».⁶ Он был озаглавлен «Современная английская философия. Джон Стюарт Миль и его система логики» и восходил к «Revue des Deux Mondes» — журналу, имевшему широкое распространение в русских читательских кругах.⁷ Переводчик философ-гегельянец Н. Н. Страхов главное достоинство этой «прекрасной статьи» усматривал «в изложении содержания системы логики Милия, изложении, отличающемся обыкновением мастерством французов».

Впоследствии Страхов перевел также главный философский труд Тэна «Об уме и познании» («De l'Intelligence», 1870). Издан перевод был в 1872 г., а в 1894 г. переиздан; и в том и в другом случае книге предшествовало обстоятельное «Предисловие переводчика», носившее подзаголовок «О чисто-эмпирическом методе».⁸

⁵ См.: *Забабурова Н. В.* Г. В. Плеханов и А. В. Луначарский об Ипполите Тэне. — В кн.: Вопросы зарубежной литературы. Ростов-на-Дону, 1971, с. 98—106; *Марди М. И.* Плеханов и Тэн (по материалам плехановских трудов 1890-х гг.). — Учен. зап. Тартуского гос. ун-в., вып. 358. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, 1975, вып. XXIV, с. 72—92. — В этой статье заключен и краткий очерк усвоения Тэна в России.

⁶ См.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972.

⁷ *Время*, 1861, т. III, июнь, с. 356—392. Ср.: *Revue des Deux Mondes*, 1861, t. XXXII, 1 mars, p. 44—82. Отдельное издание: *Taine H.* Le Positivisme anglais, étude sur Stuart Mill. Paris, 1864; вошло в «Историю английской литературы».

⁸ Приводим начальные строки этого предисловия: «Книга, предлагаемая нами читателям в русском переводе, представляет большие достоинства. Это не компиляция, не учебник, излагающий с большею или меньшею точностью результаты, добытые наукою; настоящее сочинение Тэна имеет все права на название оригинального произведения; автор распоряжается своим предметом как полный хозяин и изложил его в строго-обдуманной и отличной обработке» (*Тэн И.* Об уме и познании. Перевод с французского, под редакцией Н. Н. Страхова. СПб., 1872, с. I. — Фрагмент этого труда позднее был включен в брошюру: *Тэн И., Дарвин Ч.* Наблюдения над жизнью ребенка. СПб., 1900, с. 3—22).

«Время» обращалось к Тэну и в дальнейшем. Речь идет о двух статьях (опять-таки заимствованных из «Revue des Deux Mondes») ⁹ под общим названием «Литература и нравы Англии в XVIII столетии». ¹⁰ В первой из них характеризовались «нравы», т. е. состояние английского общества, после революции 1688 г. (религия, национальные обычаи, политика, законодательство, публичная и частная жизнь, ораторское искусство и т. д.), во второй — «литература», а точнее — «романы и романисты» (Дефо, Ричардсон, Стерн, Голдсмит и др.), причем «литература» выводилась из «нравов» — в соответствии с тем «позитивным» эстетическим методом, который был открыт и разработан Тэном на протяжении 1850-х гг. ¹¹

Сущность этого нового метода русский читатель мог с большей или меньшей легкостью уловить в нескольких фразах предисловия, предпосланного второй из названных статей: «В XVIII веке проявляется в Англии новое литературное направление, соответствующее страстям и наклонностям публики: это направление антироманическое, положительное и нравственное, имеющее в виду не экзальтировать или баюкать воображение, как средневековые испанские романы, не улучшать разговорную речь, как все романы XVIII века и преимущественно французские, но изображать действительную жизнь, описывать характеры, указывать, как нужно себя вести и судить поступки общества. Это было поразительное явление, как будто голос народа, скрытого под землею». ¹² Однако журнал счел это недостаточным, и вскоре на его страницах увидел свет перевод двух последних глав книги Тэна «Французские философы XIX века» («Les Philosophes français du XIX-e siècle», 1857), в которых содержалось развернутое обоснование его метода, предполагавшего строгий детерминизм в исследовании естественно-научном и гуманитарном. ¹³

Переводчик В. Л. Фукс передал французский текст сравнительно точно, опустив всего несколько малозначительных фрагментов и лишь в одном случае «транспонировав» его для русской публики. Правда, случай этот весьма интересен: всячески настаивая на плодотворности «анализа» в области «нравственных наук», Тэн демонстрировал это на примере «Пантагрюэля»; в переводе же

⁹ Revue des Deux Mondes, 1861, t. XXXVI, 1 déc., p. 521—565; 15 déc., p. 914—956; использовано в «Истории английской литературы».

¹⁰ Время, 1862, т. VII, январь, с. 282—319; февраль, с. 455—493.

¹¹ См.: Новиков А. В. От позитивизма к интуитивизму. Критические очерки буржуазной эстетики. М., 1976, с. 32—57; Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980, с. 38, 122, 131—132, 202—203, 215—218, 227—229 и др.; см. также: Дрондов Г. Французский позитивизм второй половины XIX века (Ипполит Тэн и Эрнест Жозеф Ренан). АДК. Л., 1962; Чиковани А. Г. Философско-эстетические взгляды И. Тэна. АДК. Тбилиси, 1979.

¹² Время, 1862, т. VII, февраль, с. 455.

¹³ Там же, т. XI, июнь, с. 182—202; отдельное русское издание книги: Тэн И. Французская философия первой половины XIX-го века. Под редакцией Е. Васьковского. СПб., 1896.

вместо великого творения Рабле называлось произведение тоже великое, но отечественное. Сохранив логику рассуждения и даже конструкцию отдельных фраз, переводчик везде заменил «Пантэгрюэля» на «Мертвые души»: «Гоголь написал „Мертвые души“». Всякий тотчас же переводит эту фразу более ясным фактом. Всякому представляется книга в несколько сот страниц, происшествий, рассказанные в ней характеристики. Но этот внешний и кажущийся факт окружен целым рядом еще не известных фактов. В чем заключается то, что можно назвать философией Гоголя? Каким образом он рассуждает? Какое участие и в какой мере принимает у него воображение? В каком порядке, в какой пропорции образы и идеи сцепливаются в его мозге? В чем заключается его юмор? Какое участие имеют при этом серьезные стороны его гения, философии, сатира, темперамент? В чем заключается сообразность его книги с нравами окружающей его среды? Почему в его поэме встречается столько бесцеремонных выражений, оскорбляющих чувства известного класса целомудренной публики? Каков слог его? Отчего происходит эта смесь веселого комизма с горьким, раздирающим душу чувством? Какие личные способности и какие внешние условия породили этого самобытного гения с такими странными на первый взгляд приемами? В чем заключается влияние Гоголя на современное ему общество? Вы видите, что здесь предстоит такой же анализ, какой мы сделали, говоря о пищеварении» и т. д.¹⁴ Конечно, в контексте статьи подобная замена выглядела несколько странно и могла озадачить читателя, но вместе с тем в его глазах она придавала построениям Тэна дополнительную ценность, показывая их широкую применимость, их всеобщий смысл.

В 1864 г. появилась четырехтомная «История английской литературы» («Histoire de la littérature anglaise»), важнейший труд Тэна, особенно знаменитый своим обширным введением — манифестом «позитивного направления» в эстетике и литературной науке. Первые три тома, посвященные древности, средневековью, классическому периоду и романтизму, вышли в самом начале января; последний, в котором шла речь о писателях современных, увидел свет в октябре.

Труд Тэна вызвал почти немедленный отклик — прежде всего в самой Франции, затем в Англии, а также в ряде других европейских стран. Не осталась к нему равнодушной и русская печать. Раньше других о нем сообщил своим читателям журнал «Заграничный вестник». Содержательное и передовое издание, возглавлявшееся (фактически) П. Л. Лавровым, который уже в начале 1860-х гг. был весьма близок к освободительному движению, этот журнал переводных статей и сочинений энергично пропагандировал достижения зарубежной науки о природе, человеке и обществе.¹⁵ К числу таких достижений и относился, в его

¹⁴ Там же, с. 189—190.

¹⁵ См.: Рейфман П. С. Журнал «Заграничный вестник». — Учен. зап. Тартуского гос. унив., № 167. Труды по русской и славянской филологии,

понимании, «позитивный метод» Тэна, получивший столь отчетливое выражение и обоснование в «Истории английской литературы».

Непосредственным поводом для обращения «Заграничного вестника» к этому труду явился «трехсотлетний юбилей» Шекспира, широко отмечавшийся во всем мире.¹⁶ «Желая содействовать со своей стороны воспоминанию о мировом поэте», журнал поместил в апрельском и майском выпусках главу о Шекспире,¹⁷ аргументируя этот выбор тем, что «Истории английской литературы» отдают справедливость «сами англичане». Представляя Тэна читателям, журнал отмечал, что он «принадлежит к самым замечательным писателям современной Франции, хотя известность его распространена далеко менее многих других авторов, стоящих по таланту и по знанию значительно ниже его», и что «работы» его «принадлежат к первостепенным во Франции»,¹⁸ а далее характеризовал его метод и манеру: «По остроумной критике и по образности своего блестящего языка Тэн может быть признан одним из самых прямых наследников Вольтера, с которым он еще разделяет и весьма искусное совокупление здравого скептицизма с горячею защитою некоторых предвзятых идей <...> Его произведения заслуживают всегда самого внимательного изучения по обширности его знаний, редкой во французском писателе, по умному взгляду на предмет и по широте взгляда, в которой он едва ли имеет соперников между своими соотечественниками».¹⁹

Все это не означало, впрочем, что Тэн безупречен: изложение его, полагал «Заграничный вестник», лишено «сжатости», а «фраза» страдает «излишней живописностью», причем «иногда на счет точности»; однако недостатки такого рода отступали перед главным его достоинством — оригинальностью в подходе к литературным явлениям и их интерпретации.

О Тэне, но исключительно как об истолкователе Шекспира, говорилось также в другом отделе апрельского выпуска журнала — «Европейская жизнь»: «Что касается до серьезных исследований или критик на творения Шекспира, то мы решительно не можем указать ни на одно сочинение, которое могло бы стать рядом с оценкою Шекспира Тэном, появившейся в начале года».²⁰

Несколько месяцев спустя «Заграничный вестник» обратился к «Истории английской литературы» вновь. Иронизируя над Французской Академией, «этой дряхлой, выжившей из ума мумией французской литературы», не удостоившей труд Тэна, «одно

1965, вып. VIII, с. 123—162; № 184. Труды по русской и славянской филологии, Литературоведение, 1966, вып. IX, с. 44—82.

¹⁶ О праздновании шекспировского юбилея в России см.: Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева. М.—Л., 1965, с. 410—413.

¹⁷ Заграничный вестник, 1864, т. II, № 4, с. 69—98; № 5, с. 297—324.

¹⁸ Там же, № 4, с. 67.

¹⁹ Там же, с. 68.

²⁰ Там же, с. 200.

из умнейших и ученейших произведений современной Франции», премии, которая «раздается разным низкопоклонникам дряхлых академиков» (речь шла прежде всего о престарелом главе «электической школы французских философов» Викторе Кузене),²¹ журнал предлагал читателям сочувственный обзор вышедших томов, заимствованный из «Westminster Review»,²² и перевод заключительного раздела третьего тома «Прошлое и настоящее» («Le Passé et le Présent»), в котором подводились итоги изучения английской литературы с новых позиций, иными словами — в свете тэновских эстетических идей.²³ В том же году «Заграничный вестник» вернулся к «Истории английской литературы», поместив перевод главы о Байроне.²⁴ Не утратил он интереса к Тэну и позднее.

В мае 1864 г. имя французского мыслителя появилось на страницах «Отечественных записок». Читателям этого умеренного журнала, не слишком процветавшего в ту пору, был предложен его этюд о Теккерее, извлеченный из первого издания «Критических и исторических опытов» (затем он вошел в четвертый, а в окончательном варианте в пятый том «Истории английской литературы»). «В конце прошлого года, — указывалось в предисловии, — смерть внезапно похитила одного из самых деятельных и замечательных английских романистов — Теккерея, который и у нас в России, вместе с Диккенсом, долгое время приковывал к себе общее внимание образованной публики. Его романы переводились у нас нарасхват; „Ярмарка тщеславия“, например, явилась разом в двух переводах в двух журналах.²⁵ Были даже в литературе, в свое время, споры, кто выше: Диккенс или Теккерей. Его „снобсами“ одно время характеризовали различные личности из нашего общества. Он у нас имел подражателей. Поэтому мы не считаем лишним познакомить нашу публику с статьею о Теккерее французского критика Тэна, которому сами англичане недавно отдали похвалу за его „Историю английской литературы“». Далее шла речь о личности и творчестве английского писателя с их достоинствами и недостатками, «которые, в свою очередь, все простекали из благородного источника», и следовал вывод: «Его в высшей степени чувствительная и прямая душа не могла

²¹ Там же, т. III, № 8, с. 213.

²² Там же, с. 214—253. Ср.: The Westminster and Foreign Quaterly Review, 1864, 1 April, p. 473—512. — Тогда же в «Заграничном вестнике» был напечатан и другой английский отклик на английские штудии Тэна — статья из «Saturday Review of politics, literature, science and arts», опубликованная там вскоре после выхода в свет отдельного издания очерка о философии Милля. Статья эта заключала в себе некоторые критические суждения, однако в целом была весьма одобрительной. Во всяком случае, автор ее вполне разделял точку зрения самого Милля, высказанную в письме к Тэну: «Не думаю, чтобы на немногих страницах можно было дать более верное и полное понятие о содержании и философском направлении этой книги» (там же, с. 254—263).

²³ Заграничный вестник, 1864, т. III, № 9, с. 413—442.

²⁴ Там же, т. IV, № 11, с. 326—366.

²⁵ Имеются в виду «Современник» и «Отечественные записки» 1850 г.

равнодушно смотреть на зло, господствующее в мире, и он неумолимо его преследовал посредством сарказма и горькой иронии, которые в его руках превращались в могущественное оружие»,²⁶ — после чего с сокращениями приводился тэновский этюд.²⁷

Тот же самый этюд — наряду с другим, посвященным Диккенсу, — был положен в основу большой статьи об английском романе, напечатанной в «Современнике», причем на сей раз оба этюда восходили к четвертому тому «Истории английской литературы». Называя свой главный источник, автор статьи А. Н. Пыпин,²⁸ бывший профессор Петербургского университета (покинувший его в знак протеста против реакционной политики правительства по отношению к студенчеству) и будущий академик, решительно утверждал, что книга Тэна — «одно из лучших явлений французской литературы в последнее время». «Целое сочинение, оканчивающееся вышедшим недавно четвертым томом, — пояснял он свою мысль, — представляет полный обзор английской литературы с ее древнейшего и до последнего времени. Книга имела большой успех и обратила на себя большое внимание: английская критика приняла ее в высшей степени благосклонно и, несмотря на всю национальную ревность, признала даже в ней лучшее сочинение вообще об английской литературе. Это, конечно, справедливо, потому что действительно об этом предмете нет целого сочинения, которое бы имело такие литературные достоинства, — хотя мы не всегда согласились бы с точкой зрения Тэна. Это, разумеется, не мешает Тэну быть верным наблюдателем в подробностях и удачно определять литературный характер писателей».²⁹

²⁶ Отечественные записки, 1864, май, с. 106—107.

²⁷ Там же, с. 108—143. — См. также в разделе «Иностранная литературная летопись» (с. 466—468) рецензии на вышедшие в 1864 г. «маленькие брошюры» Тэна о современных английских философах — Дж. С. Милле и Т. Карлейле. Относительно первой из брошюр журнал сообщал лишь, что «Тэн считает Милля олицетворением позитивизма и, сам позитивист с величайшим сочувствием относится к его методу и трудам», а свой лаконизм объяснял тем, что очерк этот «русским читателям уже знаком», поскольку «до издания отдельной книгой он был напечатан в „Revue des Deux Mondes“ и переведен у нас во „Времени“». Что же касается второй, в России еще не известной (L'Idéalisme anglais, étude sur Carlyle. Paris, 1864; в дальнейшем включено в «Историю английской литературы»), то журнал ее излагал с большой обстоятельностью и в заключение делал попытку защитить идеалиста-Карлейля от Тэна, который не принимал ни его «страпную философию», ни «пророческие исторические воззрения», ни «мрачные политические теории», ни «преувеличенный стиль», хотя и «добросовестно изучал его и старался понять». С точки зрения журнала, Карлейль был прежде всего историком; Тэн же видел в нем преимущественно философа и смотрел на исторические труды Карлейля «как на приложение его философских идей». Тэн фигурировал и в следующем, июньском выпуске «Отечественных записок» (с. 561—609), но это был всего лишь повторный перевод статьи из «Westminster Review», на которой ранее остановил свое внимание «Заграничный вестник».

²⁸ Подпись под статьей: —А—.

²⁹ Современник, 1864, № 11—12, отд. I, с. 345—346.

На протяжении статьи Пыпин неоднократно критиковал Тэна, но при этом весьма широко использовал, обильно цитируя или пространно излагая. Так, этюд о Диккенсе казался ему недостаточно глубоким, в нем отсутствовала «отвлеченная художественная оценка», а вместо того «описывались» те черты диккенсовского творчества, которые «особенно бросались в глаза», и «рассказывались» возникшие в процессе знакомства с ним «собственные впечатления», но в этих впечатлениях Пыпин находил «много верного» и постоянно на них опирался. Аналогичным образом обстоит и с разделом о Теккерее, который, впрочем, помимо тэновского труда, был построен и на английских критико-биографических материалах. Полагая, что характеристика Теккерея, данная Тэном, «в сущности без сомнения справедлива», равно как и анализ отдельных его произведений, Пыпин, однако, относился сдержанно к стремлению Тэна подвести его «под принцип расы» и «начало темперамента»: «Не отвергая этого принципа, нужно только заметить, что его следует принимать с известной осторожностью, потому что и самый принцип расы получает с течением времени весьма обширные видоизменения. Точно так же и всю нравственную жизнь, доступную наблюдению писателя, он подводит под одно начало темперамента: изображать пороки и добродетели, по его мнению, значит изображать только внешнюю, общественную сторону человека и не знать его сущности, — как будто общественная сторона человека составляет такую ничтожную долю в жизни человека и, следовательно, в его характеристике».³⁰ Не соглашался русский критик и с точкой зрения Тэна на присущую английскому романисту «резкость обличения»: «Теккерей много больше понравился бы ему, если бы он был умереннее, если бы общественные недостатки и злобредность изображенных им лиц он смягчал психологическим разбирательством». Наконец, не убеждало его и «сличение» Теккерея с Бальзаком: «Теккерей прежде всего сатирик общественной жизни. Его существенная цель была не психологическое изображение отдельных характеров, а целый образ общественной жизни, насколько он выражается в отдельных личностях».³¹

На тех же главах «Истории английской литературы» был основан и обширный очерк об «английских романистах», помещенный в журнале «Женский вестник».³² Он принадлежал перу В. В. Чуйко, начинающего литератора, позднее — видного критика, автора книг «Современная русская поэзия в ее представителях» (1885) и «Шекспир, его жизнь и произведения» (1889).³³

³⁰ Там же, с. 379—380.

³¹ Там же, с. 380—381. — Об этой статье см.: *Троицкий Ю. Н.* Теккерей в русской критике. — Уч. записки Тульского гос. пед. института, 1953, вып. 4, с. 170; *Азметет Л. Е.* Русская революционно-демократическая критика о Теккерее. — Уч. записки Башкирского гос. пед. института, 1955, вып. V. Сер. филол., № 1, с. 67.

³² *Женский вестник*, 1866, № 2, с. 1—41.

³³ О нем см.: Шекспир и русская культура, с. 654—658.

Свой выбор Чуйко объяснял двумя причинами: с одной стороны, «чрезвычайной серьезностью» тэновского труда, признанного и в самой Англии, а с другой — значительностью имен Диккенса и Теккерея, «теперь, конечно, сходящих со сцены, но в продолжении долгого времени имевших громадное влияние не только в Англии и остальной Европе, но даже и у нас».³⁴

Однако Чуйко этим не ограничился и вскоре вместе с известным впоследствии беллетристом А. К. Шеллером (А. Михайловым) предпринял полный перевод «Истории английской литературы», намереваясь первоначально напечатать его в приложении к «Женскому вестнику», а затем издать отдельной книгой. Замысел этот, однако, был осуществлен лишь в незначительной степени — в виде журнальных публикаций введения и нескольких фрагментов первого и второго томов.³⁵ Осуществлению замысла помешало прекращение «Женского вестника»: последний его выпуск помечен январем 1868 г.³⁶

Потребность в русском переводе «Истории английской литературы» была удовлетворена только в следующем десятилетии: в 1871 г. в двух книгах под названием «Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы» увидели свет первые три тома, в 1876 г. под названием «Новейшая английская литература в современных ее представителях» — последний. «Издаваемое нами сочинение Тэна, — писали в предисловии к первому тому русского перевода его редакторы А. Рябинин и М. Головин, — появилось в начале 60-х годов под заглавием „История английской литературы“ и успело уже выдержать около восьми изданий. Появление ее сразу поставило автора наряду с первоклассными писателями Европы и заслужило ему громкую известность, хотя и до того времени он был известен в кругу французских литераторов своими умными и беспристрастными исследованиями по части литературы и философии. Английская критика, наиболее заинтересованная в деле своей национальной литературы, отозвалась о книге Тэна самым лестным образом и положительно сознавалась, что им разъясняются вполне многие стороны этой литературы, которые оставались до тех пор темными вследствие поверхностного исследования. Впрочем, о достоинстве и об успехе сочинения можно судить уже из того, что оно переведено почти на все главные европейские языки. В нашей литературе оно появлялось отрывками, в некоторых периодических изданиях, и с значительными пропусками, хотя и в этом искаженном виде успело обратить на себя внимание читающих людей. Теперь мы решились издать сочинение Тэна вполне в уверенности, что пополняем этим значительный пробел в нашей литературе, которая далеко не так знакома с английской литерату-

³⁴ Женский вестник, 1866, № 2, с. 4.

³⁵ Там же, 1867, № 4, 5, 6, 7, 9; 1868, № 1.

³⁶ См.: Клевенский М. М. Журнал «Женский вестник» (1866—1868 гг.). — В кн.: Русская журналистика. Вып. I. Шестидесятые годы. М.—Л., 1930, с. 105—129.

рой XVII, XVIII и начала XIX века, как с французскою и немецкою той же эпохи».³⁷

По мысли авторов предисловия, «здравая и честная критика» Тэна должна была в большой мере способствовать знакомству русских людей со «всеми лучшими произведениями английского ума», о которых они подчас имели смутное или неверное понятие, а иногда и вовсе не подозревали. Но «помимо критическо-литературного значения» труд Тэна представлял также «интерес историко-философический»: это был «первый опыт» изучения европейской литературы в связи с эволюцией «политического и общественного строя», ее породившего. (Отсюда и измененное заглавие, с точки зрения издателей более уместное, «так как заглавие это ближе исчерпывает предмет исследования, чем то, под которым оно явилось у автора»).

«Ясность и последовательность такого метода для всякого очевидны», — утверждалось далее, а затем кратко излагался самый метод и прослеживалось его применение к истории английской литературы: «У него (т. е. Тэна, — П. З.) каждый исторический момент подготавливается предшествующим развитием, имеет своим последствием дальнейшее развитие, а вся вообще историческая жизнь народа является непреложным результатом трех первичных сил — расы, среды и эпохи. Литература, в числе прочих произведений человеческого ума, есть отражение и воспроизведение данного исторического момента, следовательно, должна считаться (как религиозное и политическое устройство) не причиною, а последствием цивилизации. Таким образом для всякого становится ясным, почему норманно-саксонское развитие приготовило английскую конституцию, почему мистицизм средних веков выродился в языческий пантеизм, который в свою очередь, встретившись с глубоким нравственным сознанием, вызвал реакцию в виде христианского Возрождения и Реформации. При таком отчетливом воззрении крупные политические и литературные деятели перестают казаться колоссальными, изолированными фигурами, дающими направление и имя свое известной эпохе. Шекспир является на основании этого метода только крайним и полным выражением чувственного мировоззрения эпохи, точно так же, как Кромвелль и Мильтон служат крайним проявлением пуританского духовного воззрения, один в политической сфере, другой — в литературной».³⁸ Там же с сочувствием говорилось и о другом важном открытии Тэна — «народном характере», складывающемся под влиянием «первичных сил среды и расы».³⁹

«В высокой степени» восхищали авторов предисловия «объективность» Тэна, «строгая последовательность», «логика» и «спра-

³⁷ Тэн Г. О. Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы. СПб., 1871, т. 1, с. III—IV. — Инициалы Г. О. (а иногда и имя Генрих или Генри) при фамилии Тэна встречались в русской печати 1860-х—начала 1870-х гг. неоднократно.

³⁸ Там же, с. V—VI.

³⁹ Там же, с. VI.

ведливость ко всем житейским явлениям — и дурным, и хорошим», а также «выпуклость» и «убедительность» его изложения. «Самое изложение и слог, — констатировали они, — помогают впечатлению, производимому сочинением. Это не сухой анализ, излагаемый в казенно-литературных терминах: это речь умного, наблюдательного, честного человека, который не желает поучать вас, но беседует с вами запросто, позволяя себе иногда отступления, шуточки, острое словцо, если они способны ярче выразить его мысль и сделать ее более доступной. Безыскусственная прелесть рассказа до того увлекает вас, что вы, сами того не замечая, дочитываете до конца его объемистый труд без всякого утомления. Есть места, где рассказ Тэна достигает высокой художественности».⁴⁰

Впрочем, замечательные литературные достоинства тэновского труда представляли немалую ценность, в их понимании, и по иной причине: «Читая его, каждый без всякого усилия, без малейшей натяжки, сам собою, наталкивается, так сказать, на те конечные выводы, которые являются результатом этого честного и беспристрастного исследования. Каждый додумывается сам до тех простых истин, что только при благоприятных условиях свободы и справедливости может развиваться искренняя литература, которая в свою очередь действует на свободное исследование, на дух общественной критики, на повышение нравственного уровня в массах народа и на образование тесной и прочной связи между всеми общественными отношениями, установившимися в государстве».⁴¹ А это для народа, «едва начинающего свою политическую жизнь», должно было иметь «глубокий, поучительный интерес».⁴²

В полезности своих усилий издатели во всяком случае не сомневались, и если их что-либо смущало, то лишь неблагоприятная международная ситуация — «колоссальные события на Западе», которые могли отвлечь внимание русского общества от их книги (имелась в виду франко-прусская война). Когда же «вновь наступит пора мирных вопросов и спокойного отношения к ним, тогда книга, издаваемая нами», надеялись они, «займет видное место в ряду полезных изданий последнего времени, приобретет массу образованных читателей и сделается настольною книгою каждого мыслящего человека в высшем и среднем обществе нашем».⁴³

Перевод «Истории английской литературы» представлял немалые трудности. Большой объем, стилевое разнообразие и обилие цитируемых текстов, слова и обороты, нуждавшиеся в пояснениях, — все это требовало от переводчика упорства, профессионального умения и осведомленности во многих областях.

⁴⁰ Там же, с. VII.

⁴¹ Там же, с. VI—VII.

⁴² Там же, с. VII—VIII.

⁴³ Там же, с. VIII. — Предисловие помечено 1 января 1871 г.

Особенно сложно обстояло дело с цитатами из поэтических произведений. Как правило, Тэн передавал их прозой, а соответствующие строки оригинала помещал под строкой. Переводчик отказался от этого принципа, предполагавшего широкое распространение в читательской среде английского языка, предпочитал ему цитирование однократное, по ходу изложения материала, в стихотворных переводах. По преимуществу это были переводы опубликованные. Так было с многочисленными шекспировскими фрагментами, которые приводились по четырехтомному «Полному собранию драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей», изданному Н. А. Некрасовым и Н. В. Гербелем (1865—1868).⁴⁴ Так было с Байроном, который цитировался в основном по изданию «Байрон в переводе русских поэтов», вышедшему под редакцией Гербеля (1864—1866).⁴⁵ Когда же удельительных печатных переводов или печатных переводов вообще не оказывалось, переводчик «Истории английской литературы» обходился собственными силами. При этом он обнаруживал подчас незаурядные поэтические способности, например в главах о Чосере, Бен Джонсоне и Мильтоне. Русские переводы этого последнего он оценивал чрезвычайно низко, в особенности стихотворный перевод Е. Жадовской (1859), о котором писал: «По внутреннему достоинству он столько же далек от оригинала, как и от здравого смысла. Наша стихотворная стряпня редко производила такие бездарные и нелепые вирши».⁴⁶

Следует также отметить, что в двух случаях поэтические фрагменты, переданные у Тэна только прозой, в русском переводе обрели свою «изначальную форму». Речь идет об «иллюстрациях», включенных в описание Северного моря, которым открывалась первая глава труда: обе они восходили к «Книге песен» Г. Гейне (раздел «Северное море», 1825—1826) и были извлечены из «Сочинений Генриха Гейне в переводе русских писателей»; один перевод принадлежал П. И. Вейнбергу («После кораблекрушения»), другой — М. Л. Михайлову («Ночь на берегу».)⁴⁷

Неоднократно комментировались в переводе «экзотические» для русского читателя слова, например «утлав», «цитоль», «ма-ска» (в значении «придворный спектакль»),⁴⁸ в одном месте приводилась полностью английская поговорка, на которую Тэн лишь намекал,⁴⁹ в другом — Северное море в зимнюю непогоду характеризовалось, между прочим, и с помощью заимствования из словаря архангельских поморов («перебой»);⁵⁰ пояснялось имя «Ше-

⁴⁴ См.: там же, с. 288, 373, 378—380, 385—391, 394—401, 403—405, 411—419, 426, 428, 431—434, 436—437.

⁴⁵ См.: там же, т. II, с. 469—473, 477, 478, 481—483, 490—494, 496, 498—499, 501—504, 506—508.

⁴⁶ Там же, т. I, с. 561.

⁴⁷ Там же, с. 32—33.

⁴⁸ Там же, с. 97, 138, 172.

⁴⁹ Там же, с. 159.

⁵⁰ Там же, т. II, с. 526.

рюбен» (Керубино) — «известное лицо пажа в комедии „Le mariage de Figaro“»,⁵¹ и т. п.

Иногда для большей ясности переводчик отсылал читателей к русским переводам трудов, упомянутых Тэном, и оригинальной литературе на русском языке. Так, в связи с тем, что сообщалось в «Истории английской литературы» о «схоластической философии», «для сравнения» предлагалось обратиться к нашедшей книге А. Шапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» (1870), в частности к страницам, где говорилось о «влиянии схоластико-теологической учености в России в XVIII столетии».⁵²

Наконец, в одном случае переводчик опровергал автора, а точнее — дополнял его в свете современных политических обстоятельств: оптимистическое утверждение Тэна (и в 1864 г. в достаточной мере необоснованное) о том, что время «великих исторических насилий» миновало, в 1871 г. выглядело и вовсе странно. Отсюда примечание к этим строкам: «Автор не предвидел в то время бесчеловечных ужасов последней франко-германской войны, которые, по-видимому, противоречат этому положению».⁵³

По сравнению с анонимным переводчиком и редакторами первых томов «Истории английской литературы» Д. С. Ивашинцову — переводчику тома заключительного — было много легче. Из «современных представителей» английской литературы в книгу вошло всего шесть (Диккенс, Теккерей, Маколей, Карлейль, Милль, Теннисон). Немногочисленность цитат позволила переводчику сохранить «подлинные выдержки», которые он, правда, переместил из «выносок» в приложения, помещенные в конце книги, а это, в свою очередь, делало его задачу не столь ответственной. К тому же он широко пользовался имевшимися в его распоряжении русскими изданиями Маколей и Милля. За исключением Теннисона, писатели, о которых шла речь, имели у нас более или менее прочную известность, и тэновский текст, им посвященный, почти не нуждался в пояснениях. Не пришлось переводчику и дополнять Тэна. Впрочем, однажды он все же был вынужден это сделать, отметив, что начальная фраза очерка о Диккенсе («Умри Диккенс, и биографию его написать не трудно») устарела, поскольку ко времени появления перевода великого романиста уже не было в живых, а попутно указал и русскую литературу об авторе «Замогильных записок Пиквикского клуба» — биографию, предпосланную изданию этого романа 1871 г., и статью Вейнберга «Детство и первая молодость Диккенса» в журнале «Пчела» за 1875 г.⁵⁴

На выход в свет «Новейшей английской литературы в современных ее представителях» вскоре откликнулось «Живописное

⁵¹ Там же, т. I, с. 282.

⁵² Там же, с. 168.

⁵³ Там же, т. II, с. 551.

⁵⁴ Тэн И. Новейшая английская литература в современных ее представителях. СПб., 1876, с. 2.

обозрение».⁵⁵ «Настоящее сочинение, — констатировал рецензент, — полно того же интереса и составлено так же добросовестно, как и первая книга». При всем несходстве вновь опубликованного тома, заключавшего в себе ряд «отдельных биографических этюдов», и более ранних, где факты были сгруппированы «в систему», он ощущал их полное единство: «Тэн рассматривает деятельность каждого из этих лиц в сфере искусства и мысли в связи с общественным и национальным развитием, употребляя при этом тот прекрасный метод и приемы критического анализа, которые вообще ярко отличают даровитого французского критика и знатока литературы от других его собратьев и составляют неотъемлемое его достоинство».

В дальнейшем русские переводчики обращались к «Истории английской литературы» еще не раз, однако без прежнего энтузиазма.⁵⁶ Более сильным и устойчивым оказался у нас интерес к другому основополагающему труду Тэна, в котором «исторический метод» применялся к изучению общих проблем искусствоведения, итальянской живописи в эпоху Возрождения, живописи фламандской и голландской, а также древнегреческой скульптуры.

Речь идет о лекционном курсе, который был прочитан Тэном на протяжении 1864—1869 гг. в Парижской школе изящных искусств. После завершения каждого из пяти циклов, из которых складывался этот обширный курс, Тэн издавал его отдельной книгой с особым названием: в 1865 г. увидела свет «Философия искусства» («*Philosophie de l'art*»), в 1866 г. — «Философия искусства в Италии» («*Philosophie de l'art en Italie*»), в 1867 г. — «Об идеале в искусстве» («*De l'idéal dans l'art*»), в 1868 г. — «Философия искусства в Нидерландах» («*Philosophie de l'art dans les Pays-Bas*»), в 1869 г. — «Философия искусства в Греции» («*Philosophie de l'art en Grèce*»). В 1880 г. курс этот с некоторыми изменениями был переиздан под общим заглавием «Философия искусства».⁵⁷

Огромный резонанс тэновского курса и все нараставшее у нас увлечение «позитивной критикой» обусловили необычайную интенсивность его распространения в русской культурной среде. Впервые с новым трудом ознакомил своих читателей все тот же «Заграничный вестник». В октябре—ноябре 1865 г., т. е. через два месяца после выхода французского издания «Философии искусства», журнал опубликовал ее полный перевод. Показательно, что в отличие от предшествующих перевод этот не был

---

⁵⁵ Живописное обозрение, 1876, № 27, с. 428—429.

⁵⁶ См.: Тэн И. 1) О методе критики и об истории литературы. СПб., 1896, с. 3—43; 2) В. Шекспир. 1894 (второе изд. — 1898); 3) История английской литературы. Т. V. Современники. М., 1904 (перевод П. С. Когана).

⁵⁷ См.: Caster P.-G. La critique d'art en France au XIX siècle. Paris, 1959, t. II, p. 83—116.

снабжен ни одним пояснительным словом: имя Тэна как бы говорило само за себя.⁵⁸

Не прошло и полугодя, как появился еще один перевод этого лекционного цикла, на сей раз в виде брошюры; его выполнил и издал В. В. Чуйко. Брошюре было предпослано весьма содержательное предисловие (помеченное мартом 1866 г.), в котором характеризовались переводимый труд, тэновский метод и вообще все направление, «господствующее ныне в науке». «Во Франции и в Европе, — писал Чуйко, — брошюра эта имела громадный и совершенно заслуженный успех не столько потому, что касается всех важнейших вопросов о искусстве, сколько введением в изучение теории искусства исторического метода, который, удаляя все гадательное и по возможности упрощая вопрос, упрочивает за эстетикой возможность дальнейшего развития, которое для этой отрасли человеческого самосознания ограничивалось до сих пор приписыванием более или менее остроумных систем, более или менее широкого взгляда, не основанного ни на опыте, ни на фактических данных, а исключительно на личном воззрении автора».⁵⁹ Этой субъективной манере Чуйко решительно противопоставлял «реальное направление», крупнейшими деятелями которого он считал в России Добролюбова и особенно Чернышевского (в это время он находился в сибирской ссылке, и по цензурным условиям имя его, естественно, не называлось: фигурировал он лишь как автор «Эстетических отношений искусства к действительности»), хотя и недопонимал его и с ним полемизировал, а во Франции — Прудона и Тэна. «Взявшись за изложение „Философии искусства“, — констатировал Чуйко в заключение, — он внес в этот труд и обычную ясность своего взгляда, и полное знакомство с предметом, и воззрения современной критики. Не мудрено после этого, что его брошюра составляет громадный шаг вперед и уясняет многое, что до сих пор оставалось совершенно темным и неясным».⁶⁰

Издание это приветствовал в «Книжном вестнике» Н. К. Михайловский, будущий крупнейший представитель русской народнической критики.⁶¹ Обоснованный в брошюре «закон зависимости произведений искусства от общего состояния умов и нравов окружающей среды» он находил «совершенно верным» и видел в этом открытии еще один вызов «старой эстетической школе»,

⁵⁸ Заграничный вестник, 1865, т. VIII, октябрь с. 1—26; ноябрь с. 205—236. См.: Рейфман П. С. Журнал «Заграничный вестник». — Уч. зап. Тартуского университета, 1966, № 184. Труды по русской и славянской филологии, т. IX. Литературоведение, с. 68—69.

⁵⁹ Тэн Г. О. Лекции о искусстве, читанные в Парижской школе изящных искусств в 1865 году. СПб., 1866, с. V.

⁶⁰ Там же, с. VIII.

⁶¹ Книжный вестник, 1866, 30 июня, № 11—12, с. 256—258. См.: Вилнер Е. Н. Библиографический журнал «Книжный вестник» (1860—1867). Л., 1950, с. 158—160; Сливинко А. А. Из истории русской демократической критики. Литературно-критическое наследие Н. К. Михайловского. Воронеж, 1977, гл. 1—2.

ными словами — сторонникам «искусства для искусства». Однако, полагал Михайловский, Тэн не заметил, что «художник может стоять и во главе и в хвосте всякого движения среды, его окружающей, и середины для него почти нет», а это, в свою очередь, означает, что «влияние окружающей среды на художника может выразиться двояко: положительным образом и отрицательным». Настоящему же искусству необходим идеал, и лишь «перворазрядный художник» способен этот идеал воплотить: «<...> если его идеал и недосягаем, неосуществим, то при помощи его он может по крайней мере лучше оценить действительность». Как бы то ни было, но эту выпущенную Чуйко «маленькую брошюру» критик считал в высшей степени своевременной, ибо «не смотря на все чернилопролитные битвы из-за эстетики вопрос о значении искусства, как нам кажется, все-таки еще не перевалил в сознании нашей литературы».

Однако этим дело не ограничилось: в 1867 г. появился третий перевод «Философии искусства», осуществленный А. Н. Чудиновым, известным педагогом и литератором, составителем ряда популярных учебных пособий и справочных изданий. Судя по уведомлению от редакции воронежских «Филологических записок», где перевод публиковался, выполнен он был еще в 1865 г., когда «лекции эти» печатались в «Заграничном вестнике». Но, сличив «перевод г. Чуйко» (в действительности — анонимный, — II. З.) с предложенным ей, редакция пришла к выводу, что «по ясности изложения, точности выражения, последний далеко отличается от первого», и сочла «нелишним» его издать,⁶² что и было сделано⁶³ с прибавлением отрывка из «Речи об умственном воспитании» Дж. С. Милля в переводе М. А. Антоновича. По мнению Чудинова, отрывок отличался «теми же несомненными достоинствами, какие составляют характеристическую черту всех вообще трудов этого, бесспорно, умнейшего из современных писателей»,⁶⁴ и удачно дополнял тэновский лекционный курс, где этот «предмет» не затрагивался вовсе.⁶⁵

Публикуя свой перевод, Чудинов преследовал двойную цель: способствовать распространению «здоровых эстетических идей и потребностей» в «массе публики» и вместе с тем выпустить полезное педагогическое пособие. Он стремился дать отпор отрицателям искусства, «чересчур уж разогнавшимся по пути прогресса некоторым из более ярких нигилистов наших» и нарушить «положительное равнодушие к эстетическим интересам в большинстве»,

⁶² Филологические записки, 1867, вып. II, с. II.

⁶³ Там же, вып. II—IV, с. 1—86.

⁶⁴ Там же, с. 87.

⁶⁵ Первоначально в качестве приложения к «Философии искусства» предполагалось поместить также введение в «Историю английской литературы» (под заглавием «О сущности и значении истории литературы»), но в связи с подготовкой им полного русского издания названного труда Чудинов отказался от такого намерения. Издание это, однако, в свет не появилось.

ибо не сомневался в высоком значении истории и теории искусства как «одного из весьма важных аргументов для понимания истории их литературы вообще и оценки художественных произведений в частности», а с другой стороны — пытался содействовать «устранению той рутины и той безжизненной, сухой схематизации, какими упрекают <...> наших преподавателей словесности». «Ясность изложения, верный взгляд на отдельные события и умение верно группировать их, наконец, самая новизна метода, с которым автор разрабатывает предмет и который до него не был еще никем применен к исследованию об искусстве, — пояснял Чудинов свой выбор, — все эти достоинства оказались переводчику достаточными, чтобы позволить себе остановить внимание читателей на этом сочинении».⁶⁶

К тому времени, когда был окончен печатанием этот перевод, во Франции увидели свет два следующих цикла тэновского курса — «Философия искусства в Италии» (конец октября 1866 г.) и «Об идеале в искусстве» (июнь 1867 г.), и Чудинов решил продолжить начатое дело. Переводил ли он их именно в такой последовательности или в обратной, неизвестно, но сначала был опубликован цикл более общего содержания. Произошло это на протяжении 1866 г.,⁶⁷ а до тех пор на страницах русских журналов появился ряд откликов на французские издания названных циклов. Этими журналами явились «Отечественные записки» и «Всемирный труд».

Рецензент «Отечественных записок» особенно высоко оценивал писательское дарование Тэна. Он восхищался его умением «высказывать свои мысли», его «живым, блестящим рассказом о возрождении искусства в Италии», но самые мысли французского критика были, по его мнению, «неглубоки, неспециальные», а «главная» мысль была лишена новизны. Признавая, что «в словах г. Тэна много правды», рецензент, однако, не только оспаривал их практическую полезность для современного художника, но находил в них и нечто огорчительное, ибо «красноречивый профессор училища изящных искусств», вполне справедливо показывая на примере Италии, как много изобразительное искусство утратило с тех пор, не говорил о том, «что дает скульптуре и живописи наше время взамен утраченного ими». А между тем, полагал он, поскольку художник, согласно Тэну, — «продукт своего времени», вместе с условиями и характером человеческой жизни неизбежно изменяются направление и проблемы искусства, и потому «если былое невозвратно для него, то пусть же обратится оно в искусство своего времени и своего народа».⁶⁸

Статья, помещенная во «Всемирном труде», принадлежала перу П. Д. Боборыкина и была прислана им из Парижа, где он

⁶⁶ Филологические записки, 1867, вып. II, с. I—II.

⁶⁷ Там же, 1868, вып. I, с. 87—116, вып. III, с. 117—151, вып. IV—V, с. 151—191.

⁶⁸ Отечественные записки, 1867, № 3, отд. II, с. 28—31.

находился с сентября 1865 г., энергично знакомясь с французской культурной жизнью. Среди наиболее сильных его увлечений парижского периода была «позитивная философия»; тогда же он серьезно заинтересовался Тэном и его «историческим методом» изучения литературы и искусства.⁶⁹ Непосредственным поводом для статьи послужил выход в свет цикла «Об идеале в искусстве»; однако свою задачу Боборыкин понимал широко: он стремился, кроме того, определить место Тэна в истории европейской мысли, раскрыть сущность его метода и осветить его творческий путь.⁷⁰

Для того чтобы «иметь точку опоры» в «главном предмете» его анализа, Боборыкин считал необходимым произвести «обстоятельный разбор нашего критического движения» и изучить «критический мир Франции до конца пятидесятих годов». При всей неполноте и тенденциозности этого обзора он все же содержал и некоторые полезные для русского читателя сведения, особенно в том, что касалось Франции. Остановившаяся «на плотине эклектики» французская критика, полагал Боборыкин, «несмотря на ум и дарование отдельных деятелей» в течение долгого времени не совершила ничего значительного: в ней «не сказывалось прочного метода, который бы двигал работу сообразно успехам положительного знания и очистил бы критические этюды от всего ненужного гарнира чисто беллетристических фраз, возгласов, излиятий, посторонних намеков, не имеющих прямого отношения к делу. Многочисленные сотрудники „Revue des Deux Mondes“, чередуясь, написали несколько сотен статей о всевозможных художественных явлениях складно, умно, иногда скучно, иногда очень бойко; но во всей этой говорильне не слышалось нерва; отдельные верные замечания, разбросанные без связи в десятках статей, притупляли мозг читателей и вносили весьма мало прочных результатов в общую критическую работу. Вот что предшествовало Тэну».⁷¹

Далее Боборыкин сообщал важнейшие факты биографии Тэна, становление которого прослеживал на фоне «интеллигентного движения, начавшегося с эпохи 48 года», в связи с судьбой его «генерации». Из тэновских трудов, предварявших цикл «Об идеале в искусстве», более подробно характеризовалась «История английской литературы». Метод критики, положенный в ее основу, в понимании Боборыкина, был «положительно новым словом». «Впервые историк литературы приводил с таким талантом в непосредственную связь произведения творческого гения известной нации с биологическими особенностями ее, другими словами, с темпераментом и с вышедшими отсюда социологическими явлениями, на которые с другой стороны влияла и естественная топо-

⁶⁹ См.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. IV. СПб., 1895, отд. I, с. 199, 202, 206, 211.

⁷⁰ Боборыкин П. Д. Анализ и систематика Тэна. — Всемирный труд, 1867, ноябрь, с. 247—293; декабрь, с. 1—34 (вторая пагинация).

⁷¹ Там же, ноябрь, с. 258—259.

графья страны»,⁷² — писал русский критик и далее переходил к лекциям Тэна о «пластических искусствах». При этом он почти не останавливался на «Философии искусства» и «Философии искусства в Италии». Все высказанное в этих сочинениях, пояснял Боборыкин, Тэн «сгустил потом в заключительном этюде „Об идеале в искусстве“ <...> В понятии об идеале творчества сидит вся квинтэссенция эстетики».⁷³ После этого следовало подробнейшее изложение этого труда, в целом сочувственное, хотя и не лишенное полемики и упреков, а также всевозможные конкретные наблюдения и общие выводы. «Я считаю появление Тэна в области эстетики за один из самых ярких знаменитий нашей позитивной фазы <...> С доктриной Тэна стоит считаться. Ее надо очищать, это правда, но игнорировать ее смешно и нелепо. Она — авангард более строго научного метода; она предтеча положительной систематизации, которая окончательно установит человеческое творчество на законах биологии и социологии», — подводил Боборыкин итог своим раздумьям, а в заключительной фразе статьи, проводя аналогию между Тэном и Аполлоном Григорьевым, упомянул присущий им обоим «светлый критический ум».⁷⁴

В самом конце 1868 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» увидела свет рецензия на очередной выпуск тэновских лекций, посвященный «философии искусства» в Нидерландах.⁷⁵ Автором ее являлся Александр Николаевич Веселовский, тогда молодой ученый, незадолго перед тем возвратившийся из-за границы, впоследствии академик, «один из видных героев русской науки».⁷⁶ Рецензия была далеко не восторженной: признавая в основном «исторический метод» и свойственное Тэну «тонкое чутье риторического контраста, который составляет отличительную черту его художественного понимания и дает такую рельефность его слогу», Веселовский инкриминировал ему пренебрежение историей, находя, что «он пользуется ею всего более как декорацией, как дополнением к пейзажу, который у него на первом плане», и «затемняющее обилие подробностей», а в самом конце статьи выражал сожаление, что «утрирование метода и своеобразного стиля, проявляющееся в его последних художественно-исторических опытах, не принесло ни одной новой лепты к его литературной славе».

Приговор этот был, конечно, слишком суров и во всяком случае не повлиял на судьбу данного цикла в России. В 1870—1871 гг., вслед за «Философией искусства в Италии», Чудинов напечатал в «Филологических записках» и его,⁷⁷ пояснив в пре-

⁷² Там же, с. 263.

⁷³ Там же, с. 265.

⁷⁴ Там же, декабрь, с. 33—34.

⁷⁵ Санкт-Петербургские ведомости, 1868, 14 (26) декабря, № 342.

⁷⁶ См.: Памяти академика Александра Николаевича Веселовского. Пгр., 1924, с. 1.

⁷⁷ Филологические записки, 1869, вып. V, с. 1—28; 1870, вып. I, с. 29—46, вып. II, с. 47—78, вып. III, с. 79—110, вып. IV, с. 111—140, вып. VI, с. 141—174; 1871, с. 175—210.

дисловии к «итальянскому циклу», что оба они заключают в себе «практическую разработку и дальнейшее развитие общих выводов, сделанных Тэном в предыдущих лекциях», и что «связанные между собою единством содержания и общего плана сочинения, все четыре ряда лекций составляют таким образом одно неразрывное целое». Позднее стараниями того же переводчика в том же журнале был опубликован и «последний ряд» тэновских лекций — «Философия искусства в Греции». Правда, печатание его — в отличие от предшествовавших «рядов» — растянулось на два года.⁷⁸

Одновременно с публикацией в журнале лекционный курс Тэна издавался и отдельными выпусками, а в 1874 г. все они были объединены и напечатаны под общим заглавием «Чтения об искусстве». Перевод подвергся «тщательному исправлению и дополнению»; претерпел ряд изменений и текст предисловия (оно было помечено Киевом, 7 ноября 1868 г.). Наконец, вместо «Г. О. Тэна» на титульном листе значилось теперь «И. Тэн».⁷⁹

В 1889 г. «Чтения об искусстве» вышли вновь, вызвав несколько сочувственных отзывов в печати. «Чтения И. Тэна выходят на русском языке уже третьим изданием, — отмечалось в «Живописном обозрении», — это одно уже достаточно рекомендует, разумеется для серьезного чтения, эту книгу <...> Переводчик и издатель сделали свое дело, как следует».⁸⁰ «Успех этой книги, в сравнительно непродолжительный период времени достигшей третьего издания, — констатировал «Пантеон литературы», — доказывает, что эстетические теории Тэна нашли себе среди русских читателей достаточное число сторонников».⁸¹ Однако наиболее содержателен был отзыв, помещенный в еженедельнике «Север». «Наша переводная литература, — писал анонимный рецензент, — вообще довольно богатая, вовсе не отличается строгим выбором. В продаже нередко попадаются иностранные сочинения, не имеющие никаких достоинств и неизвестно с какою целью переведенные, да еще часто весьма плохо, на русский язык. Поэтому особенно следует отмечать издания хороших переводов хороших иностранных книг. К таким книгам принадлежит выпешшее теперь третье исправленное издание „Чтений об искусстве“ Тэна <...>: Ипполит Тэн каждым своим произведением доказывает всесторонность своего образования, блестящий ум — живой, горячий, быстро схватывающий сущность предмета,

⁷⁸ Там же, 1872, вып. I, с. 1—44, вып. V, с. 45—74; 1874, вып. II, с. 75—120.

⁷⁹ Тэн И. Чтения об искусстве. Пять курсов лекций, читанных в Парижской школе изящных искусств. М., 1874. — Сообщение о выходе в свет третьего французского издания «Философии искусства» см. в очередном «письме из Парижа» Луи Леже (Журнал Министерства народного просвещения, 1882, ч. 224, ноябрь, отд. IV, с. 65).

⁸⁰ Живописное обозрение, 1889, 12 марта, № 11, с. 101.

⁸¹ Пантеон литературы, 1889, т. IV, январь—апрель, с. 11 (Современная летопись).

и большую, истинную талантливость. Его книги пользуются популярностью и значением во всем образованном мире. Что же касается его сочинений об искусстве, они являются для большинства людей, интересующихся предметом, как нечто окончательное и безапелляционное. Мы находим, что с некоторыми мыслями и выводами Тэна можно спорить, но нет у него такой мысли, такого вывода, с которыми не приходилось бы серьезно считаться в вопросах искусства, которых можно было бы обходить молчанием». И далее: «„Чтения об искусстве“ — одно из интереснейших сочинений Тэна; в нем выразился весь блеск его таланта. Эта книга имеет серьезное, развивающее значение, и мы горячо ее рекомендуем молодым людям, так как они найдут в ней и живой интерес, и несомненную пользу. Перевод г. Чудинова, уже выдержавший два издания, вполне литературен и точен».⁸²

По-видимому, сходным образом «Чтения об искусстве» воспринимались и позднее. Во всяком случае, переиздавались они после этого еще три раза. Шестое, исправленное издание «с портретом и краткой биографией автора» (составленной Вс. Чешинским) появилось в 1912 г.⁸³

Помимо больших сочинений Тэна, с конца 1850-х гг. во Франции время от времени выходили сборники его статей, опубликованных в различных журналах и газетах. В 1858 г. увидели свет «Критические и исторические опыты» («Essais de critique et d'histoire»), в 1865 г. — «Новые критические и исторические опыты» («Nouveaux essais de critique et d'histoire»), в 1894 г. — «Последние критические и исторические опыты» («Derniers essais de critique et d'histoire»), подготовленные к печати автором, но выпущенные посмертно. Каждый из этих сборников неоднократно переиздавался, причем в состав их вносились изменения и вместо одних опытов помещались другие — «менее слабые».

Как было отмечено выше, еще в 1864 г. «Отечественные записки» напечатали этюд о Теккерее, извлеченный из первого издания «Критических и исторических опытов». В 1867 г. о «Новых

---

⁸² Север, 1889, 9 апреля, № 15, с. 300.

⁸³ В 1913—1916 гг. было издано примыкающее к «Чтениям об искусстве» (точнее — к их «итальянскому циклу») тэновское «Путешествие по Италии» («Voyage en Italie», 1866) в переводе П. П. Перцова. В рецензии на первый том («Неаполь и Рим»), помещенной в журнале «Русская мысль» (1913, кн. VII, с. 267), утверждалось, что «эта удивительная книга не состарится никогда» и читается так, словно написана «вчера». «Блестящий разбор художественных сокровищ Рима и Неаполя, экскурсии в область философии и истории, меткие характеристики стран, народов и отдельных лиц, — указывал далее рецензент П. Я. Рысс, — облекаются в редкую по красоте художественную форму». Большое сочувствие вызвала у него характеристика «задавленного абсолютизмом общества» и «предсказания автора о будущем такого общества», имевшие для русского читателя «не один лишь академический интерес». В заключение отмечалось, что «переведена книга тщательно и издана хорошо».

критических и исторических опытах» сообщил своим читателям «Вестник Европы»: во втором очерке Е. И. Утина о современной Франции (присланном из Парижа), где Тэну было посвящено десять страниц из двадцати четырех, содержалась восторженная характеристика этюдов о Бальзаке и Расине, «которые одни должны были бы дать ему видное место в современной французской литературе».⁸⁴ Наконец, в августе 1869 г. В. В. Чуйко, едва ли не самый деятельный русский почитатель Тэна, предложил «русской публике» сборник этюдов, взятых из «различных его сочинений» и составленный «так, чтобы читателю легко было уловить направление Тэна и его громадный талант». Четыре этюда из восьми восходили к «Критическим и историческим опытам» и «Новым критическим и историческим опытам» («Буддизм», «Бальзак», «Мормоны», «Гизо»), три — к «Истории английской литературы» («Англия после революции», «Свифт», «Лорд Байрон»), один — к беллетристическим «Заметкам о Париже» («Бетговен»)⁸⁵

В предисловии к сборнику Чуйко подробно обосновал свой замысел. Вторая империя, утверждал он, «не особенно благоприятно повлияла на умственное движение во Франции», «режим систематического стеснения мысли и всякого проявления свободы, как в общественной, так и в частной жизни, тяжелым камнем упал на бедную Францию», и в продолжение почти двух десятилетий, «полагая, по всей вероятности, что Франция — скверный и злобредный ребенок, которого нужно держать в ежовых рукавицах», правительство Наполеона III принимало все меры, «чтобы скверный ребенок не эманципировался». Однако, утверждал он далее, «народ и целую цивилизацию нельзя придушить различными притеснительными мерами и тем более нельзя придушить его такими неудачными, такими детски-наивными мерами, какие были употреблены во Франции после переворота 1851 года»: несмотря на все «стеснения печати» и «репрессивные законы», страна постепенно начинает выходить из того «временного маразма мысли», в который была погружена, и «вместе с медленным изменением общественных и политических форм, вместе с новыми условиями жизни форма мысли, в свою очередь, начинает медленно и определенно меняться, покоряясь общему движению жизни».⁸⁶

К признакам этого «нового направления умственной деятельности» Чуйко относил французскую реалистическую живопись и роман, современную драматургию и публицистику, а также научное исследование, крупнейшим мастером которого был, с его точки зрения, Тэн. «По натуре своего таланта, по складу ума, по развитию и воспитанию» он «до крайних пределов» развил в себе «способность чистого, строгого анализа явлений, без всякой зад-

⁸⁴ Вестник Европы, 1867, июнь, отд. V, с. 78.

⁸⁵ Тэн <И>. Критические опыты. Перевод под редакцией В. Чуйко. СПб., 1869.

⁸⁶ Там же, с. V—VII.

пей мысли и без всякого общественного идеала» и выработал свой метод, который «изменил путь человеческой мысли, изменил все направление критики в Европе», констатировал Чуйко и с чувством добавлял: «Теперь метод этот считается в Европе одним из лучших достояний науки, и ему в настоящее время покоряется не только все направление мысли во Франции, но и в Европе».⁸⁷

Апологетический тон предисловия к «Критическим опытам» не вызвал сочувствия ни у одного из пяти рецензентов книги. Даже в самом одобрительном отклике, появившемся в газете «Сын отечества», о значении Тэна говорилось все же с некоторой сдержанностью, хотя и отмечалось, что «во всяком случае <...> он — писатель, обладающий несомненным талантом и светлым умом». Не сомневаясь в том, что «знакомство с этим английским (!) писателем может быть особенно полезно для русской публики», автор рецензии приветствовал выбор статей, «сделанный» Чуйко: «Очевидно, что из этих статей нет ни одной, которая не затрогивала бы любопытства всякого хотя сколько-нибудь образованного человека». При этом подчеркивалось стремление Тэна «всякое свое произведение доводить до общедоступной простоты». (Одновременно разбирался и другой тэновский труд — первый выпуск «Философии искусства» в переводе Чудинова и решительно утверждалось, что из него «можно усвоить себе много очень верных взглядов на те или другие задачи и части искусства и вынести много мелких замечаний»)⁸⁸.

Не вполне разделял мнение Чуйко о Тэне рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей», хотя он и соглашался с тем, что «Тэн, во всяком случае, есть несомненно крупное и замечательное явление во Франции». «Натуралист в критике», признающий «прямое соответствие между законами истории и законами внешней природы», Тэн был «одним из самых оригинальных французских мыслителей», и целесообразность знакомства с ним русских людей обсуждению не подлежала. «Книга издана хорошо, даже изящно, — заключал рецензент, — перевод тоже хорош».⁸⁹

«Не совсем» доверял Чуйко «о громадном значении Тэна в истории и критике» автор небольшой заметки о «Критических опытах» (и первом выпуске «Философии искусства»), напечатанной в «Вестнике Европы», но и для него это был «во всяком случае, писатель большого ума и таланта», с которым следовало «ближе ознакомить русского читателя».⁹⁰

Об отношении к мыслям Чуйко «Отечественных записок» (теперь во главе журнала стояли М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов и Г. З. Елисеев) в помещенной там рецензии прямо не сообщалось, но об этом было нетрудно догадаться: ее анонимный автор, находя в теории Тэна «много живого и верного, несмотря

⁸⁷ Там же, с. VIII—XI.

⁸⁸ Сын отечества, 1869, 5 сентября, № 204 (подпись — А. Х.).

⁸⁹ Санкт-Петербургские ведомости, 1869, 29 августа (10 сентября), № 237.

⁹⁰ Вестник Европы, 1869, сентябрь (обложка).

на кой-какие остатки умозрительных доктрин», и принимая его «чисто естественно-научный метод», не слишком высоко оценивал их «применение к практике». Тэн, полагал он, «вовсе не исследователь, а скорее художник и созерцатель: он не столько заботится об определении, взвешении и разграничении различных причин и следствий, сколько о картинах, образах и красках. Статьи его представляют ряд вовсе не ученых исследований, а более или менее блестящих и ярких характеристик. Нужно ли обрисовать целую эпоху, характер отдельного человека или его литературную деятельность, Тэн не жалеет красок: обладая большою эрудициею и начитанностью, он рассматривает данное явление во всех мелочах, обрисует его перед вами наглядно, дагерротипно, во всем его целом и со всею массою подробностей, как будто вы имеете это явление перед собственными глазами; но если вы ожидаете от него каких-либо серьезных научных выводов, ожидаете, чтобы он объяснил вам сокровенные причины явления и его существенный характер, вы жестоко ошибетесь: вместо этого вы найдете ряд блестящих метафор, риторических парений, остроумных сближений, одним словом, перед вами брызжет пена игривого ума, такого же пипучего, как шампанское, и столь же легкого».⁹¹ В подтверждение упоминались статьи о буддизме и о Бальзаке, на примере которых с чрезвычайной обстоятельностью показывалось, что исторические воззрения Тэна «не отличаются особенною глубиною». И хотя, по мнению рецензента, объединенные в сборнике этюды содержали «довольно богатый материал сведений» и представляли «все-таки интересный предмет для чтения и во многих отношениях бесполезный», по крайней мере для «людей, заботящихся о своем общем образовании», издавать их, утверждал он, было вообще не обязательно, а следовало бы выпустить «какое-нибудь другое сочинение Тэна, более обработанное и солидное». В качестве такового была названа «Философия искусства в Италии», с помощью которой русская публика «могла бы лучше познакомиться с Тэном, имела бы дело с самыми светлыми сторонами его таланта и извлекла бы для себя более пользы, чем из всех этих статей, взятых вместе».⁹² (Как отмечалось выше, цикл этот увидел свет в 1869—1870 гг.).

В том же духе, но еще более сурово отзывался о «новой книге» Тэна и ее русском издателе рецензент журнала «Дело». Современную французскую критику он считал одним из проявлений того глубочайшего упадка умственной деятельности, который, в свою очередь, был следствием «семнадцатилетнего гнета Второй империи» и «реакционного движения, пущенного в ход Наполеоном III». Всячески иронизируя над Чуйко, видевшем в Тэне «тот колоссальный центр, в котором соединяются все лучи современного французского гения», рецензент с особой яростью нападал на него за формулу «без всякой задней мысли и без вся-

⁹¹ Отечественные записки, 1869, № 9, отд. II, с. 59—60.

⁹² Там же, с. 64.

кого общественного и нравственного идеала», употребленную для характеристики тэновского метода «анализа явлений». «Если только это не подбор пустых фраз со стороны г. Чуйко, если только это не издательская реклама, зазывающая покупателя в книжную лавку, то, признаемся, более тяжкого оскорбления нельзя нанести Тэну как писателю, нельзя хуже обругать его под видом похвалы. Подумайте, г. Чуйко, в каком арлекинском костюме вы выводите перед нами вашего любимца: человек без всякого общественного и нравственного идеала выдается вами за великого критика <...> Что-нибудь одно — или Тэн действительно пустой краснойбай, не имеющий никаких общественных и нравственных идеалов, или он великий критик, и, следовательно, ясно-определенной умственной физиономии, человек великого идеала нашего времени», — восклицал рецензент и, «перечитав» пять статей сборника, приходил к заключению, что Чуйко прав и что «Тэн так же далек от великого критика, как г. Чуйко от великого публициста».⁹³

Для подобного возмущения, однако, не было достаточных оснований: в данном случае Чуйко имел в виду лишь непредвзятость суждений и неприемлемость выводов, сделанных а priori. На этом он и настаивал в своем полемическом «Письме к редактору „Санкт-Петербургских ведомостей“».⁹⁴ Впрочем, несмотря на весьма энергичный тон, Чуйко вряд ли в чем-либо убедил своего оппонента: в представлении этого последнего тэновский «реалистический метод исследования» был лишен всякой привлекательности и уводил отечественную критику от ее насущных дел и первоочередных задач.

По-видимому, столь сдержанная оценка «Критических опытов» — вообще и в демократической печати особенно — сказалась на дальнейшей судьбе у нас этих сборников, в основном оставшихся недоступными широкому русскому читателю. Кроме тех этюдов, которые увидели свет в 1869 г., полностью в переводе был опубликован только этюд о Жюле Мишле.⁹⁵ Получил известность и этюд о Стендале: появившиеся на протяжении 1874 г. две статьи о нем — А. Плещеева и все того же Чуйко — в разделах, посвященных роману «Красное и черное», по преимуществу восхвалили к Тэну.⁹⁶

Статьи эти сыграли существенную роль в пробуждении у нас интереса к великому французскому писателю, провозглашенному еще в 1850-х гг. основоположником реализма, а затем и отцом натурализма. Не без тэновского воздействия укреплялся также авторитет другого великого реалиста — Бальзака.⁹⁷ Не случайно

⁹³ Дело, 1869, № 8, с. 64—66.

⁹⁴ Санкт-Петербургские ведомости, 1869, 23 октября (4 ноября), № 292.

⁹⁵ Русская мысль, 1886, № 12, с. 43—72.

⁹⁶ Отечественные записки, 1874, № 1, отд. II, с. 28—64; Дело, 1874, № 10, с. 134—166, № 12, с. 284—312.

⁹⁷ См., например: *Боборыкин П. Д.* Реальный роман во Франции. Чтение первое. — Отечественные записки, 1876, № 6, отд. II, с. 329—342.

очерк об этом «романисте-гиганте» был в 1894 г. издан повторно, на сей раз отдельной книгой. «Популярность, которую пользуются Бальзак и Ипполит Тэн не только во Франции, но и в России, — писал ее издатель Я. Берман, — позволяет нам надеяться, что настоящий выпуск будет сочувственно встречен русским читателем. Бальзак — родоначальник современного реализма, литературной школы, которая в лице Эмиля Золя достигла на наших глазах всемирного признания и преобладания над всеми другими течениями в беллетристической литературе. С новизною направления Бальзак соединял огромнейшую творческую силу, неутомимость в исследовании жизненных явлений и неисчерпаемое богатство и разнообразие в создании жизненных характеров и положений». Что же касается самого очерка, то он, в представлении издателя, принадлежал к числу тех произведений Тэна, в которых «наиболее сказался его критический гений». Автор предисловия отмечал его «необыкновенно тонкий анализ», «беспристрастное отношение» к «исследуемому предмету» и, наконец, «богатый художественный язык, каким написано это произведение».⁹⁸

Судя по многочисленным откликам в печати, книга эта была принята с одобрением, хотя и не безоговорочным. «Цель этюда Тэна о Бальзаке, — отмечал «Север», — это выяснить основные и существенные черты его таланта и его произведений. Он исполнил это дело блестяще. Из-под пера Тэна Бальзак выступает пред читателем со всем своим внутренним миром в живых и ярких красках. Он, как истинный философ и психолог, раскрывает с поразительной тонкостью весь душевный склад, всю жизнь как самого Бальзака, так и его героев, анализирует его ум, привычки и склонности <...> Этюд этот мал по количеству страниц, но зато богат содержанием, легок по языку, что делает чтение его весьма увлекательным».⁹⁹

«Критический талант Тэна, — констатировала «Русская мысль», — слишком известен, чтобы говорить здесь о нем; можно лишь сказать, что в этюдах, подобных настоящему, талант этот высказывается с особенным блеском и силой. Бальзак — крупная, резкая фигура и дает обширное поле для всестороннего художественного анализа. Начав с мастерской характеристики личности Бальзака, его здоровой и чувственной природы, Тэн подвергает далее анализу его ум, сильный ум наблюдателя-философа, и его богатый и сильный слог. Но особенно интересны те страницы этюда, где дается характеристика мира героев и всего мирозерцания автора „Человеческой комедии“».¹⁰⁰ Пл. Краснов указывал в «Труде», что «сжатая и яркая характеристика Тэна дает пре-

⁹⁸ Бальзак. Этюд Ипполита Тэна. Перевод С. Шклявера. СПб., 1894, с. I—II. Позднее фрагменты данного этюда были предпосланы русскому переводу романа «Отец Горю», вышедшему в 1902 и 1903 гг.

⁹⁹ Север, 1894, 16 октября, № 42, стлб. 2063—2066.

¹⁰⁰ Русская мысль, 1894, кн. 11, с. 589.

красный живой портрет Бальзака как человека и писателя», допуская, однако, что «достоинства родоначальника натурализма несколько преувеличены его критиком».¹⁰¹ Еще большую сдержанность обнаружили критик «Недели», полагавший, что Тэн ставит Бальзака «слишком высоко»,¹⁰² и автор рецензии, помещенной в «Литературных приложениях» к «Ниве»: восторгаясь Бальзаком, этим «Шекспиром XIX века», оставившим «полную хронику своего времени», «отцом реалистического романа» и создателем «вечных типов человеческих страстей и стремлений, которые будут жить наряду с Гамлетом, Отелло, Фаустом и др.», он находил критику Тэна «пристрастной и сухой» и сожалел, что Тэн не увидел в Бальзаке «ничего, кроме равнодушного собирателя документов о человеческой природе», и не заметил в его творениях «безграничной любви к человечеству». Но и он утверждал, что этюд «заслуживает полного внимания читателей».¹⁰³

«Последние критические и исторические опыты» сколько-нибудь значительной известности в России не получили. Однако их появление в 1894 г. не прошло незамеченным. В обстоятельной рецензии, опубликованной в июньском выпуске «Вестника Европы», сборник был оценен весьма положительно, хотя в ней и отмечалось, что «тот, кто будет искать в этих „Derniers essais“ достойное продолжение знаменитых этюдов прежних лет, испытает большое разочарование». Справедливо находя, что статьи, включенные в сборник, как правило, представляют собой «беглые наброски, заметки по поводу разных книг, без обычных широких обобщений и выводов», автор рецензии не мог не признать, что в сборнике «встречаются страницы, блестящие по внутреннему содержанию и художественному изложению». Более того, отсутствие в этих статьях законченности, цельности, основательности придавало им, с его точки зрения, «особую прелесть и свежесть», равно как и проявившийся в ней «эклектизм» Тэна, под которым подразумевались «его искреннее проникновение всяким талантливым произведением, каково бы ни было отразившееся в нем миро-созерцание», и «большое умение быть независимым от своих личных вкусов и симпатий». В подтверждение разбирались очерки о таких литературных деятелях, как Сильвестр де Саси, Поль де Сен-Виктор, Марселен, но особенно очерк о Жорж Санд, «идеализм» которой Тэн высоко ценил, несмотря на все его симпатии к натурализму. Впрочем, в одном случае рецензент не без оснований услышал «личную ноту»; это была некрологическая статья

¹⁰¹ Труд. Вестник литературы и науки, 1895, т. XXV, № 3, с. 709—710.

¹⁰² Неделя, 1895, 8 января, № 2, стлб. 60—61.

¹⁰³ Ежемесячные литературные приложения при журнале «Нива» на 1895 г., № 3, стлб. 549—550. — Об отношении Тэна к Бальзаку см.: *Михлин Е. И.* Литературные теории раннего французского натурализма. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-в., 1941. Сер. филологических наук, вып. 8, с. 272—277; *Забабурова Н. В.* Ипполит Тэн о реализме. — Проблемы русской и зарубежной литературы. Волгоград, 1971, с. 211—215.

о Сент-Беве, которого Тэн считал — в полном соответствии с истиной — своим непосредственным предшественником и прочную связь с которым неизменно ощущал.¹⁰⁴

Из более поздних свидетельств интереса у нас к «Критическим и историческим опытам» следует назвать перевод (выполненный Н. Стремоуховым) предисловия к «Essais de critique et d'histoire» (1866), где Тэн доказывал, что «нравственным наукам открыто одинаковое поприще с науками естественными; что история, явившаяся после всех, так же, как и ее старшие сестры, может открывать законы; что, как и они, она может в своих пределах направлять мышление и руководить усилиями людей; что рядом правильно произведенных изысканий ей удастся определить условия великих человеческих явлений, т. е. определить обстоятельства, необходимые для возникновения различных форм человеческого общения, человеческого мышления и человеческой деятельности». На русском языке этот «манифест» был издан вместе с другим, главным манифестом «позитивной критики» — введением к «Истории английской литературы». Объединены они были под общим заглавием «О методе критики и об истории литературы».¹⁰⁵

Первое знакомство русской читающей публики с Тэном-беллетристом состоялось в 1868 г.: в сборник «Современные французские писатели» были включены отрывки из его книги «Заметки о Париже. Жизнь и рассуждения г-на Фредерика-Тома Грендоржа» («Notes sur Paris. Vie et opinions de M. Frédéric-Thomas Graindorge», 1867), выдержавшей к тому времени, как справедливо отмечалось в предисловии, четыре издания. Там же сообщалось, что Тэн «является сатириком современного общества и довольно удачно рисует тип французского воспитания девушек, направленного на развитие нервов, и общую картину высшего французского общества».¹⁰⁶ Сатира эта, с точки зрения составителя, была вполне применима и к «офранцуженному» русскому обществу. «Вместе с модами, — полагал он, — к нам идут из Парижа и его нравы, и понятия о святости брака, о святости долга — больше на языке у наших мужчин и женщин, чем на самом деле. Наши соотечественницы, блистающие за границей своей красотой, отнюдь не уступают в распущенности нравов женщинам полусвета, полную грудью впивая в себя аромат эротических наслаждений».¹⁰⁷

Откликнувшийся на появление сборника «Вестник Европы» прошел, однако, мимо данного заявления. Для него ценность

---

¹⁰⁴ Вестник Европы, 1894, июнь, с. 859—863.

¹⁰⁵ Тэн И. О методе критики и об истории литературы. СПб., 1896 (приведенная цитата на с. 64).

¹⁰⁶ Современные французские писатели. СПб., 1868, с. IV.

¹⁰⁷ Там же, с. V.

книги (как предполагалось, первой в ряду многих) состояла в ознакомлении соотечественников с «современным литературным вкусом во Франции, который, конечно, развился как реакция против гнетущего порядка вещей», и с «современным состоянием умов». Всячески одобряя выбор авторов (помимо Тэна в сборнике были представлены Г. Дроз, А. Дюма-сын и А. де Рошфор), рецензент называл творчество их — и им подобных — «голосом пробуждающейся общественной совести» и утверждал, что «такие имена, как Тэн или Дюма-сын, ручаются за интерес содержания, даже переживающий ту минуту, когда литературное произведение является из-под пера». С сочувствием характеризовал он и перевод, выполненный «весьма добросовестно», и самое издание, подготовленное «в высшей степени опрятно».¹⁰⁸

Позднее «Заметкам о Париже» посвятили обширную статью «Отечественные записки».¹⁰⁹ Признавая, что «с чисто литературной стороны» книга Тэна «далеко ниже всех прежних сочинений этого знаменитого писателя, по преимуществу серьезного ученого и критика», что в ней нет «положительных идеалов» и «не затронуты ни социальные вопросы, ни администрация, ни политика, ни положение пролетария, ни народные нужды», что в ней слишком много «общих мест», «недосказанного», «лишнего», автор статьи находил в ней также «много наблюдательности, громадное знание жизни, критическое и несколько ироническое отношение к окружающим явлениям». «В этой книге, пересыпанной легкой французской остротой, — констатировал он, — Тэн знакомит читателей с Парижем и французским обществом и относится к нему с таким беспощадным отрицанием, с таким едким сарказмом, подвергает такому беспристрастному анализу все классы общества и все слои, что, помимо всех достоинств, появление этой книги встретило в Париже самый неблагоприятный прием. Давно уже во французской литературе не слышался этот искренний голос порицания во имя здравого смысла и цивилизации, голос честного человека, знаменитого ученого и гражданина. Все литературные партии и все классы французского общества единодушно восстали против этого голоса, обвиняя его в преувеличении, в позоре французского народа и европейской цивилизации. Этот шум, произведенный книгою Тэна, доказывает только, как верны и метки были его замечания и как точно он представил Европе самую суть парижской жизни». При этом, полагал он, Тэну чуждо всякое морализаторство, цель его — «не проповедь и наставления», но «строгий анализ явлений»: «нигде не встречаете вы в его книге страстного тона и взрыва негодования публициста». В свою очередь, из этих рассуждений с неоспоримостью вытекало, что книга, «несмотря на все свои промахи», — «одно из замечательных литературных явлений последних годов». К тому же, как и его предшественник в «Вестнике Европы», автор статьи утверж-

¹⁰⁸ Вестник Европы, 1868, октябрь, с. 906—907.

¹⁰⁹ Отечественные записки, 1870, № 2, с. 284—324.

дал, что, поскольку «наше общество, наше воспитание, наши стремления» — «полуфранцузские», «меткий сарказм Тэна одинаковым образом относится и к русской жизни».¹¹⁰ А затем следовал разбор книги, дававший представление о ее содержании и о взглядах Тэна «в самых общих чертах и в возможно кратком виде», в действительности же — с поистине исключительной полнотой.

«Сильный авторитет» и «громадное значение» тэновских «Заметок о Париже», на которых столь энергично настаивали «Отечественные записки», не привели, впрочем, к изданию их тогда же на русском языке. Такая книга появилась только десять лет спустя, в довольно посредственном анонимном переводе.¹¹¹

Особого интереса она, по-видимому, не вызвала: известен всего лишь один журнальный отклик на нее, принадлежавший рецензенту «Дела». Выраженная в нем точка зрения была, естественно, весьма радикальной. Не отказывая французскому писателю в таланте и наблюдательности, в тонкости и ядовитости его сатиры, в точности отдельных зарисовок, в блеске и верности некоторых афоризмов, критик осуждал его за отсутствие в книге «полного изображения парижской жизни в ее целом» и прежде всего за то, что «в рамку картин, рисуемых Тэном», не включено «основание пышной общественной пирамиды, называемой Парижем, — положение городских пролетариев и граничащей с ними мелкой буржуазии». «Понять отношение Тэна к современному обществу, — отмечал он далее, — не трудно. Подобно всякому порядочному и неглупому буржуа, Тэн видит вокруг себя массу нравственных безобразий, которые режут ему глаза, но от объявления которых он уклоняется и старается продать читателю товар лицом, т. е. выдать болезненные порождения, присущие современному обществу, за явления вечные, необходимые, вытекающие будто бы из столь заезженного всеми непоследовательными людьми „всегдашнего несовершенства человеческой природы“. Но, придавши явлениям временным облик вечности и неизбежности, автор, само собою разумеется, может метать в них свои стрелы сколько угодно, не боясь затронуть своих излюбленных интересов: в самом деле, ведь несовершенство человеческой природы есть тема, очень благодарная для современных моралистов, ибо указание на такое несовершенство ни к чему человека не обязывает и ничего не осуждает <...> Раздвоясь на буржуазного философа и буржуазного моралиста, он в качестве первого выдает современный антагонизм и конкуренцию человека с человеком за необходимый результат естественных законов природы, а в качестве второго — мечет стрелы морализующей сатиры в болезненные проявления этого самого антагонизма и конкуренции». К лучшим местам книги русский критик относил главы, изобра-

¹¹⁰ Там же, с. 284—288.

¹¹¹ Тэн И. Парижские нравы. (Жизнь и размышления Фредриха Томаса Грендоржа). М., 1880.

жающие внутренний мир «аристократической и буржуазной молодежи», которые наводили его на ряд соображений общего характера, «проникнутых глубоко поучительным смыслом». «При взгляде на вырождение молодого поколения современной буржуазии, на его безжизненность и бездеятельность» он приходил к заключению, что «наступает пора исторического перелома в этом эгоистическом и износившемся мещанском быту, что чувствуется и самой Францией, т. е. тем поколением ее, которое думает о будущих судьбах страны, так дорого заплатившей за свою умственную и нравственную спячку».¹¹²

В самом конце 1871 г. увидел свет еще один беллетристический опыт Тэна — «Заметки об Англии» («Notes sur l'Angleterre»), первоначально опубликованные в виде небольших очерков в газете «Le Temps». Итог трех путешествий прославленного критика в эту страну, совершенных им в 1861, 1862 и 1871 гг., и его долгих раздумий над ее прошлым и настоящим, книга эта немедленно привлекла к себе внимание во Франции и за ее пределами. Русского читателя с ней впервые познакомил «Всемирный труд», где она печаталась по частям с июля по октябрь 1871 г.¹¹³ В 1872 г. этот перевод был выпущен отдельно.¹¹⁴ Наконец, в том же году появились другой полный перевод¹¹⁵ и в журнале «Беседа» сравнительно большой ее фрагмент, помещенный там как «правдивое указание темных сторон английского воспитания».¹¹⁶

С интересом отнеслась к «Заметкам об Англии» и русская критика: в течение 1872 г. на выход в свет их французского издания отозвались «Русский вестник» и «Вестник Европы».

Сокрушаясь о печальной судьбе «нынешней Франции», доведенной до «внутреннего разложения» и «упадка» «господством завистливой и невежественной демократии», и в не меньшей степени — о постепенном проникновении этого «яда» в Россию, критик «Русского вестника»¹¹⁷ с удовлетворением сообщал читателям о тэновских «очерках Англии», в которых, полагал он, было убедительно показано, «какую громадную пользу приносит этой стране ее аристократия и почему английская аристократия, несмотря на все вопли демократов, не утратила еще до сих пор своего высокого положения». В подтверждение обильно цитировался соответствующий раздел книги, о других же говорилось хотя и одобрительно, но вскользь, так что у читателя могло сложиться о ней весьма превратное представление. Во всяком слу-

¹¹² Дело, 1880, № 2, с. 71—75.

¹¹³ Фактически все эти номера вышли в 1872 г. См. экземпляр журнала, некогда принадлежавший Третьему отделению (Библиотека Пушкинского Дома).

¹¹⁴ Тэн Г. Очерки Англии. СПб., 1872.

¹¹⁵ Тэн И. Очерки современной Англии. СПб., 1872.

¹¹⁶ Беседа, 1872, кн. I, с. 169—194.

¹¹⁷ Подпись под статьей — Р. Позднее этим криптонимом пользовались Н. А. Любимов и Е. М. Феоктистов.

чае, уяснить себе ее содержание, прочитав этот орган «консервативной партии», было нелегко.¹¹⁸

Совсем иным был цикл статей о «Notes sur l'Angleterre», опубликованный в сентябрьском—ноябрьском выпусках «Вестника Европы». Автор статей — уже упоминавшийся либеральный публицист Е. И. Утин — поставил перед собой задачу дать возможно более полный ее разбор; достаточно сказать, что цикл этот в общей сложности составлял около 150 страниц.

«В такое время, когда безурядица политическая и нравственная сделалась повальнойю болезнию всех государств континентальной Европы, когда все группы недовольны и думают излечить зло взаимным истреблением друг друга, — писал Утин, — в такое время утешительно обращаться к таким странам, которые мерным шагом идут вперед по пути прогресса, не бросаясь сегодня в одну, завтра в другую сторону, и которые настолько счастливы, или вернее настолько искусны, что проходят невредимо сквозь самые опасные шхеры».¹¹⁹ В наибольшей мере подобной страной являлась, по его мнению, Англия, которая, хотя и «жила вместе с Европою» и «развивалась вместе с нею», в силу своего географического положения и исторических обстоятельств «выработала себе особые совсем нравы, особые идеи, особые учреждения, особую политическую систему, более совершенную, без сомнения, чем все политические системы европейских государств».¹²⁰

Нисколько не сомневаясь в том, что далеко не все может служить примером, не все достойно подражания в этой стране, что в ее укладе «есть много такого, чего нельзя пожелать другим», русский критик с огромным сочувствием говорил о том «духе индивидуальной свободы», который «проник в целый государственный строй и подчинил себе всю политическую систему» и благодаря которому «можно смело идти вперед, так как он делает возможною открытую, а не затаенную борьбу со всем отжившим, со всеми злоупотреблениями старых идей и старых учреждений, и новые идеи свободно подвергаются опыту времени и жизни».¹²¹ Этим он и объяснял столь частое обращение к Англии европейских писателей, которые, изучая эту «страну свободных учреждений», «думали тем самым приносить пользу своей стране, и действительно ее приносили, потому что нужно сказать, что ничто так не помогает изучению своего народа, своего общества, как изучение чужого народа, чужого общества».¹²² Из многоязычной «колоссальной литературы» об Англии он особенно выделил «путешествия», которые «относятся к разряду самых любопытных и вместе поучительных книг», а из новейших сочинений такого рода — «Заметки об Англии» Тэна.

¹¹⁸ Русский вестник, 1872, январь, с. 606—623. См.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2. Вторая половина XIX века. Л., 1965, с. 221.

¹¹⁹ Вестник Европы, 1872, сентябрь, с. 133.

¹²⁰ Там же, с. 134.

¹²¹ Там же, с. 134—135.

¹²² Там же, с. 137.

Сочинение это отнюдь не казалось Утину совершенным. Тэн, с его точки зрения, являл собой «тип равнодушного человека», «тип индифферента», формированию которого в значительной степени способствовала политическая и нравственная деморализация, «порожденная злосчастною эпохою второй империи», а «такой тип человека очевидно не может, да и не должен быть особенно симпатичен»; но вместе с тем «индифферентизм не допускает односторонности, исключительности и делает человека способным во всяком вопросе видеть его выгодные и невыгодные стороны, и потому наблюдение его, выводы, которые он делает, являются более полными, цельными, а в силу этого, быть может, и более прочными». ¹²³ Если же писатель-индифферент наделен «светлым и блестящим умом» и «сильным талантом», с позицией его тем более можно примириться. При всей «холодности» Тэна набросанный им «эскиз английской жизни, английских нравов» в высшей степени убедителен и достоверен.

Книга Тэна, полагал русский критик, — «складная картина». Однако все у него «сброшено в одну общую грудю», «одно не подобрано к другому», «все отзывается каким-то беспорядком, хаосом, точно автору не было времени докончить своего труда, точно он торопился поделиться с обществом своими наблюдениями, впечатлениями, выводами». Поэтому его «отрывочные заметки» необходимо привести «хотя в какую-нибудь систему», «иначе пришлось бы не писать о книге, а переписать книгу». ¹²⁴ Отсюда и построение разбора: критик не излагает Тэна, точнее не просто излагает, но как бы собирает, группирует все эти «наблюдения, впечатления, выводы» по темам, комментируя и проясняя авторскую мысль.

Между тем, от собственных общих выводов Утин воздерживался. «Наша цель заключалась только в том, — обосновывал он свой «метод», — чтобы, воспользовавшись последнею книгою в высшей степени замечательного французского писателя, указать на характерные стороны жизни английского народа <...> Подводить итог всему сказанному, подводить итог книге Тэна, было бы излишне. Читатель легко и сам ответит себе на вопрос: в какой степени замечательно последнее произведение одного из самых крупных писателей нашего времени?» ¹²⁵

В дальнейшем Тэн-беллетрист не привлекал к себе внимания русских литераторов, за одним лишь исключением: в январе—феврале 1911 г. «Вестник Европы» и «Русская мысль» поместили

¹²³ Там же, с. 142—143.

¹²⁴ Там же, октябрь, с. 691.

¹²⁵ Там же, ноябрь, с. 257. — Попутно отметим появившийся в «Вестнике Европы» в августе того же года (с. 894—896) отклик на брошюру Тэна «О всеобщем голосовании и способе подачи голосов» («Du suffrage universel et de la manière de voter», 1872), в котором предложенный Тэном «способ» отвергался и ему инкриминировался индифферентизм «в страданиях и тягостях народной массы». Перевод самой брошюры был напечатан ранее в журнале «Всемирный труд» (1872, № 1, с. 51—76).

на своих страницах сохранившиеся начальные восемь глав его романа «Этьен Меран» («Etienne Maugan»).¹²⁶ Пролежавший в архиве писателя около полувека, фрагмент этот был впервые опубликован в «Revue des Deux Mondes» с предисловием Поля Бурже (1909). Горячий почитатель Тэна, он восторженно отзывался об «Этьене Меране» (достаточно сказать, что роман ставился им в один ряд с шедеврами Стендаля и Бальзака), особенно подчеркивая его «высокую документальную ценность» и «автобиографичность». В следующем году «Этьен Меран» вышел отдельной книгой — с тем же предисловием, но также и с заметкой от издателя, в которой мысль Бурже о подлинности изображенных в романе событий и фактов решительно оспаривалась, хотя и признавалось, что «автор широко использовал свои личные воспоминания для того, чтобы воссоздать в своем романе среду мужского учебного заведения около 1845 года и чтобы проанализировать (читатель увидит, с каким остроумием и с какою точностью!) интеллектуальное пробуждение подростка под влиянием гуманитарных наук и его приобщение к жизни идей, к общей культурной жизни».

Заметка эта была предпослана переводу «Этьена Мерана», напечатанному в «Русской мысли» (автор его — Б. Рунт).¹²⁷ Изложил ее и «Вестник Европы», предваряя перевод, подписанный криптонимом Ф. С.¹²⁸ Оба перевода были выполнены весьма профессионально, но особыми достоинствами не отличались.

В начале 1870-х гг. Тэн задумал труд о «происхождении современной Франции» — «Les origines de la France contemporaine». Работа над ним растянулась более чем на два десятилетия и так и не была завершена. Первый том ее, озаглавленный «Старый порядок» («L'Ancien régime»), увидел свет в последних числах декабря 1875 г.; три следующих тома, в которых шла речь о Великой французской революции, появились соответственно в марте 1878 г. («L'Anarchie»), в мае 1881 г. («La Conquête jacobine») и в ноябре 1884 г. («Le Gouvernement révolutionnaire»); наконец, в ноябре 1890 г. вышел первый том заключительной серии «Новый порядок» («Le Régime moderne»), а три года спустя, уже посмертно, — второй, включавший два цикла статей, опубликованных в 1891—1892 гг. в «Revue des Deux Mondes», а также предисловие, составленное на основе набросков и записей Тэна его

---

¹²⁶ См. в этой связи: *Азадовский М. К.* Об одном сюжетном совпадении («Смерть атеиста» в романе Оммулевского и у Ипполита Тэна). — В кн.: Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1935. с. 583—591.

¹²⁷ *Этьен Меран.* Посмертный роман Ипполита Тэна. — Русская мысль, 1911, январь, с. 103—128; февраль, с. 97—121.

¹²⁸ *Этьен Мэйран.* Отрывки из романа Ипполита Тэна. — Вестник Европы, 1911, январь, с. 158—219.

племянником Андре Швейрином и позволявшее понять общий замысел раздела.

В отличие от прочих его сочинений, первоначально появлявшихся в виде отдельных очерков в периодической печати, тома «Происхождения современной Франции», за редкими исключениями, выходили без предварительных публикаций. Впрочем, «Старый порядок», до его издания во Франции, Тэн был склонен поместить в «Вестнике Европы».

Посредником в этом деле выступил И. С. Тургенев, незадолго перед тем способствовавший появлению в этом журнале «Преступления аббата Муре» Э. Золя и его сотрудничеству там как автора «парижских писем». ¹²⁹ «Любезнейший Михаил Матвеевич, то Золя — а теперь наклеывается Тэн (известный Н. Taine). Он пишет большое сочинение в трех частях — в котором предполагает представить основы, на которых зиждется новейшее время. Первая часть озаглавлена: „L'Ancien régime“. В ней будет около 12 листов „Вестника Европы“. Если Вы хотите произвести с ним ту же операцию, как с романом Золя — то он согласен выслать Вам рукопись и т. д.», — писал он из Парижа 16(28) апреля 1874 г. редактору-издателю журнала Стасюлевичу, а затем добавлял, что цензурных затруднений в этой связи не ожидается, поскольку Тэн — «не революционер», и что «переводить его не в пример легче». ¹³⁰ В последующих письмах к тому же адресату Тургенев делился своими впечатлениями от главы «Les mœurs et les caractères», отрывки из которой ему читал сам Тэн («они мне показались необыкновенно интересны»), обсуждал условия публикации и т. п. ¹³¹ Однако все его усилия так ни к чему и не привели: как сообщал позднее Тургенев Стасюлевичу, «его (т. е. Тэна, — П. З.) издатель — Hachette — воспротивился всякого рода сделке». ¹³²

Ранее других об этом труде знаменитого критика известил русских читателей Эмиль Золя: Ипполиту Тэну и его «новой книге о Франции» было посвящено очередное, 11-е «парижское письмо». ¹³³ «В сущности, — пояснял Золя «обширный план Тэ-

¹²⁹ См.: Клеман М. К. Эмиль Золя — сотрудник «Вестника Европы». — В его кн.: Эмиль Золя. Л., 1934, с. 266—304; *Triomphe J. Zola collaborateur du «Messager de l'Europe»*. — *Revue de littérature comparée*. 1937, p. 754—765; *Duncan Ph. A.* The fortunes of Zola's «Parižskie pis'ma» in Russia. — *The Slavic and East European Journal*, 1959, vol. XVII, № 2, p. 107—121.

¹³⁰ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми т. Письма, т. XI. М.—Л., 1966, с. 65—66.

¹³¹ Там же, с. 77; см. также с. 84, 115.

¹³² Там же, с. 188. — Книга в целом произвела на Тургенева весьма благоприятное впечатление, и он настойчиво рекомендовал ее друзьям — П. В. Анненкову, Л. Фридендеру, Ю. Шмидту. В свою очередь, как известно, Тэн высоко ценил творчество Тургенева и, в частности, восторженно отзывался о его рассказах «Живые мощи» и «Отчаянный», о романе «Новь» и других. Об отношениях Тургенева и Тэна см. заметку А. Б. Муратова (Тургеневский сборник. Л., 1969, вып. V, с. 513—518).

¹³³ Вестник Европы, 1876, февраль, с. 862—892. Перепечатано: Золя Э. Парижские письма. Из литературы и жизни. 1875—77 гг. СПб., с. 167—200.

на», — это будет не что иное, как история революции 89 г.с точки зрения причин, ее вызвавших, и результатов, ею порожденных. Еще точнее и согласнее с намерениями автора, выраженными общим заглавием, это — исследование тех потрясений и последовательных переворотов, которые менее чем в каких-нибудь сто лет образовали из Франции новое государство и почти новую нацию». ¹³⁴

Осуществленное Тэном приложение «естественно-исторического метода» к изучению Франции в ее прошлом и настоящем казалось Золя явлением в высшей степени примечательным: так или иначе, но «попытка его остается одной из самых любопытных и самых мощных попыток современной критической школы». ¹³⁵ Однако при всем сочувствии «системе» Тэна, при всем восхищении его «великим талантом стилиста и критика», при всем нежелании заводить с ним «патриотическую ссору» Золя не считал возможным скрывать протест, поднявшийся в нем против тэновского отношения к революции. «Если бы французская революция в самом деле была не чем иным, как философской ошибкой, химерой, выросшей в больных умах, социальным кризисом, присутствующим одному только народу, революция не произвела бы такого всеобщего, такого продолжительного, такого глубокого потрясения. Вся Европа еще содрогается от него, и подземная работа его все еще продолжается», — писал Золя и далее разъяснял позицию историка: «„Демократическая мечта“ неприятна ему: она расстраивает его идеи порядка и практической жизни, добросовестного труда, ведущего к почестям. Он стоит поэтому за тех, кого называет привилегированными, хотя и признает их ошибки и не может исказить смысл неумолимых документов, на которые его исследования натолкнули его и которые свидетельствуют против них. К тому же он сожалеет о правительственной стройности древней монархической и аристократической идеи о царстве избранных, руководящих толпою. Я не обвиняю Тэна в том, что он изучал историю с личной точки зрения, но он несомненно судит о революции сквозь опасения французского гражданина, которому тревоги 1848 и 1871 гг. помешали вести спокойную жизнь и заниматься философскими исследованиями». ¹³⁶ Впрочем, судить о «новой книге» Тэна, полагал писатель, можно будет лишь тогда, когда труд его выйдет «в целом объеме». ¹³⁷

Вскоре в журнале «Дело» появился и русский отклик на «Старый порядок» — незавершенный ряд статей П. Гро-оли (П. Н. Ткачева) под названием «Французское общество в конце XVIII века». ¹³⁸ Метод Тэна-историка подвергся в нем еще более резкой критике, чем у Золя. «Эклектик-компилятор», Тэн, по мнению

¹³⁴ Вестник Европы, 1876, февраль, с. 862.

¹³⁵ Там же, с. 871.

¹³⁶ Там же, с. 890—892.

¹³⁷ Там же, с. 892. — См. реплику на это «письмо» в «Тифлисском вестнике» (1876, 26 февраля, № 44).

¹³⁸ Дело, 1876, № 3, с. 283—312; № 5, с. 189—208; № 7, с. 282—307.

этого революционера и публициста, обнаружил «полнейший общественный индифферентизм» и в этом смысле не заслуживал снисхождения. Что же касается достоинств книги, то они, полагал Ткачев, «имеют, так сказать, чисто внешний характер: ими определяется не ее внутреннее содержание, а лишь внешняя форма изложения. Внешняя форма не оставляет желать ничего лучшего. Автор умеет рассказывать живо и увлекательно, он группирует факты в живые картины, в образы. Поэтому книга, несмотря на свой ученый декорум, читается легко и с большим интересом».¹³⁹

В первом томе второй серии «Происхождения современной Франции», где прослеживались события от взятия Бастилии до превращения в жизнь конституции 1791 г., консерватизм Тэна проявился еще отчетливее. Отсюда весьма бурная реакция на него в русской печати. Так, «Русский вестник» в статье, опубликованной в мартовском выпуске 1878 г., всячески приветствовал книгу и ее автора, вступившего в «открытую борьбу с установившимися ложными понятиями, хотя бы они достигли безграничного господства». К этим «ложным понятиям» русский рецензент относил «предположение, будто бы исходной точкой для развития как Франции, так и остальной Европы одинаково служила революция конца XVIII века».¹⁴⁰

Иной была точка зрения, выраженная в 36-м «парижском письме» Золя.¹⁴¹ В его представлении обращение Тэна к истории революции явилось следствием «кризиса 1870—1871 гг.», всех этих политических и общественных катастроф, «от которых мы еще до сих пор не можем оправиться». «Политическая тревога, — утверждал Золя, — слишком просвечивает из-под научной metody. Тэн, несмотря на свою кажущуюся холодность аналитика, проявляет страсть консерватора, которого коммуна привела в негодование и устрасила».¹⁴² Отсюда его неприятие революции: «... этот том написан в сущности против революции. Это вытекает из всех страниц. Историк-натуралист пристрастен и открыто высказывается против одной из метаморфоз насекомого, которого держит под микроскопом».¹⁴³ Золя усматривает в книге два «течения»: «дух анализа, излагающий факты в превосходном порядке», и «дух реакции, который глухо возмущается и поминутно проскакивает и извращает логику выводов».¹⁴⁴ В изображении Тэна революция, полагает Золя, — «дело одной горстки бунтовщиков», а народ — «животное, устремляющееся туда, куда его влечет инстинкт»; в то же время он «исполнен нежности к привилегированным, хотя и признает, что их привилегии громадны и зловредны»; «народное самодержавие» вызывает «его нена-

¹³⁹ Там же, № 3, с. 291.

¹⁴⁰ Русский вестник, 1878, март, с. 751—809.

¹⁴¹ Вестник Европы, 1878, май, с. 389—417.

¹⁴² Там же, с. 391.

¹⁴³ Там же, с. 395.

¹⁴⁴ Там же, с. 397.

висть, его гнев», «он порицает все действия Учредительного собрания или почти все», а между тем «современная Франция обязана своей личностью тому учредительному собранию, которое Тэн так жестоко отделяет»; с отвращением повествует он и о применении конституции 1791 г., породившем лишь «смуты» — террор, панику, новое налоговое обложение, преследование дворянства и т. д. Общий вывод, к которому приходил Золя, был весьма мрачен: Тэн опирается на факты, но пользуются ими с явным пристрастием, неверно интерпретирует и произвольно отбирает; «он напускает на себя приемы безусловно научные» для того, чтобы написать «в сущности политический памфлет», прибегает к науке, чтобы «написать обвинительный акт».¹⁴⁵

Из русских критиков тех лет французского писателя не поддержал — в полной мере — никто. «Нет, в Тэне сказался не человек партии, не чувствительный человек, нет — безучастие натуралиста в нем было побеждено высоким и святым чувством гражданина и патриота. — Слова же Э. Золя свидетельствуют, как мало это чувство распространено в современной Франции», — восклицал на страницах «Еженедельного литературного прибавления» к газете «Русский мир» Е. А. Белов, находивший, впрочем, что «письмо Эмиля Золя написано со всем приличием, присущим цивилизованному человеку».¹⁴⁶ По мнению критика одесской газеты «Правда», статья Золя превосходила «по наглости, глупости и бесстыдству все, что есть наглого, глупого и бесстыдного в произведениях этого модного реалиста», а сочинение Тэна было «замечательным по своей учености и своей талантливости» трудом.¹⁴⁷ «Поверхностным памфлетическим очерком» назвал «письмо» Золя критик «Голоса» Е. Л. Марков,¹⁴⁸ в такой же степени не сочувствовавший и статье «Русского вестника» с ее рассуждениями о «гибельном значении» французской революции. Этим разнонаправленным, но в одинаковой степени тенденциозным построением Марков противопоставлял «объективный» анализ книги Тэна, осуществленный в цикле статей видного либерального историка В. И. Герье.¹⁴⁹ Однако из его характеристики разбора следовало все же, что и с точки зрения «нашего почтенного профессора» исследование Тэна отнюдь не лишено «серьезно слабых сторон» и что в нем множество ошибок, упущений и промахов, вытекающих главным образом «из чересчур утилитаристского реализма его взглядов».

Действительно, признавая важные достоинства тэновского позитивизма, Герье не считал большой удачей применение этого метода к «одному из самых сложных явлений в истории». Осуж-

¹⁴⁵ Там же, с. 416.

¹⁴⁶ Еженедельное литературное прибавление к № 170 газеты «Русский мир», 1878, 25 июня, № 26, с. 482—486.

¹⁴⁷ Правда, 1878, 12 (24) мая, № 107.

¹⁴⁸ Голос, 1878, 6 (18) июля, № 185.

¹⁴⁹ Вестник Европы, 1878, апрель, с. 534—569; май, с. 117—171; сентябрь, с. 234—277; декабрь, с. 511—582.

дал он Тэна и за «равнодушие» к идеалам 1789 года, и за отсутствие у него «руководящих принципов и идей». «К сожалению, Тэн при исполнении своей задачи сошел с научной почвы»,¹⁵⁰ — это итоговое суждение русского историка звучало достаточно внушительно и сурово.

Несмотря на столь оживленную полемику вокруг первых двух томов «Происхождения современной Франции», на русском языке они были изданы лишь в 1880—1882 гг. Первый вышел в 1880 г. в переводе видного деятеля революционного народничества Г. А. Лопатина;¹⁵¹ второй печатался частями в журнале «Русская речь» с июля 1881 и вплоть до мая 1882 г., когда журнал был прекращен из-за «полной денежной несостоятельности редактора-издателя» — А. А. Навроцкого. По его свидетельству, к маю 1882 г. в редакции оказалось немало «продолжений неоконченных печатанием статей», но из них всех он считал «своей обязанностью» напечатать окончание книги Тэна; им и был целиком заполнен майский выпуск. Аргументируя свой выбор, Навроцкий ссылался на три обстоятельства: прежде всего, перевод тома находился уже весь в его руках; к тому же сочинение это имело «весьма глубокое и поучительное значение при оценке французской революции 1789 года»; и, наконец, «до сих пор перевод его еще не появлялся в печати».¹⁵²

В 1888 г. отдельной книгой в русском переводе вышли две статьи Тэна о Наполеоне Бонапарте, опубликованные в феврале—марте 1887 г. в «Revue des Deux Mondes», а затем включенные в первый том третьей серии «Le Régime moderne».¹⁵³ (Впоследствии этот же фрагмент был переведен О. К. Синцовой и выпущен издательством «Мусагет»)¹⁵⁴ С сентября по декабрь 1894 г. в «Вестнике Европы» появилось несколько статей В. И. Герье о втором и третьем томах «революционного цикла» под общим заглавием «Ипполит Тэн в истории якобинцев»: выход в свет этих статей был приурочен к столетней годовщине «тех достопамят-

---

¹⁵⁰ Там же, декабрь, с. 519. — См. также незавершенную и оставшуюся в рукописи рецензию на второй том «Происхождения современной Франции», принадлежащую перу П. А. Кропоткина, выдающегося деятеля русского освободительного движения и историка французской революции, в кн.: *Кропоткин П. А. Великая французская революция. 1789—1793*. М., 1979, с. 455—466.

¹⁵¹ *Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции*. СПб., 1880 — Переводчик в книге не назван, но не вызывает сомнений, поскольку указан на титульном листе другого издания «Старого порядка», полностью совпадающего с изданием 1880 г.: *Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции*, т. I. Старый порядок. Перевод <...> Германа Лопатина. СПб., 1907. — Ср. в ответах Г. А. Лопатина на анкету, присланную ему С. А. Венгеровым, в перечне «отдельно изданных книг»: «Тэн. „Les origines etc.“ 1-й том (два издания)». — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 149 (публикация Л. Н. Ивановой).

¹⁵² *Русская речь*, 1882, май, с. VII.

¹⁵³ *Тэн И. Наполеон Бонапарт*. М., 1888.

¹⁵⁴ *Тэн И. Наполеон Бонапарт*. М., 1912.

ных и потрясающих событий».¹⁵⁵ Однако наибольшей интенсивности интерес к Тэну — историку предреволюционной и революционной Франции достиг у нас во время и вскоре после революции 1905—1907 гг.: в 1905 г. в виде брошюры был издан фрагмент первой главы третьего тома, посвященный «психологии якобинца»;¹⁵⁶ в 1907 г. — весь труд в переводе Я. В. Швырова;¹⁵⁷ в 1906 г. отдельно и в 1910 г. в качестве приложения к журналу «Север» — «Старый порядок» в переводе Э. Пименовой;¹⁵⁸ в 1906—1910 гг. — «революционный цикл» в переводе Н. Шемардина.¹⁵⁹ Правда, этот последний был предпринят главным образом с целью дискредитировать «великую революцию» и ниспровергнуть ее «культ», существование которого поистине выводило его издателей из себя.¹⁶⁰

Получил в России известность и ранний историографический опыт Тэна о Тите Ливии («Essai sur Tite-Live», 1855), увенчанный академической премией. Он был издан в 1885 г. в переводе А. Иванова и Е. Щепкина¹⁶¹ и спустя пятнадцать лет переиздан в усовершенствованном — стараниями Е. И. Герье — виде.¹⁶²

Оба издания предварялись кратким предисловием, в котором «исследование Тэна о Тите Ливии» расценивалось как «бесспорно одно из самых талантливых произведений французского писателя» и рекомендовалось читающей русской публике как «драгоценное пособие для римской истории»,¹⁶³ а второе, кроме того, — обширной статьей В. И. Герье, где, помимо общих сведений о Тэне и суждений о данной книге, содержался ряд примечательных мыслей о Тэне-художнике, о его повествовательной манере и литературном мастерстве. «Круг интересов Тэна, — указывал, между прочим, Герье, — был очень обширен; он охотно, напр., расспрашивал о течениях идей в русском обществе и о влиянии на него передовых писателей и особенно Тургенева, которого он лично знал. Когда появились в „Вестнике Европы“ „Стихотворе-

---

¹⁵⁵ Вестник Европы, 1894, сентябрь, с. 142—191; октябрь, с. 525—569; ноябрь, с. 117—158; декабрь, с. 525—560. — Позднее Герье собрал свои очерки о «Происхождении современной Франции» вместе и издал их «с необходимыми дополнениями и изменениями» (Герье В. И. Французская революция 1789—95 гг. в освещении И. Тэна. СПб., 1911); в предисловии к книге отмечалось, между прочим, что «освещение, данное Тэном французской революции, имеет в настоящее время для русских читателей новый интерес, являясь в то же время освещением и недавно пережитых ими событий».

¹⁵⁶ Тэн И. Психология якобинца. СПб., 1905.

¹⁵⁷ Тэн И. Происхождение современной Франции. СПб., 1907, 5 т.; издание было использовано в качестве бесплатного приложения к «Вестнику иностранной литературы» за 1907 г.

¹⁵⁸ Тэн И. Происхождение современной Франции, <т.> I. Старый порядок. СПб., 1906; Тэн И. Старый порядок. (Происхождение современной Франции). СПб., 1910.

¹⁵⁹ Тэн И. История французской революции. Харьков, 1906—1913, 6 ч.

¹⁶⁰ Там же, ч. 1, с. 1—2.

¹⁶¹ Тэн Г. Тит Ливий. Критическое исследование. М., 1885.

¹⁶² Тэн И. Тит Ливий. Критическое исследование. М., 1900.

¹⁶³ Там же, с. III—IV.

ния в прозе“ Тургенева и Тэн узнал, что некоторые из них не могли быть напечатаны, он очень пожелал их иметь. Получив их во французском переводе, он тотчас оставил гостей, подошел к окну и, прочитав их, сказал „C'est fort, mais c'est très beau“. Эта оценка в известном смысле характеризует талант и самого Тэна. Художественный образ был для него неразлучным спутником идеи. Художественными образами, нередко весьма реалистическими, изобилуют сочинения Тэна и часто ими заканчиваются. Художественные образы дорисовывают его мысль и часто ее заменяют <...> В замечательной степени в нем соединились сухой анализ с пластикой воображения и страсть к научной и фактической истине с творчеством художника».¹⁶⁴

Первое русское издание «критического исследования» Тэна было встречено весьма одобрительно. «Эта книга интересна не только для того, кто хочет лучше познакомиться с Ливием, но и для того, кто, вовсе не интересуясь Ливием, интересуется самим Тэном», — писал «Исторический вестник»,¹⁶⁵ а «Русская мысль» констатировала, что «переводчики оказали значительную услугу, сделав эту небольшую, но разностороннюю, блестящую книгу доступной для русских читателей».¹⁶⁶ В целом положительно было оценено и второе издание, хотя при этом с сожалением отмечалось, что язык Тэна «в новом русском переводе утратил и блеск, и ясность, и силу».¹⁶⁷

Помимо отзывов об отдельных сочинениях Тэна и рецензий на русские их издания, с середины 1880-х гг. в нашей печати со все возрастающей интенсивностью начали появляться и общие его характеристики — переводные и оригинальные. Из переводных наибольшее распространение получил этюд Поля Бурже «Ипполит Тэн» (восходивший к «Очеркам современной психологии»): он был напечатан трижды — в «Русской мысли», в «Пантеоне литературы» и в составе «Очерков», изданных в 1887 г. отдельной книгой.¹⁶⁸ Из русских обобщающих работ о Тэне выделялись два очерка Герье, опубликованные, как и большая часть им написанного, в «Вестнике Европы».¹⁶⁹ В первом из них была сделана попытка проследить истоки установленных Тэном «научных законов», сформулировать их и определить их значение в литературной и художественной критике. Триада «раса, среда, момент»,

¹⁶⁴ Там же, с. XLIII.

¹⁶⁵ Исторический вестник, 1885, август, с. 398—400.

¹⁶⁶ Русская мысль, 1885, июль, с. 16 (Библиографический отдел).

¹⁶⁷ Исторический вестник, 1901, февраль, с. 776—779.

¹⁶⁸ Русская мысль, 1887, июль, с. 93—119; Пантеон литературы, 1888, февраль—март, с. 110—147; Бурже П. Очерки современной психологии. Этюды о выдающихся писателях нашего времени. Пер. Э. К. Ватсона. СПб., 1888.

¹⁶⁹ Вестник Европы, 1889, сентябрь, с. 71—144; 1890, январь, с. 5—65; февраль, с. 463—500. См. также: Бузескул В. П. Заметка о Тэне как историке французской революции. Харьков, 1890.

принцип «господствующей способности, или основного свойства», понятие о «шкале литературных ценностей», «сочетании эффектов» и другие элементы «нового метода», «не представляя в себе гарантии безошибочных или, по крайней мере, бесспорных выводов», открывали, по мнению Герье, «самые далекие перспективы» для исследований в гуманитарной сфере. Во втором очерке указывались точки соприкосновения «теории Тэна о критике литературных и художественных произведений» с историей и выяснялось, какую пользу может она извлечь из «предлагаемого Тэном приема», а также осмыслился вклад Тэна в современную историческую науку вообще.

Однако настоящее подведение итогов деятельности Тэна началось после того, как у нас стало известно о его смерти, последовавшей 5 марта 1893 г. Трудно назвать периодическое издание, которое не откликнулось бы — так или иначе — на это событие, не напомнило бы своим читателям основных фактов его биографии и главных его трудов, не отметило бы его выдающейся роли в развитии критической и эстетической мысли. «Тэн — более содержателен, чем кто-либо из современных европейских писателей <...> Его непрерывное дознание обнимало все факты, все вопросы», — констатировала «Нива». ¹⁷⁰ «Что бы ни писал Тэн — дневник эlegantного парижанина или исследование о быте крестьян в королевской Франции, везде он разбивал общепринятую ложь, везде отрезвлял увлечения, как бы они ни были красивы, везде возвышался до общих законов исторической жизни. Его роль — великая роль отрезвителя», — утверждалось в «Книжках „Недели“». ¹⁷¹ «Он <...> оставил на великом поле умственного труда глубокую борозду, научив молодые поколения применять к своим занятиям строго научный, позитивистский метод», — отмечал «Исторический вестник». ¹⁷² «Тэн был позитивистом чистой воды, без малейшей примеси мистицизма <...> Он верил только в факты и в те выводы, к каким могло привести терпеливое и методичное наблюдение их. Только любовь к факту и культ знания <...> вдохновляли этого писателя», — указывалось в «Вестнике иностранной литературы», ¹⁷³ а «Русская мысль» воспроизвела некрологическую статью, опубликованную в датской газете «Politiken» Георгом Брандесом, где этот последователь и почитатель Тэна, между прочим, восклицал: «В лице Тэна умер величайший из современных историков и критиков Европы, быть может, вообще первый прозаик Европы в настоящую минуту». ¹⁷⁴

И все же, вопреки требованиям жанра, едва ли не в каждой из этих статей и заметок встречались суждения не в пользу, а иногда и против Тэна. Так, «Нива», признавая его огромное

¹⁷⁰ Нива, 1893, № 15, с. 354—355.

¹⁷¹ Книжки «Недели», 1893, март, с. 267—272.

¹⁷² Исторический вестник, 1893, апрель, с. 220—228.

¹⁷³ Вестник иностранной литературы, 1893, апрель, с. 255—262 (автор — Ф. И. Булгаков).

¹⁷⁴ Русская мысль, 1893, май, с. 73—78.

влияние на французскую литературу, науку, философию, подчеркивала, что влияние это было «не всегда благотворным»; «Исторический вестник» упрекал его в отсутствии «определенных, глубоких идей», вследствие чего он сделался не «апостолом человечества, а только его секретарем»; «самоуверенность относительно непогрешимости результатов его исследований» инкриминировал ему «Вестник иностранной литературы».¹⁷⁵

С большой отчетливостью такая двойственность в оценке тэновского наследия была выражена в некрологе французского мыслителя, помещенном в «Вестнике Европы». Автор его, К. К. Арсеньев, видный публицист либерального направления, признавал «необыкновенную многосторонность» таланта и «необыкновенное разнообразие» литературного творчества Тэна, но утверждал, что далеко не везде «он проложил новые пути и создал новые приемы». «Истинно великим, — писал Арсеньев, — Тэн был только в области литературной и художественной критики: здесь он составил себе имя, здесь праздновал свои величайшие победы».¹⁷⁶

В последующие два десятилетия имя Тэна возникало на страницах русской печати неоднократно, но по мере того, как уходила в прошлое его эпоха, деятельность французского мыслителя все чаще подвергалась сомнению. «Даже если бы Тэн и в самом деле заслуживал такой славы, мы не могли бы помириться с самым приемом — прославлять его. Мы попытаемся проверить ее основание по главнейшим направлениям деятельности писателя — на его методе исследования и на его исторических исследованиях», — пояснял, например, свою задачу И. И. Иванов в «Русском богатстве», и результат этой «проверки» должен был убедить «все выносящего» современного читателя в полной несостоятельности тэновских идей. Человек, всецело поглощенный «известной системой», Тэн, полагал Иванов, «не исследовал и не критиковал», а шел, «будто в гипнотическом сне», к поставленной цели.¹⁷⁷

Тэну вменялись в вину «сбивчивость» его философии, намеренное искажение истории, наконец, пагубное влияние на французскую литературу. «Как ни покажется это на первый взгляд странно читателю, но пышный расцвет французского натурализма был подготовлен, по-моему, в гораздо большей степени <...> человеком буржуазной науки и буржуазной философии, чем собственно художниками вроде Бальзака, Флобера и Гонкура, —

¹⁷⁵ Некрологи Тэна см. также: Живописное обозрение, 1893, 7 марта, № 10, с. 254; Север, 1893, 7 марта, № 10, стлб. 565; Семья, 1893, 7 марта, № 16, с. 15; Русский вестник, 1893, апрель, с. 238—258; Труд, 1893, т. XVIII, № 5, с. 457—461.

¹⁷⁶ Вестник Европы, 1893, апрель, с. 788—804. Ср.: там же, 1889, май, с. 216—226.

¹⁷⁷ Русское богатство, 1896, январь, с. 129—173; февраль, с. 97—137; март, с. 196—224; апрель, с. 29—64. Ср.: Артист, 1894, декабрь, № 44, с. 203—222; Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки, 1902, № 6, с. 83—84.

отмечал опять-таки в «Русском богатстве» Н. С. Русанов. — Я говорю о Тэне с учениками, которые по обыкновению взяли смешные стороны этого крупного ума и по обыкновению дописались в этом направлении до чудовищных нелепиц».¹⁷⁸ Сходным образом формулировал свое обвинение и А. Н. Гиляров, профессор философии Киевского университета, в «очерке миропонимания современной Франции по ее крупнейшим литературным произведениям»: «Его миропонимание проникало в общественное сознание не посредством одних только его сочинений, но и чрез вдохновленный им современный реализм и натурализм, главным образом чрез натуралистический роман Зола и его школы, служащий драматическим изложением философии Тэна, для которой роман есть верное изображение нашей жизни во всех ее разновидностях, положениях, расцвете и вырождении <...> Правда, Тэн не ответствен за те излишества, которые допускают современные натуралисты и которые внушали ему отвращение, но основные черты их мировоззрения, механическое толкование жизни, взгляд на человека как на едва прикрытого культурой скота, стремление останавливаться главным образом на низменных сторонах жизни, несомненно подсказаны Тэном».¹⁷⁹

Следует, впрочем, отметить, что таких развернутых суждений о Тэне в русской печати тех лет появлялось сравнительно немного. Во всяком случае, преобладали заметки фактического характера — о некоторых примечательных деталях его биографии,¹⁸⁰ о выходе его посмертных сочинений и переписки,¹⁸¹ а также книг и статей, ему посвященных.¹⁸²

Таким образом, знакомство с деятельностью Тэна в России было весьма широким и разносторонним. Известность получил Тэн — философ, литературный и художественный критик, беллетрист, историк, причем особенно привлекали внимание «История

¹⁷⁸ Русское богатство, 1895, сентябрь, с. 148.

¹⁷⁹ Гиляров А. Н. Предсмертные мысли XIX века во Франции. Очерк миропонимания современной Франции по ее крупнейшим литературным произведениям. Киев, 1901, с. 357. См.: Реизов Б. Г. Вопросы эстетики Золя. — Зарубежная литература. Учен. зап. Ленингр. гос. унив., № 184. Сер. филол. наук, вып. 22, Л., 1955, с. 197—234.

¹⁸⁰ Исторический вестник, 1905, декабрь, с. 1109—1112; Вестник иностранной литературы, 1913, декабрь, с. 28—30.

¹⁸¹ Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки, 1898, № 7, с. 87—91; Исторический вестник, 1902, июль, с. 308—312; Вестник иностранной литературы, 1905, июнь, с. 3—12; Иллюстрированный еженедельник, 1907, № 44, стлб. 715—716. См. также: Кн. А. И. Урусов. Статьи его. Воспоминания о нем. М., 1907, т. 3, с. 189—190; ср.: Литературное наследство, т. 33/34. М., 1939, с. 613—614.

¹⁸² Русское обозрение, 1893, июль, с. 294—303, 349—352; Мир божий, 1894, май, с. 243—246; 1895, июль, с. 14—20; Северный вестник, 1894, июль, с. 83—88; Русское богатство, 1903, февраль, с. 43—74; 1908, июль, с. 170—181; Университетские известия (Киев), 1910, № 1, с. 1—25. См. также: Гримм Э. Д. Политические воззрения Ипполита Тэна. СПб.—М., 1909. — Отклики на этот очерк см.: Нива. Ежемесячное литературное приложение, 1909, № 12, с. 681; Русская мысль, 1910, октябрь, с. 226—227.

английской литературы», «Критические и исторические опыты» (прежде всего — очерки о Бальзаке и Стендале) и «Философия искусства». К Тэну обращались представители разных общественных кругов; однако наибольшим авторитетом пользовался он в умеренно-либеральной среде, а среди периодических изданий этого направления его энергичнее других пропагандировал «Вестник Европы». Впрочем, и там тэновский консерватизм нередко вызывал отрицательную реакцию и резко осуждался. Вообще усвоение творчества Тэна проходило у нас, как правило, в спорах и дискуссиях, подчас достигавших исключительной остроты. У Тэна было немало русских почитателей и приверженцев, но также и множество яростных врагов.

Интерес к Тэну и — в равной мере — напряженная борьба за и против него явились характерными приметам времени, существенными чертами русской литературной и культурной жизни в эпоху реализма.

Р. Ю. Данилевский, Г. А. Тиме

Творчество К. Ф. Мейера и Россия

1

Конрад Фердинанд Мейер (1825—1898) — признанный классик швейцарской литературы, выдающийся писатель-реалист второй половины XIX в. В России его имя не принадлежало к числу особенно популярных имен зарубежных авторов. Однако были периоды большого интереса к его творчеству. Русские переводы его новелл, а затем и стихотворений находили читателей как в предреволюционную эпоху, так и в годы после Октября. Украинский поэт-просветитель Иван Франко писал в 1899 г., что из европейских современников Мейера «быть может, ни один не равен ему глубиной мыслей, силой и точностью выражения и совершенством художественной отделки».¹ Мнение И. Франко поддержала и русская критика.

В советское время лирику Мейера переводил А. В. Луначарский, который считал этого поэта «одной из самых выдающихся фигур всенемецкой литературы после Гете».² А. М. Горький подчеркивал в прозе Мейера верность «исторической правде».³ Последнее качество имело особое значение для восприятия творчества Мейера русскими и советскими читателями, воспитанными на традициях реализма Пушкина и Толстого.

У Мейера можно найти немало высказываний, в которых он отстаивает верность изображения действительности. Рисуя в своих новеллах людей и события прошедших эпох, он не был собственно «хронистом» (как назвал его однажды Т. Фонтане).⁴ Свою работу над историческим материалом Мейер сравнивал с па-

---

¹ См.: Франко И. Конрад Фердинанд Мейер и его произведения. — В кн.: Франко И. Соч. в 10-ти т. М., 1959, т. 10, с. 24.

² См.: заметку к переводу стихотворения Мейера «В Сикстинской капелле» (Пламя, 1919, № 64, 3 августа, с. 7).

³ См.: Мейер К. Ф. Святой. Повесть. Под ред. Ф. А. Брауна, предисловие М. Горького. (Серия «Всемирная литература», вып. 28). Пб., 1922, с. 16.

⁴ См.: Fontane Th. Schriften zur Literatur. Berlin, 1960, S. 531.

хотой, при которой переворачиваются пласты.⁵ Он не стремился детально воссоздавать эпоху, хотя и умел мастерски передавать ее характерные черты. Главным для него было приблизить своих героев к читателю, показать «человеческие», т. е. объяснимые с нынешней точки зрения, мотивы действий исторических персонажей. По поводу своей большой новеллы-повести «Святой» («Der Heilige», 1880⁶) Мейер писал своему другу и критику журналисту Юлиусу Роденбергу: «Совершенно объективный подход, почти подход скульптора, спасет меня от недопонимания в глазах всякого мало-мальски проницательного читателя».⁷

В высказываниях Мейера и в стиле его прозы ощущалась школа Гете, его аналитического метода, в значительной степени уже забытого немецкой литературой второй половины XIX в. Для Швейцарии такое стремление к художественной объективности не являлось принципиальным новшеством. Реализм как метод начал формироваться в швейцарской литературе еще с XVIII в. и достиг большой достоверности в описании современной жизни швейцарского общества в произведениях И. Готхельфа и Г. Келлера. Однако Мейер соединил правдивость с историзмом, и это было новым для швейцарской литературы и вообще для всей немецкоязычной прозы.

Происхождение своего художественного метода Мейер объяснял тем, что прошлые эпохи давали ему «возможность изображать человеческое в более художественной форме, чем это позволила бы <...> грубая реальность современных сюжетов».⁸ Всем эпохам писатель предпочитал Возрождение и Реформацию. Величие людей прошлого лишь подчеркивало «грубость» и мелочность современного ему буржуазного существования, прежде всего провинциального быта его родины.⁹ Кроме того, изображение прошедших, завершившихся в истории ситуаций придавало законченность новеллистическим сюжетам, столь для них важную. История позволяла шире и отчетливее показать сцену действия. Своей главной «силой» Мейер считал «великий человеческий фон <...> связь малой жизни с жизнью и борьбой человечества».¹⁰

⁵ См.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer. Sein Leben und seine Werke.* Stuttgart, 1900, S. 283.

⁶ Здесь и далее указываются даты первой публикации произведений Мейера.

⁷ Письмо от 19 апреля 1879 г. (*Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel.* Hrsg. von A. Langmesser. Berlin, 1918, S. 48). (Перевод цитат, кроме особо оговариваемых случаев, принадлежит авторам статьи).

⁸ См.: *François L. von, Meyer C. F. Ein Briefwechsel.* Berlin—Leipzig, 1920, S. 6 (цит. по статье: *Даубова М. Х. Эстетические взгляды К. Ф. Мейера.* — Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1967, вып. 280, с. 336).

⁹ См. упоминания Швейцарии в переписке с Ю. Роденбергом, а также свидетельства сестры писателя: *C. F. Meyer in der Erinnerung seiner Schwester Betsy Meyer.* Berlin, 1903, S. 63.

¹⁰ Из письма к Ю. Роденбергу от 14 декабря 1877 г. (*Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel,* S. 11).

В склонности Мейера к исторической тематике сказалась и его литературная позиция. Немецкий роман о современности (*Zeitroman*) с его либеральным пафосом, утомительным многословием, надуманностью сюжетных положений (Гуцков, Шпильгаген, Фрейтаг) производил впечатление чего-то искусственного, «литературного». Неудовлетворенность Мейера современным состоянием литературы выразилась в его рецензиях, где речь шла далеко не только о романах. Как в популярном романе Г. Лаубе «Немецкая война», так и в лирике и трагедиях Ф. Дана вместо подлинной истории Мейер находил лишь идеальных героев.¹¹ Ложному объективизму *Zeitroman*'а и поверхностному правдоподобию исторического «профессорского» романа Мейер полемически противопоставил свой метод, который он считал субъективным. «Я пользуюсь формой исторической новеллы, — писал он в одном из писем 1888 г., — просто лишь для того, чтобы выразить в ней мои переживания и мои личные чувства; я предпочитаю ее *Zeitroman*'у, потому что она лучше скрывает мою личность и держит читателя на расстоянии. То есть под самой объективной и исключительно литературной формой я остаюсь — внутри — совершенно индивидуальным и субъективным».¹² Обращение к истории помогало преодолеть субъективность переживаний, но сама эта субъективность оставалась необходимой мерой реальности, жизненности героев и отнюдь не означала авторского произвола. «Он не описывал, не морализировал, он позволял своим персонажам дышать и действовать, черпая из полноты своей души»,¹³ как свидетельствовала сестра писателя.

Метод и стиль Мейера вырабатывались в споре с эстетикой немецкого романа 60—70-х гг., натурализма, складывающегося модернизма. При этом определяющей чертой его творчества оставалось стремление к правдивому отражению жизни. Будущему крупному швейцарскому поэту К. Шпиттелеру, приславшему на отзыв одно из своих модернистских произведений, Мейер ответил: «Вообще я тут совершенно некомпетентен, потому что давно уже засыпаю вечером большим реалистом, чем встал утром».¹⁴ Его друг и биограф поэт А. Фрей записал следующую его автохарактеристику: «Личности я стараюсь изображать только такими, какими они представляются моему окружению. Затем я больше всего стремлюсь перемешивать характеры, поскольку они перемешиваются жизнью и природой. Вновь и вновь я просматриваю работу, с тем чтобы класть характерные штрихи слой за слоем, делая их все глубже и выразительнее; нашим

---

¹¹ См.: *Meyer C. F. Briefe. Nebst seinen Rezensionen und Aufsätzen* hrsg. von Ad. Frey. Leipzig, 1908, Bd 2, S. 33f.

¹² *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer. Sein Leben und seine Werke*, S. 284. — Приведено также в кн.: *Мейер К. Ф. Новеллы.* — Избр. соч. К. Ф. Мейера. Под ред. А. Г. Горнфельда. (Серия «Всемирная литература»). Пб.—М., 1923, с. 14.

¹³ C. F. Meyer in der Erinnerung seiner Schwester Betsy Meyer, S. 177.

¹⁴ *Meyer C. F. Briefe...*, Bd 1, S. 422.

современным писателям чаще всего недостает таких слоев, они рисуют одни лишь ложные контуры и размалевывают их потом резкими красками, чтобы этим дешевым способом добиться эффекта». ¹⁵

В раннем стихотворении «Эстетика» («Aesthetik», 1860) Мейер уподобил современную ему теорию искусства столу, накрытому для пира, но только с блюдами без кушаний и кубками без вина. ¹⁶ Это была позиция писателя, который сознательно исходил из жизненного материала, а не из философско-эстетических рассуждений, сопутствующих издавна немецкой литературе, не исключая и писателей-реалистов второй половины XIX в. Подчеркнуто отчужденное отношение к эстетическим декларациям и литературным школам, приверженность практике, художественной работе отличали Мейера на всем протяжении его творчества. Даже перед Келлером, его земляком и отчасти соперником, как он считал, у него имелось преимущество в этом смысле («<...> конечно, я намного меньше, чем он, однако я деловитее»). ¹⁷

Творческий путь Мейера был сравнительно коротким. Основные его произведения были созданы в течение двадцати лет в поздние годы жизни писателя. Но это творческое двадцатилетие подготавливалось долгими годами духовного развития, впитывания культуры Германии, Франции, Италии, родины — немецкой Швейцарии (Мейер родился и провел значительную часть жизни в Цюрихе) и романской Швейцарии, которую он называл своей второй родиной.

Мейер вырос в центре Европы, на скрещении путей культурного обмена нескольких народов, и это придало широту его историческому кругозору и обогатило его как писателя-гуманиста.

Немецко-швейцарская литературная традиция проявилась в новеллах и стихах Мейера как точность картин реального мира и умение передать сложность психологических портретов. Значение французской литературы Мейер отмечал сам: «классический комизм Мольера» был ему близок «не менее, чем пьянящий лирический кубок Альфреда де Мюссе». ¹⁸ Много дала, вероятно, ему и французская реалистическая проза — Мериме, Флобер, Мопассан. У французских историков (О. Тьерри) писатель нашел концепцию социальной борьбы, — понятой, разумеется, с буржуазной точки зрения. Италия, в которой Мейер побывал дважды, в 1858 и 1871—1872 гг., стала для него источником

¹⁵ *Frey Ad.* Conrad Ferdinand Meyer..., S. 283.

¹⁶ *Ibid.*, S. 151.

¹⁷ См.: *Meyer C. F., Rodenberg J.* Ein Briefwechsel. S. 232.

¹⁸ См. автобиографическую заметку 1885 г. (*Meyer C. F.* Briefe..., Bd 2, S. 508). Швейцарский литературовед добавил к этим именам имена Паскаля, Вольтера, Мериме (см.: *Jost F. C. F.* Meyer ou le dilemme d'un poète. — In: *Jost F.* Essais de littérature comparée, I, Helvetica. Fribourg, 1964, p. 20—22).

сильнейших творческих впечатлений. Римские древности и особенно искусство Возрождения вызвали к жизни множество мыслей и образов в поэзии и прозе Мейера. У швейцарского историка и культурфилософа Я. Буркхардта писатель нашел галерею ярких портретов людей Ренессанса, многие черты которых были перенесены на его героев. Однако Мейер не пошел вслед за Буркхардтом по пути превознесения индивидуализма как главной движущей силы итальянского общества этой эпохи.

В Италии 1850-х гг. Мейер увидел своими глазами борьбу за объединение страны. Идея демократического объединения нации была ему небезразлична и как швейцарцу, и как участнику немецкой общественной жизни. Достижение национального единства Италии, а позднее и Германии оказалось в сущности трагическим процессом, в ходе которого правящие классы воспользовались результатами народной борьбы. Историческая противоречивость решения национального вопроса в Европе второй половины XIX в. привнесла трагические ноты в мироощущение Мейера и в его творчество.¹⁹ Но это была живая история, — и Мейер, воспитанный на чутком историзме немецкой классики, ощущал ее ход, может быть, даже острее, чем современные ему писатели.

В период накопления литературного опыта и поисков собственного стиля Мейер видел себя преимущественно поэтом. Этот период отмечен двумя сборниками стихотворений — «Двадцатью балладами швейцарца» («Zwanzig Balladen eines Schweizers»; изданы анонимно в Штуттгарте в 1864 г.) и «Романсами и картинами» («Romanzen und Bilder», Лейпциг, 1870). Сборники обратили на себя мало внимания. Мейер и сам относился к ним критически, бесконечно переделывая затем стихотворные сюжеты. Критика упрекала поэта в отсутствии лиризма. «Умная наблюдательность и тонкое проникновение в образы природы, искусства и жизни отличают этого поэта, — писал Р. Готшалль о втором сборнике Мейера, — страсть же, подъем и пламенность отсутствуют у него, в его языке и ритмах, которым свойственна некоторая, большей частью хореическая монотонность».²⁰ Известный критик подметил особенность поэзии Мейера, воспринятую им как недостаток: отказ от заполнявшей немецкую лирику выпренной патетики, замену расхожих тем «проникновением в образы природы, искусства и жизни». Здесь заявила о себе традиционная склонность швейцарской поэзии к описанию и размышлению (А. Галлер, лирик рубежа XVIII и XIX вв.

---

¹⁹ Нельзя согласиться с утверждением, высказанным в предисловии Х. Брандта (С. F. Meyers Werke in zwei Bänden. Berlin; Weimar, 1970, Bd 1. S. VII), что Мейер как бы прятался «за спиной» буржуазного общества, не вмешиваясь в его жизнь. Чем же являлось его творчество, как не активной проповедью гуманизма и справедливости?

²⁰ Цит. по кн.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer...*, S. 207.

И. Г. Залис-Зеевис).²¹ Но это была также и новая черта общенемецкой поэзии — тяготение к свежему, конкретному образу и реальному переживанию.²² Понятно, почему Мейер всегда отдавал предпочтение сюжетным стихотворениям типа баллад, которые составили основу его позднего, лучшего стихотворного сборника 1882 г. Баллада стала как бы мостом от поэзии Мейера к его прозе.²³ Из балладного зерна выросла поэма «Последние дни Гуттена» («Huttens letzte Tage», 1871).

Поэма о Гуттене возникла в эпоху прусского объединения Германии. Мейер вдохновлялся патристическим подъемом, охватившим сначала широкие слои бюргерства, вообразившего, что сбываются вековые надежды немецкого народа.²⁴ Постепенно идеализация Бисмарка уступила место у части либерально настроенной интеллигенции более здравому отношению к усиливающейся Пруссии — и это также отразилось на дальнейшей работе Мейера над поэмой. «Рекомендую Вам нового, гораздо менее беспомощного Гуттена. Излишества и шовинизм устранены», — сообщил поэт Ю. Роденбергу в 1884 г.²⁵ В заметке об истории создания поэмы он рассказал, как добавлялись реалистические черты к образу главного героя.²⁶ Выбор этой трагической личности в качестве героя поэмы, причем героя, медленно угасающего в изгнании на островке посреди Цюрихского озера, заранее предполагал не бравурность патристической темы, а тон размышления, расчетов с прошлым, подведения итогов. Это должно было стать определением отношения человека к себе и своему времени.

Известно, что историческая личность Ульриха фон Гуттена была полна противоречий: крупный деятель эпохи Реформации и Великой крестьянской войны, гуманист и страстный памфлетист, враг папы, он оставался рыцарем, феодалом, носителем кастовой морали и предрассудков. К. Маркс писал, что Зиккинген и Гуттен, вожди восстания имперских рыцарей 1522 г., «должны были погибнуть», потому что являлись, «с одной стороны, проводниками современных идей, а, с другой стороны, на деле представляли интересы реакционного класса».²⁷

Нельзя было ожидать от Мейера исчерпывающей социальной оценки его персонажа, но в физической обреченности мейеров-

²¹ Мейер ценил Зеевиса (см.: *ibid.*, S. 134), очевидно, за лирические швейцарские ландшафты в его поэзии и за слияние картин сельского быта с философским размышлением — свойство лирики самого Мейера.

²² В стихах Мейера «все духовное и отвлеченное выражено через жест, произнесенное слово и образ» (*Fehr K. Der Realismus in der schweizerischen Literatur*. Bern; München, 1965, S. 177).

²³ «Как его (Мейера, — авт.) поэзия, так и проза носят балладные черты» (*ibid.*, S. 173).

²⁴ См. заметку Мейера «Мой первенец „Последние дни Гуттена“» (1891) (в кн.: *Meyer C. F. Briefe...*, Bd 2, S. 518—523).

²⁵ *Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel*, S. 200.

²⁶ См.: *Meyer C. F. Briefe...*, Bd. 2, S. 523.

²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 29, с. 484. — Характеристику Гуттена см. там же (т. 7, с. 393—396).

ского Гуттена (он безнадежно болен) угадывалась его историческая обреченность. Метод психологического реализма в сочетании с прекрасным знанием истории позволил поэту написать глубокий образ Гуттена-человека. «Я надеялся собрать отчаянную жизнь Гуттена в рамки его последних дней, наполнив эти дни светлыми воспоминаниями и событиями, одухотворенными и многозначительными, какими их воспринимает умирающий, с целой шкалой настроений — надеждой и тоской, любовью и иронией, священным гневом и предчувствием смерти, — ни одной черты этой отважной личности не следовало упускать, все противоречия этой страстной души должны были обнажиться».²⁸ Герой Мейера явно противопоставлялся литературным штампам:

... Ich bin kein ausgeklügelt Buch,
Ich bin ein Mensch mit seinem Widerspruch.²⁹

Принадлежность Гуттена к рыцарскому сословию никак не подчеркнута в поэме. Напротив, мотивы его действий и его мысли продиктованы жаждой социальной справедливости, блага народа. Эта своеобразная «народность» замысла выражается также через созданную Мейером форму афористических двустопных, пятистопных ямба которых, «деревянный», по определению автора,³⁰ напоминает немецкий народный стих — книттельферз.

Гуттен, конечно, осовременен в поэме, но показательное направление этой модернизации: Мейер попытался показать в рыцаре XVI в. тип деятеля-демократа, в котором Германия и Швейцария 1870-х гг. нуждались не меньше, чем в эпоху Реформации. Героя поэмы увлекает «порыв отважный к свету, вверх».³¹ Дьяволу, который доказывает, что борьба Гуттена не имеет смысла, тот отвечает:

Ich glaube nicht an alter Zeiten Glück!
Ich breche durch und schaue nicht zurück!³²

Воплощенный в герое Мейера пафос борьбы против обскурантизма, против остатков средневековья в обществе и в самом человеке был связан с духовным наследием революции 1848 г. «Последние дни Гуттена» создавались под влиянием литературного кружка цюрихского писателя и журналиста Ф. Вилле, близкого ранее к Гейне и Винбаргу. Вилле стал также одним из первых рецензентов романа Мейера «Юрг Иенач».

Крупная личность, цельная даже в своих противоречиях и страстях, стала характерной для произведений Мейера. Известную аналогию Гуттену составил в прозе герой самой большой

²⁸ Meyer C. F. Briefe. . . , Bd 2, S. 522.

²⁹ Перевод: «... Я — не выдуманная книга. / Я — человек во всей своей противоречивости» (Meyer C. F. Gedichte. Huttens letzte Tage. Engelberg. Vollständige Ausg. Berlin, «o. J.», S. 279).

³⁰ См.: Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel, S. 89.

³¹ См.: Meyer C. F. Gedichte. Huttens letzte Tage. Engelberg, S. 326.

³² Перевод: «Не верю я в счастлирое старое время! / Я рвусь вперед и не оглядываюсь!» (ibid., S. 324).

повести или романа писателя «Юрг Иенач» («Jürg Jenatsch», 1874). Если о мейеровской поэме писали, что она — лучший памятник умершему в Швейцарии Гуттену, то «Юрга Иенача» соотечественники Мейера приравнивали к национальному эпосу.³³ Роман был посвящен швейцарскому военачальнику и государственному деятелю первой трети XVII в., бывшему пастору Юргу (Георгу) Иеначу, который возглавил борьбу жителей кантона Граубюнден против попыток европейских держав завладеть этой стратегически важной областью юго-восточных Альп. Ради достижения политических целей Иенач перешел в католичество и был затем убит заговорщиками.

Фигура Иенача, в котором причудливо смешались черты патриота и авантюриста, привлекла Мейера внутренней сложностью, загадочностью. Но важной была для автора и тема независимости и единства страны, столь злободневная в его время. Еще в начале работы над сюжетом Мейер писал: «Удивительно, что то время (начало XVII века) дает повод для обсуждения и даже заставляет обсуждать те же самые вопросы, какие теперь волнуют мир: я имею в виду конфликт между правом и силой, политикой и нравственностью. Вопрос о религии и вероисповедании тоже надо (в соответствии с темой) осветить со *всех* сторон».³⁴ В романе решалась проблема, которая волновала немецкую литературу начиная с Шиллера, — проблема взаимоотношений исторического деятеля и народа. «Право», т. е. понятие законности, справедливости и нравственные ценности, связанные с понятиями родины, народа, оказались на одной чаше весов, политика и военная сила — прерогативы правящих слоев — легли на другую чашу. Мейер изобразил и народ, правда, как пассивную силу, однако намного ярче, чем рисовал народную массу, например, Шпильгаген, решавший тогда тот же вопрос о герое и толпе. И все же особенностью Мейера было перенесение общественных проблем в душу человека. В душе Иенача они обернулись вопросом о внутреннем праве на политические действия и вопросом совести.

Герой Мейера сознает свою связь с народом. В споре с молодым швейцарцем Вертмюллером в ответ на доказательство оппонента, что не личности делают историю, что Густав Адольф и Валленштейн пережили крах своих честолюбивых планов, Иенач отвечает: «Вы жестоко ошибаетесь, если полагаете, что я говорю об единичной личности, которая оторвана от родных корней и, не имея почвы под ногами, рыщет по свету в своекорыстных целях. Нет, я имею в виду другое — когда целый народ воплощает свою человеческую сущность, свою душу, свое горе и позор, тоску, гнев и месть в нескольких своих сынах,

³³ См.: *Bräm E. M. Geschichte der deutschen Literatur*. Bern, 1943, Teil III, S. 98. — Первые отзывы о поэме Мейера приводятся в кн.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer*..., S. 226—228.

³⁴ В письме к издателю Г. Хесселю от 26 сентября 1866 г. (*Meyer C. F. Briefe*..., Bd 2, S. 313).

а хотя бы даже и в *одном* из них. Овладев его душой и телом, народ вдохновляет его на самые для себя важные деяния. И тут уж хочешь не хочешь, а твори чудеса!».³⁵ Но выполнение этой миссии приводит героя к глубокому внутреннему конфликту. Он изменяет доверяющему ему французскому военачальнику герцогу Рогану и мирится с ненавистной католической церковью: «Лишь поставив крест на своем прошлом и отрекшись от себя, от прежнего Иенача, могу я стать освободителем своей родины, а иначе Граубюнден погибнет».³⁶ Душевный конфликт Иенача — это не просто муки его личной совести, но и следствие обстоятельств политической борьбы. В этом двойном, общественном и личном обосновании человеческой трагедии состояла сила Мейера-художника, поставившая его в один ряд с писателями-реалистами Франции и России.

Измена своей совести ведет мейеровского героя в конечном счете к измене народу. Писатель не показал ухода народного представителя от массы, разрыва связей между героем и породившей его демократической средой, как это показывали, например, Шиллер в «Димитрии» или Т. Шторм в повести «Всадник на белом коне». Но моральное предательство и означало, собственно, этот уход. Из каких бы побуждений ни действовал исторический Иенач,³⁷ он достиг своей цели. Остался вопрос о нравственной цене политических побед, вопрос сугубо актуальный, поставленный перед читателями буржуазной Европы в начале эпохи империализма.

Иенач был новостью в галерее героев немецкого и швейцарского реалистического романа, эстетика которого требовала прямой нравственной оценки, расстановки всех точек над *i*. Роман Мейера поэтому был встречен по-разному. Писатель не без иронии рассказывал сестре, как один венский рецензент (им мог быть, по догадке Мейера, Генрих Лаубе) упрекнул его в рабском следовании историческому материалу, в отсутствии художественности, поскольку в романе не главенствовала любовная интрига.³⁸ Обменялись мнением о романе Келлер и Шторм в своей переписке. Оба высказались одобрительно, но сдержанно, Келлер похвалил лишь отдельные места, такие, как скачка заговорщиков, спешивших убить Иенача. Любовную линию романа — которая там все же имелась — Келлер нашел слишком мелодраматичной.³⁹ Из-за необычного стиля и «пресловутого сюжета»⁴⁰

³⁵ Мейер К. Ф. Юрг Иенач. Роман. Перевод с немецкого Н. Касаткиной. М., 1970, с. 99.

³⁶ Там же, с. 167—168.

³⁷ По свидетельству А. Фрея, Мейер даже назвал как-то Иенача «пройдохой» (Schurke), из которого он постарался сделать личность (см.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer...*, S. 268).

³⁸ См.: *ibid.*, S. 267.

³⁹ См.: *Der Briefwechsel zwischen Th. Storm und G. Keller. Hrsg. und erläutert von A. Köster. 2. durchgesehene Aufl. Berlin, 1904, 2, S. 162f.*

⁴⁰ Выражение Г. Келлера (см.: *ibid.*, S. 165). Вероятно, поэтому же «Юрг Иенач» «не понравился дамам» (см.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand*

роман расходился медленно. В этой первоначальной неприязни был и социальный момент. Так, Мейер сомневался в успехе театральных переделок «Юрга Иенача», потому что в герое романа публика хотела видеть намек на Бисмарка, но намек получился двусмысленным, а также по причине «весьма республиканского содержания, которое не годится для Германии».⁴¹ Тем не менее со временем роман приобрел широкую известность и выдержал к началу нашего века до сотни изданий.

Еще прежде появления «Юрга Иенача» лейпцигский издатель Г. Хессель (который стал вместе с Ю. Роденбергом, редактором журнала «Deutsche Rundschau» («Немецкое обозрение»), первым публикатором сочинений писателя) выпустил в свет поэму Мейера «Энгельберг» («Engelberg», 1872) и новеллу «Амулет» («Das Amulett», 1873).

В поэме Мейер попытался наполнить реальным содержанием религиозную легенду о горе Энгельберг, но содержания этого на поэму не хватило, а большие лирические произведения были, по-видимому, чуждыми его таланту.⁴² Зато материал «Амулета» — парижская жизнь 1570-х гг., в которую окунается молодой швейцарский протестант, Варфоломеевская ночь, фигуры Колиньи и Монтеня — был той исторической и литературной стихией, для которой Мейер был создан. В этой новелле, сохранившей такие традиционные признаки жанра, как наличие ключевого мотива (католическая иконка эйнзидельнской божьей матери, спасающая жизнь кальвинисту), авантюрная интрига и сравнительно счастливый конец, проявились, однако, четкие признаки новаторского стиля Мейера. Помимо пластичного, сжатого слога,⁴³ новеллу отличало характерное для писателя слияние исторического и актуального. Герой новеллы слышит во сне разговор луврской кариатиды с нимфой реки Сены в ночь кровавой резни: осуждается религиозная вражда, от которой страдают прежде всего простые люди. Смысл этой сцены раскрывается глубже в написанной тогда же балладе «Кариатида» («Die Kariatide»), где поставлены рядом события Варфоломеевской ночи и расправа над парижскими коммунарами.⁴⁴ Не вникая, как либерал, в суть Парижской Коммуны, Мейер гневно протестовал против жестоких методов подавления народа.

Мейер. . ., S. 266). Впрочем, в письме к автору Келлер признал «подлинный трагизм» лиц и событий романа (см.: Meyer C. F. Briefe. . ., Bd 1, S. 273).

⁴¹ См.: Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel, S. 296—297. — Б. Ауэрбах увлекся «Юргом Иеначем», и Мейер желал, чтобы роман появился с предисловием автора «Шварцвальдских деревенских рассказов», которого он «любит и чтит» (см.: *ibid.*, S. 12—13).

⁴² Достоинством поэзии Мейера Т. Шторм считал именно эпический элемент (см.: Der Briefwechsel zwischen Th. Storm und G. Keller, S. 162).

⁴³ «Сжатость, напряженность действия, отчетливая, но скупая характеристика обстановки и героев» (*Госеннуд А. А. К. Ф. Мейер.* — В кн.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения. М., 1958, с. XIX).

⁴⁴ См. об этом: там же, с. XVII.

Среди произведений Мейера, созданных в конце 70-х и начале 80-х гг., выделяется напряженным драматизмом и поэтичностью повесть-новелла «Святой». Ее тема — Англия XII в., история взаимоотношений Генриха II и его канцлера, а затем архиепископа Томаса (Фомы) Бекета. Как обычно у Мейера, эти отношения показаны прежде всего с сугубо личной стороны: король легкомысленно губит дочь Бекета и превращает друга в неприимимого тайного врага. Одновременно Бекет, вельможа, скептик, полуязычник (по Мейеру, он сын сарацинки), становясь примасом церкви, превращается в защитника угнетенных, борника общественной справедливости, «святого». В этом обнаружилась утопическая вера автора в возможность внезапного перерождения человека. Но Мейер создал такие могучие характеры, такое богатство отношений и чувств, что духовное перерождение воспринимается как возможное.⁴⁵ Впечатление реальности усиливается рамкой, которая стала затем часто применяться Мейером. Всю историю повествует обедневший швейцарский дворянин, сделавшийся простым оружейником и служивший при английском дворе. Его если не прямо народная, то явно демократическая, «швейцарская» точка зрения на события английской истории определяет нравственную атмосферу повести.

Мейер опасался, что повесть не понравится немецкой публике, потому что священник у него получился более привлекательной фигурой, чем монарх.⁴⁶ Но «Святой» оказался первым произведением писателя, имевшим сразу большой успех. Захватывал, очевидно, контраст между простодушным тоном повествования и шекспировским масштабом страстей.⁴⁷ Образ вымышленного участника исторических событий делал эти события — как в романах В. Скотта или в «Капитанской дочке» Пушкина — особенно впечатляющими и доступными читательскому воображению. Сыграла свою роль в успехе повести и социальная тема, которую могли воспринимать как отклик на выступление бисмарковской реакции против социалистов в конце 70-х гг.

За повестью «Святой» последовали новеллы «Бригиттка из Трогена», получившая затем название «Плаут в женском монастыре» («Plautus im Nonnenkloster», 1881), и «Паж Лейбельфинг», позже названный «Паж Густава Адольфа» («Gustav Adolfs Page», 1882). Ранее появилась новелла «Выстрел с церковной кафедры» («Der Schuß von der Kanzel», 1779). Эти небольшие произведения объединены светлым настроением, в них

---

⁴⁵ О художественном совершенстве образов повести при их исторической неточности см.: *Bräm E. M. Geschichte der deutschen Literatur*, Teil III, S. 102.

⁴⁶ См.: *Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel*, S. 48.

⁴⁷ Повесть «Святой» оказала влияние на дальнейшее развитие немецкой исторической прозы, — вероятно, на дилогию Г. Манна о Генрихе IV, на романы Л. Фейхтвангера (см. предположение Р. М. Самарина в кн.: *Литература Швейцарии. Очерки*. М., 1969, с. 194).

присутствует смех, принимающий то вид иронии, то печального лирического юмора. Откровенная веселость была мало свойственной стилю Мейера. Свой «Выстрел» он назвал «дурацкой шуткой», которая ему вовсе не к лицу.⁴⁸ Тем не менее в этой смешной повести были соблюдены традиции немецко-швейцарской юмористической новеллы (комические анахронизмы, «говорящие» имена) и в то же время высмеивалась литературная обывательщина. В беседе с молодым пастором, объясняющим «Одиссею» как набор нравоучительных символов, генерал Вертмюллер (исторический персонаж, перешедший в новеллу из романа «Юрг Иенач») иронически замечает: «...какой толк в поэзии, если за ней не скрывается мораль. Это словно девиз, запеченный в сладкий пирожок».⁴⁹ Здесь — несомненный выпад против морализации в литературе, может быть, конкретно — против Г. Цшокке, популярного швейцарского проповедника морали в форме «золоченых пилюль» развлекательного чтения.⁵⁰ Цшокке был одним из создателей юмористической новеллы в Швейцарии.

Новелла «Выстрел с церковной кафедры», как и другие произведения Мейера, в которых показана Швейцария, отличается особой трактовкой истории страны. Природа, народный быт, картины городов изображаются по современным впечатлениям, расстояние во времени между описанными событиями и «моментом» рассказа о них не подчеркивается, история как бы соседствует с современностью (например, в начале «Юрга Иенача» или «Святого»). Это, очевидно, национальная особенность швейцарской исторической прозы, ярко проявившаяся у Мейера.

Новелла «Плавт в женском монастыре» слегка стилизована под фацецию, рассказанную якобы гуманистом Поджо Браччолини в кружке Козимо Медичи. Но Мейер внес в новеллу тему народа, поданную как бы через голову ренессансных персонажей, считающих альпийских горцев варварами. Крестьянка Гертруда, ее народное окружение являются носителями того жизнелюбия и душевного здоровья, которое ищет в комедиях Плавта странствующий гуманист Поджо. Крестьянские образы новеллы родственны героям Ауэрбаха и Готхельфа, а «широта мира, биение жизни» у Плавта, восхищающие Поджо, выражают представления самого автора о реалистическом искусстве.

Начинаясь почти водевильным эпизодом переодевания девушки в одежду паж, сюжет новеллы «Паж Густава Адольфа» переходит в поэтическую историю жертвенной любви. В этом произведении отдается заметное предпочтение психологии перед

---

⁴⁸ См.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer...*, S. 293.

⁴⁹ Мейер К. Ф. Новеллы. — Избр. соч. К. Ф. Мейера. Под ред. А. Г. Горнфельда. (Серия «Всемирная литература»), с. 96.

⁵⁰ См.: Данилевский Р. Ю. Швейцарская повесть в русской литературе. — В кн.: От романтизма к реализму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1978, с. 242.

историей. Внешние события Тридцатилетней войны выстраиваются так, чтобы представить читателю историю отношений героев. Еще сильнее, чем в «Юрге Иеначе», в новелле проявилась черта стиля Мейера, отмеченная в неопубликованном предисловии к роману. «То, что я расскажу тебе на этих страницах, благосклонный читатель, — писал автор, — не принимай за историческую истину в строгом смысле слова! Я отважился упростить то, что запутано, и даже иногда в незначительных случаях отойти от записей хронистов, для того чтобы добиться ясных очертаний и единого освещения своей картины».⁵¹ К концу новеллы в ней усиливается мрачный колорит;⁵² писатель возвращается к суровому трагизму «Юрга Иенача» и «Святого».

Суровость настроения, нарастание пессимизма отличали произведения Мейера середины 1880-х гг. Причины этого кроются отчасти в душевном состоянии писателя, но можно предположить также и впечатления от все более напряженной и противоречивой общественной жизни Европы конца века; в Швейцарии, Германии, Франции обострилась классовая борьба, исключавшая всякую мечту о социальной гармонии. В это время были написаны новеллы «Страдания одного мальчика» («Das Leiden eines Knaben», 1883), «Женитьба монаха» («Die Hochzeit des Mönch», 1884) и «Судья» (точнее — «Правительница», «Die Richterin», 1885).

Первая из упомянутых новелл выделяется необычным для Мейера героем и несвойственным писателю ракурсом изображения событий — трагедии ребенка, ставшего жертвой жестокого воспитания и придворных интриг. В печальную историю Жюльена Буфлера, упомянутого в мемуарах графа Сен-Симона, автор вложил и собственные воспоминания детства. Но самая тема воспитания была данью швейцарской литературной традиции, известной, в частности, по роману Келлера «Зеленый Генрих», вторая редакция которого увидела свет в 1880 г.

В «Женитьбе монаха» элементы новеллы Возрождения (рамка, в которой выступает в роли рассказчика Данте, история с путаницей колец, красочные картины жизни Падуи) подчинены характерной для Мейера психологической задаче — показать трагедию человека, изменившего самому себе. В «Судье» на фоне средневековой Ретии (все тот же Граубюнден) остро ставится проблема совести. Таким образом, круг вопросов, волнующих Мейера, остается прежним. Круг этот замкнут на проблеме характера, одной из основных для немецко-швейцарской литературы XIX в. Мейер показывает и в этих новеллах трагедию цельной, нравственно сильной личности, утратившей первоначальную цельность.

⁵¹ Цит. по кн.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer...*, S. 268.

⁵² Ю. Роденберг, один из первых читателей новеллы, признался, что при знакомстве с ней «ощущаешь понижение температуры, как будто жарким летним днем спускаешься в могильный склеп» (см.: *Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel*, S. 116).

чальную внутреннюю гармонию.⁵³ Обретение гармонии, как правило, для героев Мейера невозможно. Отсюда либо трагический, либо мнимо-счастливый (как в «Судье» и даже уже в «Амулете») конец каждой его новеллы.

В этих новеллах история отступает на второй план. Мейер писал, что фабула «Судьи» — «совершенно вольный вымысел»; он долго подбирал для нее подходящую страну и эпоху.⁵⁴ В новеллах усилилась зрелищность, театральность сцен.⁵⁵ В финале «Судьи» появлялся Карл Великий, как «бог из машины», и восстанавливал справедливость. Гибель монаха Асторре и его молодой жены напоминала в «Женитьбе монаха» сцену из «Ромео и Джульетты». Так же театральна смерть полководца в более поздней новелле «Искушение Пескары» («Die Versuchung des Pescara», 1887).

Герой «Искушения Пескары», испанский полководец полуитальянского происхождения, смертельно ранен, но ему удается временно скрыть это. Итальянские князья стремятся вовлечь его в заговор против испанцев (время действия — Италия XVI в.), вокруг него кипят политические страсти, а Пескара наблюдает их презрительно и отрешенно. Мейер так отозвался о своей новелле: «... в „Пескаре“ мало действия, ситуация лишь одна — обман его искусителей и постепенное вступление в действие смертельной раны. Все это главным образом лирика. Важны следующие моменты: 1) мужественно-трогательное подчинение героя своему жребию, 2) победа благородства в его характере (скуп, лжив, жесток) по мере приближения смерти, 3) волнение и страсти целого мира вокруг „недоступного более искушению“, 4) множество людей эпохи, возьмите хотя бы оба испанских типа (тип Дон Жуана и тип Лойолы), 5) символика. Умиравшая Италия обхаживает, сама того не зная, умирающего героя».⁵⁶

Исторические события и общественная борьба по-прежнему интересовали Мейера. Он не скупился на сатирические краски, изображая интриганов и заговорщиков во главе с папой Климентом VII, сочувственно рисовал портреты простых людей. Как всегда, историческим подспорьем ему служило искусство — живопись Возрождения, гравюры Л. Кранаха. И все же главной сюжетной линией новеллы оставалось умирание Пескары, его избавление от мирской суеты и тем самым — от лжи и политических интриг. В последних новеллах Мейера усматривали про-

---

⁵³ Это порождало определенную статичность характеров, но не умаляло их гуманистической основы, которая отличала сильную личность Мейера от идеала личности у Шопенгауэра, Буркхардта и Ницше.

⁵⁴ См.: *Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel*, S. 190—191; *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer...*, S. 321.

⁵⁵ Большинство замыслов Мейера зарождалось в форме драм (см.: *Langmesser A. C. F. Meyer. Sein Leben, seine Werke und sein Nachlaß*. Berlin, 1905).

⁵⁶ В письме к Г. Хесселю от 5 ноября 1887 г. (*Meyer C. F. Briefe...*, Bd 2, S. 144).

поведь религиозного отречения от мира.⁵⁷ Марксистская германистика видит в этом уходе героя от борьбы отражение разлада писателя с законами жизни и политики современной ему Европы,⁵⁸ разлада весьма трагического, если он привел в новеллах к теме смерти.

Мейеровский гуманизм, взращенный традициями Просвещения и верой во вневременное человеческое начало, был в эпоху империализма обречен. В этом отношении действительно символична обреченность героев поздних новелл писателя. Субъективно Мейер в последние годы жизни мог найти утешение только в религиозных упованиях, но он не опустился до нищенского отказа от таких нравственных ценностей, как человеколюбие, самоотверженность, совесть.

«Анджела Борджа» («Angela Borgia», 1891), последнее произведение Мейера, сохраняет живость картин Италии XV в., лиризм и блеск любовной интриги, однако в новелле нет сложных характеров и сильны христианские мотивы. Мейер надеялся, что из нее «выйдет нечто хорошее и — относительно — молодое, нечто пламенное, если позволительно такое слово для 65-летнего человека <...>»⁵⁹ Но вершина творчества писателя была уже позади.

В 1890-х гг. Мейер редко обращался к литературному труду. Многие рукописи он уничтожил во время болезни, так как стремление к совершенствованию формы приняло у него мучительный характер.⁶⁰ Однако гуманистические убеждения писателя не изменились. В одном из последних своих стихотворений он написал:

Ich freue mich, daß ich auf dieser Welt
Mich nie den bösen Menschen zugestellt:
Daß ich das Gute suchte je und je
Und nie geruht, bis ich es fand und übte,
Daß ich kein Kind mit meinem Lied betrübte,
Daß ein Gewissen, unbeflekt und rein,
Ich stets bewahrt...⁶¹

Борьба за сбережение нравственных ценностей, созданных многовековой народной культурой, объединяла Мейера с совре-

⁵⁷ См.: *Ermatinger E.* Deutsche Dichter, 1700—1900. Bonn, 1949, Teil 2, S. 462—463.

⁵⁸ См.: *Brandt H.* Einleitung. — In: C. F. Meyers Werke in zwei Bänden, Bd 1, S. XX.

⁵⁹ Из письма к Ю. Роденбергу от 28 декабря 1890 г. (*Meyer C. F., Rodenberg J.* Ein Briefwechsel, S. 294).

⁶⁰ Мейер писал Роденбергу в 1886 г.: «Мне надо управиться с моей краткостью, иначе с годами она победит меня» (*Meyer C. F., Rodenberg J.* Ein Briefwechsel, S. 226—227).

⁶¹ Из стихотворения «Жизнь» («Leben», 1898). Перевод: «Мне радостно, что в этом мире я / Никогда не принимал сторону дурных людей: / Что я неустанно искал доброе / И не успокаивался, пока не отыскивал и не творил его, / Что ни одного ребенка не опечалил я своей песней, / Что совесть, незапятнанную и чистую, / Я сохранял всегда...». (Цит. по кн.: *Langmesser A.* C. F. Meyer..., S. 529).

менными ему писателями-реалистами, но в его идеологической позиции она занимала особенно заметное место. Этим создавались условия для «встречи» швейцарского писателя с русским реализмом.

2

Для времени Мейера Россия не была уже неведомой страной, и почти наверное он знал о ней больше, чем это видно из его письменных высказываний. Один из братьев его отца — Вильгельм Мейер, военный писатель и член городского правления Цюриха, в пожилом возрасте выучил русский, чтобы следить по русским газетам за освобождением Болгарии. В Швейцарии Мейер должен был не раз сталкиваться с представителями российской эмиграции и с людьми, знавшими Россию. В Кильхберге под Цюрихом, где Мейер прожил долгие годы, его соседом был польский политический деятель В. Платер. В некрологе Платера (1889) писатель не забыл упомянуть, что тот впервые опубликовал курс парижских лекций А. Мицкевича о славянской литературе и что он, Мейер, познакомился с ними.¹ Мейер встречался также в Дрездене в 1879 г. с известным польским писателем Ю. И. Крашевским, хорошо знавшим русскую литературу.²

Русская тема появилась в творчестве Мейера лишь однажды — в стихотворении «Наполеон в Кремле» («Napoleon im Kreml» из цикла «Странствия»), где слышится далекий отзвук немецкой поэзии эпохи освободительных войн: император обличается как злодей, пурпур которого «людскою кровью напоен».³

Но Мейер-читатель не мог пройти мимо русской литературы. Своему издателю он заказал из Цюриха 15 октября 1884 г. сборник сонетов Камюэнса, произведения К. Виллегаса, Петефи, Мандзони, а также — «повести Тургенева». Получив книги, он ответил 2 октября: «Из всех современников больше всего люблю Тургенева. Он совершенно очаровывает меня» («Turgénjew ist mir von allen Zeitgenossen der liebste. Er übt einen großen Zauber auf mich»)⁴ В 1884 г. закончилось печатание двенадцатитомного немецкого собрания сочинений Тургенева, издававшегося митавской фирмой Э. Бере. Транскрипция имени русского писателя в письме Мейера совпадает с принятой для этого издания. Возможно, Мейеру прислали последний том, вышедший к осенней Лейпцигской ярмарке и содержавший повести и рассказы «Два приятеля», «Странная история», «Яков Пасынков», «Дневник лишнего человека» и статью «Гамлет и Дон Кихот».⁵ Надо при-

¹ См.: *Meyer C. F. Briefe...*, Bd 2, S. 511.

² См.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer...*, S. 315.

³ См.: *Мейер К. Ф.* Новеллы. Стихотворения, с. 628.

⁴ *Meyer C. F. Briefe...*, Bd 2, S. 121. — Заказывая Тургенева, писатель сослался на «приложение» к своему письму, т. е., вероятно, на проспект издания Бере, при письме не сохранившийся.

⁵ *Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke, Autorisirte Ausg., Mitau, Bd 12, 1884.*

нять во внимание, что тогда же был переиздан четвертый том с «Дворянским гнездом» и «Тремя портретами», а также в Берлине было повторено издание трех первых томов, в которых находились «Отцы и дети», «Несчастливая», «Рудин», «Ася», «Муму» и некоторые другие произведения Тургенева.⁶ Так очерчивается круг «повестей» русского писателя, с которыми мог познакомиться Мейер.

Вопрос о том, что именно поправилось Мейеру в тургеневском творчестве, нелегко решить из-за лаконичности его отзыва. Считалось, что швейцарский новеллист «прошел школу Тургенева» и влияние тургеневского метода сказалось в зрелых его произведениях.⁷ В самом общем смысле предположения такого рода справедливы. По словам Р. М. Самарина, обоих писателей «связывал проникновенный артистизм, свойственное им обоим сочетание острого чувства художественной формы и глубокого интереса к сложным психологическим проблемам».⁸ Однако различие между Мейером и Тургеневым заметнее, чем сходство. Русский писатель не питал интереса к историческим темам, его привлекала непосредственно современность или то прошлое, что еще не успело стать историей. Тургенев необыкновенно тонко и отчетливо передавал социальное лицо своих персонажей, тогда как психологизм Мейера решал, как мы видели, несколько иные задачи. Наконец, тема народа имела у Тургенева самостоятельное значение — и в этом состояла одна из причин мировой популярности его произведений.⁹ Мейер, как известно, касался этой темы опосредствованно, чем и отличалось его творчество от манеры Б. Ауэрбаха, многих немецких писателей-областников, а также и от швейцарской литературной традиции, поддержанной И. Готхельфом и Г. Келлером.

Однако некоторые черты действительно являлись общими для Тургенева и Мейера. Писателей сближал своеобразный лиризм их прозы, связывавший прозу с поэзией. Этим тургеневская проза правилась Т. Шторму;¹⁰ это же, возможно, «очаровало» в Тургеневе и Мейера. Автора «Женитьбы монаха» и «Судьи» мог привлечь также и элегический тон «Якова Пасынкова» или «Дневника лишнего человека», — тон, более свойственный, впрочем, новеллам Шторма, но знакомый и Мейеру. Не могли оставить Мейера равнодушными тургеневские пейзажи, пронизанные человеческими эмоциями. Как русская природа для Тургенева, альпийский пейзаж составлял в поэзии и новеллистике швей-

---

⁶ См.: *Эгле К. К.* Малоизвестные материалы об И. С. Тургеневе из рижских книгохранилищ. — В кн.: И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960, с. 358.

⁷ См.: *Горнфельд А. Г.* Романы и романисты. М., 1930, с. 230; *Гозеллуд А. А. К. Ф.* Мейер, с. XXXVII.

⁸ Литература Швейцарии. Очерки, с. 198.

⁹ См.: *Алексеев М. П.* Мировое значение «Записок охотника». — В кн.: Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей. М., 1959, с. 69—140.

¹⁰ См. настоящий том, с. 174.

царца неотъемлемую часть стиля и — более того — был способом выражения демократических и патриотических позиций Мейера. Сцена горной грозы в новелле «Судья» напоминает манеру Тургенева полным слиянием природы и переживаний героев (не забудем при этом и о романтической традиции). Обоим писателям присуща емкая лаконичность слога, которая давалась не многим современникам и особенно бросалась в глаза на фоне немецкого романа. И Тургенев и Мейер были мастерами словесной живописи, литературного портрета.

В качестве стилистического примера приведем отрывок из «Женитьбы монаха». Устами Данте повествуется о переживаниях Антиопы Каносса, любящей бывшего монаха Асторре и публично оскорбленной:

«... die junge Antiope saß am Fenster. — Sein in den Umriß eines Kleeblattes endigender Bogen war voller Abendglorie, welche die liebevolle Gestalt im Halbkreise von Brust zu Nacken umfing. Ihre gezauste Haarkrone ähnelte den Spitzen eines Dornenkranzes und die schmachsenden Lippen schlürften den Himmel. Das geschlagene Mädchen lag müde unter dem Druck der erduldeten Schande, mit zugefallenen Augendeckeln und erschlafte Armen; aber in der Stille ihres Herzens frohlockte sie und pries ihre Schmach, denn diese hatte sie mit Astorre auf ewig vereinigt. — <...> Keine Silbe hatte sie mit Astorre gewechselt vom ersten Schritt des Weges an, den sie zusammengingen. Die Hände hielten sich nicht fester beim letzten: sie verwuchsen, ohne sich zu drücken. Sie durchdrangen sich, wie zwei leichte geistige Flammen, und waren doch beim Scheiden wie die Wurzel aus der Erde kaum auseinander zu lösen».¹¹

Перевод П. О. Морозова, верный, хотя и несколько упрощающий живопись подлинника:

«... юная Антиопа сидела у окна. — В сводчатом окне, завершающемся сверху очертаниями трилистника, пламенела вечерняя заря, и ее лучи замыкали в светлый полукруг прелестную фигуру девушки, падая на ее грудь и шею. Ее растрепавшиеся волосы были похожи на шипы тернового венца, а губы жадно глотали воздух. Оскорбленная девушка склонилась под тяжестью перенесенного позора, ее веки и руки бессильно опустились, но в глубине сердца она ликовала и славилась свой позор, ибо он навеки соединил ее с Асторре. — <...> Она не обменялась с Асторре ни единым словом с начала пути. Их руки не соприкасались ближе в конце дороги, чем в начале; они словно срослись воедино, не сжимая друг друга. Они проникали одна в другую, точно два легких огонька, и при расставании едва могли отделиться одна от другой, словно корни — от земли».¹²

Некоторое сходство всей стилистической ситуации — сюжета и слога, навеянных искусством итальянского Ренессанса, харак-

¹¹ Meyer C. F. Novellen. Vollständige Ausg. Berlin, <о. J.>, S. 267—268.

¹² Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. 260.

тера героини и ее трагического положения, самой сцены — находим в тургеневской «Песни торжествующей любви» (1881):

«С опущенной на грудь головою, со скрещенными на коленях руками, она сидела на скамье — а за ней, выделяясь из темной зелени кипариса, мраморный сатир, с искаженным злоградской усмешкой лицом, прикладывал к свирели свои заостренные губы <..> Фабий привел ее в студию, усадил, взялся за кисть; но к великой своей досаде никак не мог кончить лица так, как бы он того желал. И не потому, что оно было несколько бледно и казалось утомленным... нет; но того чистого, святого выражения, которое так ему в нем нравилось и которое навело его на мысль представить Валерию в образе святой Цецилии, — он сегодня не находил. Он наконец бросил кисть, сказал жене, что он не в ударе, что и ей не мешало бы прилечь, так как на вид она кажется не совсем здоровой, — и поставил мольберт с картиной лицом к стене».¹³

При всей живописности (у Тургенева видим даже непосредственный мотив писания портрета), слог русского писателя здесь заметно «суше», в нем больше бытовых деталей, современной лексики. Та эмоциональная насыщенность, которую Мейер передает прямо, рассказывая о чувствах героини,¹⁴ показана Тургеневым сдержанно, только извне, с точки зрения непосвященного Фабия.

Тургенев представлял ступень реализма более последовательного, строже ориентированного на правду действительности — даже в повестях, тесно связанных с традициями романтизма. Различие на уровне стиля отражало разницу в творческом методе и мировоззрении между русским и швейцарским писателями. Творчество Тургенева было, безусловно, богаче общественными настроениями, заботами об изменении положения угнетенных, чем творчество Мейера. Но, повторяем, именно социально-этическая проблематика объединяла Мейера и русских писателей. Может быть, новый, более смелый подход к ее решению и привлек Мейера в повестях Тургенева, не менее чем в романах Достоевского или Толстого.

Достоевский не просто читался, он изучался. «Между тем я штудирую Достоевского» («Inzwischen studiere ich Dostojewski»), — сообщил Мейер в письме к Ф. Вилле в марте 1885 г. Скоро он поделился первыми результатами своих штудий: «„Преступление и наказание“ Достоевского в высшей степени заслуживает прочтения, это — болезненный шедевр (все же далеко превосходящий Золя), из которого здоровый человек может бес-

¹³ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. М.—Л., т. 13, 1967, с. 63. — Немецкие переводы «Песни торжествующей любви» и французский, сделанный автором и П. Вьярдо, появились в 1881 г., хотя в издании Бере повесть не вошла (см.: там же, с. 571).

¹⁴ Автор ощущал даже излишества стиля, назвав новеллу «перегруженным ренессансным „Монахом“» (см.: Meyer C. F. u. Rodenberg J. Ein Briefwechsel, S. 189).

конечно много почерпнуть (собственно в изучении анатомии души)». ¹⁵ Опыт русского писателя мог пригодиться Мейеру для его текущей работы, — в это время он работал над «Судьей». В том же письме он наметил аналогию и различие между Раскольниковым и своей «великой грешницей», отравившей мужа ради любви к молодому клирику и всю жизнь терзавшейся совестью. «В моей новелле „Судья“ есть родственный мотив, — писал Мейер, — но поскольку героиня — средневековая властительница, нервы у нее покрепче, чем у русского студентика». ¹⁶

Противопоставляя владелицу альпийского феодального замка современному «студенту», Мейер оставался верен своему выбору героев. Несомненно, однако, что он сказал в письме не все о Раскольникове, что мог бы сказать. В частности, герой Достоевского послужил ему не только для сравнения масштабов характера, но и, по-видимому, для построения линии поведения его героини. Завершающая новеллу сцена добровольного публичного покаяния всесильной Стеммы не отмечена в предварительных набросках произведения. Сцена почти наверное вошла в новеллу после марта 1885 г., т. е. после знакомства Мейера с «Преступлением и наказанием» (новелла была закончена в июле того же года). ¹⁷ Мотив этот не имеет аналогий, кажется, ни в швейцарской, ни в немецкой литературе.

Прямое влияние Достоевского на Мейера обычно отрицается. ¹⁸ Но обращенностью к изломам внутренней жизни личности этот писатель был ближе Мейеру, чем Тургенев, — притом, что стиль Достоевского отстоял от мейеровского намного дальше, чем стиль автора «Песни торжествующей любви». ¹⁹ Мейер не подражал: ни повод для покаяния, ни внешние обстоятельства, ни поведение участников сцены в «Судье» не похожи на покаяние Раскольникова посреди Сенной площади в Петербурге. Похоже лишь самое основное — способ освобождения от мук требовательной совести.

В связи с Достоевским было сделано интересное наблюдение над мейеровским Томасом Бекетом. ²⁰ Его превращение из утонченного вельможи в монаха-аскета напоминало неожиданные и

---

¹⁵ Meyer C. F. Briefe..., Bd 1, S. 176. — Перевод с изменениями — по статье А. А. Гозенпуда (Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. XLI). Мейер читал роман Достоевского во французском переводе 1884 г., название которого он и перевел на немецкий (ср.: «Le Crime et le châtement», у Мейера — «Verbrechen und Strafe»). Первый немецкий перевод под заглавием «Raskolnikow» появился в 1882 г.

¹⁶ Meyer C. F. Briefe..., Bd 1, S. 176.

¹⁷ См.: Langmesser A. C. F. Meyer..., S. 145.

¹⁸ См.: Литература Швейцарии. Очерки, с. 203; Bräm E. M. Geschichte der deutschen Literatur, Teil III, S. 105.

¹⁹ «... наш швейцарец поступает не как Достоевский, рассекающий, почти как анатом, душевные процессы изнутри в своем романе «Преступление и наказание», скорее он освещает их извне с помощью богатой символики, охватывающей также и ландшафт (...)» (ibid.).

²⁰ В предисловии А. А. Гозенпуда (Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. XXX).

причудливые повороты в поступках персонажей романов русского писателя. Можно было бы сослаться, например, на главных лиц романа «Идиот», на того же Раскольниково или отчасти на Зосиму из «Братьев Карамазовых». Заметно все же, что метод изображения характеров у писателей был очень различным. Поступки героев Достоевского объяснялись скорее противоречиями души, тогда как Мейер исходил из ее цельности, устойчивости ее нравственных основ. Если помнить, что повесть «Святой» была написана в конце 1870-х гг., а переводы упомянутых романов стали появляться на Западе не ранее начала 80-х,²¹ то остается говорить только о типологическом схождении, — правда, схождении немаловажном, потому что оно подготовило и Мейера, и его читателей к восприятию Достоевского.

Третьим русским гением, поразившим Мейера, как и многих его современников, был Лев Толстой. Из писем швейцарского новеллиста, датированных сентябрем 1885 г., видно, что произведения Толстого тоже были заказаны и ожидалось с нетерпением.²² Это могли быть немецкие переводы «Войны и мира» и «Анны Карениной», изданные в Берлине в это самое время; годом раньше было переведено с рукописи «В чем моя вера?», в 1882 г. в Лейпциге издано «Детство».²³

В феврале 1890 г. Мейер мог уже сделать некоторые выводы, побужденный к этому чтением «Власти тьмы». Он писал Роденбергу: «Из литературных новаторов Л. Толстой наверное самый значительный (в той мере, в какой он к ним принадлежит, ибо его импульс есть религиозное порождение его рационалистического мистицизма), но „Власти тьмы“ не откажешь в величии».²⁴ Роденберг ответил: «Вы правы в том, что нельзя позволить оторвать Толстого от натуралистов и реалистов». Соображение Мейера о мешающем влиянии религии на Толстого-писателя разделялось, очевидно, его старым другом. Роденберг сообщил Мейеру о сильном впечатлении, произведенном на него постановкой «Власти тьмы» в 1889 г. на берлинском театре «Freie Bühne».²⁵ В июле он написал, что собирается в своем «Немецком обозрении» печатать «чрезвычайно выразительные воспоминания Толстого об отрочестве».²⁶ Но, возможно, Мейер был уже знаком

²¹ В 1860-х годах переводились только «Бедные люди» и «Записки из мертвого дома», «Братья Карамазовы» переведены на немецкий в 1884, «Идиот» — в 1889 г. (см.: Литературное наследство. М., 1973, т. 86, с. 739). См. также: Могылева Т. О мировом значении Достоевского. — В кн.: Могылева Т. Достояние современного реализма. М., 1973, с. 223 и сл.; Фридлиндер Г. Достоевский и мировая литература. М., 1979.

²² См.: Meyer C. F. Briefe. . ., Bd 1, S. 181.

²³ См. также: Могылева Т. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., 1957, с. 580 и сл. — Отметим, что в монографиях, посвященных восприятию русских писателей за рубежом, Швейцарии почти не уделяется места.

²⁴ Meyer C. F., Rodenberg J. Ein Briefwechsel, S. 282.

²⁵ См.: *ibid.*, S. 283.

²⁶ См.: *ibid.*, S. 286. — Такая публикация нам неизвестна; перевод «Отрочества» вошел в состав I тома немецкого собрания сочинений Толстого 1891 г. (*Tolstoj L. N. Gesammelte Werke*. Berlin, 1891, Bd 1).

с толстовской трилогией по двум французским переводам 1887 г. В 1891 г. начало выходить в Берлине собрание сочинений Толстого в немецком переводе; однако к этому времени Мейер мог прочесть все главные его вещи, исключая «Воскресение» (1899).

Наряду с Ибсеном и Золя Толстой — и, может быть, в особенности Толстой — заставил Мейера по-новому взглянуть на современную литературу. «Fin de siècle, как они говорят в Париже... — пишет он своему родственнику, — в моей собственной области меня начинает интересовать атака Золя—Толстого—Ибсена (правду сказать, трех совершенно разных людей). Их немецкие подражатели то и дело присылают мне свои вещи, пока что сплошную чепуху, однако эти молодые люди правы уже в одном том, что академический жанр Платена—Гейзе тоже не поэзия».²⁷ Знаменательно, что это пишет человек, учившийся в свое время у А. Платена и П. Гейзе литературному мастерству. Тогда же, в 1890 г., он написал в Лозанну старинному приятелю Ф. Бове: «Между тем я снова набираюсь бодрости духа, а поскольку мы живем в эпоху, довольно интересную даже в литературном отношении (Толстой, Ибсен и т. д.), я стараюсь разобраться в ней (здесь наверху, в моем уединении) и это придает мне жизненные силы».²⁸

Нравственный пафос Толстого, его стремление дойти до корней человеческих мыслей и чувств захватили Мейера настолько, что он взялся в 1888 г. за совершенно необычный для него сюжет «новеллы из современной жизни». Были написаны несколько страниц новеллы «Дело совести» («Der Gewissensfall», другое название «Dupo Dupi»), в которой рассказывалась история майора, виновного в несчастной судьбе своего подчиненного и женившегося из покаяния на его сестре, простой швее.²⁹ Мейер хотел внести в новеллу свои детские воспоминания о Цюрихе и об отце. Сдержанный, суховатый слог наброска напоминает прозу позднего Гете, но вся проблематика почти несомненно навеяна современной литературой — толстовским анализом души, вниманием Достоевского к униженным и оскорбленным, тургеневским возвращением зрелого человека к истокам своего бытия.

3

Русские читатели конца XIX и начала XX в. могли найти у Мейера не столько психологические открытия, сколько умение строить увлекательную фабулу на фоне ярких и убедительных исторических картин. Русская проза начала нашего столетия возвращалась в какой-то мере к пушкинскому эпическому лаконизму, и новеллы Мейера хорошо соответствовали этой тенден-

²⁷ Meyer C. F. Briefe... , Bd 1, S. 97.

²⁸ Ibid., S. 140.

²⁹ См.: Langmesser A. C. F. Meyer..., S. 469—479. См. также: Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer..., S. 329 (автор книги не связывает этот замысел с влиянием русской литературы).

ции. Разумеется, крупные и сложные характеры Иенача или Бекета не могли оставить равнодушными читателей Толстого.

В истории первоначального знакомства русской публики с Мейером сыграло немалую роль «Немецкое обозрение» Ю. Роденберга, тогда самый авторитетный литературный журнал Германии, способствовавший и русской литературе распространиться в немецких читательских кругах.¹ Из этого издания были взяты для первых русских переводов «Плавт в женском монастыре» и «Паж Густава Адольфа».² Затем в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина появился перевод повести «Святой» (1891). Переводы объяснялись тогда скорее европейской известностью писателя, чем интересом к нему в России. Для рецензента «Русской мысли» Мейер оставался еще в 1898 г. «сравнительно малоизвестным автором».³

Несколько раньше в петербургском «Наблюдателе» появилась небольшая заметка о Мейере, написанная в связи с известием о его душевной болезни. Сообщались краткие сведения о нем и его произведениях, об успехе, который имела его проза, и о неоднократных переизданиях поэмы «Последние дни Гуттена». Между прочим в заметке упоминалось о печальной судьбе Г. Успенского, которого автор призывал помнить, как немцы помнят Мейера.⁴ Это был, собственно, первый отзыв русской прессы о швейцарском писателе, в сущности уже окончившем творческий путь.

Некрологу Мейера предстояло стать переломным пунктом в истории восприятия в России произведений писателя. Через полгода после смерти Мейера во львовском украинском журнале «Літературно-науковий вісник» появилась большая статья Ивана Франко, посвященная Мейеру и его творчеству.⁵ Увлечшись на рубеже веков творчеством швейцарца, И. Франко стал его переводчиком и деятельным пропагандистом. Поклонником Мейера был и другой галицийский литератор — К. Э. Францоз, писавший по-немецки.⁶ По-видимому, национальная и политическая обстановка, в которой оказалась культура западной части украинского народа, насильственно оторванного от своей страны, делала жителей тогдашней Галиции особенно восприимчивыми к литературам, сделавшим вопросы демократического объедине-

¹ См.: *Haake W. Julius Rodenberg und die «Deutsche Rundschau». Eine Studie zur Publizistik der deutschen Liberalismus (1870—1918).* Heidelberg, 1950.

² Первая новелла под заглавием «Два креста» была помещена в харьковском журнале «Мир» (1881, т. 1), вторая — в «Ниве» (1883, № 25—27).

³ См.: *Русская мысль*, 1898, кн. 8, с. 347—348.

⁴ См.: *Наблюдатель*, 1893, № 1, 2-я пагинация, с. 12 (подпись: Вл. З—в).

⁵ См. начало настоящей статьи. В том же журнале и других украинских изданиях были тогда помещены переводы десяти баллад Мейера, выполненные И. Франко; в 1913 г. поэт перевел и издал со своим предисловием новеллу «Амулет» (см.: *Журавська І. Іван Франко і зарубіжні літератури.* Київ, 1961, с. 317—328). См. также: *Хомичукій О. В. І. Франко и немецкие писатели-реалисты второй половины XIX в.* АКД. Киев, 1965.

⁶ См.: *Franzos K. E. Conrad Ferdinand Meyer. Ein Vortrag.* Berlin, 1899.

ния нации, отстаивания ее культурной самостоятельности одной из главных тем. Эти стороны творчества Мейера ощущались в карпатской Украине очень остро. Поэтому, вероятно, поэтические переводы И. Франко из Мейера всячески подчеркивали народность швейцарской баллады, приближали ее к украинским думам и песням, чего в русских переложениях поэзии Мейера никогда не было. Говоря о швейцарском писателе, И. Франко определял и собственную литературную позицию демократа и реалиста, и задачи национальной литературы.⁷ Статья И. Франко существенна для России, потому что в 1902 г. эта «блестящая литературная характеристика» Мейера была почти полностью воспроизведена в предисловии к русскому переводу его последней новеллы «Анджела Борджа».⁸

В своей статье украинский поэт отметил малую известность Мейера, имея в виду прежде всего славянский мир.⁹ «Однако мы скажем, не боясь упрека в преувеличении, что умерший в конце прошлого года К. Ф. Мейер был одним из крупнейших и оригинальнейших поэтов, которых имела Германия в XIX веке, а среди поэтов второй половины века, быть может, ни один не равен ему глубиной мыслей, силой и точностью выражения и совершенством художественной отделки».¹⁰ Опираясь на автобиографическую справку, составленную писателем для первой работы о нем — брошюры А. Рейтлера,¹¹ и на доклад К. Э. Францоа, Иван Франко дал в статье подробное описание особенностей манеры Мейера. «Являющиеся результатом тяжелого труда, долгой и упорной внутренней борьбы, творения Мейера предстают светлыми, прозрачными в композиции, пластичными в формах, как это редко бывает в немецкой литературе». В своих новеллах «автор рисует прежде всего не исторические костюмы, не маски, а людские страсти, хотя и с проекцией на большие исторические события». Благодаря близости к жизни «его творения предстают перед нами безличными, несубъективными, они как что-то первозданное, что таково и не может быть иным». По сравнению с субъективной лирикой конца века Мейер может показаться холодным, предупредил И. Франко, напоминающим Флобера, «с которым у него есть и так немало близкого». Но в глубине всех его картин «виден как бы золотой фон — искреннее, мягкое, и гуманное, а к тому же и мужественное сердце поэта...». Как писатель, Мейер — «насквозь искренний человек». Объективность и искренность — черты реализма — выделяли его, по мнению

⁷ См.: Журавська І. Іван Франко і зарубіжні літератури, с. 328. См. также: Франко І. Збірання творів, т. 13. Київ, 1978, с. 594—606.

⁸ См.: Мейер К. Ф. Анджела Борджа. Новелла. Перевод с немецкого Е. Паукер (Прилож. к журн. «Вестник всемирной истории», № 1). СПб., 1902, с. 3—10.

⁹ Полушутливо И. Франко отчасти приписал это «архивудничной» фамилии Мейера, доставлявшей писателю действительно много хлопот.

¹⁰ Франко И. Соч. в 10-ти т., т. 10, с. 23—24.

¹¹ См.: Reitler A. C. F. Meyer. Eine literarische Skizze zu des Dichters 60. Geburtstage, 3. Aufl. Leipzig, 1885.

И. Франко, из современной литературы. В нем украинский поэт видел «вдесятеро больше плодотворных зародышей будущего», чем у всевозможных «модернистов»,¹² к которым И. Франко относил «символистов, ницшеанцев и декадентов». Самым существенным для И. Франко качеством произведений Мейера была их связь с национальной, народной почвой. Среди «духовных болезней и литературных мод» последней трети века швейцарский писатель, по словам И. Франко, «стоит, как высокий, ветвистый дуб, который глубоко и широко пустил корни, крепко держится в почве и хотя и не скрипит так, как дуплистая осина, но зато издает свой серьезный, может быть, несколько однообразный, но глубоко поэтический шум, волнующий душу и навевающий свежие, светлые мысли».¹³

Восприятие наследия Мейера в России носило, тем не менее, не совсем тот характер, какой отстаивал И. Франко. Поначалу в новеллах швейцарца ценили главным образом историческую сторону: тема западноевропейского средневековья и Возрождения, поданная достоверно и в то же время поэтически, была не частым явлением в русской литературе. Средний читатель начала XX в., по-видимому, не улавливал всех сторон мейеровской прозы, как, впрочем, плохо улавливала их и литературная критика. В одной из ранних своих статей времен первой мировой войны В. М. Фриче назвал в числе немецких писателей и Мейера как «автора превосходных исторических новелл». Немного добавил он к этой оценке в статье о Мейере для энциклопедического словаря «Гранат».¹⁴ Швейцарская манера пристального и неторопливого изображения событий, отстоящих притом далеко от бурной и трагической современности, — по крайней мере во внешнем плане, — мешала некоторое время успеху произведений писателя. Иван Франко закончил свою статью предсказанием роста интереса к Мейеру у «всякого здорового, сильного и внутренне гармонического поколения». Он желал, «чтобы этот малопопулярный, а между тем великий поэт и великий художник приобрел у нас столько поклонников и столько влияния, сколько он действительно стоит».¹⁵ Перелом в читательском отношении к Мейеру принесла революция.

Лучшим доказательством правоты И. Франко, ожидавшего новой эпохи восприятия творчества Мейера, стало появление вскоре после Октября в издательстве «Колос» первого русского перевода романа «Юрг Иенач» (переводчица — А. Ф. Даман-

¹² Слово взято в кавычки в статье И. Я. Франко.

¹³ См.: *Франко И.* Соч. в 10-ти т., т. 10, с. 24, 25, 48 (курсив наш, — авт.).

¹⁴ См.: «Гранат». М., 1915, т. 28, с. 401. См. также: *Фриче В.* Немецкие писатели и франко-прусская война. — Голос минувшего, 1915, № 2, с. 65—66. — Из переводов можно упомянуть еще московское и киевское издания новеллы «Паж Густава Адольфа» (1911). Библиографическую справку см. в кн.: *Мейер К. Ф.* Новеллы. Стихотворения, с. 675.

¹⁵ *Франко И.* Соч. в 10-ти т., т. 10, с. 69.

ская).¹⁶ Роман стал восприниматься как повествование о народной борьбе, а его главный герой — как руководитель народного движения. Перевод выдержал за короткий промежуток времени три издания и довольно широко обсуждался в революционной печати. Эта вспышка интереса к Мейеру была несомненно связана с революцией, стремительно расширившей читательскую аудиторию, которой понадобились книги о народных движениях и характерах, сформированных «большой историей».¹⁷

Вступительной статьей литературоведа А. Г. Горнфельда к переводу началась собственно русская и советская интерпретация наследия Мейера. Из «неведомого классика»¹⁸ он становится автором, пугным и близким современности. «Так целый мир характеров, страстей, поступков, воззрений сплетается вокруг героя в пестрое, сложное и законченное целое, оставляя в читателе глубокое впечатление яркого прозрения в отдаленную от нас эпоху с ее людьми, ее событиями и нравами», — писал Горнфельд и далее передавал то новое восприятие романа, о каком мечтал сам автор и догадывался Иван Франко: «И чем дальше от нас эти люди и эти нравы, тем отчетливее мы сознаем, что в их художественном воплощении поставлены наши вопросы, пережиты наши внутренние столкновения и колебания, общественные и личные, нравственные и политические».¹⁹ Горнфельд и впоследствии, занимаясь главным образом психологизмом новелл Мейера, выделял его роман как произведение, где на первом месте находилась социальная тема.²⁰ Экземпляр первого издания романа «Юрг Енач» 1918 г. имеется в кремлевской библиотеке В. И. Ленина,²¹ хорошо знавшего Швейцарию, ее народ и культуру.

Мысли, высказанные в предисловии, поддержала пресса революционного Петрограда. «Вестник просвещения» рекомендовал книгу для школ второй ступени и для красноармейских библиотек, так как «в наши дни мировой борьбы и социальных катастроф К. Мейер, вдумчивый изобразитель великих потрясений прошлого и их отражений в психике отдельной личности, многое может дать и юному и взрослому читателям даже для понимания нашей современности».²² В «Красной ниве» высказывалась

---

¹⁶ Мейер К. Ф. Народный вождь Георг Енач. (Из эпохи борьбы швейцарского народа за независимость). Перевод А. Даманской, вступит. статья А. Г. Горнфельда. (Библиотека романов). Пгр.—М., 1918; 2-е изд. — 1919; 3-е изд. в «Госиздате» — 1923.

¹⁷ Выражение К. Ф. Мейера (см.: *Frey Ad. Conrad Ferdinand Meyer...*, S. 299).

¹⁸ См.: М. К. «Кузмин М. А.». Нам неведомый классик. — Жизнь искусства, 1918, № 19.

¹⁹ Горнфельд А. Г. К. Ф. Мейер и его роман «Георг Енач». — В кн.: Мейер К. Ф. Народный вождь Георг Енач... Пгр.—М., 1918, с. 20.

²⁰ См.: Горнфельд А. Г. Романы и романисты. М., 1930, с. 217.

²¹ См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 246—247 (№ 2724).

²² См.: Вестник просвещения, 1919, № 1—3 (9—11), с. 112.

надежда, что роман о швейцарском «национальном вожде и великом герое» найдет читателей среди тех масс, которые «революция приобщила к литературным потребностям».²³

Рецензент журнала «Книга и революция» писал о Мейере в связи со вторым изданием романа: «... у нас его начинают узнавать лишь теперь». Подтверждение этому он видел и в следующем факте: «Теперь А. В. Луначарский, прочитавший несколько публичных лекций о Мейере, готовит книжку его стихов, а „Всемирная литература“ отводит ему несколько томов. Талант не первоклассный, но несомненно значительный, Мейер этого стоит».²⁴ Сведения эти любопытны, поскольку в литературе, посвященной первому советскому наркому просвещения, лекции о Мейере не упоминаются. Принимая во внимание огромную публицистическую и просветительскую деятельность Луначарского в эти годы, легко представить себе его выступающим с лекцией о швейцарском поэте. Во всяком случае, он говорил о Мейере в кругу друзей и читал его стихи в своем переводе, как вспоминал К. Л. Зелинский.²⁵ Автор мемуаров ошибся только в том, что счел Мейера «забытым» поэтом. Скорее можно было бы назвать его новым знакомым молодой советской литературы.

С творчеством Мейера Луначарский познакомился, очевидно, еще в годы учения в Цюрихском университете, почетным доктором которого поэт был с 1879 г. Как будет показано ниже, русского литератора-революционера особенно привлекла поэзия Мейера. Но в предисловии к своей книжке переводов мейеровской лирики Луначарский не забыл упомянуть о том, что «в последнее время переведен и пользуется успехом его не лишенный революционного содержания роман „Юрг Енач“».²⁶ Перевод романа, выполненный писательницей Августой Даманской, мог быть обязан появлением инициативе наркома просвещения.

Предисловие к третьему изданию перевода романа написал Р. Арский (псевдоним Л. Я. Берлинраута). Отдав должное писательскому мастерству Мейера, автор предисловия дольше, чем

---

²³ См.: Красная нива. Литературно-художественный еженедельник под ред. А. В. Луначарского и Ю. М. Стеклова, 1923, № 26, с. 32.

²⁴ См.: Книга и революция. Ежемесячный критико-библиографический журнал. 1920, № 3—4, с. 60.

²⁵ «Под гром орудий наступавшего на Петроград Юденича Луначарский собирал друзей, чтобы прочесть им сделанные „на досуге“ переводы из забытого немецкого поэта Конрада Мейера» (*Зелинский К.* На рубеже двух эпох. М., 1962, с. 278). Дата одного из таких чтений — 6 (19) ноября 1918 г. — устанавливается по надписи А. А. Блока на обороте своего портрета, нарисованного Е. С. Кругликовой экспромтом в «Привале комедиантов» после выступления Луначарского с переводами из Мейера; кроме поэта, на чтении присутствовали В. Э. Мейерхольд и Ю. А. Шапорин (см. материалы для 92-го тома «Литературного наследия»: *Зильберштейн И., Розенблюм Л.* Новое о Блоке. — Литературная газета, 1980, № 48, 26 ноября, с. 5).

²⁶ См.: *Мейер К. Ф.* Лирика. Перевод А. В. Луначарского. Пб., 1920, с. 6.

его предшественник, задержался на общественном содержании «Юрга Иенача». Политические события, представленные в романе, получили в предисловии новую интерпретацию. Религиозный конфликт, антигуманность которого была вскрыта Мейером впечатляюще, исторически имел, как показал Р. Арский, классовую основу.²⁷ Мейер не изображал борьбу классов, но патристическое народное движение получило его объективную и сочувственную оценку, и это помогало русскому читателю 1920-х гг. разглядеть социальный смысл событий, в центре которых оказался Иенач. Мейер с его стремлением к непредвзятости и вместе с тем «яркости» человеческих характеристик (Луначарский)²⁸ оказался в положении, напоминающем положение Бальзака, прочитанного с точки зрения марксистской критики.

Много места занял в предисловии Р. Арского анализ нравственного конфликта, в который вовлечен герой. Автор предисловия попытался дать конкретно-историческое объяснение предательства Иенача по отношению к герцогу Рогану. Швейцарским деятелем руководила идея спасения родины. Доверчивость и личная честность французского военачальника в романе не могла служить этой цели, она вела только к «бесславному уходу с политической арены».²⁹ Иеначу оставалось «жертвовать собою, обыденными взглядами и обычной моралью во имя высшей любви к родине».³⁰ Р. Арский склонен был считать, что писатель в итоге оправдывал поступок Иенача, совершенный ради «справедливой и прогрессивной борьбы» за независимость страны, к тому же и «дух времени» вынуждал к интригам, измене, убийству.³¹ Такой слишком прямолинейный исторический детерминизм не удовлетворил, впрочем, автора предисловия, который почувствовал в «патристическом изуверстве»³² героя романа некую крайность. Революция с новой остротой поставила вопрос о политике и нравственности, и мейеровская проблема совести стала еще актуальнее, чем была в Швейцарии 1870-х гг. Предисловие Р. Арского заканчивалось обращением к читателю: «Можно ли идти на все, можно ли дать восторжествовать принципу „цель оправдывает средства“ по отношению к Советской России? Она, бесспорно, слишком дорога всем рабочим, крестьянам и честным труженикам, — но все же „Георг Енач“ невольно ставит перед нами вопрос, какую из линий поведения следует выбрать по отношению к ней — линию ли Енача или Рогана? Книга, написанная сорок-пятьдесят лет тому назад, не может дать определенный ответ на такой вопрос, но все же

---

²⁷ См.: Мейер К. Ф. Георг Енач. (Из эпохи борьбы швейцарского народа за независимость). Предисловие Р. Арского. М.—Пгр., 1923, с. 7—20.

²⁸ См.: Пламя, 1919, № 64, 3 августа, с. 7.

²⁹ См.: Мейер К. Ф. Георг Енач. (Из эпохи борьбы швейцарского народа за независимость). Предисловие Р. Арского, с. 16—17.

³⁰ См.: там же, с. 14.

³¹ См.: там же, с. 18.

³² См.: там же, с. 19.

она заставляет над ним серьезно подумать, а это уже определенная заслуга автора, доказывающая, что и посейчас его путь не устарел».³³

Перед нами очевидная актуализация смысла романа Мейера, не являющаяся, однако, натяжкой, так как она естественно порождается идеями, которые занимали и самого автора. Тем не менее это именно новое осмысление проблемы, волнующей современников и участников становления нового государственного строя и формирования новых, советских политических принципов. Восприятие «Юрга Иенача» как романа с подлинной, живой проблематикой показало, что не только нравственная коллизия, но и сам характер Иенача и весь фон повествования вполне поддаются историческому анализу. Историзм и реализм Мейера доказали тем самым свою надежность.

Подобный же процесс наблюдался и при восприятии повести «Святой», изданной «Всемирной литературой» с предисловием А. М. Горького.³⁴ Здесь самый характер издания подчеркивал исторический интерес повести о Томасе Бекете. Произведение Мейера было дополнено историческими материалами о реальном Бекете и его современниках — из того же труда О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами», которым пользовался Мейер.³⁵ Этим как бы подкреплялась достоверность повести. «Достоинства правдивой повести Конрада Мейера, — писал Горький в предисловии, — будут оценены читателем более глубоко, если он познакомится хотя бы в кратком очерке с эпохой, которая создавала столь необузданных людей, каков король Генрих II, и людей такого железного мужества, как архиепископ Фома Бекет». И ниже: «Автор искусной повести, предлагаемой читателю, почти не погрешил против исторической правды, что не часто встречается у сочинителей исторических романов и повестей».³⁶ Основное внимание Мейера было, как мы знаем, направлено на личность, но Горький и его современники сквозь литературных героев видели эпоху, создававшую характеры. Борьба гуманиста Бекета против жестокого и легкомысленного короля воспринималась как проявление противоборства социальных сил. И в этом случае авторская мысль не искажалась; психологическая точность мейеровских портретов побуждала читателей додумывать ее. Горький нашел в герое повести проявление той «разумной воли», которую революция высвободила уже не в одном «святом», но в народных массах. Из повести Мейера он

³³ Там же, с. 20.

³⁴ Мейер К. Ф. Святой. Повесть. Под ред. Ф. А. Брауна, предисловие М. Горького. (Серия «Всемирная литература», вып. № 28). Пб., 1922. — Перевод был сделан А. Н. и Ю. Л. Римскими-Корсаковыми, тираж — 2500 экз.

³⁵ В книге помещены среди других материалов рассказ о мирской жизни Т. Бекета, письмо Генриха II к папе римскому об убийстве при-маса, стихотворение Бертрана де Борна и небольшая библиография.

³⁶ Мейер К. Ф. Святой. Повесть. Под ред. Ф. А. Брауна, предисловие М. Горького, с. 5, 16.

делал обобщающий вывод: «Так, путем труда и неустанной борьбы, люди воплощают свою волю в жизнь, и постепенно разумная воля людей становится единственным законодателем мира, единственной силой, которая способна объединить все раздробленное и враждующее в гармоничное и единое целое».³⁷ Этот вывод совпадал с гуманистической концепцией Мейера, мечтавшего о мире и справедливости для всех.

Как уже отмечалось, своеобразной стороной художественного метода Мейера было тяготение к современности, но при этом чуждое публицистических нот и (за редкими исключениями) также всяких иносказаний. Глубинная связь его исторических сюжетов со злобой дня открывалась советским читателям еще и потому, что современность Мейера отстояла от них далеко только по времени, но не по проблемам. В последней трети XIX в. формировались те главные силы, которым предстояло столкнуться в обществе нашего столетия, — организованный пролетариат, вооруженный теорией научного социализма и коммунизма, и капитализм на своей наиболее бесчеловечной империалистической стадии. Борьба права и силы, морали и политики, которая раздирала личность в произведениях Мейера, приобрела в жизни XX века небывалую остроту, и вместе с этим получила особый смысл гуманистическая традиция, питавшая творчество швейцарского писателя.

Первый советский исследователь творчества Мейера А. Г. Горнфельд писал о «жажде моральной правды» как отличительной черте новеллиста.³⁸ Если эту черту русской классической литературы обнаруживали у Мейера, значит он был действительно нужен читателям Советской России.

Но в наследии Мейера принималось не все, реализм писателя имел, естественно, свои особенности и слабости. Луначарский считал недостатком композиции его произведений то, что, «доведя сюжет до известной высоты, Мейер как будто бы теряет к нему настоящий интерес и в большинстве случаев слабеет к концу, кончая полное красочности повествование почти схематически размазанной развязкой».³⁹ Скорее всего Луначарский имел в виду «Юрга Иенача» и «Святого», где после кульминации действия (в романе — предательство Иенача, в повести — убийство Бекета) концовка несколько затянута. В маленьких новеллах этот недостаток встречается разве что в «Анджеле Борджа». Упрек, сделанный Луначарским, отражал характерное для тех лет стремление к динамике сюжета, подчас у Мейера по-швейцарски несколько медлительного. Это, однако, не мешало воспринимать сюжеты Мейера как «искусные» (Горький), как «пестрое, сложное и законченное целое» (Горнфельд).

³⁷ Там же, с. 18. — Предисловие переиздано в кн.: *Горький М. Не собранные литературно-критические статьи*. М., 1941, с. 308—315.

³⁸ См.: *Горнфельд А. Г. Романы и романисты*, с. 211.

³⁹ См.: *Мейер К. Ф. Лирика*. Перевод А. В. Луначарского, с. 6.

Другое замечание Луначарского касалось «пристрастия к странным характерам несколько патологического свойства, в разработке которых Мейер достигает виртуозного совершенства». ⁴⁰ Если речь идет не о Томасе Бекете с его психологическим перевоплощением, то, вероятно, о Лукреции Планта. Политическая противница Иенача, она имела и личные причины ненавидеть его, так как он принимал участие в убийстве ее отца; но она же и любила его всю жизнь. Сосредоточившись на характере главного героя, писатель оставил душевную борьбу Лукреции в тени, поэтому сцена убийства Иенача (последний удар, топором, наносит Лукреция) еще Келлеру казалась малообоснованной. ⁴¹ Советская критика тоже задержала внимание на этом образе, пытаясь объяснить любовь-ненависть как «борьбу двух нравственных миров» в душе героини (Горнфельд) и даже как «момент безумия» (Р. Арский). Впрочем, убедительность мейеровского историзма заставляла искать причины поступка не в недостатке мастерства автора, а в социально-психологической атмосфере эпохи: ссылались на знакомые альпийским горцам традиции родовой мести, якобы двигавшие героиней романа. Думается, что более пронизательным оказался все же Луначарский, который почувствовал, что тяготение Мейера только к исключительным характерам приводило к некоторым творческим издержкам. В поздних новеллах писателя мелодраматический элемент сузил возможности правдивого изображения людей и событий.

В 1923 г. в серии «Всемирная литература» вышел в свет первый сборник новелл Мейера на русском языке. Большую вступительную статью к нему написал А. Г. Горнфельд. Судя по авантитулу, читатели могли ожидать и дальнейших томов «Избранных сочинений» швейцарского писателя, — таким образом подтвердилось сообщение журнала «Книга и революция». Однако издание продолжено не было. ⁴² В сборник вошли «Амулет» в переводе Е. Э. Бертельса, «Выстрел с церковной кафедры» и «Паж Густава Адольфа» в переводе А. Н. и Ю. Л. Римских-Корсаковых, «Плавт в женском монастыре» в переводе Л. П. Карсавина, «Страдания одного мальчишка» в переводе Б. Я. Жуховецкой и «Женитьба монаха» в переводе П. О. Морозова. Предположительно должен был затем последовать том поздних новелл Мейера («Искушение Пескары» и проч.), но уже и этот сборник

---

⁴⁰ См. там же.

⁴¹ Соглашаясь в этой оценке с Т. Штормом, Келлер пояснил ему, что в картине гибели Иенача писатель следовал народной легенде, превратившей одну из фанатичных участниц убийства в возлюбленную Иенача. «Но, — добавил он, — Мейер питает слабость к таким жестокостям и смертоубийствам. Когда он слышит или читает о чем-либо подобном, то говорит „превосходно!“ У каждого своя причуда» (Der Briefwechsel zwischen Th. Storm und G. Keller, S. 194).

⁴² Мейер К. Ф. Новеллы (Избранные сочинения К. Ф. Мейера под ред. А. Г. Горнфельда, серия «Всемирная литература»). Пб.—М., 1923. — Предисловие было затем включено в книгу статей А. Г. Горнфельда «Романы и романисты» (М., 1930, с. 205—236).

явился этапом в истории восприятия творчества писателя в России.

В своей статье, выросшей из прежнего предисловия к «Юргу Иеначу», Горнфельд давал — в соответствии со свойственным ему психологическим подходом к литературе — оценку прозы и поэзии Мейера. Писатель предстал прежде всего как искуснейший стилист (напомним, что это отметил еще И. Франко), который «бился над отдельными эпитетами и образами, как Флобер, но гораздо больше внимания он уделял выразительности целых фигур и внутренней благоразмерности всего произведения». По словам исследователя, Мейер «отбирал немногое из многого для того, чтобы многое было сказано в немногом». На протяжении всего его творчества Мейера занимали «извилистые пути человеческого просветления и роковые бурь в душе сильных людей». Он тяготел к «моменту искушения, соблазна, моменту борьбы двух страстей и двух пониманий долга в сильном человеке: его привлекала трагедия...». «Бурю в природе, бурю в истории, бурю в душе человека охотно изображал К. Ф. Мейер».⁴³

Горнфельд указал на близость мейеровской новеллы к «французским и русским образцам» реалистической прозы. Метод Мейера противостоял «расплывчатой манерности» новеллистов мюнхенской школы (Гейбель, Гейзе, Линг) и описаниям «внешних форм былой жизни» у немецких исторических романистов (Эберс, Риль, Дан, Фрейтаг). В отличие от современных ему литераторов Мейер показывал «душу человека, упавшего в историю». В этом Горнфельд усматривал сходство Мейера с Пушкиным, а также с Толстым периода «Войны и мира».⁴⁴ Рекомендую советским читателям новеллы Мейера, исследователь не говорил о прямой актуальности их тематики, но из всего хода его анализа напрашивался вывод о том, что Мейер может в определенной степени удовлетворить читательскую жажду героического, грандиозных характеров и страстей. Так постепенно складывалась современная советская точка зрения на наследие Мейера.

Переводы новелл были выполнены на высоком литературном уровне. Проблема переводимости прозы Мейера уже не существовала: сказался огромный опыт русских переводов немецкоязычных писателей. Но все же общей особенностью переводов явилось некоторое легкое упрощение метафоричности подлинника, так как живописный лаконизм мейеровского слога, как мы видели, не всегда поддавался переводу. Приведем еще в пример портрет Монтеня из новеллы «Амулет», переданный почти идентично, однако чуть скупер, чем он написан Мейером:

⁴³ См.: Горнфельд А. Г. Романы и романисты, с. 223, 227, 232.

⁴⁴ См.: там же, с. 232, 234. — Высказанная Горнфельдом мысль о близости метода Мейера русскому реализму вызвала тогда сомнения, хотя особое место швейцарца среди его «литературных соотечественников» не оспаривалось (см. рецензию на «Юрга Иенача» в журнале «Книга и революция»: 1920, № 3—4, с. 60).

Jetzt wandte ich meine Schritte zurück nach der Wohnung des Parlamentsrats, den ich in lebhaftem Gespräche mit einer merkwürdigen Persönlichkeit fand, einem Manne in mittleren Jahren, dessen bewegtes Gebärdenspiel den Südfranzosen verriet und der den St. Michaelsorden trug. Noch nie hatte ich in klugere Augen geblickt. Sie leuchteten von Geist und in den zahllosen Falten und Linien um Augen und Mund bewegte sich ein unruhiges Spiel schalkhafter und scharfsinniger Gedanken». ⁴⁵

Перевод Е. Э. Бертельса:

«Я отправился назад в дом советника и застал его оживленно беседующим со странной личностью, человеком средних лет, быстрая мимика которого указывала на его происхождение с юга Франции. На нем был орден св. Михаила. Я никогда не видывал более умных глаз. В них светился разум, а в бесчисленных складках и линиях вокруг глаз и рта беспокойно играл словно целый мир остроумных мыслей». ⁴⁶

Переводы из сборника 1923 г. издавались позднее по отдельности. ⁴⁷ Часть из них была включена в новый сборник мейеровских новелл, вышедший в Москве в 1958 г. Это было следующим значительным событием истории «русского» Мейера. Новое собрание новелл было дополнено переводом повести «Святой» по изданию 1922 г. и новыми переводами новелл «Судья» (перевод К. И. Варшавской) и «Искушение Пескары» (перевод Б. В. Замарина). Статью-исследование для этого издания написал А. А. Гозенпуд. В книгу вошло также хорошее собрание стихотворений Мейера. К сожалению, несколько переводов из прежнего сборника осталось вне новой книги, в том числе «Страдания одного мальчика» — новелла, названная в статье А. А. Гозенпуда «одним из наиболее интимных и задушевных произведений Мейера». ⁴⁸ Ждет еще своего переводчика и поэма «Последние дни Гуттена», предложенная читателям лишь в отрывках.

Статья А. А. Гозенпуда является до сих пор основополагающей работой современного советского литературоведения о Мейере. Автор впервые исследовал все этапы и стороны творчества швейцарского писателя с позиций марксистско-ленинской эстетики. Более последовательно и тонко, чем это делалось прежде, в статье рассматривается связь творчества Мейера с общественно-политической и общей духовной обстановкой на его родине и в соседних странах. В частности, А. А. Гозенпуд показал типично швейцарское представление о том, что единство страны связано с протестантством, а то в свою очередь тради-

⁴⁵ Meyer C. F. Novellen. Vollständige Ausg. Berlin, o. J., S. 53—54.

⁴⁶ Мейер К. Ф. Новеллы. ..., с. 66.

⁴⁷ См.: Мейер К. Ф. 1) Амулет. Л., 1926; 2) Плавт в женском монастыре. Л., 1925. — Последний перевод переиздан с кратким предисловием и примечаниями Б. Л. Канделя (М., 1957).

⁴⁸ См.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения. Ред., вступит. статья и примеч. А. А. Гозенпуда. М., 1958, с. XXXIV.

ционно сближалось с демократическими, бюргерскими идеалами. Таким образом, переход Юрга Иенача в католичество (игравшее всегда в Швейцарии реакционную роль) означал для швейцарцев и идеологическую измену. Ранние новеллы Мейера с полным основанием были сопоставлены с французской литературой (П. Мериме, А. Дюма-отец). В более позднем творчестве исследователь нашел сходство с литературой русской. Подчеркнем, что речь может идти не столько о влиянии, — которое тем не менее следует отметить, — сколько именно о сходстве. Мейера волновали, как пишет автор статьи, проблемы «совести, внутреннего долга, верности самому себе»,⁴⁹ которым посвящали много страниц и русские реалисты. Может быть, надо было бы сильнее подчеркнуть также стремление Мейера к правдивости в изображении самых тонких движений души — качество, которое было ему присуще всегда, но которое получило дальнейшее развитие после знакомства Мейера с русским романом.

Не преувеличивая исторической достоверности новелл Мейера, А. А. Гозенпуд рассматривал их прежде всего как произведения, рожденные современной писателю действительностью. В мейеровском историзме он, первый из исследователей, увидел протест, следствие критического отношения к буржуазной повседневности. «Отворачиваясь от капиталистической современности как романтик, — писал А. А. Гозенпуд о Мейере, — он воплощал образы прошлого как реалист и гуманист».⁵⁰ Некоторая «романтизация» прошлого не даст оснований считать Мейера романтиком, но сохранение у него преобразованной романтической традиции отрицать трудно. Исследователь подметил, что сама новеллистическая форма несла в себе наследие романтиков (например, тема рока в «Женитьбе монаха» напоминала идеи Г. Клейста).

В предисловии к сборнику вновь проявил себя традиционный подход советской критики — поиск актуального в новеллах Мейера. В «Последних днях Гуттена» автору предисловия недоставало отражения общественной борьбы эпохи Реформации. В этом сказался, по его мнению, «политический консерватизм» Мейера, его «безразличие к социальным противоречиям».⁵¹ Недостаткам писателя А. А. Гозенпуд считал также и то, что изображению классовой борьбы тот предпочитал картины «борьбы идей», а если и рисовал общественные конфликты, то лишь в преломлении через сознание выдающихся личностей. Так, Иенач выступает у Мейера «не вместе с народом, а вместо народа».⁵² Не соглашаясь с мнением о романе «Юрг Иенач» как

⁴⁹ См.: там же, с. XXXVII.

⁵⁰ Там же, с. IV. — Напомним, что впоследствии нечто подобное высказал К. Фер, заметив в выборе мейеровских героев протест против «мелкобуржуазного воспитания» (см.: *Fehr K. Der Realismus in der schweizerischen Literatur. Bern—München, 1965, S. 175*).

⁵¹ См.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. IV.

⁵² См.: там же, с. XXII.

эпическом произведении, исследователь писал: «Вне утверждения образа положительного героя, неразрывно связанного с народом и олицетворяющего лучшие черты национального характера, героико-патриотический эпос невозможен».⁵³ Поэтому роман Мейера «не поднялся и не мог подняться» до уровня «Тараса Бульбы» Гоголя или «Легенды об Уленшпигеле» Ш. де Костера. Анализ наследия швейцарского писателя с точки зрения актуальности принес на этот раз также и отрицательные результаты. Насколько они кажутся правомерными?

Автор статьи о Мейере подошел к его наследию с позиций современной эстетики социалистического реализма, вобравшей в себя опыт русской классики. Это был иной опыт, чем тот, который накопил швейцарский реализм к концу прошлого века, и это не было достаточно учтено в статье А. А. Гозенпуда, несколько упростившего в данном случае концепцию Мейера. Несомненно, в изображении народа как активной исторической силы русская литература еще со времен Пушкина и Гоголя достигла большего, чем западноевропейские литературы, — может быть, за исключением немногих произведений, к которым относятся и роман де Костера. Однако наше современное представление об эпичности не исключает другого подхода к художественной трактовке национальной истории, как достижения русского реализма не исключали достоинств реализма французского, английского или немецкого.

Мейер, как уже говорилось, изображал общественную проблематику в ее преломлении через индивидуальный характер. В этом он следовал прежде всего немецкой литературной традиции, заложенной еще поэтами «бури и натиска» и немецким шекспиризмом.⁵⁴ Особенностью его собственного метода было сопротивление привычной литературной идеализации исторического лица, хотя Мейер и не старался дать реальную биографию Гуттена, Иенача или Пескары.⁵⁵ Выискивая в героях человеческое начало, он находил и связи их с народными движениями, и черты национального характера, но рисовал сложность и противоречивость этих связей и черт, — он ведь и уподоблял себя как писателя «жизни и природе». Метод создания характеров, открытый Мейером, приближался скорее к методу, с помощью которого был написан пушкинский Пугачев или Кутузов Льва Толстого,⁵⁶ чем к методу Гоголя или де Костера.

⁵³ Там же, с. XXIII.

⁵⁴ Из исторических персонажей, ранее введенных в немецкую литературу в качестве «представителей» эпохи, назовем Геца фон Берлинггена, Эгмонта, Валленштейна, Уриэля Акосту и т. д.

⁵⁵ «Объективность — вот главный принцип изображения событий и характеров в новеллах Мейера» (Даубова М. Х. Эстетические взгляды К. Ф. Мейера. — Уч. зап. Московского гос. педагогич. ин-та им. В. И. Ленина, вып. 280, 1967, с. 334).

⁵⁶ Общие наблюдения над особенностями трактовки личности и народа в русском критическом реализме см.: Фридлендер Г. М. Русский реалистический роман XIX века в контексте общеевропейского литературного

В последующие годы к творчеству Мейера обращалась советская германистика. Произведения писателя рассматривались как образцы европейской новеллы, одна из вершин немецкой прозы («...единство содержания и формы, цельность, экономичность всех художественных средств, сдержанность изображения, концентрация действия — основные принципы эстетики Мейера»)⁵⁷. Изучались моменты сходства и различия между новеллами Мейера и его крупнейших современников в Германии и Швейцарии (Шторм, Келлер), хотя вопрос об отношении писателя к швейцарской традиции оставался по-прежнему почти не изученным.

Отчасти этот пробел был заполнен статьями сборника «Литература Швейцарии», изданного Институтом мировой литературы им. А. М. Горького в 1969 г. Статью о творчестве Мейера написал для сборника Р. М. Самарин.⁵⁸ Принадлежавшая этому же исследователю характеристика писателя в академической «Истории немецкой литературы», опубликованная годом раньше, была еще слишком суммарной («Мейер откликнулся на события современности в сложной форме исторических параллелей. Ему была чужда ясная критическая концепция буржуазного общества, которая сложилась у автора „Зеленого Генриха“»)⁵⁹. Но противопоставление Келлера Мейеру в статье сохранилось. Сатира Келлера, изображение им жизни современного швейцарского общества, т. е. признаки, общие с нашим критическим реализмом, представлялись более ценными, чем манера Мейера («Мысли Келлера о долге художника нам ближе, чем представления Мейера об одиноком гении»)⁶⁰, но и достоинства Мейера не умалялись.

В образах Иенача, Вертмюллера, других швейцарцев разных времен и разного положения, в Данте, Бекете исследователь отметил воплощение специфически швейцарских представлений о человеке, его социальной ценности и нравственных достоинствах. Герои Мейера — это сильные личности, но не в ницшеанском понимании; они «сильны добром».⁶¹ В самом слиянии силы духа и доброты, побеждающей в человеке чувства ненависти,мести, алчности, проявилось народное швейцарское понимание личности, выработанное веками борьбы с суровой природой и иностранными нашествиями. Самая актуальность мейеровского историзма сложилась, по-видимому, под влиянием национальной

развития. (К постановке вопроса). — Zeitschrift für Slawistik, 1976, Bd 21, H. 4, S. 482—499.

⁵⁷ Даибова М. Х. Эстетические взгляды К. Ф. Мейера, с. 331. См. также: Даибова М. Х. Ренессансные новеллы К. Ф. Мейера. — Уч. зап. Дагестанского гос. педагогич. ин-та им. Гамзата Цадасы, Махачкала, 1967, т. 6, с. 138—153.

⁵⁸ Самарин Р. М. Конрад Фердинанд Мейер. — В кн.: Литература Швейцарии. Очерки. М., 1969, с. 177—204.

⁵⁹ История немецкой литературы в 5-ти т. М., 1968, т. 4, с. 158.

⁶⁰ Самарин Р. М. Конрад Фердинанд Мейер, с. 204.

⁶¹ См.: там же, с. 193.

культуры, в которой современность всегда сливалась с историей.⁶² «Юрг Иенач», так же как и поэма о Гуттене, по Р. М. Самарину, — «оригинальные, глубоко швейцарские произведения».⁶³

Вместе с тем и Р. М. Самарин иногда сужал смысл образов писателя, сводя их почти только к их социальным функциям. Так, Бекет рассматривался как «защитник народа», несмотря на то что это была лишь одна из сторон многогранного характера, созданного воображением Мейера.⁶⁴ История Юрга Иенача расценивалась как «роман о ненасытной жажде власти, кипящей в душе предприимчивого и энергичного буржуа, роман об исторически predetermined крахе диктаторов, вышедших — и все еще выходящих — из среды европейской буржуазии».⁶⁵ Разумеется, внутренняя жизнь героя мейеровского романа отнюдь не сводилась к жажде власти и в задачу писателя не входило обличение Иенача. Однако для истории русского восприятия «Юрга Иенача» показателен упорный поиск социальных, активно-критических линий романа — которые в нем, конечно, имелись, хотя и не занимали переднего плана.

Роман Мейера остался до настоящего времени произведением, которое больше всего может рассчитывать на внимание читательской публики. В 1970 г. увидел свет новый, хороший перевод «Юрга Иенача» (переводчица Н. Г. Касаткина) с предисловием С. А. Раскиной.⁶⁶ Автор предисловия подвела некоторые итоги довольно уже длительного изучения и читательского знакомства с романом. Для нее стали более очевидными эпические черты этого произведения, сложные связи героя с народной средой, отражение в фигуре Иенача мыслей Мейера о швейцарской истории. С. А. Раскина обратила внимание на эволюцию характера Иенача — явление редкое для Мейера (если не единственное). С точки зрения этой эволюции, которая закончилась духовным поражением героя, объясним удар топора, нанесенный Лукрецией («самая почетная смерть для него»)⁶⁷ Мелодраматичность и надуманность финальной сцены романа ощущались, очевидно, не так остро, поскольку сцена эта находила оправдание в человеческой трагедии героя.

Актуализация содержания мейеровских произведений, столь характерная для русского восприятия, приняла новые, более тонкие и совершенные формы. Принимался во внимание тот сложный и неблизкий путь, который должны пройти бытовые, политические, этические, литературные впечатления и идеи, прежде

---

⁶² См.: там же, с. 182 и сл.

⁶³ См.: там же, с. 190.

⁶⁴ См.: там же, с. 194.

⁶⁵ См.: там же, с. 192.

⁶⁶ Мейер К. Ф. Юрг Иенач. Роман. Перевод с немецкого Н. Касаткиной. (Библиотека исторического романа). М., 1970. — Это первое русское советское иллюстрированное издание Мейера (художник И. П. Спасский).

⁶⁷ Там же, с. 16.

чем они войдут в художественную ткань романа. Автор статьи к переводу, как, впрочем, и современные литературоведы ГДР, прислушался к словам Мейера о столкновении этики и политики в его произведениях и душах героев.⁶⁸ Конфликт между понятием добра и условиями социальной жизни буржуазного общества представляется в нашу эпоху особенно актуальным. «Мейер не модернизирует историю <...>, — пишет С. А. Раскина. — Он отыскивает в истории такие непреходящей ценности явления, такие ситуации, которые не могут не волновать людей в любые времена, ибо в них возникают этические конфликты, существенные и для последующих поколений. В этом — залог неизменной актуальности лучших произведений Мейера».⁶⁹ Нравственная проблематика мейеровского романа выступила на первый план, что, как кажется, соответствует авторскому замыслу. «Роман Мейера, — говорилось в предисловии, — обвинение обществу, в котором конфликт между этикой и политикой неизбежен».⁷⁰ Такое определение тоже не исчерпывало идей «Юрга Иенача», но борьба гуманистического начала против зла, выступающего то как политические обстоятельства («Юрг Иенач»), то как злая воля монарха («Святой»), то как рок («Женитьба монаха»), то как обывательская косность («Выстрел с церковной кафедры»), то как религиозный фанатизм («Амулет»), то как война («Паж Густава Адольфа»), то как придворное лицемерие и интриги («Страдания одного мальчика»), то, наконец, как феодальный мир в целом («Последние дни Гуттена»), действительно составляла этический пафос творчества Мейера.

4

Поэзия Мейера, как уже упоминалось, была теснейшим образом связана с его прозой. Речь идет не только о замеченных критикой тематических и сюжетных перекличках между его балладами и новеллами,¹ но и о самом творческом методе писателя.

В новелле «Святой», которую часто выделяют как лучшее произведение Мейера, чрезвычайно показателен в этом отношении образ Томаса Бекета. Характер этого героя — внутренне страстный и гордый, но во внешнем своем проявлении холодный и сдержанный — был близок Мейеру.² Желание скрыть в своем

⁶⁸ Ср.: *Brand II. Einleitung.* — In: C. F. Meyers Werke in zwei Bänden. Bd 1, S. XVI.

⁶⁹ Мейер К. Ф. Юрг Иенач... с. 8.

⁷⁰ Там же, с. 16.

¹ См., например: *Гозенпуд А. А.* Конрад-Фердинанд Мейер. — В кн.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. XLVI и сл.

² Мейер, внешне угрюмый и флегматичный, признавался в одном из писем: «Я прежде всего человек сильно любящий, часто сердящийся и способный даже к ненависти» (цит. по: *Горнфельд А. Г.* Романы и романисты, с. 226). См. также: *Schröder A.* Kritische Studien zu den Gedichten C. F. Meyers. In Zusammenhang mit einer Kritik der bis 1926 über C. F. Meyer und sein Gedichtwerk erschienenen Literatur. Köln, 1928.

творчестве самого себя — субъективные чувства, стремления, оценки, максимально «объективировать» повествование было в высшей степени характерно для Мейера — человека и художника. Напомним, что писатель, по собственному признанию, предпочитал те сюжеты, которые скрывали бы его личность и могли бы «держат читателя на расстоянии». Сама возможность некоторого отстранения от изображаемого, установления известной дистанции между автором и его сюжетом являлась для Мейера залогом «осмысления человеческого начала в форме наиболее художественной».³ Этим отчасти объяснялось пристрастие швейцарского писателя к историческим сюжетам — как в прозе, так и в поэзии.

Стихотворения Мейера, не говоря уже о балладах, нередко сюжетны, причем некоторые баллады, как например «Ноги в огне» («Die Füße im Feuer»), имеют, как и новеллы, «драматическую композицию».⁴ Это оправданно и в известной мере неизбежно в такого рода произведениях. Однако когда дело касалось собственно лирики Мейера, именно кажущееся отсутствие в ней живого, непосредственного чувства заставляло многих современников поэта, даже тонких ценителей искусства, сомневаться в достоинствах такой поэзии. «Насколько высоко ставлю я обоих швейцарцев — Г. Келлера и К. Ф. Мейера как рассказчиков — здесь я считаю их первоклассными, — настолько не воспринимаю их лирику... Во всех вещах есть нечто серьезное, рассудочное, мужественное (was Ernstes, Verständiges, Männliches)... Лирическое очарование, которое столь велико у Шторма, Мерики, Юстинуса Кернера, отсутствует (за вычетом нескольких исключений) совершенно», — писал Т. Фонтане и добавлял: «У обоих швейцарцев нет легкости руки. В их прозе есть красота и грация, в их лирике этого по преимуществу нет».⁵ «Он не лирик, для этого у него нет непосредственного самодовлеющего выражения впечатлений или даже самих впечатлений», — писал Т. Шторм Келлеру, отмечая, что в большинстве стихотворений Мейера «чувствуется работа».⁶

Однако кажущееся отсутствие «легкости руки», непосредственного впечатления и его художественного выражения в лирике Мейера еще не говорило о рассудочно конструировании им поэтических произведений. Дело обстояло сложнее. Если в новелле или балладе Мейер «самоустранялся» посредством обращения к историческим сюжетам, пытаясь через них передать волновавшие его мысли и чувства, то в лирическом стихотворении это достигалось путем органичного перевоплощения поэтического сознания. Это нашло особенно ясное выражение в стихотворении «Ты говори!» («Jetzt rede du!»). Оно обращено к лесу, которому поэт

³ См.: Литература Швейцарии. Очерки, с. 197.

⁴ См.: Fehr K. Der Realismus in der schweizerischen Literatur, S. 185.

⁵ Fontane Th. Schriften zur Literatur, S. 349.

⁶ Der Briefwechsel zwischen Th. Storm und G. Keller, S. 162, 172.

«много мук <...> доверил странных» и который отныне может говорить за него.⁷ Полное отождествление себя с природой, почти растворение в ней отразилось в стихотворении «Закат в лесу» («Abendrot im Walde»). Гонимый человек ищет убежище в вечернем лесу, проникается его духом, самим его существом настолько, что уже не различает — кровь ли струится из его ран, или же это лишь красные отблески заходящего солнца («Strömt das Blut aus meinen Wunden? / Oder ist's der Abendschein»).⁸ Это наглядный пример сознательной опосредствованности поэтического выражения, которое не только не становится менее трепетным, но, напротив, достигает наивысшей возможности лирического проникновения.

О силе и свежести непосредственных впечатлений Мейера от окружающего мира свидетельствует стихотворение «Ночные шумы» («Nachtgeräusche»), где тонко и точно передана музыка рождения поэтического произведения, состоящая из неясных — знакомых и реальных и в то же время таинственных — звуков, слагающихся в симфонию, которая доступна лишь слуху поэта. Для него это — «шепот музы».⁹ Так постигает поэт «души песен» — «облако, таящее в волнах», «след, затерявшийся в талых снегах», — и в его воле избрать то, чему суждено воплотиться в песню («Души песен» — «Liederseelen»)¹⁰.

Роль непосредственного отражения внутреннего мира, переполненного живыми — радующими и ранящими — впечатлениями, очень велика в лирике Мейера. Именно об этом, о «полноте, которой нет предела», о сердце, ждущем «все новых упоений», написано одно из самых знаменитых стихотворений Мейера — «Полнота жизни» («Fülle»)¹¹.

Исследователь швейцарского реализма К. Фер отметил сходство первой строки стихотворения «Ночные шумы» с зачином «Одиссеи».¹² Действительно, для Мейера жизнь души — ее мытарства и обретения — величественна и всеобъемлюща, как своеобразная внутренняя «Одиссея».

Попытка изобразить Мейера поэтом, предпочитающим создавать «искусство из искусства», а не из жизни,¹³ вряд ли правомерна. Известно, что поэта, побывавшего в Италии, вдохновила вечная красота ее живописных и пластических памятников, однако самым важным для него всегда оставалось их живое внутреннее содержание, тот импульс, который побудил человека к их созданию. В стихотворении «Задумчивый» («Il Pensieroso»)

⁷ См.: Мейер К. Ф. Лирика. Перевод А. В. Луначарского, с. 18.

⁸ См.: С. Ф. Meyers Werke in zwei Bänden, Bd 1, S. 17 (не переведено).

⁹ См.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. 609.

¹⁰ См.: там же, с. 608.

¹¹ См.: там же, с. 607. — Этим программным стихотворением открывается собрание стихов поэта.

¹² См.: Fehr K. Der Realismus in der schweizerischen Literatur, S. 200.

¹³ См. мнение швейцарского исследователя Р. Фэзи (по кн.: Литература Швейцарии. Очерки, с. 327).

Мейер изобразил за работой великого Микельанжело, который для скульптурного портрета не нуждается в рисунках, «хранивших угасшие черты»: «Я <...> знаю душу — этого довольно!». ¹⁴

Вместе с тем мир поэзии Мейера чрезвычайно масштабен и отнюдь не замыкается в пределах сугубо личных переживаний, пусть и выраженных опосредствованно — через явления внешнего мира. Уже названия поэтических циклов — «Преддверие» («Vorgsaal»), «Странствия» («Reise»), «Боги», («Götter»), «Гении» («Genie»), «Люди» (или «Мужи», «Männer») ¹⁵ — говорят о всеобщем, даже «космическом» содержании мейеровской поэзии.

Важнейшей ее темой, проходящей через самые разнообразные стихотворения, является тема Творчества как труда, созидания в самом широком смысле слова. Человек-творец становится для Мейера соперником бога. Сама природа подчинена власти земных, будничных и в то же время великих человеческих деяний. «Тонкий серп луны» блесит утром в руке молодой швейцарской жницы («Перед жатвой» — «Vor der Ernte»); ¹⁶ солнцу «позволено отдохнуть», лишь когда созрели плоды и закончены работы на полях («Ноябрьское солнце» — «Novembersonne»); ¹⁷ Микельанжело разговаривает с богом, «как с равным», считая себя «новым обликом» его («В Сикстинской капелле» — «In der Sistina»). ¹⁸

Не только люди в их созидающем величии равны богам, но и боги оказываются подобными людям. Радостью земного труда покорена муза Клио, выступающая в качестве «могучей жницы» («Триумфальная арка» — «Der Triumphbogen»); ¹⁹ Афина, проникшаяся человеческим горем, желая спасти людей от кораблекрушения, молится вместе с ними богам и... самой себе («Ночной путь» — «Nächtliche Fahrt»). ²⁰

Так замыкается круг. Небесное и земное, по Мейеру, неотделимы друг от друга, но лишь тогда, когда призваны утвердить жизнь, добро и справедливость. Стремление же человека, взошедшего к почестям и власти «по ступеням тел», стать равным божеству отвергается как проявление ничтожности. «Пусть воскреснут жертвы боя, если ты — бессмертный бог», — говорит мудрый воин Александру Великому. «Ты всего лишь тлен и прах» («Пьяный бог» — «Der trunkene Gott»). ²¹

Неподвластность истинных духовных ценностей, самого духа творчества злой воле, насилию, капризу властимущих провозглашалась Мейером как эстетическое кредо. Властитель, пытавшийся заключить муз в темницу, заковать их, чтобы они могли

¹⁴ См.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. 658—659.

¹⁵ Стихотворения Мейера появлялись в печати только циклами, сформированными автором, поэтому мы не указываем даты создания отдельных стихотворений.

¹⁶ См.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. 615.

¹⁷ См.: там же, с. 618.

¹⁸ См.: там же, с. 664.

¹⁹ См.: там же, с. 624.

²⁰ См.: там же, с. 632.

²¹ См.: там же, с. 634—636.

по его прихоти услаждать его своим искусством, оказался бес-
спильным: на утро в темнице «вместо сброшенных оков одни венки
лежали» («Музы в оковах» — «Die gefesselten Musen»).²² Чис-
тый огонь творчества, звезда поэзии («Душно» — «Schwüle»)²³
были для Мейера священными. С его точки зрения, только твор-
чество оправдывало и придавало смысл жизни. Поэт сравнил свое
отношение к поэзии с отношением весталки к священному огню,
пылающему на «немеркнущем алтаре». Служение поэзии было
не только делом его души, но и требованием сурового долга:

И в груди моей такое ж точно
Тлеет пламя, музой зажжено,
И пылает жертвой полуночной
Каждый миг и каждый час оно.
Пусть оно горит светлей и строже,
Пусть навек мой жертвенник зажжен, —
Знаю: здесь неверный будет тоже
Заживо в могиле погребен.

(«Священный огонь» —
«Das heilige Feuer»²⁴)

Призвание поэта всегда имело для Мейера не только высокий,
но и трагический смысл. Мысль о незащищенности поэта в «жи-
тейском бурном море», где он вынужден бороться за существо-
вание «лишь одной <...> рукой», так как в другой держит «над
пучиной черной смерти» свою «торжествующую песню <...> со-
зревшую для вечности», получила отражение в стихотворении
«Камоэнс» («Camões»)²⁵. Хотя поэт «богами не отринут» («Пир
богов» — «Göttermahl»),²⁶ но часто не понят, гоним, и на его по-
гребении «нет толпы», но за гробом его неизменно идет «велича-
вый <...> гений человечества» («Погребение Шиллера» — «Schil-
lers Bestattung»)²⁷.

Сочетание непосредственного лирического переживания с мо-
нументальностью тем и сюжетов, философскими обобщениями де-
лает поэзию Мейера особенно значительной и по-своему уникаль-
ной для последней четверти XIX в.²⁸ Лиризм поэта, почти не за-
меченный современниками, проявился и в тех произведениях, где
он кажется подчас неоправданным. Так, в балладе «Ноги в огне»
ход повествования неожиданно словно сбивается воспоминаниями
героев — гостя, случайно попадающего в замок, где когда-то он
был виновником смерти хозяйки, и воспоминаниями детей, узнав-
ших в нем убийцу матери. Эти субъективные впечатления не-

²² См.: там же, с. 613—614.

²³ См.: Мейер К. Ф. Лирика. Перевод А. В. Луначарского, с. 16.

²⁴ См.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. 607—608. — Подлинник
см.: С. F. Meyers Werke in zwei Bänden, Bd 1, S. 5—6.

²⁵ См.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. 657—658.

²⁶ См.: там же, с. 619.

²⁷ См.: там же, с. 608.

²⁸ См. об этом также в предисловии Х. Брандта к кн.: С. F. Meyers
Werke in zwei Bänden, Bd 1, S. XXXI—XXXIII.

связны и вначале даже непонятны читателю, настроившемуся на мерный, описательный ход баллады:

Служанка поседевшая кладет на стол
Сверкающую скатерть. Помогает ей,
Как видно, дочь владельца замка. Сын
Кувшин с вином приносит. Дети вдруг
Взглянули с ужасом на гостя, на очаг...
Пылающий огонь... И ноги там, в огне...²⁹

Эпическая картина обогащается изображением непосредственных переживаний и впечатлений, присущим по преимуществу лирике. Подобное можно встретить и в поэме «Последние дни Гуттена», где реальность и эмоции героя, его размышления и воспоминания гармонически сливаются в одно целое, образуя сложный и многогранный мир человеческой души.

Мир, созданный поэзией Мейера, един; в нем соединяются явления реальные и фантастические, земные и «божественные». Они находятся в нескончаемом движении, развитии, что нашло выражение в удивительном по лаконичности, философской насыщенности и художественной завершенности стихотворении «Римский фонтан» («Der gömische Brunnen»)³⁰. Это, казалось бы, придуманный мир мейеровской поэзии в то же время прочно связан с действительностью. Не случайно К. Фер, анализируя баллады поэта, отметил как один из основных его эстетических принципов «развенчание легендарного чуда», т. е. стремление дать чудесному происшествию наиболее достоверное истолкование.³¹ Это достигалось не столько «приземлением» возвышенного и фантастического, сколько, наоборот, одухотворением привычных и на первый взгляд обыденных явлений. Люди, «гении», боги существуют и действуют рядом друг с другом в одном и том же мире.

Особый «ирреальный реализм» поэзии Мейера³² связан с глубинной лирической основой ее эпического содержания. Мейеровский лиризм можно по праву назвать лиризмом эпическим.

А. В. Луначарский, первый русский и советский переводчик и пропагандист поэзии Мейера, писал о своеобразной символичности стихов швейцарца «вне всякой зависимости от французского символизма, а скорей в связи с романтическим символизмом Гете и первых романтиков Германии».³³ **Объяснением этой особенно-**

²⁹ Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. 667. — Ср. подлинник: «Den Abendtisch bestellt die greise Schaffnerin / Mit Linnen blendend weiß. Das Edelmädlein hilft. / Ein Knabe trug den Krug mit Wein. Der Kinder Blick / Hangt schreckensstarr am Gast und hangt am Herd entsetzt... / Die Flamme zischt. Zwei Füße zucken in der Glut» (C. F. Meyers Sämtliche Werke in zwei Bänden, Bd 1, S. 72).

³⁰ См.: Мейер К. Ф. Новеллы. Стихотворения, с. 625. — Об этом стихотворении см.: Bräm E. M. Geschichte der deutschen Literatur, Teil III, S. 94—95.

³¹ См.: Fehr K. Der Realismus in der schweizerischen Literatur, S. 151.

³² См.: ibid., S. 197.

³³ Луначарский А. В. Предисловие. — В кн.: Мейер К. Ф. Лирика. Перевод А. В. Луначарского. Пб., 1920, с. 5.

сти стиля и является, на наш взгляд, предельная лирическая насыщенность его, вследствие чего изображаемая действительность «возвышается <...> до символа».³⁴ Поэтому считать Мейера «первопроходцем символистской поэзии»³⁵ допустимо лишь с той оговоркой, что символ был у него одухотворенной реальностью, а не поиском в реальности отвлеченной символики идей и умозрительных представлений.

В своей поэзии и прозе Мейер был мастером художественной формы. Недаром он восхищался Тургеневым, изяществом его стиля.³⁶ «Взволнованная душа»³⁷ поэзии Мейера действительно открывается только через философски осмысленный, художественно совершенный — порой до кажущейся «холодности» — поэтический образ. Представляется, что процесс творчества протекал у Мейера иначе, в определенной мере более органично и стройно, нежели, например, у «поэта рефлексии» Шиллера, который признался Гете: «Сила воображения вредит моим абстракциям, а холодный рассудок — моему поэтическому творчеству».³⁸ Тем не менее в жанре баллады Мейер явственно опирался на опыт великих веймарцев, создавая в пределах краткого стихотворения «картину определенной эпохи».³⁹

Поэзия Мейера, — может быть, даже с большей очевидностью, чем его новеллы, — отразила последовательную борьбу поэта против эпигонской гладкописи и рутины за реалистические принципы искусства. Само его внимание к форме объяснялось не в последнюю очередь желанием обновить, преобразовать традиционные формы немецкого стиха и немецко-швейцарской новеллы в соответствии с современными нравственными и эстетическими проблемами. В этом отношении Мейер выполнял ту же миссию подлинного литературного новатора, что и его земляк и современник Келлер, а также в свое время Гете и Гейне и несколько позже — Томас Манн.

Русские переводы поэзии Мейера известны советским читателям не только по сборнику А. В. Луначарского, отмечавшего, что «лирика Мейера задушевна; по форме своей кристальна и красочна».⁴⁰ Переводы эти были дополнены большим разделом лирики в упоминавшемся томе новелл и стихотворений 1958 г. Образцы поэтического наследия швейцарца печатались в антологиях «Золотое перо» (1974) и «Поэзия Европы» (1978), в издании для

³⁴ Слова А. М. Горького, сказанные о творчестве А. П. Чехова (см.: *Горький А. М.* Полн. собр. соч. М., 1954, с. 52).

³⁵ См.: *Bräm E. M.* Geschichte der deutschen Literatur, Teil III, S. 92.

³⁶ См. выше; см. также: *Горнфельд А. Г.* Романы и романисты, с. 230.

³⁷ См.: *Bräm E. M.* Geschichte der deutschen Literatur, Teil III, S. 92.

³⁸ В письме от 31 августа 1794 г. (*Schillers Briefe*. Hrsg. und mit Anmerkungen vers. von F. Jonas. Stuttgart etc., «о. J.». Bd 3, S. 481).

³⁹ См.: *Самарин Р. М.* К. Ф. Мейер. — В кн.: Литература Швейцарии. Очерки, с. 197; *Гозенпуд А. А.* К. Ф. Мейер. — В кн.: *Мейер К. Ф.* Новеллы. Стихотворения, с. XLVIII.

⁴⁰ См.: *Мейер К. Ф.* Лирика. Перевод А. В. Луначарского, с. 5.

юношества — «Немецкие баллады» (1958). Остается пожелать появления на русском языке новых, более полных собраний лирических циклов поэта и, конечно, перевода всей поэмы «Последние дни Гуттена», классического произведения швейцарской литературы, которое «безусловно заслуживает перевода и представляет собою полную сладкой печали повесть..., преисполненную глубочайшего лиризма», как писал Луначарский,⁴¹ один из самых увлеченных пропагандистов творчества Мейера в Советской России.

Знакомство русских дореволюционных и советских читателей с произведениями К. Ф. Мейера — как и с творчеством других западноевропейских писателей-реалистов — было и до сих пор является процессом своего рода «узнавания» примет реалистического искусства, выработанных нашей литературой. Помимо яркости и психологической убедительности событий и характеров, в повестях и новеллах Мейера находили правду истории и искали отражения социальных конфликтов. Реализм швейцарца поверяли опытом русского критического реализма, и следует сказать, что лучшие произведения Мейера, такие как «Юрг Иенач», «Святой», «Страдания одного мальчика», многое из лирики и баллад, поэма о Гуттене, это испытание выдержали.

Вопрос о реализме поэзии Мейера наиболее сложен, поскольку поэт добивался правды изображения необычными, непривычными для своих читателей способами слияния эпоса и лиризма. Авторы статьи хотели показать, что мейеровский реализм заключался не в дробной описательности и не в хладнокровном повествовании, но, как и в прозе, достигался созданием выразительной, предельно насыщенной мыслью и чувством реалистической детали. Лаконизм и внутренняя напряженность поэзии Мейера соответствовали все более усложнявшейся общественной жизни Европы конца XIX в. и все более противоречивому и трагическому положению личности.

Особенностью реализма Мейера оставалась поразительная правда частных, изображения отдельных явлений и лиц, а не широкий анализ жизни современного или отошедшего в историю общества. К творчеству швейцарского писателя можно в значительной мере отнести следующие слова Т. Л. Мотылевой о положении в западноевропейской литературе последних десятилетий прошлого века: «Отсутствие связей — или слабость связей — с народными массами и их освободительной борьбой нередко становилось для писателей этой эпохи серьезной помехой в их творческой работе. Отсутствие социальной перспективы порождало у них настроения пессимизма, социального одиночества: отвращение к буржуазии сочеталось с недоверием к народу, к его созидательным возможностям...».⁴² Однако, переживая и пессимизм, и социальное одиночество, Мейер сохранил верность реализму, не

⁴¹ См.: там же.

⁴² Мотылева Т. О мировом значении Л. Н. Толстого, с. 15.

отвернулся от острых проблем современности.⁴³ В этом проявились гуманистические начала воспитавших его великих национальных культур Германии, Франции и Италии и сказался демократизм его родной швейцарской литературной традиции.

Определенная заслуга в формировании художественного метода Мейера принадлежит и русской литературе. Время расцвета его творчества — 1880-е гг. — совпало с качественным скачком, поворотом в восприятии русской литературы на Западе, в частности в Германии, но, конечно, также и в Швейцарии.⁴⁴ Произведения Тургенева, Толстого, Достоевского широко распространились в читательских и литературных кругах, «в сущности едва ли хоть один значительный немецкий писатель остался незатронутым флюидом русской литературы».⁴⁵ Как можно было убедиться, швейцарец К. Ф. Мейер не составил исключения. Русская литература поддержала его гуманистические убеждения и подтвердила плодотворность выработанных им принципов реалистической эстетики, которые затем в свою очередь обеспечили швейцарскому новеллисту и поэту внимание читателей революционной России. Освоение и осмысление литературного наследия К. Ф. Мейера в нашей стране продолжается.

---

⁴³ «Художник, обладая повышенной эмоциональностью, особой впечатлительностью к конкретным явлениям жизни, способен *по-своему*, очень остро реагировать на народные бедствия и общественные сдвиги» (Мотылева Т. Ленин и зарубежные писатели. — В кн.: Мотылева Т. Достояние современного реализма. Исследования и наблюдения. М., 1973, с. 8—9).

⁴⁴ См.: *Hexelschneider E.* Über die Rezeption der russischen Literatur in Deutschland im letzten Viertel des 19. Jhs. — *Zeitschrift für Slawistik*, 1973, Bd 18, H. 1, S. 50—58.

⁴⁵ См.: *ibid.*, S. 57. См. также: *Дорнахер К.* Восприятие И. Тургенева немецкой буржуазно-либеральной критикой в 70—80-е годы XIX века. — В кн.: Доклады и сообщения делегации ГДР. Четвертый Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Берлин, 1979, с. 314—315; Мотылева Т. Достояние современного реализма. Исследования и наблюдения, с. 225—226.

Указатель имен

- Август Октавиан 137
Авсеев В. Г. 26, 60
Адмони В. Г. 154
Азадовский М. К. 260
Азнаурова Э. С. 69, 70
Аксаков И. С. 36, 55, 190—195, 198, 202—205, 208, 209, 212—217, 219, 222, 223
Аксаков К. С. 189, 193, 195, 205, 219
Аксаков С. Т. 194, 195
Александр I 124
Александр II 136
Александр Карагеоргиевич 198, 217
Александр Македонский 124
Алексеев В. А. 200
Алексеев М. П. 6, 46, 69, 80, 82, 83, 145, 146, 175, 231, 288
Алексей Михайлович, царь 92
Амфитеатров А. В. 68, 135
Андреев Л. Н. 5
Анненков П. В. 13, 20, 40, 261
Аринштейн Л. М. 100
Ариосто Л. 16, 34, 35
Арсеньев К. К. 160, 162—164, 169, 170, 181, 183, 269
Арский Р. (псевд.; наст. фам. — Берлинраут Л. Я.) 298, 299, 302
Ауэрбах Б. 149—151, 154—170, 172, 174, 176, 178, 179, 185—187, 281, 283, 288
Ауэрбах Э. 151, 154, 187
Ахмечет Л. Е. 234
- Бабукич В. 205
Багно В. Е. 5, 13
Базанов В. Г. 87, 93, 98, 99, 219
Байроп Дж.-Г.-Н. 16, 30, 97, 101, 102, 106, 232, 238, 248
Бакунин М. А. 14
Баладин А. И. 219
Бальзак О. де 30, 109, 142, 155, 177, 234, 243, 250—253, 260, 269, 271, 299
Бан М. 214, 215
Баратынский Е. А. 194
- Барсуков Н. П. 69, 73, 86, 199, 218
Бартенева П. И. 194, 201, 225
Басанин М. (псевд.; наст. фам. — Леман, урожд. Лашеева Л. А.) 9
Басистов П. Е. 42
Батеньков Г. С. 194, 218
Батлер (Бутлер) С. 102
Бауэр К. см. Детлеф К.
Бахтин М. М. 17, 33, 35, 36, 52, 61
Бекет Т. 282, 300
Белецкий А. И. 57
Белинский В. Г. 8, 12, 14, 15, 22, 23, 32, 36, 39, 43, 47, 64, 65, 75, 86, 93, 98, 110, 113, 114, 127, 132, 134, 142—145, 193, 197
Белов Е. А. 264
Берлинраут Л. Я. см. Арский Р.
Белый А. (псевд.: наст. фам. — Булгаев Б. Н.) 127
Беляев И. Д. 194, 219
Берг Н. В. 194, 219, 224
Бере Э. 287, 290
Берковский Н. Я. 146, 153
Берман Я. А. 252
Бертельс Е. Э. 302, 304
Бертран де Борн 300
Бессонов П. А. 194, 202, 203, 212, 224
Бетховен Л. ван 248
Бидерманн Ф. 14
Биллярский П. С. 69, 74, 76, 77, 86, 87, 106
Бисмарк О. Э. Л. 164, 185, 277, 281
Бичер-Стоу Г. 177
Благосветлов Г. Е. 68, 70—73, 76, 81, 82, 84, 87, 88, 90—92, 96, 100, 105, 106, 108, 127, 128, 182
Блан Л. 88
Блейвейс 215
Блок А. А. 43, 298
Блок Г. П. 86, 136
Блудова А. Д., гр. 203
Боборыкин П. Д. 14, 150, 160, 165, 167, 244, 245, 251
Бове Ф. 293
Боград В. Э. 93
Бодянский О. М. 202, 205, 207, 212
Боев Р. 207

- Фоккаччо Дж. 16
 Бороздин И. Н. 198
 Бородянский И. А. 69, 70
 Боткин В. П. 132, 193
 Бочаров С. Г. 46, 52, 59
 Бочарова А. К. 39
 Брандес Г. 268
 Брандис Е. П. 173
 Брандт Х. 313
 Бродский Н. Л. 43
 Бронте Ш. 107, 128, 131
 Брюсов В. Я. 69, 192
 Бугаев Б. Н. см. Белый А.
 Будагов Р. А. 8
 Буданова Н. Ф. 41
 Бузескул В. П. 267
 Букетова-Туркевич Л. 6, 25, 26, 47, 52
 Булаховский Л. А. 103, 127
 Булгаков Ф. И. 268
 Булгарин Ф. В. 8, 9, 99, 197
 Булич Н. Н. 42
 Бульвер-Литтон (Большвер) Э. Дж. 103
 Бурже П. 260, 267
 Буркхардт Я. 276, 285
 Бурсов Б. И. 145
 Буслаев Ф. И. 27, 79, 94, 96, 219
 Буташевич-Петрашевский М. В. 88, 89
 Буфлер Ж. 284
 Бухштаб Б. Я. 136, 192
 Бушканец И. Н. 69, 110
 Бушмин А. С. 33
 Быков П. В. 166
 Бэкон (Бекон) Ф. 101
- Валленштейн А. В. Е.** 279
 Вальдман Б. Д. 172
 Вальская Б. А. 211
 Варенцов В. Г. 194, 224
 Варшавская К. И. 304
 Василий Великий 105
 Васильчиков А. И., кн. 208, 209
 Васковский Е. В. 229
 Ватсон М. В. 9
 Ватсон Э. К. 267
 Веденский И. И. 68—136, 139, 140
 Вега Карльо Л. Ф. де 8, 31
 Веерт Г. 148
 Вейнберг П. И. 165, 238
 Вель Ф. 165
 Вельтман А. Ф. 99
 Венгеров С. А. 69, 244
 Венюков М. И. 89
 Веррес К. 73
 Веселовский Александр Н. 148, 184, 185, 245
 Веселовский Алексей Н. 33, 37
 Вьардо Л. 13, 14, 29
- Вьардо-Гарсия П. 290
 Вигель Ф. Ф. 89
 Вилле Ф. 278, 290
 Виллегас К. 287
 Вильегас Э. М. де 8
 Вилькомм Э. 148
 Винбарг Л. 278
 Винер Е. Н. 241
 Винникова И. А. 41
 Виноградов В. В. 12, 39, 126
 Владимир Светославич, кн. киевский 219
 Вовчок Марко (псевд.; наст. фам. — Вилинская-Маркович М. А.) 218
 Водозовов В. И. 16—18, 33, 155, 156, 161
 Войтковский В. М. 210
 Вольтер Ф.-М. А. 60, 90, 231, 275
 Востоков А. Х. 225
 Враз Ст. 205
 Врбанчич С. 205
 Вревская (урожд. Вульф) Е. Н., бар. 194
 Вукичевич Дж. 199
 Вукотинович Л. 205
 Вульф А. Н. 194
 Вучич Т. 205
 Вяземский П. А., кн. 194
- Гай Л. 205
 Галактионов А. А. 190
 Галактионов А. А. 199
 Галахов А. Д. 69, 79, 80, 96
 Галлер А. 276
 Ганка В. 204, 205, 214
 Гарви В. 101
 Гарибальди Дж. 24
 Гаркнесс М. 152
 Гаут 224
 Гегель Г. В. Ф. 152, 157, 193
 Гейбель Э. 303
 Гейзе П. 175, 293, 303
 Гейне Г. 5, 29, 65, 147, 151, 153, 157, 169, 172, 177, 238, 278, 315
 Гельвеций К.-А. 90
 Генрих II, английский 282, 300
 Генрих IV, французский 282
 Георгий Черный 225
 Герасимова Ю. И. 200, 203, 204, 208, 211, 221, 223
 Гербель Н. В. 238
 Герд Я. И. 106
 Геров Н. 207
 Герцен А. И. 15, 17, 20, 24, 62, 141, 183, 193, 196, 197, 201
 Герье В. И. 264, 267, 268
 Герье Е. И. 266
 Гёте И. В. 30, 114, 142—144, 147, 151, 152, 157, 169, 193, 272, 273, 293, 315
 Гиббон Э. 101

- Гнждеу С. П. 164
 Гизо Ф. 105, 106, 248
 Гильмар 106
 Гильфердинг А. Ф. 194, 202—206, 211, 219, 220, 225, 226
 Гиляров А. Н. 16, 270
 Гиляров-Платонов Н. П. 194, 214
 Гизбург Л. Я. 147, 152, 158
 Глагау О. 175, 176
 Гоголь Н. В. 5, 14, 33—40, 59, 60, 99, 127, 135, 142, 151, 152, 158, 159, 177, 229, 306
 Гозенпуд А. А. 281, 288, 289, 304—306, 309, 315
 Голдсмит О. 102, 106, 229
 Головацкий Я. Ф. 212
 Головин М. 235
 Гольбах П.-А. 90
 Гольберг М. Л. 198
 Гомер 39, 140, 154
 Гонкур Э. 269
 Гончаров И. А. 30, 60, 61, 63—65, 147
 Горащий 120, 136—139
 Горнфельд А. Г. 274, 283, 288, 297, 301—303, 309, 315
 Горский 224
 Горький А. М. 5, 272, 300, 307, 315
 Готхельф И. 151, 178, 273, 283, 288
 Готшалль Р. 148, 151, 154, 180, 184, 276
 Гофман Э. Т. А. 34, 157
 Греч А. Н. 7, 8
 Григорий XVI, папа римский 188
 Григорий Нисский 105
 Григорович В. И. 216
 Григорович Д. В. 147, 159, 162
 Григорьев А. Л. 22
 Григорьев Ал. А. 20, 24, 85, 91, 245
 Гримм В. и Я. 163
 Гримм Э. Д. 270
 Гришунин А. Л. 227
 Гробек 212
 Гроссман Л. П. 14, 44, 48
 Грот Я. К. 93, 194
 Гумбольдт В. 144
 Гурбак 204
 Гусев П. 69, 83, 84, 91
 Гуттен У. фон 277—279, 306
 Гуцков К. 147—149, 151, 164—166, 170, 178, 184—186, 274
 Гюго В. 32

 Давцова М. Х. 273, 306, 307
 Даламбер Ж. Ле Рон 90
 Даль В. И. 194, 218
 Даманская А. Ф. 296—298
 Дан Ф. 274, 303
 Данилевский Р. Ю. 141, 272, 283
 Даничич Д. 199, 210
 Данте Алигьери 7, 16, 284, 289

 Дарвин Ч. 228
 Даскалов Хр. 208, 217, 218, 223—225
 Де Пуле М. Ф. 61, 62
 Делаод Л. 152
 Дементьев А. Г. 190, 200, 203
 Деметр Д. 205
 Ден Т. П. 163, 164
 Державин Г. Р. 90, 92, 93, 97
 Державин К. Н. 6, 22, 25
 Державин Н. С. 196
 Дерикер В. В. 87
 Детлеф К. (псевд.; наст. фам. — Бауэр К.) 179
 Дефо Д. 102, 229
 Джитер 101
 Джонсон Б. 238
 Джустини В. 45, 47
 Дидро Д. 90
 Диккенс Ч. 30, 32, 39, 68—70, 80, 82—84, 103—105, 107, 109—111, 115—118, 121, 123, 124, 126, 128, 131—136, 177, 184, 232—235, 239
 Димитров М. 207, 211
 Дмитриев С. С. 190, 193, 200, 203
 Дмитрий, царевич 223
 Добролюбов Н. А. 20, 23, 44, 91, 141, 181, 203, 241
 Долинин А. С. 51
 Дораган М. И. 20
 Дорнахер К. 317
 Достоевский М. М. 61, 62, 228
 Достоевский Ф. М. 7, 13, 14, 28, 29, 44—52, 58, 59, 61, 62, 65, 147, 169, 185, 228, 290—292, 317
 Драйден Дж. 102
 Дринов М. 207
 Дроз Г. 255
 Дронное Г. 229
 Дружинин А. В. 108—111, 114—117, 128, 129, 134, 135
 Дудзинская Е. А. 200, 203, 220, 222
 Дукович 212
 Дуров С. Ф. 88
 Дьяков В. А. 198
 Дюма А., отец 305
 Дюма А., сын 255

 Егоров Б. Ф. 145, 190
 Екатерина II 24, 90
 Елагин Н. В. 223
 Елисеев Г. З. 249
 Елистратова А. А. 39
 Ерихонов Л. С. 194

 Жадовская Е. А. 238
 Жан-Поль (псевд.; наст. фам. — Рихтер И. П. Ф.) 177, 178
 Жинзифов Р. 194, 207
 Жирмунский В. М. 145

- Житецкий П. И. 27, 28
 Жуевич Ж. 199
 Жуковский В. А. 7, 34, 35, 110, 114,
 115, 140, 194
 Журавська Г. 294, 295
 Жуховецкая Б. Я. 302
- Забабурова Н. В. 228, 253
 Заборов П. Р. 227
 Закревский А. А., гр. 193, 195
 Залис-Зеевис И. Г. 277
 Замарин Б. В. 304
 Засецкая Е. И. 73, 74
 Засецкий И. 73, 74
 Захер-Мазох Л. 179, 180
 Звигильский А. 17, 18
 Зеленый А. С. 197
 Зеленский В. 212
 Зелинский К. Л. 298
 Зиккинген Ф. фон 277
 Зильберштейн И. С. 298
 Зиновьева А. Н. 52
 Золя Э. 143, 151, 252, 261—264, 270,
 290, 293
- Ибсен** Х. 293
 Иванов А. 190, 266
 Иванов И. И. 269
 Иванова Л. Н. 265
 Иванова С. А. 47, 49
 Ивашенцов Д. С. 239
 Иенач Ю. 279, 280, 306
 Икаса Ф. де 6
 Илич П. 199
 Иммерман К. 148, 155
 Ионас Г. 175, 177, 178
 Ирриарте Т. де 8
 Исаева Г. А. 69, 100
 Истрин В. М. 69, 77, 86, 106
- Каверин В. А. 109
 Кайзерлинг Эд. 180
 Калигула Гай Цезарь 120
 Камознс Л. 287
 Кандель Б. Л. 304
 Кантемир А. Д. 97
 Караджич В. 210
 Карамзин Н. М. 71, 80, 97, 127
 Карелин В. А. 9—13, 24, 25, 29, 33,
 43, 60, 65
 Карлейль Т. 233, 239
 Кармона А. 6
 Карнеев М. В. 22
 Карсавин Л. П. 302
 Карская Т. С. 203, 206
 Касаткина Н. Г. 280, 308
 Каталанич Я. 205
 Катарский И. М. 69, 70, 87, 103, 109,
 117, 118, 131
- Катков М. Н. 188
 Каутская М. 152
 Кашкин И. А. 117, 128, 133, 134
 Келлер Г. 157, 161, 273, 275, 280, 281,
 284, 288, 302, 307, 310
 Кембль Дж. Ф. 128
 Кениг Г. 148
 Кернер Ю. 310
 Кетчер Н. Х. 110
 Кийко Е. И. 41
 Кин Э. 128
 Кинкель Г. 183
 Киреевский И. В. 37, 194, 195, 205,
 223, 225
 Киреевский П. В. 194, 205
 Киршнер Л. см. Шубин О.
 Клевенский М. М. 235
 Клейст Г. фон 157, 166, 305
 Клеман М. К. 261
 Клув В. Ф. 204, 208, 211, 225
 Ковалевский Е. П. 204, 211, 215, 224,
 225
 Кожин В. В. 36, 61, 149, 190
 Козьменко И. В. 204, 205
 Кок П.-Ш. де (Польдекок) 75
 Коколекина 226
 Колейка П. 220
 Колумб Х. 142
 Кольчугин А. Г. 9
 Коллюпанов Н. П. 193, 199, 202, 222
 Кони А. Ф. 30, 31
 Конобеев В. Д. 200
 Копанев П. И. 114
 Короленко А. Г. 180, 181
 Короленко В. Г. 24, 25, 61
 Корш В. Ф. 160
 Косев Д. 200
 Костер Ш. де 306
 Котошихин Г. К. 92
 Коттен М.-С.-Р. 63
 Кошелев А. И. 193—195, 201—204,
 208—213, 217, 218, 222, 225
 Кошелевы 200, 204, 208, 211, 221, 223
 Крузе Н. Ф. фон 214
 Краевский А. А. 81—84, 136
 Кранах Л. 285
 Краснов Пл. Н. 252
 Краузольд Е. Э. 87, 106
 Крашевский Ю. И. 287
 Крейссиг Ф. 149
 Кривенко С. Н. 40
 Кромвель О. 236
 Кропоткин П. А. 20, 40, 265
 Кругликова Е. С. 298
 Кузен В. 232
 Кузмань К. 204, 210, 212
 Кузмин М. А. 297
 Кукулевич-Сакпинский И. 205, 209
 Кулешов В. И. 190
 Кулиш П. А. 28
 Купер Д. Ф. 100, 107, 131

- Курбский А. М. 92
 Курилов А. С. 200
 Курочкин Н. С. 159
- Лааге К. Э. 172, 173
 Лавров П. Л. 20, 21, 43, 230
 Ламанский В. И. 226
 Ламартин А.-М.-Л. де 32
 Ланн Е. Л. 134
 Лассаль Ф. 152, 183
 Лаубе Г. 147, 274, 280
 Лашеева Л. А. см. Басанин М.
 Лебедев А. А. 69, 85
 Левин Ш. Ш. 190
 Ленин Ю. Д. 14, 17—19, 41, 68, 113, 155, 158, 160
 Левитов А. И. 135
 Леже Л. 246
 Леман (урожд. Лашеева) Л. А. см. Басанин М.
 Лемке М. К. 193
 Лендор Ч. С. 82
 Ленин В. И. 197, 199, 203, 215, 297, 317
 Леонтьев К. Н. 42
 Лермонтов М. Ю. 99, 158
 Леру П. 88
 Лесков Н. С. 20, 52—59, 62
 Лессинг Г. Э. 152, 163, 165—167
 Либкнехт К. 171
 Линг Г. 303
 Липранди И. П. 89
 Лихачев Д. С. 51, 145, 154
 Ломоносов М. В. 79, 97
 Ломунов К. Н. 200
 Лопатин Г. А. 265
 Лопе де Вега см. Вега Карсьо Л. Ф. де
 Лотман Л. М. 62, 63, 146, 147
 Лотман Ю. М. 36, 37, 145
 Лукач Д. 154, 172
 Луначарский А. В. 227, 228, 272, 298, 299, 301, 302, 313—316
 Львов А. 20, 25, 60
 Львов-Рогачевский В. Л. 22
 Любимов Н. А. 257
 Любимов Н. М. 11, 13
 Любимова Е. Н. 17
 Людвиг О. 154, 157, 166—168, 172, 176, 180, 186
 Людовик XV 90
 Ляцкий Е. А. 87
- Магомед 192, 223
 Мажуранич И. 205
 Майданова Т. А. 158
 Майков А. Н. 47
 Маймин Е. А. 190
 Маколей Т. Б. 239
 Максимович М. А. 194, 219
- Мальдонадо де Гевара Ф. 46
 Мандзони А. 24, 287
 Манн Г. 282
 Манн Т. 151, 179, 315
 Мантейфель О. Т. 150
 Марков Е. Л. 264
 Маркс К. 167, 183, 277
 Марр Н. Я. 260
 Марселен Н. 253
 Масальский К. П. 7—14, 29, 52, 60
 Масанов И. Ф. 76
 Матула В. 210
 Машинский С. М. 190
 Маяр М. 210
 Медведев А. П. 87
 Мединг О. см. Самаров Г.
 Медичи К. 283
 Медюков С. 105
 Мейер К. Ф. 272—317
 Мейерхольд В. Э. 298
 Менендес Пидаль Р. 36, 66, 67
 Мережковский Д. С. 24
 Мериме П. 30, 275, 305
 Меринг Ф. 166, 168, 169, 173, 180, 183
 Мец Ф. 79
 Миклашевский А. М. 69, 77, 83
 Миклошич Ф. 210
 Миладинов Д. 207
 Миладинов К. 207, 213
 Миличевич М. 208, 225, 226
 Миллер О. Ф. 16
 Миллин Е. И. 253
 Милль Дж. С. 228, 233, 239, 242
 Милош Обренович 198
 Милутинович С. 205
 Милтон Дж. 8, 101, 102, 236, 238
 Милюков А. П. 69, 78, 83, 84, 87, 88, 92, 93, 106
 Минаев Д. Д. 87
 Минаев Д. И. 87
 Минкова Л. 207
 Минц З. Г. 145
 Миронова И. А. 193
 Михаил Обренович 198
 Михаил Сербский, митрополит 210
 Михайлов А. см. Шеллер А. К.
 Михайлов А. Д. 30
 Михайлов М. Л. 88, 155, 157, 238
 Михайловский Н. К. 20, 22, 162, 241, 242
 Мицкевич А. 218, 287
 Мишле Ж. 251
 Молчадская Л. В. 203
 Мольер Ж.-Б. 275
 Монтеро Диас С. 20
 Мопассан Г. де 275
 Мордовченко Н. И. 8
 Моригеровский А. Н. 182
 Морозов П. О. 150, 184, 289, 302
 Морьер Дж. 109
 Мотылева Т. Л. 146, 292, 316, 317

- Мундт Т. 147, 148
 Муратов А. Б. 261
 Мурахина Л. А. 9
 Мушина И. Б. 155, 157
 Мюссе А. де 275
- Навроцкий А. А.** 265
 Надеждин Н. И. 194, 225
 Назаров Н. С. 84
 Наполеон I Бонапарт 124, 265
 Наполеон III 248, 250
 Невструев 224
 Негош Н. 210
 Негош П. 210
 Некрасов Н. А. 24, 64, 141, 147, 150, 238, 249
 Немирович-Данченко Вас. И. 9
 Немцова В. 203, 206
 Ненадович М. 208, 223, 226
 Нерон 120
 Нефедов Ф. Д. 135
 Нечаева В. С. 228
 Никандров П. Ф. 190, 199
 Никитенко А. В. 75, 79
 Никитенко С. А. 63
 Никитин И. С. 98, 194, 218
 Никитин С. А. 190, 200, 201, 203, 208, 214, 220
 Николай I 70, 189
 Николоюкин А. Н. 36
 Ницше Ф. 285
 Новакович Ст. 199
 Новиков А. В. 229
 Нортон К. 107, 131
 Ньютон И. 101
- Одоевский А. И.,** кн. 194, 218, 226
 Оксман Ю. Г. 17
 Омулевский И. В. (псевд.; наст. фам. — Федоров И. В.) 260
 Опришко Е. Н. 17
 Орел-Ошмянцев Я. О. 194
 Осипов Н. 7
 Островский А. Н. 13, 14, 31, 194
- Павел I** 24
 Павленков Ф. Ф. 134
 Павлова К. К. 163, 194
 Павлович С. 208, 225
 Павловский Д. П. 83, 89
 Павловский И. Я. 9
 Палацкий Ф. 210
 Пальмерстон Г. 189
 Памучина И. 224
 Панаев И. И. 20
 Пантелеев Л. Ф. 30
 Пардо Басан Э. 33, 43
 Парис П. 81
- Паскаль Б. 275
 Пашаева М. Н. 212
 Пелагич В. 210
 Перес Гальдос Б. 30
 Перцов П. П. 247
 Першина Э. В. 196
 Першич Т. 205
 Пескара Ф. 306
 Петефи Ш. 287
 Петкович К. Д. 208, 226
 Петр I 24, 97, 123
 Петр II Негош 210, 211
 Петрашевский М. В. см. Буташевич-Петрашевский М. В.
 Петров С. В. 131
 Петровский М. П. 194, 208, 209, 213, 216, 217, 219, 226
 Петровский Н. М. 213
 Пигарев К. В. 192
 Пименова Э. К. 266
 Пинский Л. Е. 45
 Писарев Д. И. 20, 23, 60, 62, 87, 155, 156, 158, 180, 181
 Писемский А. Ф. 8, 31, 60
 Пич Л. 160, 172, 174, 175
 Плавский З. И. 6, 13
 Плавт 203
 Плаксин В. Т. 90
 Платен А. 293
 Платер В. 287
 Плетнев П. А. 9, 76, 93
 Плеханов Г. В. 227, 228
 Плещеев А. А. 251
 Погодин М. П. 69, 70, 73—76, 79, 86, 87, 91, 105, 109, 194, 201, 203, 205, 218, 219, 226
 Поджо Браччолини Дж.-Ф. 283
 Покровский С. 190
 Полевой В. 79
 Полевой Н. А. 99, 113
 Полонский Л. А. 177
 Полонский Я. П. 30
 Полянина Г. В. 212
 Помяловский Н. Г. 91
 Попов А. Н. 189, 194, 202
 Попов В. П. 86
 Попович В. 208, 226
 Порфирьев И. Я. 132
 Прац Э. 111
 Прево д'Экзиль А.-Ф. 108
 Прерадович П. 216, 226
 Пржевальнская-Феррер О. 66
 Прокшин В. Г. 41
 Прухоров Г. В. 183
 Прудон П.-Ж. 10, 88, 197, 241
 Пушкин А. С. 5, 7, 34, 37, 45, 61, 97, 99, 100, 108, 142, 145, 158, 175, 194, 199, 272, 282, 303, 306
 Пыпин А. Н. 68, 69, 79, 88, 90, 96, 146, 233, 234
 Пятковский А. Я. 21, 22, 62

Раабе В. 171, 172
Рабле Ф. 59, 230
Раевский М. Ф. 204, 208—213, 216
Ранч Б. 214, 215
Ракич М. 199
Раковский Г. С. 200, 213
Рамишвили А. С. 196
Ранке Л. 194
Ранцов В. Л. 124, 133, 134
Расин Ж. 248
Раскина С. А. 308, 309
Рассказов А. В. 183
Ращинский А. В. 194, 203—208, 225
Рачки Фр. 210
Реизов Б. Г. 270
Рейтер Ф. 171, 178, 180
Рейтлер А. 295
Рейфман П. С. 198, 200, 230, 241
Ренан Э. 229
Решетников Ф. М. 147
Ригельман Н. А. 204, 221
Риль В. Г. 303
Римская-Корсакова Ю. Л. 300, 302
Римский-Корсаков А. Н. 300, 302
Рихтер И. П. Ф. см. Жан-Поль
Ричардсон С. 101, 102, 228
Ровда К. И. 196, 198, 203, 206, 216
Ровнякова Л. И. 188, 189, 202, 210
Роденберг Ю. 273, 275, 277, 278, 281,
282, 284—286, 290, 292, 294
Розенблюм Л. М. 298
Ростовцев Я. И. 69, 79, 89—91, 136,
137, 140
Рошфор А. 255
Рубинштейн А. Г. 167
Рунт Б. 260
Русанов Н. С. 270
Руссо Ж.-Ж. 90, 168
Рысс П. Я. 247
Рюмин В. Н. 87
Рябинин А. 235
Рябова Е. И. 205

Салтыков-Щедрин М. Е. 24, 30, 31,
37, 64, 141, 147, 180, 194, 218, 249
Самарин Р. М. 173, 282, 288, 307,
308, 315
Самарин Ю. Ф. 194
Самаров Г. (псевд.; наст. фам. —
Мединг О.) 171
Санд Ж. 155, 159, 160, 253
Саси С. 253
Светоний 137, 139
Свифт Дж. 101, 102, 248
Святловский В. В. 69
Селин А. И. 27
Семевский В. И. 90
Семевский М. И. 83, 90
Сен-Виктор П. 253
Сен-Симон Л. де, граф 284

Сенека 120
Сенковский О. И. 71, 74, 76, 86, 87,
106, 109, 117
Сент-Бёв Ш.-О. 254
Сервантес Сааведра М. де 5—67
Сехадор-и-Фраука Х. 67
Симеон Столпник 197
Скотт В. 97, 101—103, 141, 282
Сладкевич Н. Г. 193, 197
Слинько А. А. 241
Случевский К. К. 65, 66
Смарагдов С. Н. 90
Смирнов А. А. 13
Смят Адам 101
Смит Альберт 81
Смоляр Я. А. (Смоляр И.-Э.) 221, 225
Смоллет Т. 102
Соколов С. Д. 69, 84
Соколянский М. Г. 59
Соллогуб В. А. 23
Соловьев С. М. 194
Солоницин В. А. 109
Сорокин Ю. С. 127
Спасский И. П. 308
Срезневский И. И. 206, 207, 225
Станкович К. 226
Стасюлевич М. М. 261
Стеклов Ю. М. 298
Стендаль Ф. 251, 260, 271
Степанов Г. В. 39
Стерн Л. 34, 101, 102, 229
Стефенсон Дж. 101
Столярова И. В. 52, 53
Стороженко Н. И. 26, 27
Страхов Н. Н. 228
Стремоухов Н. 254
Субботич И. 210
Суворин А. С. 68, 82, 83, 133, 294
Сухомлинов М. И. 79
Сучков Б. Л. 145
Сырокомля В. 219

Тайандье (Тальяндье) Сен-Рене,
Р.-Г.-Э. 151, 155, 166, 168
Тамарченко Л. Е. 40
Твен М. 30, 36
Теккерей У.-М. 68, 69, 82, 83, 100,
103—105, 107, 110—113, 115—120,
122—125, 128—135, 177, 232, 234,
235, 239, 247
Теннисон А. 239
Теплинская Н. М. 181
Тёпфер Р. 157
Тикнор Дж. 28
Тиме Г. А. 272
Тимофеев Н. М. 9
Тиссо П.-Ф. 81
Титов В. П. 211
Тиханчева Е. П. 192
Ткачев П. Н. 168, 180, 181, 262, 263

- Толль Ф. Г. 8
Толстой А. К. 194, 218
Толстой А. П. 217
Толстой Л. Н. 20, 22, 32, 40, 141, 145—147, 151, 158, 169, 185, 186, 275, 290, 292, 294, 303, 306, 317
Томячек 204
Тонев В. 207, 208
Топер П. М. 113
Травушкин Н. С. 181
Тредиаковский (Тредьяковский) В. К. 92
Троицкий Ю. Н. 234
Тронская М. Л. 164, 165, 170, 180
Тростеняк Д. 214, 215
Трубецкая О. Н., кн. 202
Тулов М. 92, 94, 95, 98, 102
Тулупов Н. В. 9
Тураев С. В. 146—148
Тургенев А. И. 175
Тургенев И. С. 7—9, 13, 14, 17—22, 29, 40—44, 47, 59, 60, 62, 63, 65, 139, 141, 145—147, 155, 158—162, 170—180, 185, 186, 261, 267, 287—291, 315, 317
Тургенев Н. И. 175
Туркевич Л. см. Букетова-Туркевич Л.
Тьерри О. 275, 300
Тэн И.-А. 227—271
Тютчев Ф. И. 192, 194, 218
- Уатт (Ватт) Дж. 101
Уваров А. С., гр. 218
Уваров С. С. 108
Улуния А. А. 207
Умикян А. Д. 7
Упамуво М. де 5, 47
Уолпол (Вальпол) Х. 100, 102
Урбар 204
Урусов А. И. 270
Успенский Г. И. 294
Устрялов Н. Г. 92
Утешенович О. 208, 226
Утин Е. И. 248, 258, 259
- Федоров А. В. 9, 66, 69, 108, 117
Федоров И. В. см. Омудевский И. В.
Фейхтвангер Л. 282
Феокистов Е. М. 257
Фер К. 277, 305, 311, 314
Фет А. А. 69, 75, 85—87, 105, 136—140
Филиппов Т. И. 194, 216
Философова А. П. 185
Фильдинг Г. 34, 102
Фишер Ф. Т. 154
Флобер Г. 30, 40, 269, 275, 295, 303
Фонвизин Д. И. 97
Фонтане Т. 142—145, 147, 149, 151—154, 171—173, 178, 183, 186, 272, 310
- Франко И. Я. 272, 294—296, 303
Франкоз К. Э. 294, 295.
Фрей Ад. 273—276, 279, 280, 283—285, 287, 293, 297
Фрейденберг О. М. 37
Фрейтаг Г. 155, 157, 164, 166—170, 172, 178, 186, 274, 303
Фридендер Г. М. 50, 145, 152, 160, 292, 306
Фридендер Л. 179, 261
Фризман Л. Г. 190
Фриче В. М. 296
Фридрих П. 90
Фукс В. Л. 229
Фурье Ш. 10
- Ханыков А. В. 88
Харт Г. и Ю. 151, 152, 168, 172, 183, 184
Хемингуэй Э. 151
Хессель Г. 279, 281, 285
Хитрова Н. И. 211
Хованский Н. Ф. 69, 72, 83
Хомидский О. В. 294
Хомяков А. С. 188—191, 193—195, 198, 199, 205, 210, 218, 219, 222—225
Хоум Дж. 125
Храпченко М. Б. 158
Христос 19, 47, 49
Худериас-и-Лойот Х. 34
- Цадаса Г. 307
Цебрикова М. К. 181, 182
Цейтлин А. Г. 145, 157
Цигенгайтс Г. 160, 179
Цицерон 73, 105
Цшокке Г. 157, 283
- Черкасский В. А., кн. 194, 202, 203, 217, 222, 224, 225
Чернышевский Н. Г. 59, 60, 62, 69, 80, 88, 93, 97—99, 141, 145, 161, 162, 181, 196—199, 211, 220, 221, 241
Четверикова Н. И. 149, 171
Чехов А. П. 21, 315
Чехов М. П. 21
Чешихин Вс. Е. 247
Чижов Ф. В. 194, 203—205, 225
Чиковани А. Г. 229
Чичерин А. В. 161
Чокорило Пр. 208, 225
Чосер Дж. 101, 238
Чудинов А. Н. 242, 243, 245, 247, 249
Чуйко В. В. 234, 235, 241, 242, 248—251

- Чуковский К. И. 108, 117, 118, 123—125, 128, 136
 Чумиков А. А. 69, 76, 77, 79, 87, 90, 91
 Чуркина И. В. 210, 215
- Шаль Ф. 81
 Шаплет С. де 7
 Шапорин Ю. А. 298
 Шассен К.-Л. 226
 Шатобриан Ф.-Р. де 8
 Шафарик П. 204
 Швейхель Р. 171
 Швыров Я. В. 266
 Шеврийон А. 261
 Шевченко Т. Г. 194, 218
 Шевырев С. П. 139
 Шекспир В. 5, 8, 14, 19, 20, 31, 34, 41, 44, 60, 63, 97, 101, 102, 110, 113—115, 142, 231, 234, 235, 238, 240, 253
 Шелгунов Н. В. (псевд. — Радюкин Н., Языков Н.) 20, 156, 157, 159, 160, 184
 Шелгунова Л. П. 159
 Шеллер (псевд. — Михайлов А.) А. К. 235
 Шемардин Н. 266
 Шембера А. В. 209
 Шенго А. 152
 Шепелевич Л. Ю. 6, 10, 26
 Шиллер Ф. 30, 32, 142—144, 152, 166, 279, 280, 315
 Шиллер Ф. П. 148, 150, 170, 171, 173
 Шкловский В. Б. 28, 29
 Шклявер С. 252
 Шкуринов П. С. 229
 Шлецер А. Л. 108
 Шмидт Ю. 154, 163, 166, 167, 176—179, 261
 Шолохов М. А. 151
 Шопенгауер А. 285
 Шоу (Ша) Т. 100, 101, 106
 Шпильгаген Ф. 149, 151, 164, 169, 178, 180—187, 274, 279
 Шпиттелер К. 274
 Штейн С. В. 69
 Шторм Т. 151, 169, 172—175, 179, 180, 185—187, 280, 281, 288, 302, 307, 310
 Шторх А. К. 105
 Штросмайер П. Ю. 210
 Штур Л. 210
 Шубин О. (псевд.; наст. фам. — Киршнер Л.) 179
 Шубин Э. А. 148
 Шуйский В. И. 92
 Шульгин Н. И. 123
 Шульце-Леман К. 172, 174, 180, 185
 Шумавский (псевд.; наст. фам. — Франта Й.) 204, 224
 Шюккинг Л. 148
- Щапов А. П. 239
 Щепкин Е. 266
- Эберс Г. 303
 Эгле К. К. 288
 Эльсберг Я. Е. 142
 Энгельгардт Б. М. 43
 Энгельс Ф. 150, 152, 167
 Эрбен К.-Я. 204, 206, 210, 212, 219, 225
 Эрнст II, герцог 170
 Эсхил 77
- Юдин П. Л. 69
 Южаков Е. 208
 Юм Д. 101
- Ягич В. (Игн. В.) 210
 Языков Н. М. 194
 Якушкин И. Д. 218
 Якушкин П. И. 194, 219
 Янов А. 190
 Янчук Я. 221
 Ярмолинский А. 43
- Vardon M. 30
 Belcher E. 101
 Bräm E. M. 166, 279, 282, 291, 315
 Brand H. 286, 309
 Brooke J. 100
 Busch W. 136
- Castex P.-G. 240
 Суž J. 221
- Dickens Ch. см. Диккенс Ч.
 Dietze W. 147
 Duncan Ph. A. 261
- Eichholz J. 175
 Ermatinger E. 286
- Fehr K. см. Фер К.
 François L. von 273
 Frey Ad. см. Фрей Ад.
- Giraud V. 227
 Graham S. 33
- Naake W. 294
 Hachette L.-F. 261
 Hart H. und J. см. Харт Г. и Ю.

Hasubek P. 149
Hatzfeld H. 30
Hermann J. 172
Heselhaus C. 172
Hexelschneider E. 317
Homann H. J. 148, 165

John E. 144
Jonas F. 143
Jost F. 275

Kleinmayr H. von 147
Köster A. 280

Laage K. E. см. Лааге К. Э.
Langmesser A. 273, 285, 286, 291, 293
Lessing G. E. см. Лессинг Г. Э.

Malkiel Y. 23, 34
Martini F. 154, 172, 180, 186
Meyer B. 273, 274
Mielke H. 148, 165
Mundy R. 100

Pujals E. 6

Real de la Riva C. 6
Rodenberg J. см. Роденберг Ю.

Schröder A. 309
Schultze Ch. см. Шульце-Леман К.
Serrano-Plaja A. 47
Sharpe S. 100
Städtke K. 145

Thackeray W. M. см. Теккерей У. М.
Triomphe J. 261

Varo C. 27, 57, 67
Vogüé E.-M. de 33

Walicki A. 190
Walpole H. см. Уолпол Х.
Willis R. S. 57
Wortmann J. 149

Ziegengeist G. см. Цигенгайт Г.

Содержание

	Стр.
Предисловие	3
<i>В. Е. Багно.</i> «Дон Кихот» Сервантеса и русская реалистическая проза	5
<i>Ю. Д. Левин.</i> Иринарх Введенский и его переводческая деятельность	68
<i>Р. Ю. Данилевский.</i> Немецкий реализм 1850—1860-х годов и русская литература	141
<i>Л. И. Ровнякова.</i> Южнославянские сюжеты в журнале «Русская беседа» (1856—1860)	188
<i>П. Р. Заборов.</i> Ипполит Тэн в России. (Материалы к истории восприятия)	227
<i>Р. Ю. Данилевский, Г. А. Тиме.</i> Творчество К. Ф. Мейера и Россия	272
Указатель имен	318

ЭПОХА РЕАЛИЗМА

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академия наук СССР*

Редактор издательства Л. М. Романова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор М. Э. Карлайтис
Корректоры Л. А. Привалова и Г. И. Суворова

ИБ № 20299

Сдано в набор 2.06.82. Подписано к печати 30.11.82.
М-41240. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л.
20^{1/2}+2 вкл. (1/4 печ. л.) = 20^{3/4} усл. печ. л. Усл.
кр.-отт. 20.75. Уч.-изд. л. 25.24. Тираж 5050.
Изд. № 8060. Тип. зак. № 1494. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12